Передала матери, что ей нечего безпокоиться, что дѣла брата идутъ хорошо.

— Чего же онъ пишетъ такія письма,—негодяй! Только здоровье портитъ, безпокойство причиняетъ!

Теперь она навѣрно

...пишетъ себѣ на отраду
Посланіе, полное яду.

20 марта. / 2 апрѣля. Приготовилась къ поѣздкѣ въ Кострому: духовное завѣщаніе подать къ утвержденію, и размѣняла на наличныя деньги одну сторублевую ренту, чтобы дополнить недостающія суммы по рентнымъ бумагамъ на каждый вкладъ по завѣщанію. И совсѣмъ было кончила считать, какъ пришла Надя.

— Здравствуй, Лиза. Бабушка гдѣ?

— За всенощной.

— Такъ ты завтра думаешь ѣхать въ Кострому? И вклады сдѣлаешь?

— Да.

Надя взяла рентныя бумаги, лежавшія тутъ же на столѣ, и увидѣла билеты и золото.

— А къ чему же эти деньги?—съ удивленіемъ спросила она.

Я объяснила ей, что въ завѣщаніи цифры вкладовъ написаны «рублями»—значитъ надо вносить наличными, а рента по курсу упала низко.

— Это что же за новости? Да развѣ рента не деньги? Вѣдь ты въ такомъ случаѣ истратишь около полутораста рублей.

Я тщетно пробовала ее урезонить. Бѣдная невѣжественная голова ея отказывалась понимать разницу между юридическимъ терминомъ и нашимъ общимъ, ходячимъ понятіемъ о деньгахъ.

— Рента—тѣ же деньги! Мы получаемъ съ нея проценты! Это ты сама выдумала, что надо наличными! Ты не смѣешь такъ тратить деньги, вѣдь это наше общее наслѣдство!—кричала сестра.

Тяжелый обручъ стиснулъ голову... крикъ раздраженной Нади болѣзненно отзывался во всемъ моемъ существѣ. Но успокоить ее было невозможно.

— Оставь всякія объясненія,—разъ на рентной бумагѣ написано «тысяча рублей»—значитъ, и есть тысяча рублей. Ишь ты, выдумала—вкладывать наличными! Глупая честность какая! Растрачивать общія деньги,—ду-ше-при-каз-чица! Посмѣй только завтра увезти эти деньги въ Кострому! Посмѣй!—кричала Надя съ угрожающимъ видомъ.

Я должна была сказать ей, что не возьму, и передъ ея гла-

зами взяла рентныя бумаги ровно на всѣ четыре вклада, указанные въ завѣщаніи...

— А деньги эти я возьму и унесу къ себѣ. Теперь—можете ѣхать.

Надя взяла деньги и ушла...

А я осталась наединѣ со своими мыслями. Что это съ ней сдѣлалось—она совсѣмъ не скупа, а тутъ вдругъ изъ-за полутораста рублей. Это, очевидно, былъ одинъ изъ ея капризовъ, которыми она раздражается иногда. Вся личность ея съ дѣтства такъ придавлена, что это является единственнымъ напоминаніемъ объ ея человѣческихъ правахъ. Но все-таки, каково переносить такія сцены?

И послѣ ея ухода проклятый обручъ еще сильнѣе стиснулъ голову... и я безъ силъ бросилась на кровать...

24 марта.
6 апрѣля. Такъ и поѣхала въ Кострому безъ наличныхъ денегъ. Въ Окружномъ Судѣ немного удивились, когда я заявила о своемъ желаніи написать сама прошеніе объ утвержденіи духовнаго завѣщанія, и не безъ любопытства посмотрѣли на студентку-юристку: какъ когда-то, во времена оны, женщины-врачи, такъ мы для большой публики пока—еще нѣчто вродѣ любопытнаго звѣря.

Въ банкѣ, конечно, спросили доплаты: вклады на вѣчное поминовеніе иначе какъ наличными не принимаютъ. Пришлось размѣнять одну сотенную ренту: это былъ вкладъ, назначенный въ Нерехтскую богадѣльню.

Нерехта отъ Костромы всего полтора часа ѣзды. Я такъ и разсчитывала всѣ дѣла устроить за одинъ разъ,—проѣздомъ обратно, въ Нерехтѣ, вложить деньги Сашѣ въ казначейство и передать вкладъ тетѣ—предсѣдательницѣ мѣстнаго благотворительнаго общества. Но капризъ сестры разрушалъ все: денегъ не хватало, приходилось пріѣхать вторично въ Нерехту. Къ счастью, тетя выручила: узнавъ, въ чемъ дѣло—добрая душа выдала расписку впередъ. «Свой человѣкъ! вѣрю. Завтра изъ Ярославля вышлешь». Сегодня, какъ пріѣхала, послала за сестрой.

Та выслушала все, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ну, не велика важность!

Вечеромъ мы съ бабушкой сидѣли за чаемъ. Я разсказывала ей о своей поѣздкѣ; она молча слушала и вздыхала съ какимъ-то особеннымъ взволнованнымъ видомъ.

— Бабушка, милая, что это вы?—спросила я.

— Ничего, Лиза, ничего... такъ.

— Да вы скажите,—допытывалась я.—Случилось что-нибудь? непріятность какая? да?

Бабушка молча покачала головой и вдругъ сказала серьезно и торжественно:

— Вотъ бабушка твоя умерла... честь честью, какъ слѣдуетъ быть: и причастили ее, и завѣщаніе написано, и въ немъ никого не забыла—и вамъ оставила, и бѣднымъ, и Сашѣ, и на поминъ души... Хорошо... дай Богъ всякому такую кончину. Вотъ я теперь и думаю... про твою маму, плоха она стала,—ахъ, плоха. Пора о завѣщаніи подумать. Вѣдь у нея денегъ-то не мало. Опять все мальчикамъ пойдетъ, какъ послѣ отца... велика ли ваша восьмая часть? Опять же въ церкви надо бы, въ монастырь, на поминъ души. Пора и объ этомъ подумать... Живемъ—грѣшимъ, послѣ смерти кто помолится? Вы, молодыя, въ Бога не вѣрите... Охъ, надо, надо Сашѣ подумать объ этомъ... поговорила бы ты съ нею, Лиза.

— Бабушка, что вы говорите?—въ ужасѣ вскричала я.—Да развѣ можно говорить съ ней объ этомъ? Вѣдь вы знаете, какъ она смерти боится...

— А Бога она не боится? какъ подумаешь, будетъ лежать въ могилѣ... безъ вѣчнаго поминовенія... какъ собака какая, прости, Господи.

Голосъ бабушки дрогнулъ, и она заплакала.

— Бабушка, дорогая, поймите, что это—немыслимо. Вѣдь вы же знаете, она всю жизнь прожила, дѣлая только то, что ей нравилось... Смерти она боится до безумія... всю жизнь лѣчилась отъ всякихъ болѣзней—и дѣйствительныхъ и воображаемыхъ. И вдругъ говорить съ ней о завѣщаніи! Да что вы, что вы, бабушка! Пусть ужъ лучше я сама дамъ за нее, куда вы велите—на всякія поминовенія, только молчите, только не говорите съ нею объ этомъ!

Но у бабушки свои убѣжденія. Ея горячая, наивная вѣра придаетъ ей твердость фанатика... Она молча покачала головой...

— А Богъ-то! а грѣхи-то! а вы, дочери, чѣмъ же хуже сыновей? Хоть бы о васъ подумала, пожалѣла бы. Шутка ли, законы-то какіе, все у васъ для братьевъ отымаютъ... Нѣтъ, коли ты не хочешь, я ужъ сама съ ней поговорю.

Этого еще только не хватало! Я въ отчаяніи умоляла ее ничего не говорить. Бабушка молчала. Она, очевидно, раскаивалась, что завела со мной этотъ разговоръ, а теперь я мѣшала ей привести въ исполненіе уже назрѣвшую мысль.

Что-то будетъ? Какъ устроить такъ, чтобы она и въ самомъ

дѣлѣ не вздумала высказать матери своихъ мыслей? Какъ помѣшать? Не пускать ее одну безъ себя ѣхать къ матери? Но какъ это устроить? Пожалуй, съ своей стороны бабушка догадается, разсердится—и все-таки поѣдетъ.

26 марта. / *8 апрѣля.* Смѣшно, что мы съ бабушкой ведемъ такую дипломатическую игру: она старается скрыть отъ меня свои думы,—а я стараюсь всячески не допустить ее ѣхать къ матери безъ меня. Сегодня удалось уговорить итти ко всенощной, пока я вечеромъ буду у адвоката.

28 марта. / *10 апрѣля.* Сегодня утромъ прихожу изъ библіотеки—бабушки дома нѣтъ. Я тотчасъ же сообразила, что она навѣрное поѣхала къ матери, и поскорѣе пошла туда. Еще подходя къ столовой по корридору, сквозь всѣ затворенныя двери долетѣлъ до меня раздраженный рѣзкій крикъ. Это былъ голосъ матери. Сердце у меня такъ и замерло... Не удержалась-таки бабушка! говорила!

Я пробѣжала столовую и распахнула дверь гостиной. Бабушка съ платкомъ въ рукахъ сидѣла въ креслѣ и плакала. Около нея стояла дрожащая Надя. Мать полулежала на низенькомъ диванѣ.

— А-а, вотъ она, вотъ кто это васъ научилъ!—злобно воскликнула она, указывая на меня.

— Какъ посмѣла ты, подлая тварь,—нѣтъ, отвѣчай, какъ только ты это посмѣла?!!

Я остолбенѣла и не могла сразу сообразить, въ чемъ дѣло... Въ голову точно молоткомъ ударило, въ глазахъ помутилось...

— Что такое? при чемъ я тутъ?—съ усиліемъ выговорила я.

— Она не понимаетъ!

— Саша, побойся Бога, не взводи на нее неправды, это я сама, сама,—я только на монастыри, на поминъ души,—умоляюще твердила бабушка.

Бѣдная Надя, совсѣмъ уничтоженная, тихонько всхлипывала.

— Неправда, знаемъ мы, въ чемъ дѣло! Вы не о монастыряхъ, а о внукахъ хлопочете! Такъ нѣтъ же! Я вамъ дамъ себя знать!

Глаза матери сверкали хорошо знакомою мнѣ ненавистью къ намъ, дѣтямъ, и все ея существо, казалось, оживилось злобной радостью отъ сознанія, что она можетъ отомстить намъ, дочерямъ, даже изъ-за могилы.

— Не на-пи-шу! Пусть все идетъ мальчикамъ,—я очень рада!

Какія онѣ мнѣ дочки? Одна замужъ вышла, другая на курсы поѣхала...

Я не выдержала.

— Вы же сами вышли замужъ тоже противъ воли бабушки? Или вы произвели насъ на свѣтъ только для того, чтобы воспитать изъ насъ себѣ рабынь? — сказала я съ негодованіемъ и вдругъ опомнилась, сознавая, что съ этимъ чудовищемъ безполезно тратить слова.

Сколько слезъ было пролито мною когда-то, въ годы ранней молодости, передъ этой женщиной, когда я на колѣняхъ умоляла ее отпустить меня на курсы! Какъ плакали мы, сестры, въ дѣтствѣ отъ ея побоевъ, придирокъ, наказаній!!

— Уйдемъ отсюда, бабушка, милая, уйдемъ скорѣе,—старалась я поднять ее съ кресла. Но старушка не двигалась съ мѣста, точно загипнотизированная гнѣвомъ дочери.

— Ишь, чего захотѣли! что выдумали. Пусть все идетъ мальчикамъ, такъ вамъ и надо... подлыя...

И каждое слово этой женщины, какъ ударъ ножа, отзывалось во всемъ существѣ моемъ. Я столько выстрадала отъ нея, что, кажется, силъ нѣтъ болѣе, а она все-таки ищетъ еще что-нибудь новое.

А бѣдная Надя тихо шептала:—О, какъ мама разсердилась! Лиза, Лиза, и зачѣмъ это ты выдумала?

Бѣдная, глупая дѣвочка! Напрасно ее разувѣрять, все равно не повѣритъ.

Я поспѣшила скорѣе увести бабушку.

И среди этой бездны нравственной мерзости, среди всего, что приходится мнѣ переносить — воспоминаніе объ этомъ вечерѣ въ Бусико являлось единственной свѣтлой точкой въ моей измученной душѣ. Какъ хорошо онъ говоритъ! Какъ онъ добръ ко мнѣ!

Казалось, что его слова издалека поддерживали во мнѣ бодрость духа, энергію, гордость...

Вечеромъ бабушка долго молилась и, укладывая меня спать, по обыкновенію—перекрестила съ особенно торжественнымъ выраженіемъ лица.

— Спи, Богъ съ тобою! И ты вѣдь не мало отъ нея натерпѣлась... Ох-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе!...

30 марта.
12 апрѣля. Я совсѣмъ устала отъ переѣздовъ по желѣзной дорогѣ, устала отъ всего. Я разбита и физически, и нравственно, чувствую себя совсѣмъ плохо... Силъ нѣтъ оставаться здѣсь по-

слѣ всей этой исторіи... Не стану дожидаться утвержденія духовнаго завѣщанія, уѣду въ Москву къ тетѣ, она зоветъ къ себѣ на Пасху. Вчера послала за сестрой и цѣлыхъ три часа упрашивала ее принять довѣренность и окончить дѣло. Она не соглашалась, все боялась «напутать» и «не такъ сдѣлать». А чего проще? теперь осталось только деньги получить да раздѣлить поровну. Наконецъ, она поняла и согласилась. Бабушка поглощена говѣніемъ и безконечными великопостными службами. Мое присутствіе въ маленькой квартирѣ, постоянныя позднія возвращенія домой—безпокоятъ ее и отвлекаютъ отъ сосредоточенія на благочестивыхъ мысляхъ. Когда я вчера сказала ей, что собираюсь уѣхать—она не стала удерживать меня.

— Кабы другое время—а теперь поѣзжай. Дни такіе великіе настали... Доживу ли до будущей страстной седьмицы, Богъ вѣсть,—такъ надо теперь помолиться...

Все это не мѣшаетъ ей самой приготовлять мнѣ ежедневно къ утреннему чаю яйца въ смятку... Наканунѣ страстной-то недѣли! Но бѣдная бабушка молчитъ, подчиняясь требованіямъ невѣдомаго, чуждаго ей прогресса...

Москва, 2 апрѣля. Пріѣхала къ тетѣ. Она, по обыкновенію, строгая, сдержанная, всегда критически смотрѣвшая на курсистку-племянницу,—на этотъ разъ обняла и поцѣловала меня, съ видимымъ удовольствіемъ оглядывая мое парижское траурное платье.

— Наконецъ-то на человѣка стала похожа! Одѣта прилично и прическа по модѣ, и какъ ты похорошѣла! Боже мой! Повернись-ка... Да-да! Вотъ что значитъ Парижъ!

Всѣ двоюродные братья, женатые и неженатые члены многочисленной семьи, тоже говорили мнѣ комплименты. Я удивлялась. Туалетъ—до сихъ поръ оставался для меня непроницаемой тайной, и я была радехонька вмѣстѣ съ поступленіемъ на курсы одѣть традиціонное платье курсистки: черную юбку и простенькую блузу. Прическа—то же самое. Сколько ни учили меня завиваться, причесываться—я не измѣняла гладко причесаннымъ волосамъ въ одну косу. Въ Парижѣ я невольно усвоила общую манеру—пышно взбивать волосы и дѣлать тщательную прическу. И никакъ не воображала, что вмѣстѣ съ платьемъ это произведетъ такой эффектъ. И подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ похвалъ и комплиментовъ—посмотрѣлась въ зеркало. Ну, да, дѣйствительно, что-то не видать прежней курсистки.

Тетя была очень довольна и не удержалась, намекнувъ, что

ея приглашеніе было не безъ дипломатической подкладки: есть женихъ въ виду...

Я вспомнила совѣтъ Ленселе и разсмѣялась. Какъ кстати! Если бы тетя знала! Что же, посмотримъ, что за женихъ!

И я послѣдовала за тетей въ изящную маленькую гостиную, любимое мѣсто ея интимныхъ разговоровъ. И садясь у ногъ ея, на пушистомъ бархатномъ коврѣ, шутливо сказала:

— Если вамъ пришла такая охота заниматься сватовствомъ... къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, Лиза,—на этотъ разъ нечего смѣяться. Пока ты училась на курсахъ,—тетя съ сожалѣніемъ вздохнула, въ тонѣ ея голоса зазвучало безконечное снисхожденіе къ людской глупости,—такъ ужъ и быть... Но теперь—курсы кончены, пора и замужъ. Ты вздумала еще изучать юридическія науки—а много ли потомъ заработаешь? Тебѣ ужъ 25 лѣтъ, средства у тебя небольшія,—вѣчно одна. А вѣдь въ Писаніи сказано: «не добро человѣку быть одному»... помнишь?

Еще бы не помнить! Съ дѣтства заученные тексты точно выжжены въ памяти, и несмотря на все желаніе—никакъ не забываются.

— Ну, такъ вотъ. Партія представляется превосходная. Не только для тебя—для своей дочки я не желала бы лучше.

И тетя горестно вздохнула. Бѣдная, она второй годъ страдаетъ въ своей уязвленной материнской гордости: ея единственная дочь, которую предназначили невѣдомо какому милліонеру и шили приданое во всѣхъ монастыряхъ Поволжья,—влюбилась въ бѣдняка репетитора-студента и обвѣнчалась самымъ романическимъ образомъ. Второй годъ прошелъ; онъ очень мало зарабатываетъ литературнымъ трудомъ, и кузина должна сама себя содержать... Этого ли ожидала тетя, мечтая о дворцѣ для своей Тани!

Наши курсистки изъ интеллигенціи, бывало, возмущались, когда слыхали подобныя воззрѣнія на бракъ. А я такъ вполнѣ понимаю ихъ: въ нашемъ купеческомъ быту все счастье, все благополучіе жизни построено на деньгахъ. И вотъ, тетя искренно думала устроить хоть мое счастье, если не удалось создать его для родной дочери.

И я, тронутая, протянула руку.

— Очень вамъ благодарна, милая тетя, но...

— Послушай, Лиза, зачѣмъ «но»? Дѣло серьезное. Это товарищъ по университету Танинаго мужа, Соколовъ, прекрасно кончилъ курсъ, занимается у отца на фабрикѣ... богачи страш-

ные... Онъ слыхалъ о тебѣ; хочетъ познакомиться. Вотъ завтра ты поѣдешь къ Танѣ, онъ у нея бываетъ каждый день.

Я молчала. Все это говорила тетя такъ ясно, такъ неоспоримо разумно... Одного только тутъ не хватало: любви.

$^{5}/_{18}$ *апрѣля.* Сегодня день рожденія кузины. Тетя не поѣхала ее поздравлять, очень устала отъ церковныхъ службъ, а послала подарки со мной.

Кузина—нарядная, веселая, счастливая—встрѣтила меня въ прихожей, смѣясь съ особеннымъ лукавымъ видомъ. Очевидно, она дѣйствовала за-одно съ тетей...

Я сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаю. Въ столовой сидѣли друзья ея мужа—ихъ было двое—одинъ пожилой, а другой молодой.

Кузина представила ихъ. Пожилой оказался художникомъ, а молодой—тѣмъ «женихомъ», о которомъ говорила тетя. Я взглянула на него съ предубѣжденіемъ. Но нѣтъ, въ немъ ничего особеннаго не было: спокойныя, слегка расплывчатыя русскія черты лица, внѣшность, если не красивая, но и не безобразная. Онъ свободно, непринужденно заговорилъ со мною о заграницѣ, о литературѣ, объ искусствѣ, оказался чрезвычайно начитаннымъ и очень интереснымъ собесѣдникомъ. Кузина съ тонкимъ тактомъ вставляла въ разговоръ свои замѣчанія; мужъ ея и художникъ спорили о какихъ-то вопросахъ. Время пролетѣло незамѣтно до полуночи. Я стала собираться домой.

Кузина живетъ на Пречистенкѣ, тетя на Покровкѣ, а онъ—на Таганкѣ. Дорога предстояла длинная, и мы пошли вмѣстѣ пѣшкомъ.

Я уже начинала находить моего собесѣдника симпатичнымъ, когда онъ случайно упомянулъ о своей сестрѣ.

Я слыхала, что у него есть сестра—некрасивая и очень несчастная одинокая дѣвушка. И мнѣ хотѣлось узнать, какъ онъ къ ней относится, такой ли онъ хорошій братъ, какъ говорила кузина. Кстати, онъ какъ разъ разсказывалъ, что ѣздилъ съ ней прошлымъ лѣтомъ въ Норвегію и жаловался, что съ ней «невозможно путешествовать,—все устаетъ, ходить не можетъ»...

— Отчего же вы не сообразовались съ здоровьемъ вашей сестры?—спросила я.

— А мнѣ-то что до нея за дѣло! — откровенно признался онъ,—я вѣдь не для нея ѣхалъ, а для собственнаго удовольствія.

Онъ разсуждалъ такъ въ тридцать лѣтъ. Откровенный эгоизмъ и грубость—въ такіе годы! Я пришла въ ужасъ и невольно

инстинктивно сравнила его съ тѣмъ, кого видѣла тамъ, въ Парижѣ... какая разница! какъ въ томъ развито тонкое, глубокое пониманіе души!

И мнѣ онъ сталъ не такъ интересенъ. Дойдя до воротъ, мы простились...

$^{6}/_{19}$ *апрѣля.* Несмотря на страстную пятницу, на то, что у всякаго въ домѣ хлопотъ по горло передъ праздникомъ—кузина все-таки пріѣхала сегодня къ тетѣ. Я сидѣла у себя въ комнатѣ и читала, когда горничная передала, что тетя проситъ притти къ ней въ спальню.

Едва я вошла—«поздравляю, поздравляю!»—вскричала тетя.

— Это съ чѣмъ?—удивилась я.

— Не притворяйся, полно, нечего, ты ему очень понравилась—первое впечатлѣніе было самое прекрасное, остается только продолжать.

— Конечно, конечно,—подтверждала кузина.—Не къ чему вовсе заграницу ѣхать. Оставайся-ка лучше здѣсь.

— Но я уже подала прошеніе о выдачѣ паспорта.

— Э-ка важность! Дѣло серьезное, а она съ паспортомъ. Оставайся,—сказала тетя.

Я все еще думала обратить разговоръ въ шутку. Но ни тетя, ни кузина не шутили.

— Тебѣ уже двадцать пять лѣтъ! Въ твои годы я уже пятерыхъ родила! А она по бѣлу свѣту скитается! Тутъ о ней заботишься, а она заладила свое «ѣду»—прости, Господи, мое прегрѣшеніе—въ страстную пятницу, и то разсердила. Ну, какъ хочешь. Некогда мнѣ долго съ тобой разговаривать, сейчасъ къ вечернѣ зазвонятъ, надо въ церковь,—раздраженно сказала тетя, подымаясь съ мѣста.

— Дѣлай, какъ знаешь, только послѣ на себя же пеняй.

И тетя торжественно вышла изъ спальни. Шлейфъ ея роскошнаго чернаго шелковаго платья, казалось, укоризненно шуршалъ, медленно удаляясь въ корридорѣ.

Мы съ кузиной остались вдвоемъ въ спальнѣ.

— Ну вотъ, мама на тебя разсердилась, а я добрѣе ея нѣсколько,—проговорила Таня своимъ серебристымъ нѣжнымъ голоскомъ, который составляетъ одну изъ ея прелестей и не мало сводилъ съ ума поклонниковъ.

— Охота тебѣ, Таня, заниматься сватовствомъ,—примирительно замѣтила я.

— Видишь ли, моя милая, есть одно хорошее житейское пра-

вило—лови моментъ. Тебѣ пора выйти замужъ. Съ этимъ всѣ согласны. Въ глубинѣ души и ты сама, быть можетъ, согласна, да только не говоришь. Ну, пусть, твое дѣло.

Я опять вспомнила въ эту минуту совѣтъ Ленселе,—и порадовалась, что его никто не слыхалъ. То-то бы торжествовали эти житейскіе мудрецы!

А кузина продолжала.

— Такъ вотъ. Представляется случай сдѣлать прекрасную партію. Ты ему понравилась. Отъ тебя зависитъ продолжать. А ты ѣдешь тамъ сдавать какіе-то экзамены, да еще больше, чѣмъ на годъ. Пойми,—что ты дѣлаешь: упускаешь такой случай. Чего еще тебѣ нужно: молодъ, образованъ, и—кузина добавила дѣловымъ тономъ—и очень богатъ. Въ наше время это одно изъ существенныхъ достоинствъ, которымъ пренебрегать нельзя...

Мнѣ хотѣлось сказать ей: и такъ разсуждаешь ты, сама вышедшая замужъ по любви, противъ воли родныхъ? И вдругъ я вспомнила, что тетя очень богата, что кузина вполнѣ и навсегда обезпечена.

Да! ей, богатой невѣстѣ, можно было выбирать себѣ жениха по сердцу, она могла итти за кого хочетъ... ея средствъ хватитъ на двоихъ... А я...

И передо мной промелькнула перспектива предстоящей трудовой сѣренькой жизни. Именно сѣренькой... Дѣятельность, вѣчно ограниченная рамками закона, который не позволяетъ намъ, женщинамъ, создавать болѣе широкіе планы будущности... однообразіе одинокой жизни...

А демонъ-соблазнитель въ лицѣ элегантной молодой женщины сидѣлъ въ качалкѣ и, улыбаясь, говорилъ: «Останься лучше»...

Я вспомнила курсы и наши пылкія мечтанія о работѣ на пользу народа... и мою гордую радость при мысли, что, изучая юридическія науки, я прокладываю женщинѣ новую дорогу и потомъ буду защищать ея человѣческія права... И за одинъ призракъ буржуазнаго существованія—я откажусь отъ своей цѣли, пожертвую своими убѣжденіями!

— Нѣтъ, Таня,—какъ только выдадутъ паспортъ—уѣду... Надо скоро вносить деньги за послѣднюю четверть года.

Кузина молча пожала плечами. И когда въ прихожей, прощаясь съ ней, я протянула руку, то прочла въ глазахъ ея невысказанное слово «дура».

$^{9}/_{22}$ *апрѣля.* Вчера у тети цѣлый день былъ пріемъ по случаю перваго дня праздника. Визитеры, попы, яйца, поцѣлуи, пасхи, куличи... Въ роскошно убранныхъ комнатахъ, среди живыхъ цвѣтовъ, среди разодѣтыхъ по-праздничному людей—праздникъ, казалось, совершался медленно и важно. Несмотря на всѣ мои увѣренія, что я не хочу снимать своего траурнаго платья—тетя купила-таки бѣлый шелковый корсажъ, заставила меня его надѣть и выйти къ гостямъ.

— Такой великій грѣхъ—быть на Пасхѣ во всемъ черномъ! Въ моемъ-то домѣ! ужъ извини—я этого не допущу...

Увы! какъ хорошо знаю я съ дѣтства эти слова: «не допущу»—«не потерплю»!

Но изъ-за корсажа не стоило спорить и смущать душу набожной тети. И я покорно надѣла его, причесалась и вышла къ гостямъ.

Вечеромъ, усталая отъ этой безпрерывной церемоніи празднованія перваго дня Пасхи, я укладывалась къ отъѣзду. Паспорта еще не прислали, начинаю безпокоиться. Тетя не сочувствуетъ моимъ сборамъ и молчитъ. Она, очевидно, оскорблена въ своей гордой увѣренности, что я послушаюсь ея.

Мнѣ это больно и непріятно.

Я вовсе не хочу ни ссориться съ ней, ни огорчать ее... но и поступаться своей свободой не согласна ни на шагъ. Поэтому я всячески стараюсь угождать ей въ мелочахъ, спрашиваю—не надо-ли порученій, вообще—изъявляю полную готовность быть въ Парижѣ комиссіонеромъ по части модъ. И кажется, немного успѣла. По крайней мѣрѣ, отъ моихъ разговоровъ тетя призадумалась и рѣшила дать какія-то порученія.

А я стала какая-то безчувственная... точно деревянная... все дѣлаю машинально...

$^{11}/_{24}$ *апрѣля.* Паспортъ полученъ; сегодня же вечеромъ выѣзжаю скорымъ поѣздомъ въ Парижъ.

Тетя дала порученіе—купить накидку у Ворта, или Пакэна. Мы простились дружелюбно, хотя со стороны тети все же замѣтна была нѣкоторая сдержанность.

Парижъ, 30 апрѣля. Вотъ уже третій день какъ я здѣсь. За эти пять недѣль весна вступила въ свои права: деревья покрылись зеленью, сады пестрѣютъ цвѣтами, фонтаны бьютъ, на улицахъ сѣрыя платья и шляпы... Передо мной былъ свѣтлый, веселый, ласкающій Парижъ, весь залитый яркими лучами весен-

няго солнца. Меня опьянялъ этотъ блескъ, шумъ, эта ослѣпительная красота города въ весеннемъ нарядѣ...

Вотъ какъ отдохну немного—исполню тетины порученія—такъ и пойду туда, въ Бусико...

4 мая. Если когда-нибудь женщина можетъ искренно повторять слова молитвы—«и не введи насъ во искушеніе»—такъ это переступая пороги храмовъ моды въ rue de la Paix. Названіе этой улицы невѣрно. Какой тамъ миръ! Тѣ зрѣлища роскоши, на которыя натыкаешься на каждомъ шагу въ этой улицѣ—прогонятъ скорѣе послѣдніе остатки душевнаго спокойствія и мира и поселятъ смуту, злобу, недовольство...

Ее вѣрнѣе надо бы назвать rue de la Mode.

Вортъ, Вортъ! платья отъ Ворта! У меня отъ этого слова съ дѣтства осталось воспоминаніе чего-то недосягаемо-далекаго, идеально-прекраснаго,—чуть не волшебнаго.

Помню, какъ у насъ въ Ярославлѣ указывали на красавицу, жену милліонера, говоря, что она носитъ «платья отъ Ворта»,—а я широко открывала глаза и спрашивала съ недоумѣніемъ: что это такое?

Умеръ Вортъ... и въ Парижѣ теперь славятся Пакэнъ, Дусэ, Феликсъ...

Я начала съ Пакэна. И сразу попала точно въ волшебное царство. Вся квартира была бѣлая: бѣлая мебель, бѣлые потолки, стѣны, лѣстницы. Легкая лѣпная работа придавала имъ что-то воздушное. Казалось, что вошла въ какой-то легкій бѣлый храмъ... и въ этомъ храмѣ, среди сдержаннаго говора, совершалось благоговѣйное служеніе идолу моды.

По мягкимъ коврамъ безшумно и граціозно скользили взадъ и впередъ высокія, стройныя красавицы—essayeuses—въ разныхъ туалетахъ. Сверкали шитыя золотомъ и серебромъ газовыя бальныя платья, пестрѣли костюмы для прогулки, медленно и лѣниво волочились шлейфы, дезабилье изъ тончайшаго батиста и кружевъ... валансьенъ. Это были не платья, а поэмы въ краскахъ, въ тканяхъ, такія же созданія искусствъ, какъ картины въ Луврѣ.

И отъ этой пестрой, почти фантастической картины кружилась голова... Эта ослѣпительная красота роскоши, блескъ, изящество гипнотизировали взглядъ и властно притягивали къ себѣ...

Я стояла неподвижно и съ трудомъ соображала, зачѣмъ пришла — когда подошла продавщица спросить, что мнѣ нужно.

— Накидку лѣтнюю... для пожилой дамы.

Вдоль стѣны въ открытыхъ шкафахъ висѣли модели; въ сторонѣ на столахъ онѣ были наброшены цѣлыми грудами... Заказчицы подходили и выбирали, а надзирательница звала свободную примѣряльщицу, надѣвала на нее платье, и живая модная картинка начинала прохаживаться взадъ и впередъ... а дамы сидѣли и слѣдили, соображая, оцѣнивая эффектъ костюма.

Продавщица подошла къ одному изъ шкафовъ.

— Вотъ модель, — сказла она, вынимая изъ массы вещей нѣчто вродѣ хитона изъ розоваго шелковаго крэпъ-де-шинъ съ греческими рукавами, по которому потокомъ бѣжали черныя кружева и бархатки... Я сначала не поняла, что это такое, и можно ли серьезно носить такую необыкновенную вещь, какой у насъ даже на сценѣ не увидишь.

— Mademoiselle Léontine,—позвала продавщица.

Молодая дѣвушка въ гладкомъ черномъ шелковомъ корсажѣ съ небольшимъ декольте откуда-то вышла и встала передъ нами.

Это была живая кукла, совершенно похожая на тѣ бюсты, которые выставляютъ парикмахеры у себя на окнахъ, какъ модель. Великолѣпно сдѣланный цвѣтъ лица, безукоризненная прическа и лицо, неподвижное какъ маска, безъ мысли, безъ выраженія.... Все существо ея, казалось, заключалось въ высокой, стройной, граціозной фигурѣ, которая одна жила и существовала.

Продавщица надѣла на нее непонятную розовую вещь.

— Oh! comme c'est beau!—невольно вырвалось у меня.

— N'est-ce pas, mademoiselle?—довольнымъ тономъ сказала продавщица.

Это была легкая накидка, сдѣланная на античный ладъ: вся красота заключалась въ складкахъ легкой матеріи, которыя граціозно бѣжали съ плечъ внизъ, черныя кружева и узенькая бархатная лента рельефнѣе выдѣлили ихъ. Искусство, съ какимъ древніе римляне драпировали тогу, перешло въ совершенствѣ къ ихъ потомкамъ... Я всегда любовалась одеждами античныхъ статуй...

Живая кукла граціозно выступала, поворачиваясь вправо, влѣво; казалось, она родилась въ древнемъ Римѣ и всю жизнь только и дѣлала, что драпировалась въ пеплумъ.

— Годится вамъ эта модель?—заставилъ меня очнуться вопросъ продавщицы.

Тутъ я сообразила, что къ тяжелой русской купеческой фигурѣ тети античный пеплумъ мало подходитъ.

— Н-нѣтъ... покажите что-нибудь другое... дама очень полная. Надо такое, чтобы скрыть полноту, и солидное въ то же время.

Продавщица тотчасъ же поняла мою мысль.

— Вотъ лучше этого—врядъ-ли найдете, сказала она, надѣвая на essayeuse широкій шелковый жакетъ цвѣта marron, отдѣланный чернымъ же, съ широкими рукавами фасона тридцатыхъ годовъ.

— Эту модель можно сдѣлать изъ чернаго крепъ-де-шинъ на подкладкѣ изъ тафты mauve, покрытой шелковымъ газомъ съ цвѣточками. Вотъ такимъ.

И она откуда-то вмигъ вытащила картонку съ шелковымъ газомъ, нѣжнымъ и легкимъ, тафту, быстро и ловко набросила на нее газъ.

— Вы представьте себѣ, какъ это хорошо будетъ... черный шелковый крепъ-де-шинъ и эта подкладка mauve.

Я представила себѣ черный шелковый крепъ-де-шинъ, на подкладкѣ изъ тафты mauve, покрытую этимъ газомъ съ легкимъ рисункомъ васильковъ...

Выходило хорошо, солидно и изящно.

— А на рукавахъ мы поставимъ отдѣлку изъ настоящаго point d'Alençon—увидите, какъ хорошо будетъ,—увѣряла продавщица.

Но я и безъ нея видѣла, что все хорошо будетъ, только «какая цѣна»?

— Пятьсотъ пятьдесятъ франковъ. У насъ накидки начиная отъ пятисотъ... дешевле нѣтъ. Посмотрите, какой матеріалъ мы ставимъ—кружева настоящія, шелкъ самый лучшій... Право,—пятьсотъ пятьдесятъ франковъ за такую вещь—не дорого.

— На русскія деньги это будетъ около двухсотъ рублей... —соображала я, не зная въ сущности, какъ рѣшить—дорого это, или не дорого; вообще—на одну накидку истратить такую сумму дорого, а относительно качества матеріала и работы выходило недорого, дешевле, чѣмъ въ Россіи. А навязывать свои мнѣнія о нравственности и безнравственности дорогихъ покупокъ богатой и уже немолодой женщинѣ—было бы глупымъ бросаніемъ гороха въ стѣну.

И я сказала:—Да, такъ хорошо будетъ. Только я предварительно посмотрю еще, зайду къ Ворту и Дусэ, и если не найду ничего болѣе подходящаго, то вернусь къ вамъ.

Продавщица съ достоинствомъ поклонилась.

«Идите, молъ, ищите,—напрасно! лучше, чѣмъ у насъ, не найдете...»

Пошла къ Ворту и Дусэ. Знаменитый портной императрицы Евгеніи помѣщается на простой квартирѣ, и залы были пусты. У Дусэ, наоборотъ, была давка страшная, и въ свѣтломъ салонѣ такъ же мелькали живыя куклы, какъ и у Пакэна. Я быстро пересмотрѣла нѣсколько моделей—дѣйствительно, не нашла болѣе подходящаго, и вернулась къ Пакэну.

Тутъ за это время успѣла притти цѣлая семья американокъ. Мать, двѣ дочери и старуха—чуть-ли не бабушка, гувернантка—заняли большую часть салона, какъ привычные, постоянные посѣтители. Передъ ними прохаживалась essayeuse въ простомъ бумажномъ платьѣ.

— Сколько?—своимъ гортаннымъ англійскимъ акцентомъ спросила дама.

— Четыреста франковъ.

На этотъ разъ я подумала, что такая цѣна дѣйствительно дорога: за бумажное-то платье... Но когда разсмотрѣла ткань—батистъ тончайшей работы, и фасонъ—простой, но исполненный прямо художественно, — опять нашла, что не дорого. И на мелькнувшую мысль, что это безнравственно тратить такія деньги на лѣтнее платье—вдругъ нашла оправданіе: «но зато какъ оно красиво! какое изящество!»

А продавщица, думая, что я куплю еще что-нибудь, повела меня къ картонамъ съ вставками и блузами. Самая дешевая вставка стоила сто франковъ, блуза—полтораста. Я смотрѣла и никакъ не могла сообразить, какъ же за такой ничтожный кусокъ ткани—платятъ такія деньги? Съ цѣнами на платье я еще могла помириться, но съ этими мелочами—нѣтъ.

Я сказала продавщицѣ, что имѣю только одинъ заказъ. Записала имя тети, ея адресъ и поскорѣе ушла изъ этого дома, гдѣ теряешь разницу между понятіями, что дорого и не дорого, нравственно и безнравственно:—изящество и роскошь такъ тѣсно сливаются съ искусствомъ, съ красотою, что рѣшительно все въ головѣ путается, и почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ...

6 мая. Сегодня утромъ поѣхала въ Бусико.

Какъ красивъ этотъ новый госпиталь теперь, въ яркіе весенніе дни! Небольшіе красные павильоны разбросаны среди зелени направо и налѣво... вдали въ центрѣ шумитъ фонтанъ.

Я прошла къ знакомому павильону направо, въ корридоръ. Тамъ никого не было, только больные въ халатахъ выходили погрѣться на солнцѣ.

Я сидѣла не двигаясь. Только теперь почувствовала я, до

чего устала—и физически и нравственно. Одинъ изъ больныхъ полюбопытствовалъ, кого мнѣ надо.

— Monsieur Lencelet.

— А,—онъ сейчасъ пройдетъ съ старшимъ врачемъ... вонъ слышно, выходятъ изъ палаты.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ въ корридорѣ послышался шумъ, и мимо меня быстро прошла группа мужчинъ въ бѣлыхъ блузахъ и направилась къ павильону напротивъ.

— Чего же вы? вѣдь вотъ сейчасъ и прошелъ monsieur Lencelet—говорилъ больной.

— Но я, право, не могла его увидать...—оправдывалась я.

— Погодите, я сейчасъ сбѣгаю!—и, подобравъ полы халата, онъ побѣжалъ по направленію удалявшейся группы.

Я увидѣла, какъ одна фигура въ бѣломъ отдѣлилась и тоже бѣгомъ направилась къ нашему павильону.

Это былъ Ленселе.

— Bonjour, mademoiselle! Est-ce qu'il y a longtemps que vous êtes revenue de Russie?—услышала я вновь его голосъ.

— Environ une semaine, monsieur.

— Voulez-vous m'attendre un petit peu? Je serai de retour dans une demi-heure.

— Oui, monsieur.

И онъ ушелъ, а я попрежнему неподвижно сидѣла на скамейкѣ... Мнѣ было какъ-то хорошо подъ лучами солнца; я и не замѣтила, какъ онъ вернулся.

Какъ и въ прошлый разъ, мы пошли въ другое зданіе, опять въ ту же комнату, гдѣ я была въ мартѣ. Теперь вся залитая солнечнымъ свѣтомъ, она казалась еще лучше.

— Comment allez-vous, mademoiselle?—спросилъ онъ, подвигая мнѣ стулъ.

Я почувствовала, что вся энергія, до сихъ поръ поддерживавшая меня, вся гордость пришла къ концу... что нѣтъ силъ больше... и разрыдалась, какъ дитя.

— Oh, comme je suis fatiguée, comme je suis fatiguée...

Онъ что-то говорилъ, я не слушала, мнѣ было совершенно все равно; долго сдерживаемыя слезы лились неудержимо...

— Tranquillisez-vous, mademoiselle... si votre famille n'était pas gentille envers vous—oubliez la. Je ne dis pas—pardonnez, parce que je sais que c'est difficile de pardonner, — mais oubliez la tout simplement. Vous êtes maintenant ici, à Paris, vous avez un travail devant vous, un examen à préparer... eh bien,—remettez-vous, commencez à travailler... —наконецъ начала я слышать и понимать.

И вдругъ въ моемъ сознаніи мелькнула мысль, что вѣдь я ни разу не платила ему, а въ сущности не знаю—надо, или нѣтъ платить.

— Monsieur, я еще забыла вамъ сказать... эти визиты... безплатные...

Рыданія совсѣмъ задушили меня, и я упала головой на столъ.

Его рука легла на мою.

— Voulez-vous| vous taire, voulez-vous, vous taire! развѣ объ этомъ стоитъ говорить? Что вы думаете, что у насъ во Франціи учащаяся молодежь, артисты, художники, литераторы—не пользуются безплатной медицинской помощью, какъ у васъ въ Россіи?

— Mais je suis une étrangère, monsieur...

— Est-ce que le malheur n'est pas le même dans tous les pays?— съ упрекомъ сказалъ онъ.—Оставьте разъ навсегда этотъ разговоръ, слышите? Parlons de choses sérieuses. Pensez maintenant au travail que vous devez faire.

— Я привезла вамъ изъ Россіи портретъ Толстого, только я не принесла его съ собой; я не знала, могу-ли предложить его вамъ взять его на память.

— C'est tout ce que vous me devez, mademoiselle,—съ живостью возразилъ онъ.—Apportez le, ce portrait.

Я понемногу успокоилась. Вуаль скрывала слѣды слезъ. Надо было уходить.

Провожая меня до дверей, онъ говорилъ:—Вамъ надо гулять. Paris est beau maintenant. Au revoir, mademoiselle. Revenez toujours.

Я вышла изъ госпиталя и, пока шла до трамвая,—смотрѣла на деревья, покрытыя свѣжей зеленью, на ясное голубое небо...

На душѣ было какъ-то легче, спокойнѣе: точно солнечный лучъ заглянулъ въ нее.

Paris est beau maintenant...

10 мая. Ну, зачѣмъ я пойду и понесу ему сама этотъ портретъ?

Я такъ устала... Къ чему? Вѣдь все равно меня трудно вылѣчить, а вотъ за-одно напишу ему, спрошу, чѣмъ былъ боленъ братъ, что его воспитатель не хотѣлъ мнѣ сказать? въ какой медицинской книгѣ можно объ этомъ прочесть?

12 мая. Я еще спала, когда постучали въ дверь. Заказное письмо! Странный здѣсь обычай: почтальоны обязаны переда-

вать заказныя письма лично, безъ церемоніи входятъ въ комнату во всякое время дня. Я набросила пеньюаръ, пріоткрыла дверь изъ опасенія, чтобы почтальонъ не вошелъ ко мнѣ неодѣтой, взяла книгу, расписалась. Вмѣстѣ съ толстымъ пакетомъ подали и изящный бѣлый конвертъ, подписанный незнакомымъ почеркомъ, по городской почтѣ. Я вскрыла толстый пакетъ: это Надя добросовѣстно писала отчетъ о своихъ похожденіяхъ по духовному завѣщанію, какъ его утвердили, какъ она дѣлала раздѣлъ. Меня это не такъ интересовало, какъ конвертъ съ незнакомымъ почеркомъ.

Отъ кого бы могло быть это письмо?

Я разорвала конвертъ и прочла.

Mademoiselle.

En vous remerciant vivement pour toute la peine que vous avez prise en m'envoyant le beau portrait de Tolstoï, je dois vous avertir qu'un regrettable accident lui est arrivé entre le moment où vous l'avez confié à la poste et celui où il m'est parvenu. Le carton a été brisé, et je l'ai reçu avec plusieurs déchirures. Le mal étant irréparable, je n'ai pas cru devoir faire à la poste d'inutiles réclamations. Si j'osais me le permettre, je vous gronderais de ne me l'avoir pas apporté vous-même. Je le garderai tel qu'il est, et tel qu'il est il me sera agréable, car je ne verraipas les déformations que lui ont causées les accidents, mais seulement la beauté des pensées et la noblesse de la figure de Tolstoï.

Je n'essayerai pas en quelques mots de vous réconforter un peu, mais je vous invite à venir un matin ou un vendredi soir, après dîner, à Boucicaut, nous causerons de tout ce que vous m'avez écrit. *Il faut que vous triomphiez* de vous; vous triompherez.

Mes sentiments très respectueux et très dévoués.

11 Mai 1901. E. Lencelet.

P. S. Je vous prêterai des livres de médecine si vous le désirez, mais ils ne vous seront pas utiles pour des raisons que je vous indiquerai quand je vous verrai.

Чудное майское утро начиналось. Вся моя комната была проникнута его свѣтомъ. Я сидѣла на постели съ этимъ письмомъ въ рукахъ, читала и перечитывала его съ какимъ-то безотчетнымъ удовольствіемъ.

Какъ хорошо онъ пишетъ!

Впрочемъ, неудивительно: вѣдь всѣ французы—прирожденные стилисты и ораторы... Почеркъ элегантный, тонкій, ясный,

мелкій—точно бисеръ. Какъ красива у него буква Д! такъ еще никто изъ моихъ корреспондентовъ не писалъ: маленькая палочка посрединѣ и линія кругомъ идетъ такимъ красивымъ изгибомъ...

Въ душѣ поднималось какое-то чувство облегченія: онъ пишетъ, чтобы я пришла въ госпиталь. Напишу ему, что приду въ пятницу, а портретъ Толстого можно и другой выписать изъ Россіи.

14 мая. Сегодня—предпослѣдній день для взноса платы за право ученія. Пошла въ университетъ. Давно я тамъ не была. Пока насъ, женщинъ, тамъ очень мало: всего двѣ—Кореневская одна на второмъ, да я одна на первомъ. Обѣ совершенно теряемся въ толпѣ студентовъ. И какъ тамъ скучно! Студенты-юристы, должно быть, во всѣхъ странахъ міра одинаковы: нигдѣ, ни на одномъ другомъ факультетѣ нѣтъ такого наплыва богатыхъ, ограниченныхъ и праздныхъ буржуа. Французское студенчество не то, что русское: почти сплошь буржуазно. Всѣ они хорошо одѣты, получая отъ 150—200 фр. въ мѣсяцъ—искренно считаютъ себя небогатыми людьми. На первомъ курсѣ все мальчишки лѣтъ 17—20. Не посѣщая лекцій—я и знакомствъ ни съ кѣмъ не завела. Но передъ экзаменами—это необходимо. Встрѣтила сегодня Кореневскую, у которой есть знакомые съ перваго курса. Она обѣщала привести одного въ субботу.

17 мая. Сходя съ лѣстницы внизъ въ столовую—я еще издали увидѣла на полочкѣ для писемъ конвертъ съ изящнымъ почеркомъ. Значитъ, отъ него.

Mademoiselle,—читала я,—je ne veux absolument pas que vous fassiez venir de Russie un second portrait de Tolstoï, je garderai celui que j'ai, tout cassé qu'il est, comme s'il était intact.

Pour les livres de médecine que vous me demandez, je désire en causer avec vous quand vous viendrez, car il sera nécessaire que ie vous explique des choses que vous ne pourriez pascomprendre dans un livre.

Ne venez pas demain soir, vendredi, je ne pourrai pas rester à l Hôpital ce jour, mais je vous attendrai si vous le voulez bien samedi dans l'après midi avant six heures du soir.

Veuillez bien croire, mademoiselle, à mes sentiments très respectueux et dévoués.

16 Mai 1901. E. Lencelet.

Итти туда въ субботу! но я не могу: придетъ Кореневская съ французомъ. Досадно. Надо написать отказъ.

19 мая, воскресенье. Еще осенью одинъ пріѣзжій русскій познакомилъ меня съ своимъ пріятелемъ химикомъ. Этотъ молодой человѣкъ очень добръ, очень милъ, но у насъ, въ сущности, мало общаго. Онъ спеціалистъ, погруженный въ свои колбы и реторты, и выразился какъ-то, когда прошелъ законъ о женщинахъ-адвокатахъ:—«Ну, хорошо; только могутъ-ли женщины-адвокаты быть хорошими матерями?»—Ахъ, какое горе!—сострадательно отвѣтила я ему въ тонъ,—а могутъ-ли быть мужчины-адвокаты хорошими отцами? Онъ растерялся и не нашелся, что отвѣтить.

Но все-таки онъ славный человѣкъ. И поэтому мы хоть и изрѣдка, но видимся. Я еще не была у него по пріѣздѣ и сегодня пошла.

Онъ давно собирался брать уроки нѣмецкаго языка въ обмѣнъ на французскій, и я не удивилась, когда встрѣтила въ его комнатѣ студента-нѣмца.

Онъ познакомилъ насъ. Herrmann Карльсенъ — студентъ одного изъ безчисленныхъ германскихъ университетовъ, не то Боннскаго, не то Берлинскаго.

— Мы собираемся ѣхать въ Сен-Клу, погода такая хорошая. Не хотите-ли—поѣдемъ вмѣстѣ?—предложилъ Дриль.

Я согласилась. И пока онъ искалъ какія-то записныя книжки,—я разсѣянно взглянула на письменный столъ. На немъ лежалъ развернутый листъ приложенія къ «Presse Médicale» — списокъ всѣхъ парижскихъ госпиталей, ихъ врачей—интерновъ и экстерновъ.

Я взяла его, и глаза инстинктивно искали госпиталь Бусико.

Господи,—какой большой листъ! сколько фамилій! вотъ рубрика интерновъ—Cresson, Chifoliau, Heitz, Meuriot, Pécharmant... гдѣ жъ онъ?

А, вотъ—внизу, въ лѣвомъ углу госпиталь Бусико, и тамъ Lencelet! Какое красивое имя! Оно все состоитъ изъ мелкихъ ласкающихъ звуковъ, самое красивое изъ всего списка... всѣ остальные звучатъ какъ-то грубо въ сравненіи съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ: Pécharmant... Carrignes, или еще лучше: Bisch... даже смѣшно стало.

— Дайте мнѣ пожалуйста этотъ листъ... — попросила я Дриля.

— Зачѣмъ вамъ?—удивился онъ.

— А это для статистики. Мы съ одной медичкой давно интересуемся—какой процентъ иностранцевъ между экстернами.

— Съ удовольствіемъ, берите... мнѣ кстати онъ больше не нуженъ,—согласился добрый Дриль.

А мнѣ даже и совѣстно не было за свою ложь. И я, въ благодарность, была какъ можно внимательнѣе и любезнѣе съ нимъ и его нѣмцемъ, разсказывала имъ разныя разности, спорила—словомъ, развлекала ихъ до самаго Сен-Клу.

Нѣмецъ оказался «съ душою прямо геттингенской». Сначала дичился и говорилъ мало, но подъ-конецъ прогулки читалъ изъ Гейне и, прощаясь, торжественно заявилъ, что «такой женщины, какъ я, онъ еще никогда не встрѣчалъ»...

23 мая. Herrmannsen попросилъ позволенія бывать у меня, въ восторгѣ отъ того, что я какъ-то зашла къ нему въ его комнату на rue des Feuillantines. Немедленно вытащилъ свой альбомъ, показалъ портреты всѣхъ родныхъ, всѣхъ барышень, въ которыхъ былъ влюбленъ....

Я въ двадцать два года была куда серьезнѣе его... Оттого что я внимательно выслушала всѣ его признанія относительно прошлаго, всѣ мечтанія о будущемъ—онъ пришелъ въ восторженное настроеніе и чуть не клялся въ преданности до... самой смерти, въ томъ, что оказать мнѣ какую-либо услугу—составитъ величайшее счастье его жизни. Это меня разсмѣшило.

— Ну, а если я поймаю васъ на словѣ — и дѣйствительно пошлю съ порученіемъ?—спросила я.

— Je ne demande que ça!—пылко воскликнулъ юноша.

— Хорошо. Я сейчасъ напишу письмо, а завтра рано утромъ вы пойдете въ госпиталь Бусико, спросите monsieur Lencelet и подождете отвѣта.

И я внутренно смѣялась отъ души. Забавно было видѣть, какъ онъ весь насторожился при словѣ «monsieur», какъ явное огорченіе отразилось на его лицѣ. Пришлось для его успокоенія объяснить, что посылаю его къ интерну за нужными мнѣ книгами, а посылать письмо по почтѣ—долго ждать отвѣта, такъ удобнѣе, онъ скорѣе принесетъ.

По мѣрѣ того какъ я объясняла, лицо его прояснялось, и наконецъ—вполнѣ убѣжденный, что «ничего тутъ нѣтъ»—онъ съ тѣмъ же восторгомъ принесъ мнѣ бумагу, перо, чернила и конвертъ, и я наскоро написала записку...

24 мая, пятница. Въ одиннадцать часовъ утра Herrmannsen стучался въ мою дверь.

— Entrez.

Онъ вошелъ сіяющій. Я знала, что ему доставитъ удовольствіе подробно разсказать объ исполненномъ порученіи,—а мнѣ—выслушать. Не даромъ нѣмцы—народъ обстоятельный. Онъ началъ съ того, какъ нашелъ конку, какъ сначала перепуталъ и не на ту попалъ, и потомъ догадался, пересѣлъ на другую и т. д. Наконецъ, какъ пришелъ въ Бусико, какъ его впустили, какъ онъ долго ждалъ въ павильонѣ. «И вотъ онъ вышелъ. Я ему передалъ ваше письмо, онъ взялъ, прочелъ, спросилъ, какъ вы себя чувствуете, я сказалъ, что не знаю,—и потомъ куда-то ушелъ и принесъ отвѣтъ. Вотъ».

И Германсенъ досталъ изъ бокового кармана своего сюртука вчетверо сложенный желтый листокъ, на которомъ было напечатано «Consultations gratuites»—тамъ наскоро, его рукою были написаны двѣ строчки: venez ce soir, après dîner. Mes sentiments très respectueux. Lencelet.

— Mais savez-vous, mademoiselle, — прибавилъ честный нѣмецъ—c'est un beau garçon et très sérieux.

Такъ онъ красивъ? А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, я еще до сихъ поръ не успѣла разсмотрѣть его лицо.

И такъ же добросовѣстно отвѣтила нѣмцу:

— Non, monsieur, je ne sais pas: chaque fois que je l'ai vu j'étais dans un tel état nerveux que je ne pouvais pas lever les yeux.—И я отъ всей души благодарила милаго юношу.

Въ восемь часовъ я одѣвалась, чтобы ѣхать въ Бусико. Наступающее лѣто заставило разстаться съ траурнымъ платьемъ, и вмѣсто чернаго корсажа я купила нѣсколько бѣлыхъ. Большая бѣлая шляпа à la Bergère... Впервые въ жизни я одѣвалась съ удовольствіемъ: зеркало отражало прелестную молодую женщину, которая счастливо улыбалась мнѣ.

Мнѣ казалось, что электрическій трамвай идетъ медленно... и еще пришлось ждать безконечныя десять минутъ у вокзала Montparnasse, такъ какъ трамвай St.-Germain des Près Vanves оказался переполненнымъ...

Вотъ наконецъ—rue Lecourbe... а тамъ немного дальше Бусико.... Опять неизбѣжный вопросъ консьержи:

— Où allez vous, mademoiselle?

— Monsieur Lencelet.

— Premier étage à droite.

Передъ тѣмъ какъ позвонить, я посмотрѣла на маленькую

аспидную доску, на рамкѣ которой черными буквами напечатано—«interne de garde», а на доскѣ мѣломъ написано было Lencelet.

Такъ вотъ отчего онъ бываетъ здѣсь по пятницамъ! значитъ, это его дежурство.

Я позвонила. Горничная отворила дверь.

— Monsieur Lencelet vous prie de l'attendre ici,—сказала она, вводя меня въ библіотеку.

Дверь сосѣдней комнаты тотчасъ же отворилась, и изъ нея вышелъ Lencelet.

— Bonjour, mademoiselle... прошу васъ подождать въ моей комнатѣ.... Мы сейчасъ обѣдаемъ... А вы?

— Конечно.

Мы прошли въ его комнату. Онъ зажегъ электричество. Окно было открыто, и потокъ майскаго воздуха лился въ комнату.

— Извините, что я васъ оставляю. Вы, конечно, читаете по-нѣмецки?—спросилъ онъ, подавая «Frau Sorge» Зудермана.

— Да.

— Такъ вотъ, почитайте пока, а если хотите—вотъ и медицинскія книги. Я скоро вернусь.

И онъ быстро ушелъ.

Оставшись одна, я съ любопытствомъ осмотрѣлась. Дверца зеркальнаго шкафа была пріотворена. Я заглянула туда: толстыя книги въ красивыхъ переплетахъ стоятъ тамъ... Ни вещей, ни платья—ничего! какъ странно... Туалетный столъ—пустой. Чѣмъ больше вглядывалась я въ обстановку комнаты, тѣмъ болѣе она производила впечатлѣніе чего-то двойственнаго—точно она служила какимъ-то временнымъ пребываніемъ. Письменный столъ былъ буквально заваленъ книгами на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ массою рисунковъ... среди нихъ валялась пачка запыленныхъ визитныхъ карточекъ. Я взяла и прочла: E. Lencelet. Interne en médecine des hôpitaux. 5, rue Brézin.

Такъ вотъ оно что! значитъ онъ живетъ не здѣсь, а гдѣ-то въ городѣ.

Ящикъ посьменнаго стола былъ не вполнѣ задвинутъ: въ немъ лежала масса всякихъ бумажекъ, писемъ...

Я плотно задвинула ящикъ и разсѣянно перелистывала толстый медицинскій томъ. Изъ книги выпала закладка—узенькій клочекъ бумаги, вырванный изъ тетради — какъ мнѣ сначала показалось.

Я подняла его, чтобы вложить обратно на мѣсто, и вдругъ нечаянно прочла: «pas trouvée chez moi»...

Письмо отъ женщины,—а-а!

И только тутъ замѣтила, что клочекъ бумаги былъ элегантной голубой узенькой карточкой съ золотымъ обрѣзомъ, такой узкой и длинной формы, какой я еще не видала.

Такъ вотъ какъ...

Я вертѣла въ рукѣ бумажку. Взглянула еще разъ... какой неразборчивый почеркъ! только и видно, что «pas trouvée chez moi», должно быть, извиненіе, что не засталъ ея дома. Вверху стояло число: 2 Février 1900...

Мнѣ стало стыдно, что я нечаянно прочла хоть одну фразу изъ чужого письма. Но чортъ бы побралъ эти модныя бумажки, похожія скорѣе на клочки, чѣмъ на письма. Знай я, что это письмо—никогда бы въ руки не взяла. Хорошъ тоже и онъ—употребляетъ женскія письма на закладки своихъ книгъ...

Я сѣла у стола и взяла «Frau Sorge».

Какъ хорошо въ этой уютной, свѣтлой комнатѣ! Уже одно то, что я въ ней была, дѣйствовало на меня успокоительно. Я читала «Frau Sorge»; уже давно, и знаю, что въ концѣ есть прелестная сказка. Но не успѣла начать ее, какъ вернулся Lencelet.

— Avez-vous beaucoup lu? Je vous fais mes excuses,—on a commencé tard aujourd'hui.

Я подумала, что онъ могъ бы и поторопиться, но часы обѣда и завтрака священны для каждаго француза, и сократить ихъ нельзя. И изъ вѣжливости, вслухъ отвѣчала:

— Ce n'est rien, monsieur... Je m'en irai bientôt...

— Oh, non, je suis libre maintenant, vous pouvez rester ici jusqu'à dix heures... Je vous ai promis un livre,—je vais vous le donner tout à l'heure.

Онъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ толстымъ томомъ.

— Я былъ въ большомъ затрудненіи, у насъ въ библіотекѣ нѣтъ такихъ книгъ—и при томъ я не знаю, въ чемъ дѣло.

— Да я и сама не знаю. Воспитатель брата наотрѣзъ отказался сказать, чѣмъ былъ боленъ братъ...

— Удивляюсь. Отчего онъ не могъ сказать? вотъ предразсудки-то!—говорилъ онъ и сѣлъ напротивъ, перелистывая книгу.

— Видите-ли, я не знаю, врядъ-ли эта книга будетъ вамъ полезна. Вы ничего не поймете.

— О, нѣтъ, нѣтъ—пойму! вѣдь понимаютъ же медички,—живо возразила я.

— Какъ хотите. Вотъ тутъ говорится о болѣзняхъ мужскихъ половыхъ органовъ, о вліяніи этихъ заболѣваній на нервную систему...

Онъ говорилъ, а я смотрѣла на него. Свѣтъ лампы ярко освѣщалъ его голову. Тонкія, правильныя черты лица. Темныя, изящныя брови казались почти черными, и голубые глаза съ длинными пушистыми рѣсницами смотрѣли серьезно и внимательно сквозь стекла пэнснэ. Черная бархатная шапочка интерна очень шла къ нему. Это была красивая, изящная голова, какой я еще никогда не видала....

Я слушала и смотрѣла и переживала чудныя минуты...

Человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ столько добра,—такъ хорошъ, такъ симпатиченъ... въ эту минуту онъ мнѣ казался совершенствомъ, въ которомъ такъ гармонично сливались красота души съ красотой внѣшней; и это сознаніе доставляло такое глубокое, такое невыразимое наслажденіе, что все существо мое, казалось, жило какою-то новою жизнью...

Да, нѣмецъ былъ правъ...

— Но врядъ-ли это дастъ вамъ что-нибудь. Къ тому же, если бы вы даже и узнали кое-что изъ этой книги,—все равно вы теперь отъ него далеко, все равно не можете ничего сдѣлать. Сосредоточьте лучше свое вниманіе на томъ, что сейчасъ непосредственно важно для васъ самихъ. Помните, что у васъ впереди есть цѣль, которую вы должны достигнуть... Занимайтесь, готовьтесь къ экзамену...

— Но я такъ устала... мнѣ кажется, что я совершенно ни къ чему не способна—памяти нѣтъ.

— Это вамъ только такъ кажется. Вы просто на время потеряли волю, а память возстановится опять, за это нечего бояться. Поддерживать въ самой себѣ упадокъ духа, унынiе—совершенно безполезно, это убиваетъ васъ. Вы должны овладѣть собой; помните, что вы—человѣкъ интеллигентный, что ваша работа можетъ быть полезной для женщинъ.

Говори онъ такъ цѣлую вѣчность—я все слушала бы... Слова его поддерживали, оживляли меня...

И я вспомнила его совѣтъ выйти замужъ, и какъ въ Москвѣ представился случай,—и мнѣ захотѣлось разсказать ему объ этомъ.

— Съ вашей стороны вполнѣ естественно было уѣхать, если молодой человѣкъ вамъ не нравился. Выходить замужъ нужно не иначе, какъ по взаимной любви или симпатiи!!

— По любви! Но я знаю, что такое любовь! Читали вы Шопенгауера въ «Мірѣ какъ воля и представленіе» главу «Метафизика половой любви»?

— Да.

— Ну, такъ вотъ, тамъ вѣрное представленіе о любви... Вотъ что это такое, какъ я смотрю на нее—это миражъ, обманъ и больше ничего,—сказала я съ отчаяніемъ, чувствуя, какъ вновь зашевелились въ душѣ ужасныя воспоминанія о бракѣ сестры...

— Mais si...—примирительно возразилъ онъ.

Мнѣ захотѣлось узнать, какъ онъ смотритъ на бракъ.

— И потомъ—замужество! Съ человѣкомъ, который вдоволь пользовался молодостью; съ такимъ еще рискуешь быть обманутой... А я этого не допускаю въ бракѣ...

— Я также.

— Выйдя замужъ по вашимъ законамъ—женщина окончательно теряетъ права надъ своей личностью. Ея имущество принадлежитъ мужу. Это возмутительно, это несправедливо!

— А я нахожу, что вполнѣ справедливо. Деньги заработаны не женщиной,—ея приданое даетъ ей отецъ,—значитъ естественно, что она и не можетъ ими распоряжаться, а мужъ.

Мнѣ стало больно... Зачѣмъ онъ такъ говоритъ?

Я не выдержала и съ упрекомъ возразила:

— И не стыдно вамъ такъ разсуждать? Да развѣ можно насильно учреждать опеку надъ взрослымъ человѣкомъ? Вамъ важенъ не фактъ происхожденія состоянія, а въ данномъ случаѣ способность распоряжаться имъ. Неужели женщина, разъ она замужемъ, должна быть на положеніи ребенка? У насъ въ Россіи на этотъ счетъ гораздо справедливѣе: имущества мужа и жены раздѣльны...

— Я не знаю, какъ у васъ, въ Россіи... но наша, французская женщина, въ среднемъ—стоитъ неизмѣримо ниже мужчины... и она въ настоящее время не можетъ еще требовать правоспособности въ бракѣ. Посмотрите на наши лицеи—они пусты, туда отдаютъ дочерей только чиновники.

О, зачѣмъ онъ такъ говоритъ! Вѣдь это же грубо, несправедливо,—узко, эгоистично.

И главное—онъ такъ говоритъ!

Но стрѣлка показывала безъ четверти десять. Надо было уходить. А онъ, очевидно, и не замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвели на меня его слова. И провожая до дверей, говорилъ:

— Всѣ мы страдаемъ, болѣе или менѣе... И единственное утѣшеніе—это дѣлать добро. Faites du bien, soulagez ceux qui souffrent... Знаете ли, j'ai vécu dans tous les milieux, j'ai entendu les opinions les plus différentes... et je suis devenu un profond sceptique. Все повторяется въ этомъ мірѣ. Et les hommes ici-bas—ne sont que de la poussière!

противорѣчитъ», подумала я. Если люди на землѣ—прахъ—то къ чему же имъ дѣлать добро?

— Но въ такомъ случаѣ жизнь теряетъ всякій смыслъ!—воскликнула я.

— А въ чемъ ея смыслъ?—насмѣшливо-грустно спросилъ онъ.

— Въ томъ, чтобы итти къ прогрессу... Цѣль жизни—добро...

— Qu'est-ce que c'est que le bien?

— Le bien—c'est la justice,—убѣжденно отвѣтила я.

— Le bien consiste dans le soulagement de ceux qui souffrent...—поддерживать своего ближняго—вотъ наша задача. А сами мы, люди—слишкомъ ничтожны... nous ne sommes que de la poussière...

Мы стояли на крыльцѣ. Теплая майская ночь спустилась надъ Парижемъ, и въ ея тишинѣ, среди наступившаго безмолвія ночи, какъ-то особенно безотрадно прозвучали слова молодого скептика, точно подавляемаго тяжестью собственнаго убѣжденія, что онъ—прахъ на землѣ...

Я опустила голову... и задумалась...

— Je m'en vais, mademoiselle,—тихо сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Извините, я васъ задерживаю. И, простившись съ нимъ, потихоньку пошла по троттуару, не зная, на какой трамвай сѣсть. Было темно, и я забыла направленіе. На углу стояла группа въ ожиданіи трамвая. Я присоединилась къ ней.

Вскорѣ господинъ въ пэнснэ и въ цилиндрѣ подошелъ ко мнѣ.

— Bonsoir, mademoiselle... Вы здѣсь дожидаетесь трамвая?

Это былъ онъ, уже переодѣтый. Я подумала,—очевидно онъ носитъ цилиндръ, потому что знаетъ, какъ это къ нему идетъ.

— Я узналъ васъ по бѣлой шляпѣ. Вы здѣсь дожидаетесь трамвая?

— Да.

— Это не вашъ. Надо пройти дальше метровъ триста. Я васъ провожу. Я ѣду въ Mont-Rouge, къ одному изъ своихъ друзей, который боленъ.

Онъ дождался, пока подошелъ мой трамвай, посадилъ меня и скрылся въ темной пустынной улицѣ... А я—поѣхала домой въ какомъ-то странномъ настроеніи, которое поглощало меня всю...

И когда въ пансіонѣ madame Odobez сообщила мнѣ, что приходили двое русскихъ, которыхъ я ждала,—мнѣ это было уже безразлично...

30 мая, четвергъ. Сегодня утромъ была въ секретаріатѣ—вынимала жребій, когда сдавать экзаменъ. Вынула номеръ 1029-й.

— О, это на послѣднюю недѣлю!—сказалъ чиновникъ.

Сама не знаю почему, но я была довольна, что еще долго останусь въ Парижѣ... Увижусь съ нимъ...

Написала ему сегодня письмо, что если не получу отвѣта до 3-хъ часовъ въ пятницу—значитъ онъ свободенъ, и я приду вечеромъ.

31 мая, пятница. Я одѣвалась, чтобы итти въ Бусико. Наканунѣ принесли полутраурное сѣрое платье: я сама придумала фасонъ—гладкій лифъ съ бѣлой косынкой Marie-Antoinette. Я очень люблю этотъ жанръ. Но насколько наши русскія портнихи не умѣютъ понимать идей заказчицъ и исполнять ихъ,—настолько здѣсь всякая послѣдняя швея—художница. Теперь, въ эту минуту, одѣваться доставляло мнѣ такое же наслажденіе, какъ годъ тому назадъ—чтеніе Лаврентьевской лѣтописи. Я любовалась своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ, и сознаніе того, что я молода и хороша собой—наполняло меня чѣмъ-то новымъ.

Какъ могла я прожить на свѣтѣ столько лѣтъ—и не знать и не замѣчать своей внѣшности!

Я уже прикалывала шляпу, какъ въ дверь постучалась наша madame Dorez...

— Petit bleu! Oh, mais vous êtes devenue tout à fait parisienne,—сказала она, съ улыбкой смотря на меня и подавая городскую телеграмму—carte-lettre. До чего чувствительны къ внѣшности эти француженки! Онѣ не пройдутъ молча мимо того, что красиво. Я сейчасъ же догадалась, что это была телеграмма отъ него.

Mademoiselle.

Ne venez pas ce soir, nous n'aurons pas le temps de causer. Veuillez bien agréer avec tous mes regrets,—l'expression de mes sentiments très respectueux et très dévoués.

E. Lencelet.

Вечеромъ пришелъ нѣмецъ, и мы пошли съ нимъ гулять въ скверъ Observatoire. Онъ что-то говорилъ... я не слушала...

Какое-то досадное чувство наполняло мою душу, и я не могла дать себѣ отчета—почему...

2 іюня, Троицынъ день. Отчего все чаще и чаще думаю о немъ? Неужели полюбила его? До сихъ поръ я не знала, что такое любовь... и не понимала. Ну, что-жъ? все надо знать, все надо испытать въ этомъ мірѣ... А любовь для меня—нѣчто такое новое-новое...

Какое-то радостное и гордое чувство наполняетъ душу. Мнѣ кажется, будто я не жила до сихъ поръ, точно чего-то ждала... а теперь—начинается жизнь...

7 іюня, пятница. Сѣренькій конвертъ съ знакомымъ почеркомъ. Это было отъ него.

Mademoiselle, Je pars à la campagne pour quelques jours, il me sera donc impossible de vous indiquer avant mon retour le jour où vous pourrez revenir à Boucicaut. J'espère que vous n'allez pas mal en ce moment et que vous avez commencé à travailler le droit d'une façon sérieuse. Le travail est le remède à beaucoup de maux intellectuels. Veuillez bien agréer, mademoiselle, mes sentiments les meilleurs et les plus dévoués.

E. Lencelet.

Такъ онъ уѣхалъ!

Le travail est le remède à beaucoup de maux intellectuels...

Точно-ли, правда-ли?

И я взяла съ полки желтый томикъ—«Histoire contemporaine» Анатоля Франса, и читала тамъ:

Le travail est bon à l'homme. Il le distrait de sa propre vie, il le détourne de la vue effrayante de lui-même, il l'empêche de regarder cet autre qui est lui et qui rend la solitude possible. Il est un souverain remède à l'éthique et à l'esthétique. Le travail a ceci d'excellent encore, qu'il amuse notre vanité, trompe notre impuissance et nous communique l'espoir d'un bon événement. Nous nous flattons d'entreprendre par lui sur les destins. Ne concevant pas les rapports nécessaires qui rattachent notre propre effort à la mécanique universelle, il nous semble que cet effort est dirigé en notre faveur contre le reste de la machine. Le travail nous donne l'illusion de la volonté, de la force et de l'indépendance. Il nous divinise à nos propres yeux. Il fait de nous au regard de nous-mêmes des héros, de Génies,—des Démons, des demi-dieux, des Dieux, le Dieu. Et dans le fait on n'a jamais considéré Dieu qu'autant qu'ouvrier.

Да... такъ вотъ, кому вѣрить?

Правъ, конечно, этотъ тонкій скептикъ, сквозь вѣчную ироническую улыбку котораго проглядываетъ тоска, грусть, состраданіе къ несчастному человѣчеству...

Я взялась за книги, раскрыла программы...

При мысли о томъ, что онъ отдыхаетъ тамъ на дачѣ, тогда какъ я должна сидѣть здѣсь, въ душномъ городѣ—какъ-то хорошо дѣлалось на душѣ. Если бы эти мои занятія могли замѣнить его! Пусть бы онъ отдыхалъ, я работала бы за него...

9 іюня, воскресенье. Когда онъ долженъ вернуться?

— «Je pars à la campagne pour quelques jours...» ну, значитъ скоро...

Когда вернется, онъ напишетъ... Навѣрное въ пятницу, такъ какъ это его дежурство въ госпиталѣ...

11 іюня, понедѣльникъ. Еще только начало недѣли! какъ долго...

Сегодня на электризаціи въ Брока познакомилась съ интересной сидѣлкой, madame Delavigne. Бывшая коммунарка, членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, очень энергичная и неглупая женщина. M-elle Angèle, которая электризуетъ больныхъ,—тоже очень симпатичная и простая. Гораздо лучше, чѣмъ въ Сальпетріерѣ. И съ больныхъ взятокъ не берутъ, хотя на стѣнѣ и нѣтъ объявленія о томъ, чтобы ихъ не давать...

Пока, сидя на скамьѣ, мы разговаривали во время электризаціи—дверь растворилась, и вошелъ пожилой господинъ, окруженный толпою студентовъ. Взглядъ его прекрасныхъ черныхъ глазъ, казалось, проникалъ прямо въ душу—и сразу выдѣлялъ его изъ толпы. Онъ подошелъ къ намъ и сталъ спрашивать каждаго, кто его послалъ.

— Et vous, mademoiselle?

— Je suis envoyée par monsieur Lencelet.

— Что это за человѣкъ съ такимъ необыкновеннымъ взглядомъ?—спросила я m-elle Angèle, когда онъ ушелъ.

— О, это знаменитость по накожнымъ болѣзнямъ, докторъ Дрокъ.

— Дѣйствительно, онъ очень симпатиченъ.

— Такъ-то такъ, да все-таки онъ клерикалъ...—со вздохомъ сожалѣнія прошептала мнѣ на ухо madame Delavigne.

Я нарочно вамъ это говорю потихоньку. Не стоитъ спорить съ Анжелой. Та—сама католичка... вѣритъ въ весь этотъ вздоръ.

Мнѣ было жаль, что человѣкъ съ такимъ чуднымъ взглядомъ оказался не безупреченъ...

14 іюня, пятница. Сегодня, когда вернулась изъ Брока, подали утреннюю почту, и madame раскладывала для пансіонеровъ письма по клѣточкамъ. Я съ замирающимъ сердцемъ смотрѣла, не появится-ли конвертъ съ его почеркомъ. Нѣтъ, ничего нѣтъ.

19 іюня, среда. Поздно вечеромъ я отбросила въ сторону толстый томъ конституціоннаго права... и выглянула въ окно. Хорошо бы выйти пройтись въ такую чудную ночь.

Вдругъ я вспомнила его адресъ—5, rue Brézin... и мнѣ захотѣлось непремѣнно пройти по этой улицѣ, мимо дома, гдѣ онъ живетъ.

Какіе это вздорные предразсудки, что опасно ходить одной по Парижу поздно вечеромъ! Разъ навсегда освободившись отъ всѣхъ предразсудковъ, я всюду и во всякій часъ хожу одна. И теперь, конечно, не стала отказывать себѣ въ исполненіи этой фантазіи.

Я отыскала по плану Бедекера, на послѣднемъ сѣромъ листѣ, семнадцатое дѣленіе, и на немъ — rue Brézin. Дорогу нетрудно запомнить: rue Berthollet, любимое мѣсто русскихъ — бульваръ Port-Royal, а тамъ прямо по rue Denfert Rochereau, rue venue d'Orléans—третья справа—и будетъ rue Brézin.

Было ровно полночь. У насъ нѣтъ консьержи,—не надо неизбѣжнаго «cordon, s'il vous plaît!»—у каждаго изъ пансіонеровъ есть свой ключъ отъ входной двери.

Я шла по бульвару Port-Royal, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій ночной воздухъ. Кругомъ ни души не было.

Я шла быстро. Вотъ и Бельфорскій левъ на площади Denfert Rochereau. Въ темнотѣ ночи его громада вырисовывается какъ-то особенно внушительно. Я забыла, которая по счету съ avenue d'Orléans будетъ rue Brézin. Кого бы спросить? Полицейскихъ не было; кабачекъ на углу былъ ярко освѣщенъ, двѣ-три женщины обнимали позднихъ посѣтителей.

Я подошла къ кассиршѣ.

— S'il vous plaît, madame,—où est la rue Brézin?

Сказала и испугалась откровенно-любопытнаго взгляда, какимъ уставилась на меня хозяйка. Мнѣ показалось, что она догадалась, зачѣмъ я иду... Я смутилась, покраснѣла, и въ голову не пришло, что въ такой поздній часъ «порядочныя» женщины не входятъ въ кабаки.

— C'est plus loin, madame... deuxième rue à droite.

— Merci bien, madame.

Въ самомъ дѣлѣ—вторая направо—это и была rue Brézin. На какой сторонѣ четные и нечетные номера? направо—4, 6... значитъ налѣво... вотъ онъ, 5, съ красной рѣшеткой, небольшой, пятиэтажный. Только въ двухъ-трехъ окнахъ виднѣлся свѣтъ; которое изъ нихъ его окно?

Я прошла улицу до конца. Какой сюрпризъ! небольшая площадь, усаженная деревьями, и скверъ!

Я сѣла на одну изъ скамеекъ... Тишина, чудная тишина ночи охватила меня. Кругомъ—громадный городъ спалъ со всѣми своими разнообразными горестями и радостями, надеждами и неудачами. А когда люди спятъ—начинаетъ говорить природа. Деревья, посаженныя въ каменной мостовой, окруженныя желѣзными рѣшетками около корней, — какъ закованные плѣнники исполняютъ днемъ свою службу: украшаютъ городъ, даютъ тѣнь... Звонъ конокъ и уличный шумъ заглушаютъ поэтическій шорохъ ихъ листьевъ... И, казалось, вечеромъ они разсказываютъ другъ другу о томъ, что видѣли и слышали за день...

Торжественное спокойствіе ночи захватывало и меня.

Сидя неподвижно на скамейкѣ, я слушала тихій шелестъ листьевъ и голосъ ночи, таинственный и странный, и думала—гдѣ онъ теперь?

Когда я возвращалась по улицѣ Brézin, какіе-то люди подходили къ подъѣзду его дома. Что, если это онъ возвращается домой? Что подумаетъ онъ, если встрѣтитъ меня здѣсь? вѣдь я не отъ него узнала адресъ, а случайно сама прочла на его карточкахъ... Сердце такъ и замерло... Но нѣтъ, это оказались двѣ дамы и старикъ.

Этотъ домъ... все, что есть у меня самаго дорогого на свѣтѣ, все тамъ...

И я уходила домой, должно быть, въ томъ же настроеніи, съ какимъ бабы-богомолки возвращаются съ поклоненія святымъ мѣстамъ...

Мнѣ самой стало смѣшно при этой мысли. А вѣдь вѣрно, хоть и знаю, что надо мной могутъ смѣяться...

Но если бы кто-нибудь предложилъ мнѣ годы успѣховъ,—реальной удачи въ дѣлахъ—нѣтъ,—не отдамъ я за нихъ этотъ часъ!

21 іюня, пятница. Еще пятница—и нѣтъ письма! Какъ бы узнать—вернулся ли онъ? Итти въ Бусико... тогда онъ, пожалуй, узнаетъ... Къ нему на квартиру?—немыслимо.

22 іюня, суббота. Просматривала вечеромъ въ читальнѣ русскія газеты. Напротивъ сидѣлъ юноша—лѣтъ двадцати и усердно читалъ «Русскія Вѣдомости». Мы одновременно вышли изъ читальни; сходя съ лѣстницы—разговорились и познакомились. Онъ оказался одесскимъ евреемъ, кончившимъ среднее техническое училище. Пріѣхалъ сюда поучаться культурѣ и поступилъ рабочимъ въ литейную мастерскую.

Вечеръ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы благоразумно возвращаться домой.

Онъ живетъ недалеко отъ укрѣпленій и предложилъ пройтись до парка Монсури. Я согласилась. На обратномъ пути, когда мы шли по avenue d'Orléans, мнѣ вдругъ пришло въ голову,—попрошу его узнать, вернулся ли Ленселе въ Парижъ.

И я сказала, какъ бы мимоходомъ:

— Если не ошибаюсь, здѣсь гдѣ-то близко должна быть улица Brézin. Тамъ въ № 5 живетъ нѣкій г. Ленселе, и меня давно еще просила одна товарка справиться—вернулся-ли онъ въ Парижъ? А я такая лѣнтяйка, все откладываю... Такъ вотъ теперь мы проходимъ мимо, но я боюсь ночью разыскивать эту улицу.

— Позвольте мнѣ вамъ помочь,—съ готовностью возразилъ юноша.—Вотъ тутъ неподалеку—справлюсь у городового, гдѣ эта улица, и сейчасъ все вамъ узнаю. Посидите здѣсь, на скамьѣ, я сейчасъ вернусь.

И пока онъ ходилъ къ полицейскому, я старалась овладѣть своимъ волненіемъ... Вотъ сейчасъ... вернется и узнаетъ... rue Brézin тутъ близко, въ трехъ шагахъ.

— Я никакъ не могъ дозвониться, но съ удовольствіемъ справлюсь завтра и приду вамъ сказать, если позволите.

Я мысленно отъ всего сердца поблагодарила милаго юношу, но вслухъ небрежно сказала:

— О, конечно, это неважно... зайдите завтра—если время будетъ...

23 іюня, воскресенье. Я заранѣе сказала madame'ѣ, что если кто-нибудь придетъ ко мнѣ во время завтрака—такъ не заставляла бы ждать въ моей комнатѣ, пока я кончу, а вызвала меня тотчасъ же: есть спѣшное дѣло.

Я ждала этого молодого человѣка, такъ какъ онъ обѣщался притти въ обѣденное время.

И не дожидаясь конца этой церемоніи, которая тянется цѣлый часъ и называется завтракомъ — я быстро побѣжала

вверхъ, въ свою комнату, едва сказали, что меня спрашиваетъ какой-то молодой человѣкъ.

— Я вамъ помѣшалъ, вы еще не кончили?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ... очень рада... терпѣть не могу этихъ длинныхъ heures de repas.

— А я ваше порученіе исполнилъ. Консьержъ сказалъ: «il ne quitte jamais Paris. Il est rentré hier soir de son hôpital,—il a toute sa journée à lui». И предложилъ мнѣ пройти къ нему, если надо. А я не зналъ, что сказать. Поблагодарилъ и говорю: приду въ другой разъ...

Такъ онъ давно вернулся! и однако—и не подумалъ написать мнѣ. Чувство какой-то острой обиды наполнило душу.

— Большое вамъ спасибо, садитесь, пожалуйста; я сейчасъ приготовлю чай.

Юноша разстегнулъ сюртукъ, удобно развалился въ креслѣ и немедленно съ ожесточеніемъ закурилъ папиросу. Пока онъ курилъ, пилъ чай и говорилъ,—я дѣлала видъ, что внимательно слушаю... а у самой мысли были далеко-далеко... Сердце такъ и ныло отъ боли...

26 іюня, среда. Онъ не думаетъ обо мнѣ; зачѣмъ же я буду думать о немъ? или ужъ потеряла всякую власть надъ собой?

Надо готовиться къ экзамену. Весь годъ ничего не дѣлала—теперь такъ трудно приходится.

Представленный Кореневской товарищъ André Morthon бѣгаетъ ко мнѣ чуть ли не каждый день, приноситъ программы и учебники,—начали заниматься вмѣстѣ... Ему это страшно льститъ: я—одна женщина на всемъ курсѣ, и онъ изъ силъ выбивается, стараясь угодить мнѣ...

28 іюня, пятница. Сегодня шла по улицѣ, навстрѣчу сломя голову бѣжалъ уличный мальчишка съ пачкой какихъ-то пестрыхъ листовъ подъ мышкой. Онъ сунулъ мнѣ въ руку развернутый листъ и промчался дальше, что-то крича.

Это было иллюстрированное начало романа-фельетона, который завтра долженъ былъ появиться въ «Petit Parisien»— «La Griffe d'or». Большая картина въ краскахъ занимала почти всю первую страницу и изображала мужчину, лежавшаго на кушеткѣ, и вдали женщину въ пеньюарѣ съ видомъ преступницы, которая что-то сыпала въ стаканъ. Много здѣсь печатается этой дряни—романовъ-фельетоновъ, и я хотѣла было уже бросить листъ, какъ вдругъ увидѣла слово «интернъ» внизу въ текстѣ. А... что бы это

такое могли писать объ интернахъ въ романѣ-фельетонѣ? Во всякомъ случаѣ—интересно.

И я внимательно прочла весь текстъ, напечатанный на листѣ. Начало было очень интересное: жена отравляла мужа, бывшаго интерна, одного изъ молодыхъ парижскихъ врачей, отравляла такъ искусно, что никто этого и не подозрѣвалъ,—и мужъ погибалъ медленною смертью отъ непонятной для своихъ коллегъ болѣзни. И фельетонъ ловко обрывался на самомъ интересномъ мѣстѣ....

Тутъ говорилось о врачахъ, буду читать этотъ фельетонъ...

1 іюля. Подготовка къ экзаменамъ притупляетъ мозгъ. Не могу читать ничего серьезнаго, но каждое утро—покупаю «Petit Parisien» и передъ тѣмъ, какъ сѣсть за книги—съ интересомъ читаю фельетонъ.

Что герой романа отравляется женой, это наконецъ стало ясно одному изъ дѣйствующихъ лицъ, которое и увозитъ его къ себѣ. Потомъ двое откуда-то появившіеся старые товарищи встрѣчаются послѣ долголѣтней разлуки, и одинъ спрашиваетъ другого: почему онъ не женился? А тотъ, вмѣсто отвѣта, говоритъ ему сонетъ д'Арвера:

Ma vie a son secret, mon âme a son mystère,
Un amour éternel en un instant conçu.
Le mal est sans espoir... aussi j'ai dû le taire
Et celle qui l'a fait, n'en a jamais rien su.

Hélas! j'aurai passé près d'elle inaperçu
Toujours à ses côtés, et pourtant solitaire.
Et j'aurai jusqu'au bout fait mon temps sur la terre
N'osant rien demander et n'ayant rien reçu.

Pour elle, quoique Dieu l'ait faite douce et tendre,
Elle ira son chemin distraite et sans entendre
Ce murmure d'amour, élevé sur ses pas.

A l'austère devoir pieusement fidèle,
Elle dira, lisant ces vers, tout remplis d'elle,
Quelle est donc cette femme? et ne comprendra pas.

Газета выпала у меня изъ рукъ, когда я прочла эти строки: это точно про меня написано:

Перемѣнить только «elle» на «lui» — и будетъ то же самое.

Le mal est sans espoir... ainsi j'ai dû le taire
Et celui qui l'a fait, n'en a jamais rien su.

Pour lui, quoique Dieu l'ait fait doux et tendre.
Il ira son chemin distrait et sans entendre
Ce murmure d'amour élevé sur ses pas...

Даже въ газетѣ, случайно—и то нахожу такое совпаденіе! Ну, что жъ?! Не могу же я разлюбить его. Ну и пусть—

Ma vie a son secret, mon âme a son mystère,
Un amour éternel en un instant conçu.
Le mal et sans espoir... ainsi j'ai dû le taire
Et celui qui l'a fait n'en a jamais rien su...

5 іюля, пятница. Иностранцы нашего пансіона понемногу разъѣзжаются. Уѣхалъ студентъ Упсальскаго университета, и нѣмецъ—преподаватель французскаго языка въ какой-то семинаріи для приготовленія пасторовъ. Тѣ немногія студентки Сорбонны, съ которыми познакомилась за эту зиму—тоже уѣхали, скоро я останусь совсѣмъ одна въ пансіонѣ. Меня усердно навѣщаетъ только нѣмецъ, да Бертье съ программами и книгами. Я усиленно занимаюсь.

8 іюля, понедѣльникъ. Пошла слушать Кореневскую: она сегодня сдаетъ экзаменъ и выдумала надѣть тогу, какъ студенты, хотя женщины и избавлены отъ этой формальности. И, Боже,—до чего она была смѣшна! Эта красивая старинная одежда очень идетъ къ фигурамъ высокимъ и стройнымъ, но ужъ никакъ не къ низенькой женской, съ симпатичнымъ, круглымъ, простымъ лицомъ русской поповны.

Нѣтъ, ни за что не надѣну эту тогу, что за интересъ быть смѣшной и некрасивой.

Усердно занимаясь весь годъ уголовнымъ правомъ—Кореневская по остальнымъ подготовилась только-только, чтобы сдать, и поэтому отвѣчала неважно. Но съ какой тревогой слѣдили за ней ея товарищи! Надо было видѣть, какъ они боялись за нее: какъ бѣгали взадъ и впередъ по двору, пока тянулся экзаменъ, около двухъ съ половиною часовъ.

Какъ ни мало расположенъ французскій студентъ смотрѣть на женщину, какъ на товарища,—все же и среди нихъ, какъ и вездѣ, можно встрѣтить порядочныхъ людей.

10 іюля, среда. Le mal est sans espoir... Такъ нѣтъ же! не поддамся я этому настроенію!

Надо уѣхать... Скорѣе, скорѣе, не буду ждать экзамена до 3-го августа, слишкомъ долго. Скажу Бертье, чтобы онъ ула-

дилъ дѣло, перемѣнюсь съ кѣмъ-нибудь номеромъ. Буду заниматься день и ночь—но сдамъ экзаменъ и скорѣе уѣду въ Англію. Чтобы не терять даромъ времени вакацій—научусь по-англійски. Буду работать какъ волъ, чтобы только овладѣть собою.

12 іюля, пятница. Стоитъ невыносимая жара. Я никакъ не могла себѣ представить—до какой степени можетъ быть жарко... Я задыхаюсь... Кажется, что въ головѣ не мозгъ, а раскаленные уголья. Кладу на голову компрессъ, раздѣваюсь и завертываюсь въ сырую простыню—и несмотря на это, съ трудомъ могу заниматься.

Сквозь закрытыя окна и ставни доносится шумъ съ улицы: это начинается національный праздникъ.

15 іюля. Вчера вечеромъ ходили смотрѣть съ Бертье и нѣмцемъ фейерверкъ на Pont-Neuf и танцы на улицахъ.

Французы умѣютъ и любятъ веселиться. Этотъ праздникъ тѣмъ интересенъ, что является дѣйствительно народнымъ—буржуазія теперь уже покинула свои роскошные отели въ Елисейскихъ поляхъ, аристократія—Сенъ-Жерменское предмѣстье; въ столицѣ остается рабочій народъ,—его предки разрушали Бастилію,—онъ же и празднуетъ этотъ день.

Чѣмъ уже улица—тѣмъ она оживленнѣе: висятъ гирлянды зелени, бумажныхъ цѣпочекъ; фонари, точно разноцвѣтные глаза, свѣтятъ въ темнотѣ, покачиваясь на невидимыхъ проволокахъ. Всюду маленькія эстрады для музыкантовъ, которые скрыты драпировкой, флагами, зеленью. То здѣсь, то тамъ раздаются польки и вальсы, и веселье бьетъ ключемъ... Молодежь танцуетъ; старики сидятъ у столиковъ кафе...

Атмосфера заражена весельемъ, какъ электричествомъ,—оно захватило и меня, и я съ увлеченіемъ танцовала съ моими спутниками на всѣхъ площадяхъ, гдѣ проходили. Нѣмецъ, кажется, влюбился и вздумалъ ревновать. Глупый мальчишка!

Какъ опасно позволить при себѣ смотрѣть на луну и читать Гейне...

17 іюля, среда. Madame Odobez постучалась ко мнѣ въ дверь и таинственно сообщила:

— M-elle, quelqu'un vous demande en bas, un homme, un monsieur... je suppose que ce doit être un nihiliste russe...

Такъ какъ все ея образованіе ограничивается умѣньемъ читать, писать и считать — то доказывать ей что, «nihiliste» — въ

Россіи давнымъ-давно не существуетъ,—безполезно. И я, заинтересованная, быстро побѣжала съ лѣстницы, стараясь угадать—кто бы это могъ быть.

Вотъ сюрпризъ! передо мной былъ одинъ изъ сотрудниковъ нашей газеты «Сѣверъ»—Иванъ Николаевичъ Корельскій.

Маленькій, некрасивый, застѣнчивый—онъ всегда носитъ блузу и говоритъ очень медленно. Вотъ эта-то, совсѣмъ необычайная для французскаго глаза внѣшность и заставила madame Odobez произвести его въ «нигилисты».

Я его мало знаю, но онъ славный человѣкъ. И, конечно, сразу предоставила себя въ его распоряженіе. Устроила его, нанявъ комнату въ нашемъ же пансіонѣ, который совсѣмъ опустѣлъ.

Онъ видѣлъ братьевъ передъ отъѣздомъ. Никто изъ семьи и не подумалъ прислать мнѣ ни письма, ни чего-нибудь съ родины. Но я была такъ рада, такъ рада увидѣться съ кѣмъ-нибудь изъ Ярославля.

Съ его пріѣздомъ на меня точно пахнуло вѣтромъ съ Волги, и на парижскомъ горизонтѣ мелькнули необъятныя родныя равнины, поля, луга, лѣса...

Онъ сидѣлъ и разсказывалъ, что дѣлается на родинѣ, а я жадно ловила каждое слово.

11 ч. 40 м. ночи[1]). Толстой умираетъ! Сейчасъ постучалась въ дверь madame и сообщила, что въ «Signal» телеграмма въ двѣ строчки—«l'état de Tolstoï est désespéré». Что?!

Моей родинѣ грозитъ новое, страшное несчастіе,—ко всѣмъ прежнимъ прибавится еще одно ужасное, непоправимое!

Что будетъ съ нами?!

Что будемъ мы, русскіе, безъ Толстого?

Вѣдь единственное, чѣмъ мы можемъ гордиться, что мы создали, дѣйствительно, своего за это столѣтіе—это наша литература. Она—наша слава, наша гордость, и Толстой явился міру какъ мощное проявленіе народнаго русскаго духа, какъ совѣсть русскаго народа, которая, расширяясь и отбросивъ національныя рамки, стала всемірною совѣстью.

Твой стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой,
И отзвукъ мыслей благородныхъ
Звучалъ какъ колоколъ на башнѣ боевой
Во дни торжествъ и битвъ народныхъ...

---

[1]) Эта запись въ «Дневникѣ» печатается впервые. *Прим. ред.*

Его слово было этимъ божіимъ духомъ. Въ геніяхъ есть нѣчто сверхъестественное.

Моя любовь къ нему—безгранична, и горю моему не будетъ конца, если случится то ужасное, неизбѣжное, о чемъ пишутъ въ газетахъ.

Madame ушла. Я бросилась на колѣни передъ его портретомъ и молилась... кому? какому невѣдомому мнѣ Богу? какой высшей силѣ?

Сердце было полно; слезы навертывались на глаза, и ужасъ и горе охватывали душу...

Вѣдь въ его годы—все можетъ случиться... Хотя... 74 года... Гёте умеръ 82 лѣтъ... Живутъ и дольше. Отчего же Толстому не жить.

Мы и такъ достаточно несчастны. Что жъ—неужели еще мало?! неужели судьба отниметъ у насъ нашу славу, нашу гордость—какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, быть можетъ, мы переживаемъ подготовительныя минуты передъ неизбѣжной впереди революціей?

Левъ Николаевичъ! Если бъ этотъ крикъ сердца любящей васъ Россіи могъ выразиться въ звукѣ—кажется, содрогнулся бы весь земной шаръ. Пусть ..... синодъ занимается ..... «отлученіями» и запрещаетъ... «божественную службу»—наше горе народное, горе всѣхъ мыслящихъ людей всего земного шара будетъ великой вселенской панихидой надъ могилою великаго человѣка.

Я смотрю на его портретъ въ блузѣ, и мнѣ кажется, что его глаза смотрятъ еще печальнѣе...

О, Господи, если Ты есть—спаси его, спаси ради насъ, ради милліоновъ живыхъ существъ, которымъ онъ свѣтитъ, какъ живой свѣточъ истины, любви, совѣсти, добра,—всего, чѣмъ живъ человѣкъ!

Или мы, или наше горе, наши слезы—ничто для Тебя?!

Мы ничтожны, да, но вѣдь все же мы—люди...

И если Ты создалъ насъ—не презирай нашихъ просьбъ...

Спаси его, отдай его намъ, погоди брать себѣ!

Погоди, погоди!! а если завтра... прочту въ газетахъ...

19 іюля, пятница. Сорель пишетъ корреспонденціи въ нашъ «Сѣверъ»,—и Корельскій хотѣлъ зайти къ ней, но она уже уѣхала въ деревню. Онъ пожалѣлъ, что не удалось познакомиться съ этой интересной женщиной.

Я съ жаромъ стала описывать ему ея красоту, талантъ, ея мужа, ихъ безмятежное семейное счастье...

Иванъ Николаевичъ внимательно слушалъ и вдругъ сказалъ, по своему обыкновенію—медленно, съ разстановкой, точно заикаясь:

— Все это хорошо. Но все-таки жаль, когда русскія интеллигентныя женщины выходятъ замужъ за иностранцевъ. Онѣ нужны намъ въ своей странѣ. Смотрите и вы... не выйдите здѣсь замужъ.

Хорошо, что въ комнатѣ было темно отъ затворенныхъ ставней, и онъ не могъ видѣть моего лица. Сердце точно остановилось, что-то холодное-холодное прошло по тѣлу, и въ глазахъ помутилось.

Я молча подошла къ умывальнику, налила воды въ чайникъ и поставила на спиртовую лампочку.

И только потомъ могла сказать, какъ можно болѣе беззаботнымъ тономъ:

— Ну, вотъ еще, глупости какія,—за это нечего опасаться. Я слишкомъ люблю Россію, чтобы остаться здѣсь. Смотрите—какъ я рада васъ видѣть, какъ я за вами ухаживаю... Нѣтъ, нѣтъ—пусть придетъ сюда какой угодно красавецъ и умница французъ—я не промѣняю на него ваше общество.

Я говорила быстро, задыхаясь, что-то сжимало горло... И мнѣ страшно было, что онъ вотъ-вотъ перебьетъ меня, и хотѣлось заразить его увѣренностью, съ какой сама говорила.

А онъ внимательно посмотрѣлъ на меня прекрасными голубыми грустными глазами—и покачалъ головой, точно не довѣряя моимъ словамъ:

— Хорошо вы говорите... смотрите только...

Я съ жадностью схватила его за руку, радостно улыбаясь.

— Иванъ Николаевичъ, милый, и какъ же вамъ не грѣшно! Да вы взгляните только на меня. Вѣдь отъ одного сознанія, что вы здѣсь—я вся преобразилась, сразу чувствую себя лучше, спокойнѣе какъ-то. Да не стоитъ и толковать о такихъ несуществующихъ вещахъ,—давайте лучше чай пить...

А когда онъ ушелъ, я заперлась на ключъ и упала на кровать, задыхаясь отъ слезъ. Я плакала не оттого, что любовь моя —безъ отвѣта, я знаю это, и еще ни разу слезы не навертывались на глаза... Я плакала оттого, что полюбила *чужого,* которому все наше непонятно и чуждо, какъ нашъ языкъ...

Отчаяніе, страшное, безграничное отчаяніе охватило душу, и я была бы рада умереть...

И перебирая въ умѣ всю свою прошедшую жизнь—нахожу одинъ вопросъ: отчего, отчего я не встрѣтила раньше человѣка,

котораго могла бы полюбить? Если я на курсахъ жила замкнуто въ тѣсномъ кружкѣ товарокъ—то по Россіи пришлось мнѣ поѣздить немало.

Отчего—ни на голодѣ, въ глуши русской деревни, ни на Кавказѣ, ни въ Финляндіи, ни во время безконечныхъ переѣздовъ изъ края въ край Россіи, въ вагонѣ желѣзной дороги,—отчего, отчего я не встрѣтилась съ нимъ?

И я рада была ухватиться за мысль, что тѣмъ болѣе не надо мнѣ его любить... что это безумная любовь—такъ лучше вырвать ее изъ своего сердца и побѣдить себя самое...

Все равно нѣтъ выхода...

Если бы даже онъ и полюбилъ меня?

Что жъ, поѣхалъ бы онъ, этотъ изящный парижанинъ, со мной въ нашу русскую деревню лѣчить бабъ и мужиковъ? согласился бы онъ промѣнять весь блескъ, всю прелесть цивилизаціи «города свѣточа»—ville lumière—на нашу русскую тьму и бѣдность?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ...

А безпощадный внутренній голосъ спрашивалъ: а если бы онъ, твой милый, любимый, сказалъ: я люблю тебя, останься здѣсь со мною навсегда... отвѣчай, отвѣчай,—согласилась бы ты?

И при одной этой мысли цѣлый адъ поднимается въ душѣ...

Нѣтъ, такъ лучше, что онъ не любитъ меня... по крайней мѣрѣ, одна я страдаю...

21 іюля, воскресенье. Бертье сломя голову прибѣжалъ съ извиненіемъ, что ему, наконецъ, удалось найти товарища, согласнаго перемѣниться номеромъ. Сдаю въ пятницу.

А какъ быть съ книгой? придется написать ему, спросить—куда и кому ее отдать.

23 іюля, вторникъ. Получила отвѣтъ.

Mademoiselle. La seule raison qui m'ait empêché de vous répondre depuis quelque temps—c'est que je n'ai pas eu une minute libre. J'étais occupé par des opérations que je faisais faire à des personnes de ma famille, et il m'était impossible de trouver un moment pour vous voir. Si vous voulez me rendre le livre, je vous prie de l'apporter un matin à neuf heures, cette semaine, à Boucicaut.

Mes sentiments les meilleurs et les plus dévoués.

22 Juillet 1901. E. Lencelet.

24 іюля, среда. Чтобы пріѣхать въ Бусико къ девяти часамъ утра,—надо было встать рано. Я сплю долго, по русской привычкѣ—и очень торопила madame Odobez съ утреннимъ завтракомъ. Я старалась не думать о немъ... какъ будто бы иду только по дѣлу. Но зеркало предательски отражало мое оживленное лицо и всю стройную фигуру въ бѣломъ платьѣ.

Я рѣшила надѣть что-нибудь темное, старое, некрасивое, но на улицѣ такая жара, такая жара,—иначе какъ въ бѣломъ днемъ и выйти нельзя.

Когда я пріѣхала къ Бусико—его еще не было. Ждать пришлось долго, чуть ли не цѣлый часъ. Я усердно читала Constitutionnel—Esmein'a, чтобы не терять времени даромъ. И все-таки увидѣла его еще издали, когда онъ быстро подходилъ къ павильону. На этотъ разъ онъ былъ безъ черной шапочки—мнѣ бросились въ глаза рѣдкіе волосы на головѣ. Такой молодой и уже... лысый. Видно, хорошо провелъ молодость!

Онъ увидѣлъ меня въ корридорѣ, остановился, поздоровался.

— Извините,—я опоздалъ и очень спѣшу. Все это время я былъ такъ занятъ. Одна изъ моихъ кузинъ больна—ей дѣлали операцію... вѣроятно, она умретъ.

— Вотъ ваша книга,—сказала я, не смотря на него.—Очень вамъ благодарна. Вы правы—читать ее было безполезно, я все-равно ничего не поняла.

Онъ взялъ книгу и пошелъ немного проводить меня. Я шла быстро, опустивъ голову, стараясь не слышать звуковъ этого чуднаго тихаго голоса, который, казалось, проникалъ прямо въ сердце.

— Прощайте,—сказала я.

— До свиданія. Извините, что не провожаю васъ до дверей,—я долженъ скорѣе вернуться.

Мнѣ и не надо было, чтобы онъ провожалъ меня до дверей. Я спѣшила уйти изъ этого госпиталя, и, едва сѣвъ въ конку, раскрыла Конституціонное право... Экзаменъ скоро...

28 іюля, суббота. Сдала экзаменъ. Теперь скорѣе бѣжать отсюда. Взяла билетъ на Лондонъ прямого сообщенія—Парижъ-Руанъ-Діеппъ-Ньюгавенъ.

Иванъ Николаевичъ пробудетъ здѣсь еще съ недѣлю, а потомъ идетъ пѣшкомъ путешествовать по Швейцаріи. Звалъ меня пойти съ собой—отдохнуть отъ занятій. Я отказалась: тамъ такая чудная природа, все расположитъ къ мечтамъ.

Нѣтъ, я уѣду лучше въ такую страну, гдѣ все для меня ново, гдѣ языкъ непонятенъ, гдѣ ничто, ничто не напоминаетъ о немъ.

Въ совершенно другой обстановкѣ я, навѣрное, скорѣй забуду о немъ, а масса новыхъ впечатлѣній—не дадутъ мнѣ и опомниться. Я составила себѣ цѣлую программу, что дѣлать: по пріѣздѣ прежде всего—овладѣть немного языкомъ, а потомъ—ознакомиться съ женскимъ движеніемъ и физическимъ воспитаніемъ дѣтей, съ народными университетами. Все это полезно—и пригодится въ моей будущей дѣятельности.

Лондонъ, 1 августа. Городъ громадный, городъ-чудовище раздавилъ, уничтожилъ меня. Безконечныя улицы, однообразные дома... до такой степени однообразные, что можно позвонить, войти и не замѣтить, что это чужой домъ.

На улицахъ—движенія еще больше, чѣмъ въ Парижѣ, безпрерывно снуютъ на велосипедахъ мужчины, женщины и дѣти. Языкъ гортанный, шелестящій, котораго я не понимаю... все ново и чуждо...

Я поселилась на одной изъ окраинъ города, въ одномъ изъ безчисленныхъ красныхъ уютныхъ домиковъ. Мой случайный знакомый по русской читальнѣ далъ адресъ одного изъ своихъ земляковъ, который служитъ наборщикомъ въ одной изъ здѣшнихъ типографій. Этотъ услужливый и милый юноша помогъ мнѣ устроиться первое время и будетъ показывать Лондонъ.

3 августа, суббота. Послѣ французскихъ семей, гдѣ самое большее—двое, трое дѣтей,—англійскія невольно удивляютъ своею многочисленностью. Я уже успѣла отвыкнуть отъ нашихъ русскихъ большихъ семей,—и теперь какъ-то странно снимать комнату въ семьѣ, гдѣ пятеро-шестеро дѣтей. Но что здѣсь особенно поразительно—численное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами. Всюду—пять-шесть дочерей, одинъ-двое сыновей, или даже вовсе ни одного, и такъ какъ всѣ англичанки ѣздятъ на велосипедахъ, то на улицахъ велосипедистокъ больше, чѣмъ велосипедистовъ.

Несчастныя миссъ! имъ не хватаетъ мужей... и въ странѣ насильственно образуется «третій полъ».

Отчего же такое явленіе? чѣмъ оно объясняется?

Я тщетно ломаю себѣ голову. Знаю, что есть разныя теоріи, изъ которыхъ одна: темпераментъ болѣе страстный производитъ полъ себѣ противоположный — кажется мнѣ наиболѣе вѣроятной. Я провѣряла ее на своихъ родныхъ—выходило вѣрно. И въ недоумѣніи подѣлилась своими соображеніями съ моимъ знакомымъ. Тотъ былъ пораженъ. Его, оказывается, тоже

занималъ этотъ вопросъ, и теперь онъ увѣрялъ, что эта теорія вѣрна.

— Теперь мнѣ ясно! Я, какъ мужчина, знаю отношенія половъ ближе, чѣмъ вы, и могу сказать, что англичанки страшно холодны, англичане же съ женщинами—прямо звѣри. Я живу здѣсь три года, я не аскетъ и отъ сношеній съ женщинами не отказываюсь. Такъ ужъ довольно навидался... охъ, какіе они звѣри! Надо видѣть, какъ они бросаются на жен...

И юноша вдругъ запнулся и покраснѣлъ, вспомнивъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ разговорѣ съ незамужней женщиной.

Я разсмѣялась и поспѣшила успокоить его взволнованную совѣсть. Но загадка—такъ и остается загадкой. Вѣрить справедливости словъ этого юноши—рискованно;—чѣмъ же, чѣмъ это объяснить?

5 августа, понедѣльникъ. Осматриваю Лондонъ. Была въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, въ Національной галлереѣ.

Огромныя разстоянія и трудность объясняться очень утомляютъ меня. Для англичанъ—мало знать языкъ, надо умѣть произносить по-ихнему—они не могутъ понять самаго простого слова, если оно сказано неправильно.

Догадки, сметки,—на которую такой мастеръ русскій мужикъ, понимающій любого иностранца по соображенію,—у нихъ никакой. Мозгъ какой-то негибкій, односторонній.

Это начинаетъ меня раздражать: ищешь-ищешь слова, а его нѣтъ, а догадаться они не могутъ.

На-дняхъ пришлось быть на почтѣ. Мнѣ хотѣлось, чтобы чиновникъ самъ заполнилъ бланкъ для пересылки денегъ, я боялась сдѣлать ошибку. А онъ хоть и понялъ, но не хотѣлъ этого сдѣлать, и стоялъ, какъ истуканъ, качая головой и хладнокровно повторяя—«по-о».

Это вывело меня изъ себя,—и я даже по-англійски сумѣла послать его къ чорту.

Русскій, французъ, конечно, тотчасъ же вспылили бы тоже, но англичанинъ даже бровью не повелъ. Я разсердилась еще больше, и въ концѣ-концовъ настояла-таки на своемъ, заставивъ его заполнить бланкъ...

Моимъ недоразумѣніямъ и затрудненіямъ, по незнанію языка, не было бы конца, если бы въ Лондонѣ не было полицейскихъ.

Это дѣйствительно—идеалъ. Скромно одѣтые въ синюю куртку и синюю фетровую каску—они стоятъ всюду и исполняютъ свою должность слугъ общества: помогаютъ старымъ, слабымъ,

указываютъ дорогу, провожаютъ до омнибусовъ—подсаживаютъ туда дѣтей. Мы, жители континента, такъ привыкли, чтобы полиція знала одно: «тащить и не пущать», что англійскіе полицейскіе являются существами какого-то высшаго порядка.

Сначала я не вѣрила себѣ, какъ подошла къ одному изъ этихъ высокихъ, стройныхъ, симпатичныхъ джентльменовъ, и онъ указалъ мнѣ все, что надо, объяснилъ, написалъ на бумажкѣ, такъ какъ я не понимала,—и все это вѣжливо, какъ любой молодой человѣкъ «изъ общества».

Я начинаю думать, что, должно быть, духъ націи отражается на ея блюстителяхъ порядка.

Въ Берлинѣ, гдѣ все дышитъ воспоминаніями побѣды 1870 года, гдѣ что-то воинственное носится въ воздухѣ, гдѣ воздвигнутъ гордый памятникъ Вильгельму Первому, украшенный львами съ разинутою пастью и оскаленными зубами, цѣпями и ружьями,—тамъ и городовые въ блестящихъ мѣдныхъ каскахъ съ военной выправкой напоминаютъ задорныхъ индѣйскихъ пѣтуховъ.

Французскій полицейскій, одѣтый просто и изящно, въ фуражкѣ и пелеринкѣ, имѣетъ видъ элегантнаго и легкомысленнаго папильона, готоваго ежеминутно упорхнуть съ дамой въ ближайшее кафе.

О нашемъ русскомъ городовомъ и говорить нечего: онъ простъ, мѣшковатъ, сѣроватъ и... грубъ.

И каждый день, усталая отъ похожденій по городу, я засыпала, вспоминая объ услугахъ этихъ джентльменовъ, и съ наслажденіемъ думала, что ихъ въ Лондонѣ—пятнадцать тысячъ... Съ такой полиціей можно спать спокойно, и нечего опасаться за свою личную безопасность.

8 *августа, четвергъ.* Когда читаешь англійскую газету—точно чувствуешь біеніе пульса мощной міровой жизни... Со своего небольшого острова англичане слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ, получаютъ извѣстія буквально со всѣхъ концовъ земного шара. Названія, которыя мы когда-то, давнымъ-давно учили въ учебникахъ географіи,—здѣсь оживаютъ: Канъ, Новый Южный Валлисъ, Мадера, Бомбей, Суматра, Ява—всѣ шлютъ извѣстія о своей жизни. И статьи! жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ отражается въ нихъ: политика, мѣстныя самоуправленія, собранія, спортъ, и на ряду съ этимъ—заграничныя корреспонденціи изъ всѣхъ государствъ континента. Поэтому англійскія газеты превосходны. Куда до нихъ французскимъ! Помню, какъ я была разочарована ими. При полной свободѣ печати, французы не

сумѣли сдѣлать ничего другого, какъ обратить печатное слово въ орудіе партій. За исключеніемъ болѣе или менѣе передовыхъ по направленію статей—на первой страницѣ, вторая и третья нанаполнены мелкими извѣстіями, анекдотами, обстоятельной хроникой убійствъ и происшествій, неизбѣжнымъ романомъ-фельетономъ, а четвертая—объявленіями. Вотъ и все. Нѣтъ ни провинціальныхъ корреспонденцій, ни иностранныхъ, ни колоніальныхъ. Зато личная партійная перебранка на первомъ планѣ, и непосвященному въ тонкости политики трудно разобраться въ этой путаницѣ личныхъ мнѣній: monsieur un tel ругаетъ un tel, а кто изъ нихъ правъ—попробуй, разбери... Газеты, наиболѣе обстоятельно освѣдомленныя—«Temps» и «Journal des Débats»,—консервативны и дороги, 15 сантимовъ, тогда какъ въ Англіи за 2 копѣйки можно купить газету любого направленія, но одинаково хорошо освѣдомленную обо всемъ, что дѣлается интереснаго на свѣтѣ. А это—самое важное для читателя газеты.

Безпрерывная личная перебранка въ печати, вмѣсто воспитывающаго—оказываетъ развращающее вліяніе на читающую массу: пріучаетъ и ее сосредоточивать свое вниманіе на узкихъ личныхъ спорахъ и не открываетъ болѣе широкихъ горизонтовъ. Не оттого-ли французы и не видятъ и не понимаютъ ничего на свѣтѣ кромѣ своей страны, что ихъ сосредоточенность на самихъ себѣ поддерживается печатью, которая изо дня въ день преподноситъ имъ одну и ту же стирку собственнаго бѣлья.

12 августа. Продолжаю осмотръ Лондона. Сегодня суббота, и съ двѣнадцати часовъ работа всюду прекращена; дѣловая жизнь замираетъ... Завтра всѣ англичане пойдутъ въ церковь, а потомъ поѣдутъ въ парки...

Купила себѣ старый велосипедъ: безъ него немыслимо жить при здѣшнихъ разстояніяхъ. Англичанки въ отличіе отъ француженокъ ѣздятъ въ юбкахъ, тогда какъ тѣ большею частью въ шароварахъ. Я быстро усвоила себѣ здѣшнюю посадку: англичанки ѣздятъ, держась чрезвычайно прямо, и не дѣлаютъ никакого видимаго усилія, чтобы управлять велосипедомъ. Такъ мнѣ очень нравится.

И вообще, я неожиданно открыла въ своемъ характерѣ нѣкоторыя черты, сходныя съ англійскими. Не говоря уже о внѣшности, хотя я чисто великорусскаго происхожденія—я не обладаю фигурой русской женщины—съ пышно развитой грудью и боками. Я тонка и держусь всегда чрезвычайно прямо.

Нравится мнѣ также и внутренность англійскихъ домовъ, ихъ

комфортъ, то умѣнье, съ какимъ англичанинъ умѣлъ устроить свое помѣщеніе. Въ ихъ комнатахъ нѣтъ французской пестроты, онѣ не заставлены мебелью какъ въ Парижѣ—повернуться негдѣ, изъ боязни, чтобы не опрокинуть столикъ съ какими-нибудь bibelots. Онѣ высоки, свѣтлы, просторны и убраны, если можно такъ выразиться, съ спокойнымъ, благороднымъ изяществомъ. Камины больше и уютнѣе французскихъ. Они пока еще не топятся; но по одному внѣшнему виду можно себѣ представить,— до чего хороши они въ длинные зимніе вечера, когда вся семья собирается около огня.

Англійскій каминъ—это такая же поэзія домашняго очага, какъ у насъ самоваръ. Недаромъ поэты воспѣваютъ его...

Принято почему-то считать англичанъ неспособными понимать поэзію, искусство... Какая ошибка! Да, они обладаютъ очень своеобразной артистической жилкой: умѣньемъ устраивать свое жилище. И ихъ практичность сдѣлала это умѣнье народнымъ, распространило его на рабочіе классы. Характерно, что Вильямъ Моррисъ и Джонъ Рескинъ — эти апостолы религіи красоты, старавшіеся распространить ее, сдѣлать доступной для массъ—были англичане.

Я мало цѣню роскошные художественные французскіе салоны въ разныхъ стиляхъ, разъ они доступны массѣ.

А здѣсь—рабочій живетъ въ чистомъ домикѣ, устроенномъ такъ разумно и уютно, что любой русскій столичный интеллигентъ можетъ позавидовать ему въ удобствѣ.

Англичане у себя на островѣ создали своеобразную моду— носятъ бѣлыя пикейныя платья, живописныя шляпы съ широкими полями и перьями, и еще какія-то очень красивыя и оригинальныя, какихъ на континентѣ не носятъ: газовыя оборки, пришитыя къ соломенной тульѣ, обрамляютъ лицо и образуютъ какъ бы вродѣ капора. Такія шляпы очень идутъ къ юнымъ лицамъ, обрамленнымъ локонами.

Я всегда любила бѣлый цвѣтъ и шляпы съ большими полями. Также и спортъ. И моя любовь къ лодкѣ, къ плаванію— не мало возмущала мать. А велосипедъ я могла купить себѣ только, когда была совершеннолѣтняя. Такая, ничѣмъ не объяснимая любовь къ спорту окончательно потеряла меня въ глазахъ матери.

Я столько перенесла отъ непониманія окружающими моихъ склонностей—и теперь наслаждаюсь сознаніемъ, что то, что далось мнѣ съ такимъ трудомъ, здѣсь—достояніе всякой женщины чуть не съ дѣтства.

А какъ хороши англійскіе парки! Это, пожалуй, самое лучшее, что я видѣла въ Лондонѣ. У насъ, въ Россіи, природа въ городахъ точно тортъ—разрѣзана и аккуратно расположена по кусочкамъ. Немудрено, что для сохраненія ихъ въ приличномъ видѣ «по травѣ ходить, деревья ломать, цвѣты рвать и собакъ водить—строго воспрещается».

А здѣсь—всѣ идутъ въ громадные парки, какъ къ себѣ въ домъ, располагаются, гдѣ хотятъ; завтракаютъ, читаютъ, спятъ на лонѣ природы... Съ непривычки я сначала все озиралась кругомъ: казалось, вотъ-вотъ вырастетъ знакомая фигура блюстителя порядка и внушительно произнесетъ: «ходить по травѣ не приказано».

Англичанъ можно не любить, но имъ нельзя не удивляться. Есть въ этой націи какая-то желѣзная энергія—сила, которой намъ недостаетъ.

Когда подумаешь, что̀ сдѣлано на этихъ островахъ, на пространствѣ меньшемъ двухъ-трехъ нашихъ губерній—только тогда представишь себѣ ясно, до какой степени интенсивна здѣсь жизнь, и насколько она у насъ экспансивна.

Національный характеръ англичанъ—прямое слѣдствіе географическаго положенія страны. И поэтому мнѣ положительно смѣшно слушать выраженія порицанія ихъ эгоизму, гордости и пр. Очевидно, у насъ въ обществѣ еще мало распространены знанія о вліяніи географическаго положенія на характеръ жителей. Чѣмъ они виноваты, что природой отдѣлены отъ остальной Европы, что у нихъ необыкновенно предпріимчивый духъ, практичность? И если бы мы были на мѣстѣ англичанъ и при своей изолированности создали бы то же, что они—неужели и въ насъ не развилось бы то же гордое домосознаніе?

12 августа, понедѣльникъ. Страшно устала...

Сколько уже дней прошло, какъ я здѣсь... если бъ получить письмо отъ него?

Но какъ, но что могу я написать ему?—какъ врачу, конечно,—хотя и чувствую себя хорошо. Но иначе нельзя... и вотъ я пишу.

Monsieur.

C'est au-dessus de mes forces. je n'en puis plus. Je sais que je ne dois pas m'adresser à vous,—je le sais—mais ce mal domine tout: l'orgueil, l'amour-propre, il me semble que rien ne me reste, rien que cet état affreux dont le seul remède sûr—c'est la mort. Elle ne m'effraye pas, mais c'est l'inconnu au-déla. «Où trouverai-je

maintenant la force pour vivre, et comment supporterai-je le jour de la mort?» Personne n'a pu répondre à cette question de Nietsche, qui est-ce qui me répondra?

15 августа, четвергъ. Это еще ничего не значитъ, что я ему написала: это только такъ. Я веду теперь такую дѣятельную жизнь; жаль только, что успѣхи въ англійскомъ языкѣ подвигаются медленно, такъ какъ, когда мой знакомый свободенъ и приходитъ ко мнѣ,—мы говоримъ по-русски, остальное же время осматриваю Лондонъ одна. Практики въ языкѣ слишкомъ мало...

16 августа, пятница. Сегодня утромъ увидѣла я на столѣ бѣлый конвертикъ съ изящнымъ почеркомъ... Какое счастье держать его въ рукахъ, какое страданіе читать письмо, которое въ немъ лежитъ!

Mademoiselle,—читала я,—Vous êtes trop complète, trop intelligente, trop philosophe, trop embarrassée de vos idées! Vous rappelez-vous certain mot de l'Ecriture: «Heureux les pauvres d'esprit, parce que le royaume des cieux leur appartient»... Faites en l'application que vous voudrez, donnez lui l'application qui vous semblera bonne, je vais moi en deux mots vous dire comment je le traduis et le comprends: «Celui qui cherche ne trouvera pas; celui qui pense—abîmera sa pensée, celui qui veut savoir ne saura pas; l'homme est enclos dans la petitesse de son cerveau, il essaie de se faire grand, d'approcher du fini et de l'infini par la science, il n'arrive qu'à reculer les frontières de son impuissance: plus il sait, plus il comprend qu'il ne saura pas; plus il comprend qu'il ne saura pas,—plus il souffre; plus il souffre,—plus il maudit la vie qu'il subit; plus il la maudit,—plus il veut mourir. Tel est, mademoiselle, votre mal. Vous ne sortirez pas du cercle étroit où l'homme tourne dans la vie comme dans la mort. Sachez-vous résigner à être rien, même si vous pensez pouvoir être quelque chose. Car vous ne pouvez pas être moins que vous êtes, et vous ne pouvez guère être davantage. Vous êtes une des formes des choses universelles,—il faut que ce qui unit les atômes qui vous animent soit en vous ou soit hors de vous. Mais vous-même n'êtes qu'un accident. Sachez le rester et vous en contenter; votre mal serait inutile comme votre vie.

Aussi terminerai-je en vous disant: vous n'êtes responsable de rien, même pas des pensées qui vous accablent, même pas du désir de suicide que vous avez,—car vous ne savez ni ne pouvez faire que vous soyez autre que vous-même. Si vous devez vous

sacrifier, vous le ferez, si vous devez—vivre—vous vivrez. Le seul moyen que je connaisse pour vous d'arriver à employer votre énergie et votre activité c'est de travailler sans vous poser la moindre question sur vos futures destinées, ni sur votre avenir. Quand vous êtes venue en France, vous ne saviez pas plus qu'aujourd'hui ce que devait être l'avenir, et cependant vous y êtes venue: eh bien! faites maintenant ce que vous avez fait à cette époque: *agissez* et ne vous posez pas tant de questions inutiles; on ne devient maître de soi-même que quand on sait ne pas tenir compte de soi-même.

Veuillez croire, mademoiselle, que mes sincères souhaits pour votre retour à l'équilibre ne sont pas seulement une vaine formule de politesse destinée à terminer cette lettre.

Votre bien dévoué

15 Août 1901. Lencelet.

Какое холодное, разумное письмо! И какъ хорошо написано. Такимъ слогомъ, какимъ владѣетъ здѣсь всякій обыкновенный образованный человѣкъ—у насъ пишутъ только немногіе талантливые писатели...

Несмотря на то, что все это письмо — одно безстрастное, отвлеченное разсужденіе,—каждое слово, каждая буква въ немъ—дороже мнѣ всѣхъ сокровищъ міра.

Только... немного поменьше бы разсужденія, побольше инстинктивнаго движенія сердца. Я была бы счастлива уже и тѣмъ, что въ его душѣ есть симпатія ко мнѣ; но даже и этого нѣтъ... и къ чему только подписался онъ «votre bien dévoué»?

О, если бы онъ дѣйствительно былъ такимъ!...

18 августа, воскресенье. Зачѣмъ только я написала ему?! Теперь всѣ декораціи, которыми я такъ тщательно загораживала отъ себя дѣйствительность,—разрушены. Ни новыя мѣста, ни новыя впечатлѣнія—не отвлекаютъ меня теперь отъ мысли о немъ... Одиночество въ странѣ, гдѣ не знаешь языка—еще страшнѣе,—все чаще и чаще думаю о Франціи...

Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?!!

18 августа, воскресенье. Нѣмецъ устроилъ глупую исторію. Поѣхалъ за мной сюда, преслѣдуетъ ревностью. Я разсердилась и указала на дверь. Нѣтъ, рѣшительно—надо уѣхать отсюда.

Вотъ что значитъ такъ мало знать жизнь и мужчинъ, и быть вѣчно погруженной въ книги, какъ я! Готовясь къ экзаменамъ—

и не замѣтила, что мальчишка за мной ухаживаетъ, думала—ничего серьезнаго, а вышло вонъ что,—и Парижъ онъ бросилъ, и сюда поѣхалъ, и чуть съ ума не сходитъ! Еще, пожалуй, исторія выйдетъ.

Да, устала я и отъ Лондона, и отъ этой глупости... Уѣду куда-нибудь въ провинцію, на берегъ моря,—тамъ отдохну. Только выберу сторону поближе къ Франціи.

Недалеко отъ острова Уайта есть курортъ Barnemouth, говорятъ—очень красивая сторона. Вблизи — маленькій городокъ Southborne on Sea, тамъ можно отлично и недорого устроиться на берегу моря. Вотъ туда и поѣду...

Southborne on Sea, 23 августа. Изъ окна моего деревяннаго коттэджа открывается спокойный англійскій пейзажъ: деревья на зеленой лужайкѣ; бѣлая лента безукоризненной шоссейной дороги, обсаженная съ обѣихъ сторонъ кустами ежевики, протянулась передо мной; кругомъ—красивые домики съ неизбѣжнымъ садикомъ впереди. Море—въ четверти часа ходьбы. Вездѣ тишина, но не мертвая тишина нашей русской провинціи, а скорѣе спокойствіе: дорога очень оживлена—часто проходятъ автомобили, омнибусы, ѣздятъ торговцы, велосипедисты, словомъ—она дѣйствительно служитъ путемъ сообщенія.

Живу теперь очень спокойно и однообразно: занимаюсь по-англійски, купаюсь въ морѣ, помогаю своей хозяйкѣ—миссисъ Джонсонъ—въ работахъ на огородѣ.

Узнала, что по сосѣдству живетъ другъ великаго писателя. Я была въ восторгѣ. Вотъ-то интересно познакомиться! Навѣрное—это человѣкъ выдающійся по умственнымъ и душевнымъ качествамъ.

Навѣрное, въ его обществѣ можно забыть о многомъ и многому научиться.

25 августа, воскресенье. Сегодня миссисъ Джонсонъ разодѣлась по-праздничному и что-то начала мнѣ объяснять. Я никакъ не понимала.

Она повела меня черезъ дорогу къ цвѣтной афишѣ, приклеенной на стѣнѣ, и я прочла, что сегодня въ Christchurch'ѣ выставка садоводства и огородничества, всего одинъ день. Я тотчасъ же изъявила свое согласіе сопровождать мою хозяйку, и мы отправились вмѣстѣ съ ней и ея подругой въ Christchurch. Это небольшой сосѣдній городокъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ Англіи. Тамъ могила Шелли.

Выставка помѣщалась въ очень живописномъ уголкѣ—среди развалинъ стараго замка, обвитыхъ плющемъ; на свѣжей зеленой травѣ раскинулись бѣлыя палатки. Тамъ въ образцовомъ порядкѣ на тарелкахъ были разложены фрукты, овощи, цвѣты въ горшкахъ и вазахъ. Публика толпилась передъ ними. Я мало что понимаю въ сельскомъ хозяйствѣ и, не будучи въ состояніи оцѣнить достоинствъ выставленныхъ предметовъ—любовалась ихъ красотой.

Когда стемнѣло—началась оригинальная, еще невиданная мной игра: женщины стали въ кругъ, держась за руки; молодые люди прохаживались въ этомъ кругу, бросая на плечи то той, то другой пучокъ нитокъ, и тотчасъ же убѣгали. Дѣвушки гнались за ними—тѣ, конечно, давали себя поймать,—и дѣло кончалось поцѣлуями. Очевидно, здѣсь игра эта одна изъ самыхъ любимыхъ: она не прекращалась почти весь вечеръ, и чѣмъ болѣе темнѣло, тѣмъ становилась оживленнѣе.

Я стояла, смотрѣла и думала, что въ этой игрѣ есть свой raison d'être для женщинъ: вѣдь сколько англичанокъ осуждено на безбрачіе!—Для многихъ изъ нихъ эта игра представляетъ иллюзію романа: подъ покровомъ темной ночи такъ пріятно и поэтично очутиться въ сильныхъ объятіяхъ.

Но сама въ кругъ не шла. Моя хозяйка—молодая женщина, и ея подруга—уже не молодая дѣвушка, были въ полномъ упоеніи отъ этой игры. Имъ то и дѣло летѣли на плечи бѣлые пучки нитокъ, онѣ убѣгали, ловили и возвращались на свое мѣсто розовыя и запыхавшіяся отъ бѣга и поцѣлуевъ.

И помирая со смѣху, миссисъ Джонсонъ и миссъ Эдитъ тащили меня въ кругъ.

Я энергично мотала головой и всячески выражала свое несогласіе, но съ двумя сильными женщинами трудно было сладить. Ихъ, очевидно, очень забавляла мысль—какъ иностранка будетъ участвовать въ ихъ игрѣ, и онѣ, смѣясь, втащили меня въ кругъ.

Черезъ минуту на плечѣ моемъ лежалъ пучокъ нитокъ—высокій красивый юноша потихоньку убѣгалъ, оглядываясь на меня. Мнѣ быстро выпустили руки и толкнули меня впередъ. И я вмигъ очутилась въ объятіяхъ юноши. Его голова наклонилась...

— Да вѣдь этакъ и въ самомъ дѣлѣ онъ меня поцѣлуетъ!—и, изгибаясь какъ змѣя, я высвободилась и выскользнула изъ его рукъ, такъ что онъ успѣлъ поцѣловать только газъ на моей шляпѣ.

Раздался громкій смѣхъ... хохотали всѣ окружающіе; юноша ничего не понималъ... Миссисъ Джонсонъ говорила что-то, я ни-

какъ не могла понять. Если бы я свободно объяснялась по-англійски, я сказала бы ей, что лично для себя нахожу такую игру вдвойнѣ излишней: во-первыхъ—не имѣю никакой надобности замѣнять мимолетными поцѣлуями настоящіе романы, которыхъ у насъ въ Россіи достаточно—у насъ мужчинъ много, а во-вторыхъ—мнѣ казалось унизительнымъ сознаніе, что меня выбираетъ мужчина... еще если бы я выбрала его—тогда такъ. А то—вѣчная женская пассивность! вѣчно насъ выбираютъ, и мы лишь слѣдуемъ желанію того, кто удостоилъ насъ этой чести...

26 августа. Я очень люблю русскую одежду и никогда не разстаюсь съ ней. Лѣтомъ, да особенно на работѣ въ полѣ—что можетъ быть удобнѣе сарафана?

И къ большому удовольствію англичанъ, я надѣла его, и теперь меня всюду провожаетъ одобрительный возгласъ: very, very nice!

Въ темнотѣ ночи, возвращаясь домой, часто слышишь привѣтъ: good night!

Гортанные звуки на мгновеніе нарушаютъ общее безмолвіе и гармонично сливаются съ нимъ; темная фигура проходитъ мимо... и что-то хорошее шевелится въ душѣ отъ этого привѣтствія. На минуту соединяешься съ неизвѣстнымъ братомъ по человѣчеству, и отъ всей души отвѣчаешь тоже: good night!

28 августа, среда. Познакомилась съ своими питерскими соотечественниками.

«Другъ великаго человѣка»!—уже одно это облекаетъ личность какимъ-то ореоломъ: вѣдь когда солнце отражается въ водѣ, то она блеститъ такъ, что глазамъ больно...

И я была вся полна ожиданіемъ увидѣть существо высшаго порядка.

Онъ встрѣтилъ меня просто и привѣтливо.

— Очень пріятно познакомиться. Вы гдѣ же учитесь?

— Въ Парижѣ, на юридическомъ факультетѣ.

— Это почему же вы избрали себѣ такія науки?

— Я хотѣла бы быть адвокатомъ.

— А-а... мужиковъ обирать будете?

Я была озадачена и обижена.

— Ну, перестань, пожалуйста,—видишь, какъ ты смутилъ барышню,—примирительно замѣтила его жена, уже немолодая, замѣчательной красоты женщина.

Я горячо стала доказывать ему, что у насъ, юристокъ, и въ

мысляхъ нѣтъ замышлять что-либо противъ мужика, что мы, наоборотъ, хотимъ итти къ нему навстрѣчу, развивать въ деревняхъ подачу юридической помощи населенію; что кромѣ того я лично хочу отстаивать право женщины на самостоятельное существованіе, чтобы она имѣла тѣ же гражданскія права, какъ мужчина.

— Къ чему права?

— Если отрицать всякое право вообще—то конечно *да;* но мы живемъ не въ мірѣ грезъ, и женщинѣ, при ея юридическомъ неравноправіи, куда какъ трудно бороться съ тяжелою дѣйствительностью. Мы одинаково рождаемся на свѣтъ, хотимъ жить, а въ безпощадной борьбѣ за существованіе—какъ мы вооружены, позвольте спросить? Вотъ я и высшіе курсы кончила, а правъ у меня—все равно никакихъ. Даже завѣдывать учебной частью въ женской гимназіи не могу—на это есть директоръ, хотя я образована не менѣе его...

Онъ слушалъ молча, и мнѣ казалось, что слова мои для него звучатъ чѣмъ-то страннымъ—точно все, о чемъ я говорила, имѣло самое ничтожное значеніе. Потомъ разговоръ принялъ менѣе острую форму—перешелъ на Парижъ, на университетъ, студентовъ...

Я все-таки осталась очень довольна. Навѣрное, когда разсмотрю его поближе—увижу въ немъ то необыкновенное, что привлекло къ нему сердце великаго писателя земли русской.

31 августа, суббота. Я мало-по-малу перезнакомилась и оріентировалась въ обществѣ моихъ соотечественниковъ.

Они живутъ тутъ цѣлой дружной семьей—въ большомъ домѣ на берегу моря. Садъ, огородъ, чудное мѣстоположеніе дѣлаютъ этотъ уголокъ очаровательнымъ. Русскіе путешественники всѣ находятъ здѣсь самое радушное гостепріимство, и поэтому можно увидѣть самыхъ разнообразныхъ людей. Пріѣзжаютъ и литераторы, и ученые, и просто такъ путешествующіе; нѣкоторые изъ болѣе близкихъ знакомыхъ хозяевъ — остаются подольше...

Братъ хозяйки дома—бывшій офицеръ, очень симпатичный молодой человѣкъ—усердно занимается хозяйствомъ, работаетъ въ саду и огородѣ; ему помогаетъ одинъ изъ гостей—сынъ богатаго московскаго купца, называющій себя толстовцемъ. Я присоединилась къ нимъ и усердно работала. Тутъ мы называли другъ друга—я его «хозяиномъ», а онъ меня—«работницей». Не знаю—что можетъ быть лучше физическаго труда на свѣжемъ воздухѣ, онъ дѣйствуетъ на меня прекрасно: развиваетъ силу, пробу-

ждаетъ энергію, поддерживаетъ какое-то ровное, спокойное настроеніе...

Утромъ—занимаюсь по-англійски, затѣмъ—ухожу на работу, и къ вечеру усталая возвращаюсь домой, чтобы заснуть крѣпкимъ сномъ безъ сновидѣній...

2 сентября, понедѣльникъ. Никогда, кажется, не забыть вчерашняго дня.

Мы ѣхали на собраніе какого-то общества въ Barnemonth'ѣ. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть въ экипажъ, которымъ правилъ самъ. И дорогой завелъ разговоръ о смыслѣ и цѣли жизни и попросилъ позволенія указать ихъ мнѣ.

Хотя я и не нуждаюсь ни въ чьихъ указаніяхъ и выработала свое міровоззрѣніе не съ чужихъ словъ, а собственнымъ нелегкимъ и упорнымъ трудомъ,—все же приготовилась выслушать съ почтительнымъ вниманіемъ.

— Цѣль жизни—служеніе добру. Вы призваны здѣсь совершить свое служеніе и сдѣлать столько добра, сколько можете...

Вотъ, наконецъ, начинается интересный разговоръ,—съ восторгомъ подумала я и спросила, ожидая проникнутаго необыкновенной мудростью отвѣта:—Что же мнѣ дѣлать?

— Добро.

Это было совсѣмъ даже неопредѣленно. Добро—добро, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ говорилъ болѣе реально и менѣе отвлеченно.

— Но вы объясните мнѣ, въ чемъ оно должно заключаться, какъ проявляться... Хорошо,—вы можете жить, не ломая себѣ голову надъ вопросомъ о заработкѣ,—а мнѣ въ будущемъ онъ необходимъ. Помнится, я уже какъ-то объяснила вамъ, что педагогики не люблю и считаю нечестнымъ ею заниматься, разъ не чувствую въ себѣ призванія. Медицина меня никогда не интересовала. Такъ что вы, если хотите дать совѣтъ мнѣ лично—должны принять сначала въ соображеніе то, что я, рано или поздно, должна буду считаться съ вопросомъ: чѣмъ жить?

— Живите и распространяйте кругомъ себя свѣтъ добра, насколько вы можете.

— Да вы сначала отвѣтьте на мой вопросъ,—настаивала я, начиная терять терпѣніе отъ этого уклоненія въ сторону.

Онъ пожалъ плечами.

— Поступите въ гувернантки.

«О, лучше бы ты была нѣма и лишена вовсе языка!»—вспом-

нилось мнѣ отчаянное восклицаніе героя Гоголевскаго «Портрета»,—и я едва не повторила его вслухъ.

Сразу разлетѣлся весь ореолъ, какимъ я такъ почтительно окружала друга великаго писателя, и передо мной былъ онъ тѣмъ, какимъ и есть на самомъ дѣлѣ: богатый аристократъ, никогда серьезно не думавшій о женскомъ вопросѣ. Кровь бросилась мнѣ въ голову, и я почувствовала себя оскорбленной... Не его поверхностнымъ совѣтомъ, достойнымъ ума самаго мелкаго, ограниченнаго буржуа,—а тѣмъ, что мое довѣріе, мой энтузіазмъ были безнадежно подломлены имъ же самимъ...

Было темно, и онъ не могъ видѣть, какая горькая усмѣшка исказила мое лицо.

Сколько разъ приходилось слышать мнѣ такія же мужскія рѣчи—самоувѣренныя, самодовольныя,—но эта своею поверхностностью, своимъ невѣроятнымъ легкомысліемъ—превзошла всѣ слышанныя мною раньше.

Я даже и не возразила ему ничего; а онъ былъ, очевидно, убѣжденъ, что дѣлалъ хорошее дѣло, наставляя на путь истины...

4 сентября, среда. Сегодня пришла въ огородъ. Мой «хозяинъ» куда-то исчезъ. Отыскала его на заднемъ дворѣ, онъ накладывалъ навозъ въ тачку, и противъ обыкновенія не сказалъ мнѣ, на какую работу итти.

— Что же, или праздникъ сегодня?—шутя спросила я.

— Н-нѣтъ... да видите ли, сегодня дѣло такое: я хочу подъ капусту гряды приготовить, такъ вотъ навозъ надо возить... я въ тачку накладываю и отвожу.

— Такъ чѣмъ вамъ одному два дѣла дѣлать—давайте я буду возить, а вы накладывайте.

До сихъ поръ я полола гряды, копала ихъ и проч. Но чтобы студентка парижскаго университета возила навозъ—это показалось ему непривычнымъ.

Онъ нерѣшительно помялся на мѣстѣ.

— Да вѣдь это же навозъ... гм-м...

Я разсмѣялась.

— Такъ что же, что навозъ? Или вы думаете, что я не сумѣю справиться съ такой работой?

И для доказательства—схватила вилы, быстро наложила полную тачку, свезла ее на огородъ, и вернулась—съ пустой.

Онъ, уже не возражая, тѣмъ временемъ приготовилъ и наложилъ другую тачку.

Работа закипѣла.

Его смущеніе понемногу изгладилось, и черезъ нѣсколько минутъ то, что показалось странно съ непривычки—было уже обычное дѣло.

По окончаніи работы онъ одобрительно пожалъ мнѣ руку, и я увидѣла, что въ глубинѣ души онъ все-таки не ожидалъ, что я соглашусь взяться за такую работу.

И чего онъ удивлялся? Я на каторгу рада уйти отъ себя самой, не то что на эти мирныя работы...

5 сентября, четвергъ. И несмотря на всѣ эти ежедневныя работы—въ тихія лунныя ночи я ухожу мечтать на берегъ моря. Вдали едва-едва видны очертанія острова Уайта... а тамъ, за нимъ—такъ близко берега Франціи... Парижъ. Изъ всего этого громаднаго города для меня существуетъ пока одна улица Brézin и въ ней—только № 5, гдѣ онъ живетъ.

И мысль улетаетъ далеко-далеко...

Закрою глаза—опять вижу эту улицу тихой іюньской ночью... и опять иду по ней и, проходя мимо его дома, ускоряю шагъ, точно боясь, что онъ меня увидитъ...

Подъ вліяніемъ красоты природы и торжественнаго спокойствія ночи разгорается фантазія и думаю я:

Что, если бы онъ любилъ меня? Вѣдь тогда ни одна женщина въ мірѣ не могла бы считать себя счастливѣе меня! Тогда... тогда я сказала бы ему: полюби мою родину—пойдемъ вмѣстѣ работать туда.

И мы вернулись бы въ Россію. Я стала бы учить его по-русски, онъ сдалъ бы государственный экзаменъ, и мы поселились бы въ одной изъ деревень родной Костромской губерніи. Онъ лѣчилъ бы крестьянъ, я—оказывала бы имъ юридическую помощь... а въ свободное время—длинные зимніе вечера—разсказывала бы имъ житейскія исторіи, которыми полны страницы нашихъ журналовъ, и которыя мнѣ самой такъ часто приходятъ въ голову,—только я не пишу ничего.

У насъ не было бы дѣтей... и не потому, что я не люблю ихъ, а именно потому, что слишкомъ люблю,—и считала бы преступнымъ при жизни, такъ скверно устроенной, какъ она есть теперь—произвести на свѣтъ существо для страданій и горя...

Мы прожили бы всю жизнь и ушли бы изъ этого міра съ сознаніемъ исполненнаго долга, какъ усталые работники, заслужившіе отдыхъ и покой...

И—быть можетъ — какъ послѣднее слово счастья — смерть пришла бы къ намъ одновременно...

А въ народѣ осталась бы добрая память о немъ,—какъ иностранецъ полюбилъ русскую и покинулъ свою прекрасную Францію и пошелъ за русскою въ холодъ, снѣга ея родины, утѣшать несчастныхъ и помогать имъ...

Такъ мечтала я, и мое бѣдное сердце на минуту утѣшается призракомъ счастья...

7 сентября, суббота. На-днях пріѣхали еще двое молодыхъ людей; одинъ на нѣсколько дней, проѣздомъ, направляясь въ Петербургъ, съ матерью, домашній учитель въ одномъ изъ русскихъ семействъ, живущихъ въ Кембриджѣ; другой—ученый, занимающійся изслѣдованіемъ о сектантахъ; этотъ надолго,—ему докторъ посовѣтовалъ на нѣкоторое время оставить Лондонъ и пожить въ деревнѣ—работать для здоровья на воздухѣ. Онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ женщиной-врачемъ, которая тоже съ пріѣздомъ въ Петербургъ сдаетъ государственный экзаменъ.

Такъ насъ собралась въ огородѣ цѣлая компанія.

Какіе это славные молодые люди, добродѣтельные и... неинтересные! Толстовецъ явно не симпатизируетъ мнѣ. Онъ какой-то односторонній,—видно, что не одобряетъ во мнѣ абсолютно ничего: ни моихъ идей о равноправности женщинъ, ни того, что я на юридическомъ факультетѣ; даже то, что я усердно занимаюсь физическимъ трудомъ, не располагаетъ его въ мою пользу. И онъ при всякомъ удобномъ случаѣ готовъ читать мораль о братскомъ отношеніи къ людямъ. И каждый разъ мнѣ такъ и хочется сказать ему—что въ немъ-то я какъ разъ братскаго отношенія къ себѣ и не вижу, а только скрытое молчаливое осужденіе всего моего существованія.

Учителя видѣла мало,—онъ уѣзжаетъ сегодня, разговаривали о томъ, о семъ... Впечатлѣніе получилось обыкновеннаго средняго интеллигента, только на роялѣ хорошо играетъ—вотъ его талантъ.

Отъ молодого ученаго я ожидала несравненно больше, и съ удовольствіемъ ждала всѣ эти дни часа, когда онъ выходилъ въ огородъ на работу: ему велѣно копаться въ землѣ ежедневно часа два-три.

Мы работали рядомъ. Я начала было подходящій разговоръ...

Отвѣты «да» и «нѣтъ»... правда, весьма вѣжливымъ тономъ. Но все-таки это немного.

И какъ только его знакомая показывается—всегда передъ окончаніемъ срока его работы,—онъ быстро бросаетъ все и идетъ за ней.

— Не разберешь ихъ отношеній... всегда путешествуютъ вмѣстѣ,—сказалъ «хозяинъ».

А я такъ отлично разобрала. И только одного не понимаю: отчего, если онъ влюбленъ въ одну женщину,—относиться съ такой безпощадной сухостью и сдержанностью къ другой, которую судьба случайно, на время поставила рядомъ съ нимъ?

Вѣдь я съ нимъ не кокетничаю; не можетъ онъ, что-ли, держать, что называется, juste milieu — не будучи влюбленнымъ— относиться ко всякой другой интеллигентной знакомой женщинѣ болѣе просто, болѣе по-товарищески?

Тщетно позондировавъ почву научную и литературную, я попробовала обратиться къ дѣйствительной, и спросила сегодня, какъ онъ смотритъ на физическій трудъ, нравится ли онъ ему.

— Терпѣть его не могу; только по приказанію врачей и работаю...—снисходительно отвѣчалъ онъ.

— Что же вамъ нравится?

— Работа умственная.

— Но за что-же съ такой непріязнью относиться къ физическому труду? вѣдь онъ въ сущности необходимъ. И какъ это у васъ самихъ иногда не является желанія упражнять свои мускулы, свою силу не на гирѣ, не на гимнастикѣ, а на полезномъ, здоровомъ трудѣ.

— Непріятно это... работать... Ну, вотъ—копаю, копаю,— скоро ли кончу, скорѣе писать пойду.

Мнѣ хотѣлось доказать ему, что еще неизвѣстно, насколько талантливы, полезны будутъ его ученые труды, а что хорошо вскопанная имъ гряда будетъ полезна—это внѣ сомнѣній, и поэтому онъ не имѣетъ никакого нравственнаго права такъ относиться къ тому роду труда, которымъ живутъ милліоны людей...

Онъ выслушалъ меня съ снисходительнымъ вниманіемъ, потомъ повторилъ:

— А все-таки не люблю этой работы... то-ли дѣло сидѣть за письменнымъ столомъ.

Я внимательно посмотрѣла на его голову, правда, большую, съ сильно развитымъ лбомъ, но далеко не съ тѣмъ выраженіемъ, которое отличаетъ людей, открывающихъ міру новые горизонты.

И я подумала про себя: «да, то-ли дѣло—сидѣть за письменнымъ столомъ и писать одну изъ тѣхъ только полезныхъ книгъ, какихъ нашъ вѣкъ оставитъ послѣдующему цѣлое море; надрывать этимъ свое здоровье—и презирать необходимый первичный трудъ человѣчества... логика!»

Но ничего не сказала. А онъ не говорилъ больше ни слова,

и едва въ обычный часъ вдали показалась фигура его знакомой—бросилъ лопату и поспѣшно пошелъ за ней.

Мой «хозяинъ»—всѣхъ симпатичнѣе. Въ немъ есть та непосредственная доброта, сердечность—какая, увы! теперь все рѣже и рѣже встрѣчается въ людяхъ.

Какъ бывшій офицеръ, онъ, конечно, не отличается всесторонним образованіемъ, но въ немъ чувствуется природный умъ съ большимъ тактомъ сердца. И поэтому мы часто и подолгу бесѣдуемъ на разныя темы. Мнѣ нравится въ немъ та простота, съ которой онъ исполняетъ самыя черныя работы—онъ, не вѣрящій буквально ни во что, своимъ личнымъ поведеніемъ доказываетъ изреченіе: «иже хощетъ быть первый между вами—да будетъ всѣмъ слуга»...

На-дняхъ мы всей компаніей катались на велосипедахъ. Я ѣхала съ нимъ рядомъ. Разговоръ зашелъ о жизни, бракѣ, любви и проч.

— Любили ли вы когда-нибудь?—вдругъ спросилъ онъ.

Неужели я такъ сразу, просто, въ болтовнѣ и скажу ему то, въ чемъ себѣ едва смѣю признаваться?

— Никогда,—смѣло солгала я.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— На-дняхъ исполнилось двадцать шесть...

— Не можетъ быть!—воскликнулъ онъ, пораженный.

— Отчего же нѣтъ?—продолжала я лгать и крѣпче нажала педали... Мы выѣзжали изъ лѣсу, и дорога шла какъ разъ подъ гору. Велосипедъ покатился съ страшной быстротой. А когда онъ догналъ наконецъ меня—я уже сидѣла внизу на полянѣ, въ обществѣ остальныхъ спутниковъ, и разговоръ перешелъ на другія темы.

9 сентября, понедѣльникъ. Я все присматриваюсь къ этимъ людямъ и чего-то жду отъ нихъ... Жду, чтобы они встали ко мнѣ ближе, поняли бы, насколько нужны, необходимы мнѣ нравственная поддержка и участіе.

Но нѣтъ... каждый изъ нихъ слишкомъ занятъ своими дѣлами. Всѣ, за исключеніемъ «хозяина», относятся просто, вѣжливо, но въ сущности безлично... И я чувствую, что невидимая стѣна отдѣляетъ меня отъ нихъ, перешагнуть которую невозможно...

Я начинаю приходить къ убѣжденію, что никакая проповѣдь любви не въ силахъ измѣнить природы человѣка. Если онъ рожденъ добрымъ, обладаетъ отъ природы чуткимъ сердцемъ—онъ будетъ разливать кругомъ себя «свѣтъ добра» безсознательно,

независимо отъ своего міровоззрѣнія. Если же нѣтъ этого природнаго дара—напрасно все. Можно быть толстовцемъ, духоборомъ, штундистомъ, можно проповѣдывать какія угодно реформаторскія религіозныя идеи и... остаться въ сущности человѣкомъ весьма посредственнаго сердца.

Потому что, какъ есть великіе, средніе и малые умы—такъ и сердца.

Человѣчеству одинаково нужны и тѣ, и другія.

Характерно, что близкій другъ нашего великаго писателя обладаетъ этимъ «добрымъ сердцемъ» отнюдь не болѣе, чѣмъ другіе обыкновенные люди. Сейчасъ видно, что онъ пришелъ къ своимъ убѣжденіямъ сначала головой и уже потомъ *сдѣлалъ себя* такимъ, какимъ онъ воображаетъ, что *долженъ быть*.

Однообразно, точно заученно-спокойный тонъ голоса, одинаковый со всѣми; а въ жизни, въ привычкахъ—остался тѣмъ же бариномъ-аристократомъ, какимъ былъ и раньше.

Онъ пишетъ книги по-русски, по-англійски, принимаетъ посѣтителей, упростилъ до крайности внѣшнюю обстановку: всюду, вмѣсто дорогихъ письменныхъ, стоятъ столы простые, некрашенные, а весь его большой домъ держится неустанной работой мужика, бѣглаго солдата Мокея.

— Что бы мы стали безъ него дѣлать!—съ комическимъ отчаяніемъ восклицаетъ онъ.—Мы точно Щедринскіе генералы на необитаемомъ островѣ!

А Мокей, копая со мной картошку, жалуется, что очень трудно жить:

— Работы много, вертишься-вертишься день-денской безъ устали, то туды, то сюды, а нѣтъ того, чтобы для себя, значитъ, свободнаго времени.

Въ сознаніи этого мужичка встаетъ неясная мысль необходимости регулировать его работу.

Я предпочитаю мою миссисъ Джонсонъ, гостиная которой обставлена элегантно, но которая сама моетъ полы, стираетъ бѣлье и дѣлаетъ все это совершенно просто, безъ всякихъ нравственныхъ проповѣдей, потому что съ дѣтства привыкла къ труду.

Сколько разъ хотѣлось мнѣ сказать ему:—откажитесь отъ прислуги, работа которой обезпечиваетъ вашъ досугъ, который вы употребляете на писанія, изданія, пріемы, разговоры, споры и т. д.

А то, между словомъ и дѣломъ лежитъ такая пропасть, такое противорѣчіе, что глухое раздраженіе такъ и поднимается во мнѣ.

Но вспоминаю изреченіе: «легче верблюду сквозь игольныя уши пройти, нежели богатому внити въ царствіе Божіе»...

Безполезно, значитъ, говорить!

На-дняхъ рубили капусту подъ окнами его кабинета. Онъ высунулся и спрашиваетъ:

— Что это такое?

— Капусту рубимъ,—отвѣчала горничная.

— А-а-а!—снисходительно удивился онъ.

Я остолбенѣла. И этотъ человѣкъ, проживъ столько лѣтъ въ деревнѣ, бывшій гласный земства, столько разъ пріѣзжавшій въ Ясную Поляну, демократъ,—*не видалъ никогда, какъ рубятъ капусту.*

А великій писатель самъ тачалъ сапоги и клалъ печи...

Въ томъ и разница между геніальнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ, что тотъ, разъ пришелъ къ извѣстному убѣжденію,—старается провести его прямо и цѣльно, его богатая натура способна обнять и проникнуть всѣ стороны жизни.

Не знаетъ великій писатель земли русской, что онъ одинъ изъ тѣхъ избранныхъ, которые всегда и во всѣ времена являлись какъ бы для того, чтобы показать міру, до какой нравственной высоты можетъ подняться человѣкъ. И всегда они находятъ себѣ послѣдователей, которые отстоятъ отъ нихъ далеко; друзей—несравненно ниже себя. Потому что они выше остального человѣчества и не должны быть окруженными равными себѣ.

Удѣлъ великихъ—одиночество.

И они какъ бы искупаютъ этимъ то, что имъ дано болѣе, чѣмъ другимъ.

Мое разочарованіе глубоко, больно и... обидно...

11 сентября, среда. Въ Barnemonth'ѣ живетъ семья петербургскаго журналиста Дервальда, берлинскаго корреспондента газеты «Слово». Несмотря на свою нѣмецкую фамилію—это чистѣйшій русакъ, съ славной физіономіей, въ которой виденъ умъ съ хитростью и безобидной насмѣшкой. Онъ поселилъ свою семью здѣсь въ этомъ курортѣ, находя, что не стоитъ таскать ее за собой всюду, куда пошлетъ его редакція, и пріѣзжаетъ къ ней на время вакацій.

Время отъ времени онъ заглядываетъ сюда. Заводятся безконечные русскіе споры, любимые споры нашего времени—о марксизмѣ и народничествѣ, о фабрикахъ и общинѣ и т. д.

Я съ интересомъ наблюдаю ихъ.

Мужчины любятъ увѣрять, что женщины болтливы. Это невѣрно. Они сами ужасно любятъ говорить и себя слушать.

Женщинѣ трудно, почти невозможно переспорить ихъ.

Говорятъ и кричатъ всѣ заразъ.

Я не глупѣе и образована не хуже любого интеллигента. И однако, когда вчера вечеромъ пріѣхалъ Дервальдъ, и завязался одинъ изъ этихъ безконечныхъ споровъ, и я попробовала вставить свое замѣчаніе—на меня посмотрѣли съ какимъ-то снисходительнымъ удивленіемъ. Какъ, молъ,—неужели и она суется?

Я вообще мало говорю, и въ этотъ вечеръ къ тому же занималась хозяйствомъ—разливала чай, мыла чашки... И они, эти сильные мужчины, находили совершенно естественнымъ, что пока они кричали, спорили, говорили прекрасныя слова о слабыхъ, угнетенныхъ—на нихъ работали именно слабые: я мыла чашки, перетирала ихъ, разливала чай, а внизу, утомленная дневною работою, дремала женская прислуга и тихонько роптала.

— То-ли дѣло у англичанъ! Тамъ дольше десяти часовъ вечера никакая прислуга работать не станетъ. А у насъ—постоянно гости. Сколько посуды лишней перемоешь, сколько разъ въ день чай подашь... вертишься, вертишься цѣлый день, а тутъ еще нельзя и спать лечь—дожидайся, когда гости уѣдутъ,—тихо говорила блѣдная, грустная Дуняша.

— Что и говорить! Охъ, слыхала я эти ихніе споры: мужикъ, община, фабрика, капитализмъ и всякія такія слова. И все это—болтовня одна, по-нашему, а по-ихнему это называется «чуткіе люди...»—сказала ея сестра Лидія, высокая стройная блондинка съ интеллигентнымъ лицомъ.

Я наконецъ перемыла всю посуду и принесла ее въ кухню.

— Спасибо вамъ, по крайней мѣрѣ, намъ полегче: скорѣе спать ляжемъ,—сказали сестры.

И я весь этотъ вечеръ испытывала какое-то своеобразное наслажденіе отъ сознанія того, что вотъ мнѣ, интеллигентной женщинѣ, и двухъ словъ вставить въ разговоръ не даютъ,—а я все-таки смиренно прислуживаю имъ, и они находятъ это вполнѣ естественнымъ, а сами спорятъ, безъ конца спорятъ... и каждый изъ нихъ воображаетъ, что открылъ истину и одинъ владѣетъ ею...

И вспомнились мнѣ слова грустнаго скептика Анатоля Франса: «Soyons humbles. Ne nous croyons pas excellents, car nous ne le sommes pas. En nous regardant nous-mêmes—découvrons notre véritable figure qui est rude et violente comme celle de nos pères, et puisque nous avons sur eux l'avantage d'une plus longue tradition,

connaissons du moins la suite et la continuité de notre ignorance».

Будемъ смиренны, будемъ смиренны!

Этого именно не хватаетъ всѣмъ проповѣдникамъ... Или забыли они, что въ концѣ концовъ — все сводится къ одному: «nescimus».

13 сентября, пятница. Вчера прихожу въ кухню—а за столомъ сидитъ Николай Николаевичъ и пьетъ чай съ молокомъ. Онъ налилъ мнѣ чашку и сталъ разсуждать.

— Вотъ какъ я скверно дѣлаю. Пью молоко. У меня есть для этого средства. А есть такіе, у которыхъ этихъ денегъ нѣтъ. Значитъ, я отнимаю его у другихъ, болѣе бѣдныхъ. Это молоко (онъ взялъ и налилъ себѣ еще стаканъ) могло бы быть отдано какой-нибудь бѣдной женщинѣ, которой не на что купить его для грудного ребенка...

Онъ разсуждалъ въ такомъ духѣ съ добрыхъ четверть часа, все время усердно подливая себѣ молоко въ чай и выпивая чашку за чашкой...

Я сидѣла молча, съ опущенной головой. Мнѣ было мучительно стыдно за него... Къ чему эти фразы? къ чему эта праздная, ни къ чему не ведущая болтовня?

А онъ, окончивъ свою проповѣдь, взглянулъ на меня:

— Я, кажется, испортилъ вашъ чай? Ничего, ничего, вамъ полезно послушать—и ушелъ, въ полномъ убѣжденіи, что сдѣлалъ доброе дѣло.

И этотъ человѣкъ вздумалъ учить меня!

Я изъ деликатности разъ промолчала, теперь—опять... Нѣтъ, довольно!

Если онъ вздумаетъ сдѣлать это еще разъ, — я, хорошо узнавшая теперь всю нравственную стоимость этого человѣка, брошу ему въ лицо гордый вызовъ:

Замолчите!
. . . . . чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли.

Геніальные люди—прозорливы. Шиллеръ заглянулъ въ самую глубь женскаго существа и сказалъ правду.

Да, я чувствую, я знаю это — мнѣ доступно все великое земли...

Мое сердце честной женщины способно не менѣе его понимать все, а мой умъ, не менѣе его развитой, способенъ раз-

сматривать явленія жизни, пожалуй, еще съ большей ясностью, такъ какъ я не заражена духомъ сектантства.

Пусть я не вѣрю. Что жъ? неужели поэтому я менѣе идеалистка, менѣе люблю свою родину, менѣе понимаю великія задачи человѣчества?

Да, въ моей жизни менѣе компромиссовъ, чѣмъ въ его, уже по одному тому, что я не богата, что я никогда не буду зарабатывать много, что съ самой ранней молодости боролась и старалась жить согласно своимъ убѣжденіямъ — не читая мораль другимъ.

14 сентября, суббота. А однако, становится скучно! Куда ни взглянешь—вездѣ однѣ и тѣ же великолѣпныя ленты дорогъ прорѣзываютъ зеленый пейзажъ во всѣхъ направленіяхъ. И нельзя выйти изъ этихъ лентъ—онѣ на всемъ протяженіи обсажены колючими кустами ежевики; кругомъ—вся земля заселена; небольшія пустыя пространства всѣ воздѣлываются, люди живутъ тѣсно, всюду красные домики... все одинаково благоустроено и... однообразно.

Мнѣ не хватаетъ простора необъятныхъ зеленыхъ луговъ, чащи лѣсовъ... мнѣ душно въ этой цивилизованной тѣснотѣ,—и сердце начинаетъ ныть отъ тоски по родинѣ.

Передъ моими глазами ежедневно мчатся изящные экипажи, полные туристовъ—это компаніи совершаютъ экскурсіи по окрестностямъ; а я, глядя на этихъ чопорныхъ, точно накрахмаленныхъ людей въ безукоризненныхъ лѣтнихъ туалетахъ,—вспоминаю наши деревенскіе пикники на телѣгахъ съ самоварами, съ чаепитіемъ гдѣ-нибудь въ лѣсу...—ну, какъ же можно сравнить, гдѣ больше поэзіи и прелести.

Эти идеальныя дороги до такой степени похожи одна на другую. То-ли дѣло у насъ! Тутъ канава, тамъ—рытвина. Здѣсь можно пройти, но не проѣхать. А тамъ—ѣхать можно, только осторожно. По крайней мѣрѣ — разнообразіе, и я до того къ нему привыкла, что теперь безнадежно путаюсь и теряю направленіе—всѣ дороги одинаково хороши.

А сколько поэзіи въ нашихъ большихъ дорогахъ, обсаженныхъ деревьями! Сколько безконечной грусти въ проселочныхъ, которыя сѣрыми нитями проползаютъ между деревьями... Милая, милая родина!

Эти бѣлыя селенья,
Эта бѣдная природа—
Край великаго терпѣнья—
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не отмѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ бѣднотѣ твоей смиренной...

15 сентября.

— Какая вы, должно быть, способная,—сказалъ сегодня мой «хозяинъ».

— Это отчего вы такъ думаете?—удивилась я.

— Да такъ. За что ни возьметесь—все хорошо выходитъ. Въ саду, въ огородѣ работаете—выходитъ ловко, хоть васъ и воспитали какъ барышню. И по-англійски—какіе быстрые успѣхи дѣлаете...

Мнѣ стало больно-больно...

Къ чему все это, если онъ не любитъ меня?...

16 сентября. Нѣтъ,—не могу больше!

Все, все опротивѣло мнѣ здѣсь: и эти дома, и это однообразіе, а шумъ моря неустанно напоминаетъ, что только оно одно отдѣляетъ меня отъ той страны, гдѣ онъ живетъ. Только море! Какъ я завидую птицамъ! легкія, свободныя—онѣ играютъ съ разстояніемъ, съ пространствомъ...

Я читала Страхова «Міръ какъ цѣлое». Ученый авторъ посвятилъ цѣлый толстый томъ на доказательство того, что человѣкъ—вѣнецъ творенія.

А я такъ рада была бы теперь все отдать, если бы какой-нибудь волшебникъ могъ обернуть меня въ птицу... чтобы улетѣть туда, за море, въ Парижъ, къ его окну...

17 сентября, вторникъ. Всѣ удивляются, почему я уѣзжаю. А я удивляюсь—какъ могла такъ долго прожить здѣсь?

Теперь иногда и днемъ ухожу на берегъ моря, сажусь на пескѣ и смотрю, смотрю, не отрываясь, на блѣдныя волны, которыя то рѣзвно бѣгутъ къ берегу, ласкаясь какъ дѣти, то бьются съ сердитымъ шумомъ.

Не люблю я моря. Меня пугаетъ эта чуждая стихія, такая величественная, такая грандіозная, безпокойная, передъ которой мы, люди, словно пигмеи какіе... Никогда такъ ясно не сознаешь ничтожества и безсилія человѣка, какъ во время бури на морѣ... Мы, жители равнины, привыкли къ природѣ мирной, ласкающей. Не оттого ли и характеръ у насъ, русскихъ, мягкій, что мы не закалены борьбой съ грозными стихійными силами?

Я впервые увидѣла море и горы, уже будучи взрослой. И я полюбила горы.

Отъ нихъ вѣетъ впечатлѣніемъ спокойной, неподвижной, охраняющей силы, которая внушаетъ чувство безопасности. Въ то же время онѣ таинственны, такъ какъ всегда скрываютъ за собой новыя, еще невѣдомыя мѣста.

Слѣдя взглядомъ за ихъ вершинами—и душа иногда возвышается надъ мелочами и пошлостью жизни...

18 сентября, среда. Собираю вещи и укладываюсь.

Пріѣхалъ милѣйшій Дервальдъ.

— Отчего вы уѣзжаете? что за фантазія? Вѣдь у васъ начало лекцій еще не скоро, въ ноябрѣ. Пользуйтесь случаемъ, когда то еще разъ попадете въ Англію, изучайте языкъ; уѣзжать непрактично.

Я и сама знаю, что непрактично, но какъ сказать мнѣ ему, что я не могу, не могу болѣе оставаться здѣсь.

Я всѣмъ объясняю, что у меня есть своя программа пребыванія въ Англіи, что разъ я немного выучилась говорить и понимать по-англійски, то надо выполнить и другіе пункты: ознакомиться съ существующими въ Лондонѣ женскими обществами, физическимъ воспитаніемъ дѣтей, посмотрѣть театры, музеи...

А на самомъ дѣлѣ—пробуду въ Лондонѣ ровно настолько, чтобы сдѣлать самыя необходимыя покупки, побывать хоть въ одномъ женскомъ клубѣ, посмотрѣть журналы, относящіеся къ женскому движенію въ Англіи, — и скорѣе, скорѣе во Францію!

Лондонъ, 20 сентября. Вчера утромъ уѣхала изъ этого хорошенькаго мѣстечка.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и вѣтрено было. Прощай, море, бѣлыя ленты дорогъ, красные домики! Увижу ли я васъ когда-нибудь?

Я оставляю этотъ уголокъ безъ всякаго сожалѣнія. Сердце такъ и замираетъ при мысли, что меня теперь отдѣляютъ отъ Парижа всего какіе-нибудь двадцать четыре часа пути.

23 сентября. Чтобы быть ближе къ центру—взяла пансіонъ около British Museum. Каждое утро, для экономіи времени, составляю подробный маршрутъ, списокъ всѣхъ омнибусовъ, трамваевъ, записываю, что надо сдѣлать—словомъ, принимаю всѣ мѣры, чтобы какъ можно скорѣе покончить съ покупками,

порученіеми, — и все-таки разстоянія такъ велики, что на примѣрку платья въ магазинѣ теряешь полъ-дня.

Лондонскіе магазины несравненно лучше парижскихъ; такихъ, какъ на Regent-Street, я въ Парижѣ не видывала. Англичане отлично одѣваются у себя дома. Но попавъ въ Парижъ, какъ и большинство иностранокъ, дѣлаютъ одну и ту же ошибку: стремясь одѣться во все «парижское»—покупаютъ все въ большихъ магазинахъ, не руководствуясь никакой другой идеей. Впрочемъ, мои соотечественницы въ этомъ отношеніи еще хуже: тѣ покупаютъ красныя шляпы, голубыя платья, бѣлые зонтики и башмаки, и въ такой яичницѣ красокъ самодовольно гуляютъ по Парижу, воображая, что одѣты «какъ парижанки».

Все никакъ не могла отыскать адресъ Women's Institute—одного изъ главныхъ женскихъ обществъ.

Я совсѣмъ не умѣю справляться съ здѣшними адресными книгами,—эти невѣроятно толстые томы повергаютъ меня въ столбнякъ отчаянія, и я чувствую себя передъ ними, словно на берегу моря: маленькой, жалкой, ничтожной, какъ пигмей. По счастью, въ магазинѣ встрѣтилась съ поляками, прекрасно говорящими по-русски. И одинъ изъ нихъ любезно разыскалъ въ этихъ книгахъ нужный адресъ. Завтра пойду искать этотъ институтъ.

26 сентября, четвергъ. Наконецъ-то удалось! Оказалось, что Women's Institute перемѣнилъ квартиру — и пришлось потерять не мало времени, пока-то разыскала новое помѣщеніе.

Women's Institute—нѣчто вродѣ женскаго клуба: въ большой удобной квартирѣ находится библіотека, читальня, по стѣнамъ—картины съ обозначеніемъ цѣнъ. Тутъ же и справочное бюро—за полтора шиллинга можно получить какія угодно свѣдѣнія по женскому вопросу. Какія англичанки практичныя! Я обрадовалась такому облегченію своей задачи, заплатила шиллингъ и шесть пенсовъ и написала всѣ интересовавшіе меня вопросы.

Сегодня получила отвѣты: адреса редакціи «English Women's Review», клуба журналистокъ и списокъ колоніальныхъ журналовъ, посвященныхъ женскому движенію.

Вчера огромныя разноцвѣтныя афиши съ изображеніемъ автомобиля, летящаго въ пропасть, привлекли мое вниманіе. Въ Adephi theatre шла «The great millionaire» — большая мелодрама. Я столько бѣгаю, такъ устаю, что даже рада тому обстоятельству, что теперь не сезонъ: по крайней мѣрѣ, не такъ

досадно, что некогда ходить въ театръ. Но афиша-реклама заинтересовала меня: какъ это будетъ на сценѣ летѣть въ бездну автомобиль — этого я еще не видала; взяла билетъ и пошла.

Дѣйствительно, это была большая мелодрама. Богатый и добродѣтельный юноша и прекрасная бѣдная дѣвушка, на протяженіи шести актовъ боролись съ разными препятствіями и злодѣями, чтобы въ концѣ концовъ благополучно соединиться бракомъ. Тутъ было все: и бунтъ голодной толпы въ Уайтчепелѣ— на сценѣ летали разбитыя стекла, хлѣбъ изъ разграбленной булочной, каменья... и роскошный обѣдъ у милліонера—настоящая выставка туалетовъ, фраковъ, цвѣтовъ и мебели, и наконецъ автомобили, изъ которыхъ одинъ—правда издали—дѣйствительно полетѣлъ съ обрыва. Мелодрама была только текстомъ къ большимъ живымъ картинамъ, поставленнымъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Становилось досадно при мысли о томъ, сколько денегъ затрачено на роскошную и тщательную постановку такой грубѣйшей профанаціи искусства...

Была и въ Тойби-Холлѣ. Но этотъ знаменитый народный университетъ былъ почти пустъ по случаю вакаціоннаго времени. Заглянула и въ Уайтчепельскую Free Library и при ней музей естественныхъ наукъ.

Тамъ неожиданно мнѣ повезло. Завѣдующая музеемъ, миссъ Кэтъ Холлъ, оказалась чрезвычайно любезной и милой особой. Она не только дала мнѣ всѣ объясненія, рекомендательное письмо къ викарію церкви св. Іуды, чтобы онъ показалъ мнѣ наиболѣе интересныя мѣста знаменитаго квартала пролетаріата, но и пригласила меня къ себѣ.

Я была очень тронута такимъ вниманіемъ.

27 сентября. Еще удача! Пошла въ The Writers Club—и попала на такъ называемый five o'clock tea,—тамъ они бываютъ по пятницамъ. Конечно, миссъ Эленъ Blackbury—редакторъ журнала «English Women's Review»—была тамъ. Меня тотчасъ же представили этой большого роста, хромой и очень некрасивой женщинѣ на костыляхъ. Несмотря на неблагодарную внѣшность, она сразу привлекла къ себѣ симпатичнымъ, умнымъ и добрымъ выраженіемъ лица. Она очень порядочно говоритъ по-французски, и это сразу много облегчило знакомство.

Такъ какъ у меня остается очень мало времени до отъѣзда, то миссъ Эленъ Блакбэри предложила пріѣхать къ ней сегодня же вечеромъ, чтобы просмотрѣть интересующіе меня журналы.

Я согласилась и послѣ обѣда, къ восьми часамъ вечера, была уже у нея.

Она ждала меня въ уютномъ кабинетѣ, уставленномъ мягкою мебелью и освѣщенномъ электричествомъ. На особомъ столѣ лежали журналы съ разныхъ концовъ земного шара: австрійскія, американскія, итальянскія, французскія, нѣмецкія, датскія, шведскія, финляндскія, греческія обозрѣнія и газеты. При взглядѣ на нихъ—у меня невольно забилось сердце: всѣ эти невѣдомыя сестры съ разныхъ концовъ свѣта—одушевлены одной идеей.

Я взяла «The Australian Women's Sphere». На первой страницѣ былъ рисунокъ: въ срединѣ молодая дѣвушка въ тогѣ и шапочкѣ студентки съ книгою въ рукѣ, окруженная другими маленькими рисунками, изображавшими пьяныхъ, оборванныхъ мужчинъ. Надъ ними была надпись: «они имѣютъ право подачи голоса», подъ изображеніемъ студентки — «а я не имѣю».

Мнѣ очень хотѣлось получить свѣдѣнія о тѣхъ англійскихъ колоніяхъ, гдѣ женщины имѣютъ одинаковыя съ мужчинами избирательныя права. Миссъ Эленъ Blackbury сообщила, что въ Новой Зеландіи они введены, кажется, съ 1893 г., въ слѣдующемъ году — въ Южной Австраліи, и недавно, въ 1900 г. — въ West-Australia.

Разговоръ коснулся и французскихъ женщинъ, ихъ полной зависимости отъ духовенства. Миссъ Эленъ Блакбэри была, видимо, au courant всего, что дѣлается во Франціи. Но о Россіи, о нашемъ женскомъ университетѣ—С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ—она и понятія не имѣла, и была очень довольна, когда я съ гордостью сообщила ей свѣдѣнія о нашей alma mater.

28 сентября, суббота. Съ письмомъ миссъ Кэтъ я отправилась сегодня къ мистеру Ричардсъ, викарію церкви св. Іуды, который оказался очень любезнымъ, веселымъ и добрымъ духовнымъ отцомъ своего стада.

Онъ немного понимаетъ по-нѣмецки. Послѣ неизбѣжной чашки чая, мы пошли по Уайтчепелю.

Я знакома и съ Хитровымъ рынкомъ и съ Вяземской лаврой,—жизнь городского пролетаріата вездѣ одна и та же. Только здѣсь впечатлѣніе получалось грандіознѣе. Въ Лондонѣ все принимаетъ колоссальные размѣры: его пространство, богатство, нищета... И сердце сжалось, когда мы проходили по одной

изъ улицъ—это былъ, должно быть, рынокъ, и толпы народа двигались по немъ.

При тускломъ свѣтѣ сѣраго сентябрьскаго дня, подъ мелкимъ дождемъ, нищета, сама нищета, казалось, шла намъ навстрѣчу, смотрѣла сотнями глазъ съ голодныхъ измученныхъ лицъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, едва прикрытыхъ оборванной одеждой. Кругомъ каменные мѣшки домовъ, каменная мостовая, тяжелый спертый воздухъ...

Глазъ искалъ отдохнуть на чемъ-либо въ этой ужасной картинѣ—и не на чемъ было: все безотрадно, голо, сѣро; всюду человѣческое бѣдствіе и камень—ни дерева, ни цвѣтка, ни куста зелени... Казалось, природа испугалась этого современнаго ада и исчезла. Да это такъ и есть на самомъ дѣлѣ: проходя по одной изъ улицъ, викарій вдругъ указалъ на чахлое жалкое деревцо, почти безъ листьевъ, которое сиротливо пріютилось въ углу двора, залитаго асфальтомъ...

— Вотъ это—*единственное дерево* во всемъ Уайтчепелѣ,— сказалъ онъ. И я съ симпатіей посмотрѣла на этотъ жалкій, выродившійся остатокъ природы, который, очевидно, долженъ былъ скоро погибнуть.

Мы побывали въ нѣсколькихъ квартирахъ, гдѣ жили бѣдняки, покровительствуемые добрымъ викаріемъ. И глядя на эту грязь, бѣдность, лохмотья, блѣдныхъ, больныхъ дѣтей, которыя жили, не зная, что такое природа,—можно понять, что цивилизація можетъ произвести своеобразныхъ дикарей.

До сихъ поръ мы считали за дикарей тѣхъ, кто не зналъ ничего, кромѣ природы; теперь узнаемъ тѣхъ, кто, наоборотъ— не знаетъ вовсе, что такое природа, а родился и выросъ среди отрицательныхъ сторонъ жизни.

Что видѣли эти несчастныя существа со дня рожденія? Одинъ камень кругомъ, да сердца людскія, такія же твердыя. У нихъ нѣтъ ни поэзіи дѣтства, ни молодости, ни куска хлѣба на завтрашній день...

Имъ все равно убивать и грабить, потому что имъ—*нечего терять*.

29 сентября, воскресенье. Съ утра уложила всѣ вещи и послала миссъ Кэтъ телеграмму, спросить—когда она дома. Получила отвѣтъ—въ пять часовъ. При моемъ незнаніи путей сообщенія я должна была поѣхать за два часа.

Миссъ Кэтъ живетъ ужасно далеко: на другомъ концѣ города. Прекрасный каменный домъ-особнякъ, какъ и большинство

здѣшнихъ домовъ, съ обязательнымъ садикомъ впереди. Я захватила съ собой фотографіи въ русскомъ костюмѣ, чтобы хоть этимъ выразить свою признательность миссъ Кэтъ за ея любезность; утромъ послала такую же викарію.

Вся семья была въ гостиной. Миссъ Кэтъ представила меня матери, племяннику—молодому человѣку, консерватору изъ Британскаго музея, который оказался счастливымъ исключеніемъ среди англичанъ,—онъ былъ очень способенъ къ языкамъ и порядочно говорилъ по-нѣмецки и по-французски.

Отецъ его, художникъ, братъ миссъ Кэтъ, былъ въ Россіи въ свитѣ герцога Эдинбургскаго—и теперь сопровождалъ наслѣднаго принца въ его путешествіи по колоніямъ.

Я не чувствовала ни малѣйшаго стѣсненія, разговоръ завязался просто и непринужденно о Россіи,—видно было, какъ всѣ члены семьи дорожили тѣмъ, что одному изъ нихъ удалось увидѣть такую далекую страну.

Акварель — внутренность Успенскаго собора — висѣла на стѣнѣ; на большомъ бархатномъ щитѣ среди медалей, блюдъ и всякихъ другихъ рѣдкостей—я увидѣла и нашу икону. Принесли альбомъ и показали фотографію отца въ большой русской шубѣ. Потомъ, въ свою очередь, показали мнѣ весь домъ, выстроенный, какъ и всѣ дома здѣсь, удивительно разумно, обставленный комфортабельно и уютно.

Когда миссъ Кэтъ вернулась со мной въ гостиную—къ five o'clock tea пришли еще друзья дома: немолодой мужчина съ дамой и еще молодой человѣкъ.

Завязался общій разговоръ; меня разспрашивали, что я изучаю, трудны-ли юридическія науки. Я вспомнила—мнѣ разсказывали, что одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, приговоренный здѣсь за подстрекательство къ убійству на полтора года каторжныхъ работъ, по окончаніи срока вышелъ изъ тюрьмы въ злѣйшей чахоткѣ. Онъ ежедневно вертѣлъ въ одиночной камерѣ огромное колесо, перепрыгивая безпрерывно со ступеньки на ступеньку; механизмъ верченія былъ устроенъ такъ, что въ случаѣ остановки онъ рисковалъ раздробить себѣ ноги...

И я воспользовалась теперь случаемъ, чтобы высказать этимъ, болѣе насъ цивилизованнымъ людямъ все свое возмущеніе жестокостью и безсмысліемъ такого наказанія.

— О, нѣтъ, вертѣть колесо—это не безсмысленно,—съ живостью возразилъ одинъ изъ гостей.—Насколько мнѣ извѣстно—это мельничное колесо, — они такимъ образомъ мелютъ себѣ хлѣбъ.

— Но согласитесь, что такія наказанія жестокостью своей превосходятъ самое преступленіе,—настаивала я.—Надо же имѣть состраданіе.

— Состраданіе?—съ холоднымъ удивленіемъ спросилъ англичанинъ, точно я сообщила какую-то новость.

— Ну да,—продолжала я, съ недоумѣніемъ глядя на этихъ интеллигентовъ.—Состраданіе къ преступнику.

— Для преступника нѣтъ состраданія. Онъ нарушилъ законы общества и долженъ быть за это наказанъ,—медленно, съ разстановкой сказалъ одинъ изъ гостей, который пришелъ съ дамой.

— Но вѣдь этотъ человѣкъ еще и не убилъ никого,—сказала я наконецъ.

— А если убилъ—за жизнь должна быть отдана жизнь,—съ живостью сказалъ другой гость.—Онъ долженъ быть повѣшенъ.

— Онъ долженъ быть повѣшенъ,—какъ эхо повторили остальные.

У меня языкъ прилипнулъ къ гортани при видѣ того, до чего чуждо было этимъ людямъ то чувство, которое съ дѣтства воспитывается въ насъ почти религіознымъ отношеніемъ къ «несчастнымъ», которое заставляетъ мужика, крестясь, подавать копѣйку арестанту, а другихъ, кто побогаче—посылать въ тюрьмы подаяніе.

Это было свыше моихъ силъ. Я забыла совсѣмъ, что нахожусь въ чопорномъ англійскомъ салонѣ, и вскочила съ мѣста.

— И вы ходите въ церковь, читаете Библію—какъ смѣете вы считать себя христіанами, разъ въ своемъ законодательствѣ держитесь ветхозавѣтнаго правила «око за око, зубъ за зубъ?!»—закричала я въ негодованіи, отъ волненія мѣшая французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

Вѣдь смертная казнь безсмысленна уже потому, что не достигаетъ цѣли. Кого «вознаграждаетъ» отдача одной жизни за другую? Родныхъ убитаго? да вѣдь казнью преступника нельзя оживить его жертву. Если вы, общество, присваиваете себѣ право судить преступника,—докажите ему, что вы достойны этого права, что вы нравственно лучше, выше его... а для этого, прежде всего—отнеситесь къ нему съ состраданіемъ, постарайтесь исправить его. А вы — ведете его на висѣлицу... Чѣмъ-же, скажите, чѣмъ вы лучше его?!

Что-то подступило мнѣ къ горлу—я не могла больше говорить...

— Но вѣдь у васъ, въ Россіи, есть смертная казнь?

— Нашему уголовному процессу и общественному мнѣнію—

чужда смертная казнь,—съ гордостью сказала я, съ трудомъ переводя дыханіе.

И только тутъ ясно поняла, какое счастье, что нашему народу такъ чуждо это холодное, вполнѣ сознательное жестокое отношеніе къ преступникамъ, на какое я неожиданно наткнулась въ этомъ интеллигентномъ обществѣ.

— Бороться съ жестокостью народа, мало цивилизованнаго—еще можно, надѣясь на то, что просвѣщеніе смягчитъ нравы. Бороться же съ жестокостью цивилизованнаго гораздо труднѣе: онъ умѣетъ создавать себѣ разныя опоры въ видѣ общественнаго мнѣнія, науки и проч.

Никто не смѣялся надъ моей ломаной изъ трехъ языковъ рѣчью... и всѣ ее поняли,—мое лицо, глаза и жесты говорили яснѣе всякихъ словъ... Всѣ молчали... молчала и миссъ Кэтъ... она совсѣмъ не принимала участія въ разговорѣ. Молодой человѣкъ всталъ и подошелъ ко мнѣ...

— Да, вы правы, мы дѣйствительно слѣдуемъ Ветхому Завѣту, тогда какъ въ Новомъ сказано: «возлюби ближняго твоего»... Вы говорили такъ хорошо... благодарю васъ.

Я была тронута, что хоть одного удалось убѣдить, и чуть не со слезами на глазахъ пожала руку этому молодому человѣку, фамилія котораго такъ и осталась мнѣ неизвѣстной.

Подошла миссъ Кэтъ и показала мнѣ пчельникъ, который помѣщается въ комнатѣ: красивый, искусно сдѣланный ящикъ, гдѣ подъ стекломъ видны были соты и ползали пчелы. Она съ любовью смотрѣла на нихъ, разсказывая, какъ нынче вечеромъ повезетъ свой пчельникъ въ одинъ изъ народныхъ университетовъ для демонстраціи и будетъ читать тамъ рефератъ.

А я, смотря на ея уже немолодое лицо, думала: какая масса женщинъ въ Англіи осуждена на безбрачіе,—и какой-то холодъ пробирался въ душу при мысли о молодости безъ любви, объ одинокой жизни... И глубокое состраданіе охватывало душу... Замѣнять страшную пустоту личной жизни—пчелами... какой ужасъ!

Скорѣй въ Парижъ! Какъ могла я такъ долго пробыть здѣсь, вдали отъ него, какъ могла?! Я теперь удивляюсь сама себѣ. Кажется, если бы пришлось пробыть здѣсь еще недѣлю—я умру...

Стрѣлка близилась къ семи. Гости ушли. Семья миссъ Кэтъ радушно пригласила меня отобѣдать у нихъ; скоро девять часовъ вечера—я ѣду прямымъ путемъ на Дувръ-Калэ.

Парижъ, 30 сентября. Наконецъ-то!

Облетѣли листья... Парижъ ужъ не блеститъ яркой свѣжей красотою, какъ въ маѣ,—но послѣ Лондона онъ кажется еще прекраснѣе, а разстоянія и совсѣмъ невелики.

Все мое существо сіяетъ отъ радости при мысли о томъ, что я опять тамъ же, гдѣ онъ живетъ...

1 октября, вторникъ. Ищу комнату въ прекрасномъ домѣ на той же rue de l'Arbalète, которая носитъ громкое названіе Villa Médicis. Дѣйствительно, улица достойна этихъ господъ: четыре прекрасные большіе дома, выстроенные по всѣмъ правиламъ современныхъ удобствъ и гигіены. Дворы безукоризненной чистоты съ садиками. Въ первомъ зданіи въ пятомъ этажѣ меблированная квартира, комнаты которой сдаются исключительно женщинамъ. Я освѣдомилась—кто жилицы. Оказалось, все порядочныя. Пансіонъ надоѣлъ такъ, что я послѣднее время только и ждала—скоро ли оставлю его. Наученная горькимъ опытомъ прошлаго года, не буду больше жить въ студенческихъ квартирахъ, а поищу комнату въ семьѣ, чтобы быть одной жилицей. Это очень трудно...

3 октября, четвергъ. На этотъ разъ, кажется, нашла: правда, не въ семьѣ и не одной жилицей, но зато и нѣтъ студентовъ,—комнаты въ этой маленькой квартирѣ сдаются исключительно женщинамъ. Двѣ румынки—одна съ медицинскаго факультета, другая съ lettres — живутъ въ одной комнатѣ, двѣ другія еще не заняты. Я взяла одну изъ нихъ, подешевле,—очень свѣтлая, чистая, уютная. Другую по дорогѣ рекомендовала какой-то русской, тоже, кажется, студентка. Такъ что вполнѣ можно будетъ разсчитывать на покойную жизнь. Возьму піанино на прокатъ—здѣсь это стоитъ всего 10 fr. въ мѣсяцъ.

Однако, какъ полезна жизнь въ деревнѣ и работа на свѣжемъ воздухѣ! Чувствую себя прекрасно. Несмотря на трехдневную бѣготню по лѣстницамъ, возню съ вещами,—не только не устаю, а кажется, что расходую самую небольшую часть своей силы, что ее мнѣ некуда дѣвать.

5 октября, суббота. Вчера первый свободный вечеръ—пошла гулять... и конечно туда, на rue Brézin.

Она была попрежнему тиха и пустынна, только скверъ измѣнился—печально смотрѣли пожелтѣвшіе листья... Было холодно... и все кругомъ такъ печально, такъ способствовало моему настроенію...

Не знаетъ онъ, что я вернулась... Сердце замирало отъ радости, едва я коснулась его родной земли...

Онъ спитъ теперь, утомленный дневной работой, и не узнаетъ, и не догадается... никогда...

6 октября. А вѣдь я совершенно не знаю, кто онъ. Какъ бы узнать хоть что-нибудь о немъ?...

Когда я уѣзжала и приходила прощаться къ Анжелѣ, та сказала, что знаетъ его. Тогда я не смѣла спросить ничего, это было бы слишкомъ явно замѣтно... А теперь... Если я не могу его видѣть—то услышать хоть слово о немъ!

Какое благодѣяніе—дождь для земли во время засухи..

Сегодня воскресенье, какъ разъ пріемный день; надо же по возвращеніи навѣстить Анжелу—и непремѣнно незамѣтно наведу разговоръ на него.

И я пошла въ госпиталь Брока.

Анжела очень обрадовалась моему приходу.

— Давно-ли вернулись? Какъ это мило съ вашей стороны—сейчасъ-же вспомнить обо мнѣ... очень, очень рада, что вы пришли.

Я вся вспыхнула: вѣдь я пришла не просто, чтобы повидаться...

Но шелъ дождь, и въ маленькомъ кабинетѣ электротерапіи, гдѣ живетъ Анжела, было темновато, такъ что она ничего не замѣтила.

Мы заговорили о госпиталѣ, перебрали всѣхъ больныхъ, которые ходили на электризацію одновременно со мной; вспомнили и о докторѣ Дрокѣ и его необыкновенномъ взглядѣ...

— Онъ скоро вернется изъ отпуска.

— Судя по его взгляду—это должно быть необыкновенный человѣкъ,—направляла я на него разговоръ: помню, что «monsieur Lencelet est un ami intime du docteur Drock»...

— О, это дѣйствительно чудный человѣкъ, и при томъ знаменитость... Вы знаете ли, сколько стоитъ визитъ у него на дому?

— Сколько?

— Два луи—двадцать франковъ!—торжествующимъ тономъ сказала Анжела, точно это она сама получала такую плату.

— О,—сказала я съ уваженіемъ.

— Да, да... это такая знаменитость по накожнымъ болѣзнямъ.

— А эти, которые ходятъ съ нимъ по палатамъ—это тоже... доктора?—нарочно ошиблась я, зная что Анжела сейчасъ же объяснитъ, какъ иностранкѣ.

— Нѣтъ, это экстерны и интерны. Каждый шефъ имѣетъ своего интерна. Докторъ Dossi — акушеръ — своего, докторъ Дрокъ—своего... теперь у него Собатье, въ прошломъ году былъ Кур-де-Глеквинье... я ихъ всѣхъ отлично знаю.

— И Ленселе тоже былъ?—наконецъ рѣшилась я спросить, думая, что вопросъ какъ будто вскользь будетъ незамѣтенъ.

— Какъ же! онъ былъ здѣсь интерномъ у доктора Дрока. Это его близкій другъ. Ils font des travaux ensemble; oh! monsieur Lencelet, il se tue en travaillant... c'est un très bon médecin et bien piétiné à peu près partout...

Такъ вотъ, кто онъ...

Анжела увлеклась и разсказывала о томъ, какъ хорошо имѣть протекцію, какъ шефы, уѣзжая на лѣто, передаютъ интернамъ своихъ больныхъ, какъ для врача необходимо устроиться, «s'installer»; какъ докторъ Гроссерье устраиваетъ кабинетъ электротерапіи, который стоитъ ему 50 тысячъ франковъ въ годъ.

— Вы понимаете, что онъ не можетъ дешевле брать у себя на дому. За сеансъ, который онъ здѣсь дѣлаетъ даромъ,—у него на дому платятъ 10 франковъ. И вообще жизнь докторамъ страшно дорого стоитъ: имъ нужно поддерживать отношенія, устраивать пріемы. Не можетъ же докторъ Дрокъ жить въ Латинскомъ кварталѣ, а надо—около L'arc de Triomphe de l'Etoile... А какія связи у доктора Dossi! Онъ—сенаторъ. Вы видѣли, какъ его павильонъ украшенъ живописью. Это художники сдѣлали для него любезность, работали даромъ. Это былъ, что называется — bel homme. Красавецъ замѣчательный! Вотъ кто имѣлъ успѣхъ у женщинъ. Теперь старъ сталъ, да...

И долго еще она разсказывала мнѣ объ этомъ спеціальномъ мірѣ, гдѣ медицина служитъ усовершенствованнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, гдѣ связи, протекція, наука, знанія, энергія, способности—прочно сплелись въ одно крѣпкое цѣлое—карьеру.

А въ ушахъ у меня звучало: «oh! monsieur Lencelet, il se tue en travaillant... c'est un très bon médecin et bien piétiné à peu près partout»...

9 октября, среда. Познакомилась съ румынками. Одна сестра—медичка—такая красавица, что я тотчасъ же прозвала ее «La belle Romaine»; другая—съ lettres — не такъ хороша, но съ лицомъ очень симпатичнымъ и интеллигентнымъ, обѣ чрезвычайно симпатичныя дѣвушки.

Сестры посвятили меня въ свои намѣренія и планы жизни

Медичка готовится къ экзамену на экстернатъ—и объяснила, что это такое. Студенты медицинскаго факультета—Ecole de médecine—могутъ держать конкурсный экзаменъ при Assistance Publique—на экстернатъ и интернатъ. Экстерны состоятъ какъ бы помощниками врачей—дѣлаютъ перевязки, присутствуютъ при обходахъ; интерны—уже самостоятельно завѣдуютъ палатой, нѣчто вродѣ нашихъ ординаторовъ. Экстернатъ и интернатъ—по четыре года каждый, при чемъ экзаменъ на интернатъ можно сдать и ранѣе этого срока. Стать интерномъ—идеалъ всякаго студента-медика, такъ какъ, будучи студентомъ—интернъ уже имѣетъ за собой большую практику, и когда кончаетъ курсъ—выходитъ опытнымъ и знающимъ врачемъ. Нѣкоторые изъ нихъ читаютъ и частныя лекціи, подготовляя къ конкурснымъ экзаменамъ на экстернатъ. Они много работаютъ, но зато и веселятся же! Для нихъ въ каждой больницѣ отведено особое помѣщеніе: «salle de garde»... что они тамъ выдѣлываютъ! Voilà ceux qui font la noce.

Слушать такіе разговоры для меня и величайшее наслажденіе и мученіе. Я все-таки узнаю что-нибудь о немъ, какая его жизнь, въ чемъ состоитъ его работа, но это... точно кто-то вкладываетъ ножъ въ сердце...

У него такіе рѣдкіе волосы на головѣ. И какъ подумаешь, что люблю всѣми силами души, со всей искренностью перваго чувства—этого преждевременно истасканнаго парижанина... ужасъ!

Несмотря на свою буржуазность, медичка все-таки выражается болѣе свободно.

— Васъ возмущаетъ эта безнравственность. Что же? вѣдь для мужчины женщина—это первая необходимость.

— Ну, я съ вами не согласна. Я бы не хотѣла выйти замужъ за... такого...

— Мужчина—дѣвственникъ! что можетъ быть хуже!—съ ужасомъ восклицаетъ прекрасная румынка, лѣниво раскидываясь на постели.—Ни за что! а ты?—спрашиваетъ она сестру.

Та, въ своемъ качествѣ не-медички, считаетъ нужнымъ конфузиться и молчать.

— А я спорю съ ней и доказываю, что такой бракъ—самый нравственный...

И я не могу не ходить къ румынкамъ, не могу не слушать этихъ безконечныхъ разговоровъ... Нѣтъ! все же я услышу о немъ. Я показываю необыкновенный интересъ ко всѣмъ мелочамъ, касающимся экстерновъ и интерновъ... и мы, сидя втроемъ у камина, болтаемъ цѣлыми часами.

11 октября, пятница. Пошла сегодня въ музей Гимэ. Мнѣ говорили, что тамъ находятся муміи Таисы и Серапіона. Я читала прелестный романъ Анатоля Франса «Таиса»—и интересно было взглянуть на эти муміи.

О, какой ужасъ! Въ стеклянномъ ящикѣ, въ почернѣлой отъ времени одеждѣ, лежитъ то, что было нѣкогда красавицей Таисой... желтый черепъ съ остаткомъ темныхъ волосъ; рядомъ съ нею безформенная темная масса почернѣвшей одежды съ кускомъ пожелтѣвшей кости сбоку — должно быть рука, обвитая желѣзными веригами,—это что-то было когда-то Серапіономъ...

Неужели когда-нибудь и онъ, мой милый, любимый—будетъ такимъ же?!

Жить можно только тогда, когда не думаешь о смерти...

Стремясь уйти отъ этого ужаснаго зрѣлища—я свернула въ одну изъ залъ. Тамъ со всѣхъ сторонъ сидѣли статуи Будды, и на лицахъ ихъ отразилось торжественное спокойствіе Нирваны. Модели индусскихъ храмовъ дивной красоты — настоящія чудеса искусства.

Впервые за все время пребыванія въ Парижѣ я почувствовала себя какъ бы въ своей сферѣ—меня окружалъ сказочно-таинственный мистическій Востокъ, знакомый съ дѣтства по сказкамъ,—который такъ близокъ къ намъ.

Я бродила по этой залѣ точно въ волшебномъ царствѣ.

13 октября, воскресенье. Снова была въ этомъ музеѣ.

Но сегодня зала съ Буддами была закрыта; открыты другія—японскаго искусства.

Это было для меня настоящимъ откровеніемъ. Почти все, что принято называть l'art moderne и moderne style,—стало мнѣ вдругъ понятно. Это совершенно несправедливо по отношенію къ японцамъ: слѣдовало бы назвать «японское искусство, японско-современный стиль», какъ говорятъ о стилѣ дорическомъ, іоническомъ. Всѣ эти афиши, всѣ изданія, современная манера живописи, предметы искусства, переплеты съ рисункомъ, идущимъ отъ угла,—все, все японское и существовало въ этой удивительной странѣ за сотни лѣтъ до нашего времени. Я видѣла рисунки, относящіеся къ 1513—1685 годамъ,—они сдѣлали бы честь любому современному художнику... И какъ у насъ, въ Россіи, мало объ этомъ знаютъ! какъ невѣжественны мы въ художественномъ отношеніи! Право, жаль, что все знакомство съ исторіей искусства у большинства моихъ соотечественниковъ ограничивается зна-

ніемъ того, что Фидій жилъ въ Аѳинахъ во время Перикла, а Антокольскій сдѣлалъ статую Ермака...

15 октября, вторникъ. Одна только мысль—какъ бы увидѣться съ нимъ?

Но какъ? Притвориться больной и позвать его къ себѣ—но я не умѣю притворяться. Пойти къ нему самой, какъ будто бы у меня опять начались головныя боли—я такъ не привыкла лгать... Какъ быть?... надо придумать.

А времени не теряю. Для изученія французскаго языка записалась во Franco-English Guild, занятія начались сегодня. Побывала и въ секретаріатѣ своего факультета; тамъ мнѣ сообщили, что нынѣшній годъ подали прошенія о пріемѣ четверо русскихъ...

Прекрасно! Значитъ, идея носится въ воздухѣ, если мы, въ разныхъ концахъ Россіи, приходимъ къ одной и той же мысли... Начало лекцій еще черезъ мѣсяцъ...

18 октября, пятница. Непріятный сюрпризъ! Оказывается, хозяйка сдала салонъ, и еще кому—консерваторкѣ, съ піанино! Эта новость меня поразила какъ громомъ. Вотъ тебѣ и разъ!

Когда моя русская сосѣдка почти одновременно со мной взяла піанино, я была не очень довольна. Нанимая комнату, я предварительно освѣдомилась, нѣтъ ли инструментовъ—я не могу заниматься при музыкѣ—оказалось, что нѣтъ. Съ русской мы условились, что она будетъ играть тогда, когда меня не бываетъ дома, я—когда ея нѣтъ... Но съ третьимъ піанино, да еще съ консерваторкой, въ пяти комнатахъ—это уже совсѣмъ неудобно, и я прихожу въ ужасъ при мысли, что только будетъ?!

Консерваторка! это слово для меня, какъ жупелъ для купчихи Островскаго. Вѣдь это безпощадныя гаммы и упражненія по шести часовъ подрядъ. Здѣсь было такъ хорошо, покойно, и вдругъ—три піанино! Вотъ тебѣ и квартира исключительно съ жилицами... Три піанино—этого не могло бы быть, если бы жили студенты. Проклятое женское воспитаніе,—и къ чему только музыкѣ учатъ?!

19 октября, суббота. Пробовала урезонить хозяйку—не сдавать комнаты этой дѣвицѣ, обѣщала ей рекомендовать какую-нибудь жилицу—напрасно: консерваторка уже дала задатокъ и переѣхала сегодня, а къ шести часамъ водворилось и третье піанино... Я сразу искренно возненавидѣла нашу новую жилицу—

нѣмецкую еврейку съ типичнымъ носомъ и лицомъ, обсыпаннымъ пудрой.

21 октября, понедѣльникъ. Мнѣ надо было писать переводъ съ русскаго на французскій—консерваторка сѣла упражняться. Я пробовала сосредоточиться, несмотря ни на что, и настойчиво искала въ словарѣ и старалась составить фразу... напрасно! Фраза не шла на умъ, несмотря на усилія воли; въ ушахъ звучала безпрерывная, точно барабанная дробь, гамма упражненій.

Голова тяжелѣла... вдругъ острая, рѣзкая боль пронизала високъ, я невольно ахнула—и въ отчаяніи отбросила книгу и словарь...

Голова болитъ весь вечеръ; заниматься нѣтъ возможности; консерваторка знай дубаситъ то гаммы, то этюды...

Но странное чувство радости охватило меня: вѣдь теперь я могу обратиться къ нему! и это будетъ правда!

И сейчасъ же написала ему:

Monsieur. Ayez la bonté de m'indiquer le jour où je pourrai me présenter à Boucicaut.

Veuillez bien agréer, monsieur, l'expression de mes sentiments distingués.

24 октября, четвергъ. Вчера получила отвѣтъ:

Mademoiselle. Si vous pouvez venir jeudi à deux heures de l'après midi, nous causerons de votre santé.

Croyez, mademoiselle, à mes sentiments bien dévoués et les meilleurs.

E. Lencelet.

И сегодня въ два часа поѣхала въ Бусико.

При дневномъ свѣтѣ лѣстница показалась мнѣ грязной, также и библіотека, куда ввела меня горничная, поражала общимъ небрежнымъ видомъ... Можно было удивляться, какъ въ новомъ госпиталѣ все такъ быстро теряетъ чистоту.

Волненіе отъ сознанія того, что я сейчасъ его увижу,—отнимало у меня всѣ силы. Я сидѣла неподвижно у стола, опустивъ голову и глаза, чтобы не выдать себя, увидя, какъ онъ войдетъ...

— Bonjour, mademoiselle, comment allez-vous? — слова эти какъ музыка прозвучали около меня. И я едва могла отвѣтить:

— Je me sens très mal, monsieur.

— Ça revient de nouveau, ces maux de tête?—спросилъ онъ, садясь къ столу, противъ меня.—Ну, разсказывайте, что случилось съ вами, съ тѣхъ поръ какъ я васъ не видѣлъ?

Я сказала ему о вліяніи музыки на мои занятія.

— Но этому очень легко помочь! стоитъ только перемѣнить квартиру!—и его серьезное лицо на минуту освѣтилось ласковой, доброй улыбкой.

— Но мнѣ жаль оставить эту комнату... тамъ такъ хорошо и удобно. И потомъ—что же это будетъ, если при всякомъ подобномъ случаѣ будетъ болѣть голова? Чѣмъ такъ страдать отъ нервовъ—лучше смерть, чѣмъ такая жизнь.

— Вы не имѣете права...

— Нѣтъ,—перебила я,—теперь есть уже другія юристки, кромѣ меня, на первый курсъ нынче поступаютъ четверо... Онѣ будутъ работать во всякомъ случаѣ лучше меня и принесутъ больше пользы. Значитъ...

— Значитъ, вы не даете мнѣ высказать,—спокойно возразилъ онъ.—Я хотѣлъ сказать, что вы не имѣете нравственнаго права распоряжаться своею жизнью. Каждый отвѣтственъ за себя. Другія будутъ работать на этомъ поприщѣ—прекрасно, но у васъ, быть можетъ, есть способности, которыми онѣ не обладаютъ. И вы должны развивать ихъ и стараться быть полезной, сами лично.

Я сидѣла и слушала, и слова его пробуждали во мнѣ что-то хорошее, какую-то вѣру въ себя. Его голосъ звучалъ такъ ласково, такъ гармонично, и весь онъ со своимъ серьезнымъ лицомъ, прекрасными голубыми глазами казался мнѣ существомъ лучше, выше всѣхъ, кого я когда-либо знала.

— Ну, а какъ теперь ваше настроеніе?

Онъ меня спрашивалъ объ этомъ! Страданіе, острое какъ лезвіе ножа, охватило меня всю... Вѣдь этотъ человѣкъ, котораго я такъ люблю—не любитъ меня. И, несмотря на все самообладаніе, глухое рыданіе вырвалось у меня, и я отвернулась.

— Значитъ, вы находитесь попрежнему — въ угнетенномъ состояніи? Voyons... Надо же быть мужественною. Помните одно библейское изреченіе: violenti rapiunt illud... Что же дѣлать, если жизнь такъ устроена. Она тяжела—согласенъ... я самъ не хотѣлъ бы имѣть дѣтей. Но разъ мы уже родились, то нашъ долгъ стараться дѣлать все возможно лучше и совершенствоваться самимъ.

Онъ вздохнулъ, подвинулъ къ себѣ чернильницу и взялъ листъ бумаги.

— Я дамъ вамъ лѣкарство... Вотъ, Valériane d'ammoniaque de Pierlot. Принимайте ежедневно три раза чайную ложку въ полстаканѣ сахарной воды. Когда кончите—приходите сюда. И если вы думаете, что я могу служить вамъ нравственной опорой—всегда сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ...

Онъ проводилъ меня до дверей, и я ушла... почти счастливая тѣмъ, что опять могу увидѣть его.

25 октября, пятница. Мой товарищъ Андрэ Бертье вернулся съ вакацій. Тотчасъ же побѣжалъ въ пансіонъ, гдѣ я жила весной, узналъ мой настоящій адресъ... и сидѣлъ въ моей комнатѣ весь сіяющій, счастливый...

— Oh, mademoiselle! я съ ума сходилъ отъ отчаянія, не видя васъ! такъ долго тянулись эти вакаціи, такъ долго! И какая вы жестокая! отчего не написали мнѣ? отчего не отвѣтили на мое послѣднее письмо?

Я съ трудомъ припоминала... да, вѣдь это правда,—онъ писалъ, и я, кажется, одинъ разъ ему написала, послѣ этой исторіи съ нѣмцемъ; потомъ, право, не до того было.

Я хотѣла такъ и отвѣтить ему шутя, но при взглядѣ на его лицо, запнулась. Столько искренней любви, столько преданности было въ этихъ большихъ черныхъ глазахъ, во всемъ выраженіи его красиваго юношескаго лица.

Вотъ что значитъ вмѣстѣ готовиться къ экзаменамъ по утрамъ въ Jardin des Plantes! Мнѣ стало жаль бѣднаго Андрэ. И я сочинила какую-то исторію, изъ которой онъ могъ ясно понять, что невозможно было отвѣтить ему, что въ Лондонѣ рѣшительно теряешь голову.

Онъ успокоился и смотрѣлъ на меня, блаженно улыбаясь, пока я приготовляла чай... и уходя—робко, почтительно поцѣловалъ мнѣ руку... Что съ нимъ дѣлать?

27 октября, воскресенье. Лавочка Мерсье въ Villa Médic служитъ справочнымъ бюро для ея обитателей; я беру у нихъ молоко.

Сегодня спустилась туда, разсказала о своемъ несчастномъ положеніи и о трехъ піанино, чѣмъ и вызвала живѣйшее сочувствіе лавочника и его жены. И они тотчасъ же сообщили мнѣ, что сдаются двѣ комнаты въ двухъ зданіяхъ; одна въ квартирѣ, другая комната—въ семьѣ! О, счастье! одна жилица—и нѣтъ другого піанино! Уже одно это заставляло снять комнату, не раздумывая долго и даже не видавъ ея...

Я одѣлась получше, наученная горькимъ опытомъ; во все время переговоровъ не переставала любезно улыбаться,—и хозяйка, которая сдавала салонъ и не хотѣла взять менѣе 40 франковъ, что мнѣ было дорого—сбавила два:

— Par ce que vous êtes gracieuse, mademoiselle, vous me plaisez, j'aimerais vous avoir comme locataire.

Я съ торжествомъ вернулась и заявила madame Torchet, что переѣзжаю изъ-за трехъ піанино. Хитрая старуха притворилась, будто она тутъ не при чемъ и потребовала было платы за двѣ недѣли. Но я храбро пригрозила ей довести дѣло до мирового судьи—за неисполненіе условій тишины и спокойствія—она струсила и замолчала.

28 октября, понедѣльникъ. Сегодня въ Guild былъ рефератъ Пелиссье о поѣздкѣ въ Севенны. По окончаніи, когда мы всѣ столпились около стола, чтобы разсмотрѣть фотографіи,—миссъ Williorux подвела къ референту высокую полную даму въ пэнснэ.

— Позвольте представить вамъ одну изъ моихъ ученицъ... миссъ Нортъ, изъ Новой Зеландіи. Знаете, въ этой колоніи женщины вотируютъ, не то что мы здѣсь.

Пелиссье любезно раскланялся, а я во всѣ глаза смотрѣла на женщину, имѣвшую политическія права. Ничего особеннаго: женщина, какъ всѣ женщины, а все-таки уже одно сознаніе, что у нея есть права, которыхъ нѣтъ ни у одной женщины въ Европѣ,—отличаетъ ее отъ другихъ смертныхъ.

Миссъ Нортъ и Пелиссье подошли къ картѣ Новой Зеландіи, повѣшенной на стѣнѣ. Онъ, очевидно, спрашивалъ ее о чемъ-то, и я увидѣла, какъ она указывала ему на картѣ города и рѣки.

Я подошла и встала рядомъ съ ними.

— Вотъ это — антиподъ Парижа, здѣсь — неподалеку отъ Christ-Murch'a,—указала Миссъ Нортъ городъ на южной части острова, какъ разъ подъ нами.

Было какъ-то странно слышать эти слова. Дѣйствительно, Парижъ—своего рода центръ міра, куда съѣзжаются люди обоихъ полушарій. Въ прошломъ году я встрѣчалась только съ американцами, да неграми; теперь—увидала и австралійцевъ.

Я смотрѣла на черную точку и думала, что и подъ антиподами тѣ же люди, и у нихъ тѣ же страданія, тѣ же радости, что и у насъ... Какъ велика, какъ важна наша личность въ нашемъ сознаніи—и какъ мы ничтожны сравнительно съ міромъ!

29 октября, вторникъ. Зашла еще разъ въ музей Гимэ. Меня влечетъ туда какая-то сила.

Спокойствіе Нирваны!

Когда смотришь на эти безчисленныя статуи Будды, на эти лица, полныя глубокаго внутренняго спокойствія,—точно отрѣшаешься отъ земли, и кажется, что отъ этихъ статуй исходитъ

и передается такое ясное, безмятежное, сверхчеловѣческое состояніе души.

30 октября, среда. Понемногу переношу свои вещи къ Madame Тессье. Бертье вызвался помогать, и у меня не хватило духа отказать ему въ этомъ удовольствіи.

1 ноября, пятница. Пошла сегодня на русскую вечеринку. Давно не видала соотечественниковъ. Узнала, что въ залѣ находятся мужъ и жена Муратовы, пріѣхавшіе изъ Петербурга. Они меня очень интересовали. Оба—извѣстные въ интеллигентныхъ кругахъ Москвы и Петербурга общественные дѣятели, онъ, кромѣ того, и беллетристъ... и я обрадовалась возможности познакомиться съ ними. Дервальдъ ихъ знаетъ,—они работали въ одномъ журналѣ. Я подумала, быть можетъ имъ пріятно будетъ узнать что-нибудь о немъ, какъ онъ живетъ въ Англіи, и попросила представить меня имъ.

Они казались очень симпатичными и милыми людьми, у насъ нашлись общіе знакомые въ Петербургѣ. Я поспѣшила имъ сообщить, что знакома съ Дервальдомъ и его семействомъ, и что могу сообщить имъ самыя послѣднія новости относительно его.

— Да, я знаю, я видѣлась съ его женой въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ, — отвѣтила Муратова, и тонъ ея голоса изъ любезнаго вдругъ сталъ холоднымъ и рѣзкимъ.

— Видѣлись?.когда?—озадаченно переспросила я.

— Въ сентябрѣ.

— Но, не можетъ быть! Его жена живетъ въ Англіи съ декабря прошлаго года, на берегу моря, въ Боримажѣ! У нея еще недавно родился ребенокъ.

— Его жена живетъ въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, на Большомъ проспектѣ... и дѣти—у него трое—всѣ большія, въ гимназію ходятъ...—холодно, почти враждебно проговорила Муратова, и лицо ея приняло мрачное выраженіе.

— Значитъ...—и слова застряли у меня въ горлѣ, и я почувствовала, что погружаюсь въ какую-то тину, изъ которой нѣтъ выхода...

— Значитъ — вы знаете въ Англіи одну Дервальдъ, я въ Петербургѣ—другую, настоящую Дервальдъ, и никакой другой не признаю, такъ какъ она не имѣетъ права носить его имя...

Я больно ущипнула себя за руку, чтобы удостовѣриться—не снится ли мнѣ все это...

Нѣтъ, не снилось...

Возможно ли, этотъ милѣйшій, талантливый умница Дервальдъ—двоеженецъ?! Отецъ шестерыхъ дѣтей отъ двухъ матерей, изъ которыхъ одна не имѣетъ права носить его имени, и, однако, всюду выдаетъ себя за Дервальдъ;—тоже интеллигентная женщина, чуть ли не на курсахъ была...

— И она согласилась съ нимъ жить?! Но быть можетъ—онъ ее увѣрялъ, что свободенъ, и она—жертва?—робко спросила я Муратову.

— Петербургъ не такъ великъ, и Дервальдъ слишкомъ извѣстенъ, всѣ знаютъ, что онъ женатъ.

— Но... какъ же относится къ этому его первая жена? Отчего она не разведется съ нимъ?

— Она ничего не знаетъ. Это болѣзненная женщина, мало гдѣ бываетъ. Онъ же человѣкъ занятой, цѣлый день его дома нѣтъ, куда хочетъ, туда и ѣдетъ. Та, его другая семья,—жила на другомъ концѣ Петербурга. Нѣтъ ничего легче, какъ спрятать концы въ воду. Жена и подозрѣвать ничего не можетъ, такъ какъ онъ очень ее любитъ и ведетъ себя съ нею какъ самый примѣрный мужъ. Въ прошломъ году на Рождество онъ уѣзжалъ въ Англію «по дѣламъ редакціи»...

— Въ прошломъ году въ это время у него какъ разъ родился ребенокъ,—задумчиво сказала я, вся подавленная нечаяннымъ открытіемъ.

А Муратова, которой этотъ разговоръ, очевидно, былъ непріятенъ—отошла и заговорила съ какой-то дамой.

— Вы танцуете?—раздалось надъ моимъ ухомъ.

Я отказалась. Мнѣ было не до танцевъ.

Впервые въ жизни столкнулась я съ такимъ явленіемъ, и гдѣ же? Въ средѣ писателей, о которыхъ мы, простые смертные, наивно думали, что они разъ пишутъ хорошо, то и сами стоятъ выше насъ...

А тутъ вдругъ—открывалась такая странная психологія умнаго человѣка, что я рѣшительно теряюсь и не знаю, что о немъ думать. Примѣрный мужъ—для двухъ женъ. Отецъ двухъ семействъ—въ разныхъ концахъ Европы.

Я вспоминала, какъ у насъ мужья ѣздятъ къ своимъ любовницамъ и незаконнымъ семьямъ — потихоньку; а талантливый передовой писатель устраиваетъ свою жизнь вполнѣ по-передовому: подъ предлогомъ здороваго климата англійскаго курорта, переселилъ туда свое второе семейство, и тамъ она носитъ его имя, а въ Петербургѣ—окончательно нѣтъ риска, что первая жена узнаетъ что-нибудь...

Хороша тоже и та, его вторая жена... на все согласилась... Говорятъ—любовь все извиняетъ. Я согласна въ данномъ случаѣ, если у человѣка такая странная психологія, что ему, какъ татарину—нужно многоженство; это дѣло его совѣсти. Но меня возмущаетъ ложь, нравственная трусость этихъ двухъ людей, не имѣвшихъ мужества открыто заявить о своемъ свободномъ сожительствѣ.

И главное—если бы его вторая жена вращалась въ обществѣ не интеллигентномъ,—а то вѣдь въ домѣ Ярцева бываютъ всѣ самые передовые, либеральные, съ самыми широкими взглядами люди... казалось бы, чего же передъ такими скрываться?—Нѣтъ, все-таки трусятъ... И даже искренно убѣждены, что они просвѣщенные люди, и до полуночи готовы кричать о предразсудкахъ и невѣжествѣ массы...

А сами-то каковы??

4 ноября, понедѣльникъ. Устроилась въ новой квартирѣ. Кажется, мои хозяева—славные старички: офицеръ въ отставкѣ съ женой и теща, дряхлая восьмидесятилѣтняя старушка. Трогательно видѣть, въ какомъ мирѣ и согласіи живутъ они. Хозяйкѣ моей шестьдесятъ четыре года, но на видъ нельзя дать болѣе сорока пяти: такъ она свѣжа, а главное—молода душой.

Я только удивляюсь, какъ у насъ быстро старятся! всѣ безразлично—мужчины и женщины, и какъ долго они сохраняютъ молодость здѣсь! И видно, что эта любовь къ молодости служитъ преобладающей чертой характера хозяйки.—«Первое, что старится у женщины—это шея»,—сообщила она мнѣ дѣловымъ тономъ въ первый же вечеръ. Я съ трудомъ удержалась отъ смѣха и вѣжливо выслушала такое интересное свѣдѣніе.

Положимъ, она употребляетъ косметики: подводитъ брови, мажетъ губы, пудрится. Сначала съ непривычки мнѣ казалось это страннымъ, и я готова была осудить ее. Но она такая добрая, и такая живая, съ широкими взглядами... Я еще не вѣрю своей удачѣ: да неужели же и впрямь попала къ порядочнымъ людямъ?

И какъ трудолюбива эта французская женщина! Съ утра она занимается хозяйствомъ: сама прибираетъ комнаты, готовитъ завтракъ; потомъ одѣвается, причесывается, и, видя изящную парижанку — трудно вѣрить, что какой-нибудь часъ тому назадъ она въ капотѣ, съ засученными рукавами, прибирала комнаты, мыла посуду, словомъ,—была и горничной и кухаркой. При всемъ этомъ она наблюдательна, остроумна и обладаетъ какимъ-то неизсякаемымъ источникомъ молодости души. Приходится соз-

наться, что въ среднемъ мы, русскія женщины, такими достоинствами не обладаемъ.

У насъ одно изъ двухъ: если интеллигентная женщина — и тогда почти не занимается хозяйствомъ, или же—мать семейства, хозяйка, опустившаяся, преждевременно состарившаяся, небрежно одѣтая и причесанная, вѣчно на кухнѣ, вѣчно сердитая и въ хлопотахъ. Мы не умѣемъ, что называется, держаться золотой середины. При дешевизнѣ прислуги, если только въ насъ преобладаетъ интеллигентная жилка—тотчасъ же сваливаемъ на нее всю работу и идемъ засѣдать въ разныя общества, говорить и слушать хорошія слова.

Жаль, что женщины всей латинской расы, за исключеніемъ энергическихъ румынокъ—подавлены клерикализмомъ и Наполеоновымъ кодексомъ. Не будь этихъ двухъ препятствій — онѣ пошли бы впередъ...

Наши русскія женщины справедливо могутъ считать себя передовыми, но чтобы не останавливаться на пути самосовершенствованія—надо признать, что, въ среднемъ, онѣ далеко не такъ трудолюбивы, и остроумны, и изящны какъ француженки. И чѣмъ объяснить, что у насъ такъ быстро всѣ старѣются? Должно быть, климатъ такой...

Кажется, и я понравилась старикамъ. Моя любезность, мой внѣшній видъ, безукоризненно изящный туалетъ, модная прическа, быстрая и легкая походка—очаровали madame Tessier, и она не перестаетъ говорить мнѣ комплименты.

— Какой у васъ чудный цвѣтъ лица! И какъ вы хорошо одѣваетесь, съ какимъ вкусомъ... точно парижанка, право!—говорила она, глядя на мои платья, когда я разбиралась въ своихъ вещахъ.

Я увѣрила ее, что не трачу много денегъ на платья, что привезла изъ Россіи кое-какія старыя вещи и только передѣлала ихъ здѣсь.

Madame Tessier съ видомъ знатока качала головой:

— Во всякомъ случаѣ вы отлично справляетесь съ своимъ туалетомъ. А вотъ я такъ лѣнива стала. Въ прошломъ году купила пеньюаръ,—и она притащила изъ cabinet de toilette свѣтло-голубой пеньюаръ съ бѣлой вставкой.

Мнѣ надо было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не разсмѣяться, но безконечное добродушіе, съ какимъ madame Tessier разсказывала о своемъ пеньюарѣ, уничтожало въ корнѣ всякую насмѣшку... Ну, что жъ, вѣдь она дѣйствительно выглядитъ моложе своихъ шестидесяти четырехъ лѣтъ,—отчего бы и не носить ей голубыхъ капотовъ?...

Я иногда сама на себя досадую, зачѣмъ такъ скоро усвоила эту французскую внѣшнюю любезность. То-ли дѣло англичане: тѣ всюду возятъ съ собой свои привычки, не подчиняясь ничьимъ обычаямъ. А мы—наоборотъ: ничего, кажется, кромѣ чаю, да и то безъ самовара, съ собой не привозимъ. Съ удивительной легкостью и быстротой схватываемъ чужое произношеніе, съ готовностью подчиняемся чуждымъ обычаямъ.

Пресловутая славянская гибкость натуры! Не въ этомъ ли причина нашей слабости — что мы недостаточно тверды сами въ себѣ?

5 ноября, вторникъ. Все смотрю на стеклянку—много ли осталось, скоро-ли можно будетъ написать ему.

7 ноября, четвергъ. Сегодня ровно двѣ недѣли, какъ я видѣла его... и впереди увижу опять. О, какое это чудное время, между двумя днями, когда вся живешь воспоминаніями о прошедшемъ и надеждой на будущее!

Я не думаю о томъ, что будетъ дальше. Я закрываю глаза на будущее, оно слишкомъ страшно, чтобы думать о немъ...

Мнѣ такъ хорошо теперь... Я—здѣсь, вблизи отъ него и скоро увижу его...

9 ноября, суббота. Вчера пригласила madame Tessier пить чай. Она пришла въ восторгъ отъ thé russe, и мы дружески бесѣдовали цѣлыхъ два часа.

Она разсказала о сосѣдяхъ, но не о всѣхъ, а только о выдающихся—ихъ вѣдь такъ много, что и знать трудно.

Напротивъ насъ, оказалось, живетъ французская женщина-адвокатъ Жанна Шовэнъ,—подъ ней въ прошломъ году жила романистка Marcel Finayre, а внизу, въ нашемъ домѣ—какъ разъ подъ нами—тоже писательница Кларансъ.

И madame Tessier знаетъ ее лично и бываетъ у нея.

— Это преинтересная особа. У нея вторники, собираются: артисты, писатели. Я, конечно, стара для этого общества и воспитана была иначе, но все-таки люблю иногда сойти къ ней. Тамъ такъ весело, и мнѣ пріятно смотрѣть на эту молодежь. И сама Кларансъ очень милая дѣвушка. Конечно, эта среда артистовъ и писателей очень свободная, но—не мое дѣло, какъ она живетъ, я знаю только, что это очень симпатичная молодая особа.

Madame Tessier, при ея возрастѣ и воспитаніи—уже не разъ пріятно удивляла меня своими широкими терпимыми взглядами, хотя бы самому передовому интеллигенту впору.

— И у ней бываетъ вашъ соотечественникъ, скульпторъ Карзи... Карси... какія трудныя эти русскія имена... вотъ—вспомнила—Karsinsky. Я разсказала, что сдала комнату русской студенткѣ, и онъ тотчасъ же спросилъ: «красивая она?»

— Онъ могъ бы и не спрашивать,—замѣтила я, задѣтая безцеремоннымъ тономъ этого вопроса за-глаза.

Но для madame Tessier, какъ для француженки, вопросъ этотъ былъ вполнѣ естественъ.

— Отчего же не спросить? Я отвѣтила: — Elle est très, très gentille, votre compatriote, monsieur Karsinsky. Ему очень интересно познакомиться. И Кларансъ тоже говорила: «вы ее приведите ко мнѣ». Если хотите, я познакомлю васъ съ ней. Вамъ будетъ интересно.

Я съ удовольствіемъ согласилась и спросила,—что же пишетъ эта Кларансъ, какіе романы?

— Знаете ли, я нахожу ихъ немного слишкомъ... вольными... для женщины... Есть у меня одинъ ея томъ, если хотите, я дамъ вамъ прочесть, только...

И madame Tessier запнулась. Я разсмѣялась и стала увѣрять ее, что она все-таки съ предразсудками, что нравственность должна быть одна для обоихъ половъ, и отчего же женщинѣ и не написать болѣе или менѣе «вольнаго романа», когда мужчины на практикѣ продѣлываютъ ежедневно то же?

Но madame Tessier на этотъ разъ стояла на своемъ:—Вы не читали, вотъ сначала прочтите.

И она принесла мнѣ небольшой томикъ «Passions terribles».

О, какое забористое заглавіе! посмотримъ, что это за романъ!

10 ноября, воскресенье. Сегодня написала ему письмо... Если-бы онъ могъ между этими сухими краткими строчками увидѣть всю бездну страданія моего сердца, все мое горе, все мое отчаяніе...

11 ноября, понедѣльникъ. Пробѣжала романъ Кларансъ. Дѣйствительно, права madame Tessier, съ той только разницей, что писать такіе романы одинаково «черезчуръ» и для женщины и для мужчины. Это былъ такой откровенно-сладострастный романъ, какого я никогда еще не читывала. Тутъ были и «гибкія тѣла», и «шелковистыя ткани», и «надушенныя юбки», и «оргія ночи», и «le sang chaud de la luxure»... Смѣлая и откровенная фантазія, но безъ таланта Зола... И если романъ самъ по себѣ, кромѣ

слога, никакихъ другихъ достоинствъ не имѣетъ — его авторъ долженъ былъ представлять очень интересную личность...

12 ноября, вторникъ. Madame Tessier послѣ завтрака предупредила меня, что сегодня въ пять часовъ мы сойдемъ внизъ къ Кларансъ. Это значило—одѣться.

Въ пять часовъ я вошла въ столовую—и ахнула. Madame Tessier была великолѣпна: черное атласное платье съ бархатнымъ волановъ и тюлевой вставкой; черная шляпа съ бѣлыми розами; подвитая, напудренная, съ ярко-розовыми губами отъ фиксатуара—подъ вуалеткой съ круглыми черными мушками—она казалась совсѣмъ свѣжей сорокапятилѣтней женщиной... Я разсыпалась въ комплиментахъ и скорѣе докончила свой туалетъ, стараясь не ударить лицомъ въ грязь рядомъ съ такой великолѣпной дамой.

Внутренно вся эта церемонія очень забавляла меня: я надѣвала нарядный корсажъ, мѣховую пелерину и большую черную шляпу à la Rembrandt, съ длиннымъ перомъ... для того, чтобы сойти съ лѣстницы и позвониться внизу.

Это было смѣшно и весело.

Мы сошли съ торжественной медлительностью: полнота madame Tessier, несмотря на корсетъ, мѣшаетъ окончательно свободѣ ея движеній, и она не можетъ ходить быстро.

Мы позвонили. Отворилась дверь, и въ полумракѣ прихожей мелькнуло блѣдное, красивое молодое лицо; маленькая тонкая фигурка—хромая—отошла, чтобы дать намъ войти.

— А, это вы, madame Tessier? и съ своей новой жилицей?.. Очень, очень рада,—быстро сказала она, протягивая руку.—Проходите, пожалуйста, въ гостиную... И она, затворивъ входную дверь, отдернула портьеру.

Въ небольшой уютной комнатѣ ярко горѣлъ каминъ, и кругомъ на стульяхъ сидѣло нѣсколько мужчинъ и одна, уже немолодая, дама.

— Chère mademoiselle Clarence, permettez-moi de vous présenter mademoiselle Diaconoff,—представила меня хозяйка.

Я раскланялась по всѣмъ правиламъ здѣшнихъ обычаевъ перваго знакомства: сдержанно и церемонно, — не протягивая руки, слегка наклоняясь впередъ.

— Очень, очень рада познакомиться; я уже слышала о васъ. Господа, позвольте вамъ представить mademoiselle Lakoff,—тутъ же переврала Кларансъ мою фамилію.

Присутствующіе также церемонно раскланялись.

Я сѣла рядомъ съ madame Tessier, которая торжественно помѣстилась въ широкомъ креслѣ, и съ любопытствомъ осмотрѣлась.

Кларансъ была дѣйствительно очень интересная особа, начиная съ внѣшности. Короткіе, черные, завитые волосы обрамляли ея блѣдное лицо съ правильными чертами и блестящими темными глазами; черныя, какъ бархатныя, брови оттѣняли бѣлый лобъ. Ея хрупкая, тонкая фигурка, несмотря на физическій недостатокъ, отличалась необычайной подвижностью. Черное платье фасона Tailleur, безукоризненной простоты и изящества, сидѣло на ней ловко, и вся она казалась какой-то оригинальной, живой картиной, откуда-то зашедшей въ эту гостиную.

Разговоръ, на минуту прерванный нашимъ приходомъ, возобновился. Ловко усѣвшись на ручку кресла, Кларансъ разсказывала о чемъ-то страшно быстро и громко смѣясь. Одинъ изъ гостей—молодой человѣкъ съ длинной бѣлокурой бородой и лѣнивыми голубыми глазами—вставилъ замѣчаніе, котораго я не поняла. Всѣ разсмѣялись, и Кларансъ громче всѣхъ.

— Перестаньте, будетъ, Дериссе! Хоть бы постыдились передъ русской барышней...

Mademoiselle Lakoff, я должна васъ предупредить, не судите, видя насъ, о парижскомъ обществѣ... Вы попали въ самую свободную среду, tout ce qu'il y a de plus parisien... Мы здѣсь почти всѣ художники, артисты, литераторы. Мы не богема, но все-таки свободная артистическая среда, гдѣ всякій говоритъ, что хочетъ...

— Еще бы, entre amis!—и изъ угла поднялась грузная русская фигура и неуклюже, размашисто охватила сильной рукой тонкую талію хозяйки.

— Убирайтесь, русскій медвѣдь! хоть для перваго раза постыдились бы передъ соотечественницей!—крикнула на него Кларансъ, вырываясь и ударяя его по рукѣ.

— Ну, ничего, это я такъ, немножко,—ни мало не смущаясь отвѣчалъ «русскій медвѣдь», и подошелъ ко мнѣ.

— Очень радъ познакомиться съ вами... я—скульпторъ Карсинскій, — отрекомендовался онъ, протягивая руку и широко, добродушно улыбаясь.

И я улыбнулась, глядя на этого человѣка. Прозвище, данное Кларансъ, подходило къ нему какъ нельзя болѣе. Его высокая, мощная фигура, широкое лицо, пышная борода, волосы, небрежно откинутые назадъ съ низкаго лба—ничто въ немъ не гармонировало съ этимъ изящнымъ парижскимъ салономъ, и весь онъ,

большой, сильный, грубоватый—казалось, попалъ сюда, какъ рѣдкость, какъ кукла самоѣда въ женскомъ будуарѣ...

— La voilà, monsieur Karsinsky—votre compatriote...—любезно обратилась къ нему моя madame Tessier...

— Да, я уже говорилъ о васъ съ ней,—сказалъ онъ.—Вы недавно пріѣхали?

— Второй учебный годъ въ Парижѣ.

— А-а... а я такъ здѣсь живу уже четырнадцать лѣтъ... Но Россію люблю и не забываю... О памятникѣ Бѣлинскому, быть можетъ, слышали? Я его авторъ...

— Какъ же, какъ же, слыхала,—сказала я, обрадованная такой встрѣчей.—Такъ что вы и есть авторъ проекта?

— Да, я. Если хотите, дамъ вамъ фотографію съ бюста Бѣлинскаго, рисунокъ Апоѳеозъ Бѣлинскаго... Я знакомъ съ его дочерью и внуками, они были въ моей мастерской, когда пріѣзжали делегаты изъ Пензы...

— Очень вамъ благодарна...—радовалась я такой счастливой случайности. Шутка ли, читала объ этомъ въ газетахъ, а тутъ вдругъ—судьба сводила съ самимъ авторомъ памятника...

— Mademoiselle, вотъ видите у камина даму—это madame Emile Carsolle, я вамъ говорила о ней,—пишетъ сентиментальные романы нравственные и очень хорошіе... couronné par l'Académie; я очень люблю ея жанръ,—прошептала madame Tessier, наклоняясь ко мнѣ.

Я съ любопытствомъ посмотрѣла на автора нравственныхъ романовъ. Это была уже немолодая женщина, безъ признака французской граціи и кокетства, — какъ наши провинціальныя дамы,—одѣтая въ простую черную юбку и скромный шелковый немодный корсажъ. Гладкая прическа, и ни слѣда косметики на еще свѣжемъ лицѣ. Она задумчиво просматривала газету, сидя у камина и не обращая никакого вниманія на окружающихъ.

Двое молодыхъ людей—блондинъ съ длинной бородой маленькаго роста, и брюнетъ съ живыми глазами и черными бровями полукругомъ, что придавало въ высшей степени комическое выраженіе его молодому лицу — смѣясь, о чемъ-то спорили съ Кларансъ.

Madame Tessier сидѣла важно и неподвижно, не говоря почти ни слова и съ удовольствіемъ смотря на веселую молодежь.

Художникъ, очевидно, сказалъ что-то особенно смѣшное,—и Кларансъ, хохоча во все горло, опрокинулась въ кресло...

— Ох, ох, ох...—задыхалась она отъ смѣха, скульпторъ расхохотался тоже, madame Tessier улыбалась.

Я ничего не понимала и во всѣ глаза смотрѣла на нихъ:— говорили по-французски, но совершенно новыя, непонятныя слова.

— Вы не смущайтесь, mademoiselle,—сказала Кларансъ, стараясь перестать смѣяться.—Вы часто услышите здѣсь такія слова, которыхъ не поймете. Это—argot. La langue verte, что называется. Такъ какъ здѣсь народъ вольный—артисты, художники,—то мы не стѣсняемся въ выраженіяхъ. Я очень дурно воспитана.

— Dites donc, Clarence,—перебилъ ее художникъ.

— Молчать. Дайте мнѣ предупредить русскую. Она можетъ не вѣсть что о насъ подумать. Что мы—чудовища, а на самомъ дѣлѣ—право, вовсе не злые люди. Мы любимъ пошутить и посмѣяться безъ стѣсненій—это вѣрно, но вѣдь это же не грѣхъ. Мы мало того, что друзья, мы и земляки,—почти всѣ изъ Тулузы.

— Мы—бѣдные артисты, чающіе славы и утѣшенія!—сказалъ художникъ, вскакивая со стула и опускаясь предо мной на колѣни; онъ приложилъ руку къ сердцу и мечтательно закатилъ глаза кверху.

Эта выходка была такъ неожиданна, выраженіе его лица такъ комично, что всѣ присутствующіе разсмѣялись.

— Смотрите—это онъ вамъ въ любви признается... скоро-же, скоро же, Henry!— крикнула Кларансъ.

— Я изъ страны снѣговъ и льда... Они таютъ не такъ-то быстро,—отвѣтила я, улыбаясь.

— Подъ солнцемъ юга растаетъ ледъ сѣвера!—съ комическимъ пафосомъ воскликнулъ художникъ.

Я опустила глаза, придумывая, что бы отвѣтить, какъ вдругъ онъ вскочилъ и повелительно протянулъ руку:

— Сидите такъ... Смотрите, Кларансъ, смотрите всѣ—какъ хороша mademoiselle въ этой позѣ.

Я почувствовала на себѣ нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ и невольно покраснѣла.

— Ахъ, какъ хорошо! какая вы чудная модель! Что у васъ за цвѣтъ лица—настоящій, розовый, живой, не искусственный, какъ у парижанокъ...

— Да, съ моей соотечественницей можно сдѣлать прекрасныя вещи, не шутя. Вы должны быть хорошо сложены,—серьезно сказалъ скульпторъ, внимательно смотря на меня.

Я не знала, что отвѣчать... Я чувствовала, что здѣсь надо выйти изъ рамокъ общепринятаго буржуазнаго понятія о «приличіи», и такъ сказать—сумѣть воспринять эту новую атмосферу.

И въ то же время мое артистическое чувство было польщено.

У меня совсѣмъ нѣтъ женскаго самолюбія, но есть любовь къ искусству, къ прекрасному и пониманіе его. И мнѣ пріятно было слышать, что я своею внѣшностью могу возбудить художественный восторгъ,—дать идею...

Madame Tessier взглянула на часы и поднялась. Ей пора было итти приготовлять обѣдъ своему Шарлю. Я встала тоже. Кларансъ ласково простилась съ нами, прося не забывать ея вторниковъ.

— Ну что,—понравилось вамъ?—спросила madame Tessier, поднимаясь по лѣстницѣ.—Они держатъ себя немного вольно, но въ общемъ милые люди.

И я искренно отвѣтила, что весьма благодарна за такое знакомство, и что это все дѣйствительно милые люди...

13 ноября, среда. Зашла сегодня къ Муратовымъ. Уходя съ вечеринки, мы встрѣтились на лѣстницѣ, и они звали зайти, жаловались, что плохо устроились. Я побывала у нихъ—и дѣйствительно, неудобно и нехорошо. Предложила имъ переѣхать въ нашъ пансіонъ, тамъ какъ разъ есть двѣ свободныя комнаты. Сводила, показала, поторговались съ мадамой, и упросили ее отдать комнаты именно имъ, а не другому семейству, которое тоже имѣлось въ виду. Они были очень довольны, я тоже: оказать услугу такимъ людямъ считаю за честь, и очень рада, что теперь у меня въ пансіонѣ есть такое симпатичное знакомство.

14 ноября, четвергъ. Сегодня утромъ получила отъ него визитную карточку—

E. Lencelet.

Interne en médecine des hôpitaux.

—а его почеркомъ внизу написано: sera à Boucicaut jeudi vers quatre heures, si ce jour vous agrée.

«Si ce jour vous agrée»!—да будь у меня хоть тысяча дѣлъ—все брошу и пойду!

Сегодня начало лекцій на нашемъ факультетѣ. Когда я появилась въ аудиторіи въ парижскомъ зимнемъ костюмѣ, не то что въ прошломъ году—въ черной шляпѣ и нескладной русской жакеткѣ—студенты устроили овацію. Я нѣсколько растерялась отъ такого выраженія симпатіи. Положимъ, я одна на своемъ факультетѣ, и это немало занимаетъ ихъ...

Я разсѣянно слушала профессоровъ, заглянула въ библіотеку, и послѣ завтрака, чтобы убить время—зашла и въ Guild, на

уроки, которые мнѣ страшно надоѣли своей скукой и элементарностью. Нѣтъ, мнѣ рѣшительно нечего дѣлать въ этомъ учрежденіи для учительницъ языковъ: я настолько хорошо знаю языкъ, что практически говорю очень бѣгло, а изучать грамматику—не хватаетъ терпѣнія, и я умираю отъ скуки на урокахъ.

Потомъ поѣхала въ Бусико. Горничная отворила дверь.

— Monsieur Lencelet vous fait des excuses, il n'a pas pu vous attendre; on lui a téléphoné de chez un malade, il a été obligé de partir. Il vous donnera un autre rendez-vous.

— Bien merci, madame.

Я ушла. Сердце мучительно сжалось. Ну, что-жъ? il a été obligé de partir... значитъ, нельзя было остаться. Но если бы... онъ все-таки захотѣлъ остаться... Вѣдь мнѣ онъ нуженъ не меньше, чѣмъ тому больному.

16 ноября, суббота. И опять попрежнему жду письма... Напрасно буду ждать! Но нѣтъ,—вѣдь онъ же сказалъ горничной, что назначитъ другой день.

Сегодня, по окончаніи лекціи, Бертье по обыкновенію вышелъ со мной въ корридоръ. Бѣдный мальчикъ не отходитъ отъ меня ни на шагъ. Къ нему подошелъ высокій, стройный, красивый брюнетъ, очень хорошо одѣтый.

— Позвольте вамъ представить моего товарища Danet,—сказалъ Бертье. Брюнетъ почтительно поклонился.

— Впрочемъ, онъ не столько студентъ, сколько художникъ.

— Ну, просто любитель,—вы ему не вѣрьте, онъ и впрямь разскажетъ такъ, что можно подумать, будто я настоящій художникъ,—перебилъ его Danet.

— Вы много рисуете?—спросила я.

— Да. Во всякомъ случаѣ—это интересуетъ меня гораздо больше, чѣмъ юридическія науки. Особенно теперь работы много: съ однимъ художникомъ рисуемъ ложу въ госпиталѣ Брока для бала интерновъ.

Я вся насторожилась.

— Это еще что такое—балъ интерновъ?

— А это очень интересно. Видите ли, интерны даютъ балъ въ залѣ Бюлье. И вотъ нѣкоторые госпитали дѣлаютъ ложи и устраиваютъ процессіи. Мы выбрали текстъ изъ Тита Ливія: богатый помпеянецъ даетъ праздникъ въ честь освобожденія своего любимаго раба. Послѣ празднества онъ отправился въ храмъ Юпитера и возвращается къ себѣ домой, окруженный друзьями. Вотъ мы и рисуемъ видъ Помпеи у подошвы Везувія,—

наша ложа должна быть римская. И одѣнемся всѣ въ античные костюмы.

— О, такъ это должно быть очень интересно!—воскликнула я.

— Да, будетъ весело,—улыбаясь отвѣчалъ Danet.

Значитъ, онъ будетъ на этомъ балу, я могу увидѣть его...

— А мнѣ... можно попасть на этотъ балъ?—робко спросила я.

Danet разсмѣялся, а на дѣтскомъ лицѣ Бертье отразился явный ужасъ.

— О, нѣтъ, нельзя... это балъ веселый и... очень свободный. Жаль отказать, но, право, это не для васъ. До свиданья, спѣшу въ Брока. Работы много.

Онъ пожалъ намъ руку и скрылся въ толпѣ.

— Надѣюсь, вы спрашивали Danet о балѣ интерновъ не серьезно? вѣдь вамъ же нельзя туда итти...—сказалъ Бертье, тревожно заглядывая мнѣ въ лицо.

— Конечно, конечно,—нѣтъ... я пошутила. А вы сами туда не пойдете?

Дѣтское лицо Бертье приняло совсѣмъ испуганное выраженіе:

— Я-то? Да какъ это можно?! меня родители не пустятъ. Danet живетъ самостоятельно, у него нѣтъ отца, онъ очень богатъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ. А я не могу, у меня родители очень строгіе.

Я успокоила бѣднаго мальчика,—но уже рѣшила, что буду на этомъ балу. Если я не могу видѣть его нигдѣ,—неужели потеряю такой случай?

А вечеромъ сидѣла у румынокъ и слушала разсказы медички о больницѣ и интернахъ. Отчего бы и мнѣ не сходить съ ней въ Hôtel-Dieu, это такъ напомнитъ его, — вдругъ сообразила я. И попросила la belle Romaine взять меня съ собою.

— Съ удовольствіемъ,—любезно согласилась она.—Это дѣйствительно очень интересно. Одного Dieulafoy стоитъ посмотрѣть.

— Это, кажется, знаменитость?—неувѣренно спросила я.

— Еще бы!—воскликнула медичка, чуть не негодуя на мое невѣдѣніе свѣтилъ медицинскаго міра.—Еще бы! Вотъ вы увидите—замѣчательный красавецъ, и какъ сохранился для своего возраста! Tout à fait chic! Онъ читаетъ по средамъ и субботамъ. Пойдемте въ среду. Заходите за мной къ 9-ти часамъ утра.

18 ноября, понедѣльникъ. Поздно встала сегодня: наканунѣ у Кларансъ былъ вечеръ.

Она прислала мнѣ съ утра записку. И madame Tessier—пока я одѣвалась—заботливо слѣдила, все ли хорошо. Когда я со-

шла внизъ, небольшая гостиная была уже полна. Молодые люди—піанистъ, скрипачъ и віолончелистъ—играли тріо. Я тихо пробралась по стѣнкѣ, чтобы не мѣшать, и сѣла рядомъ съ Кларансъ.

Было нѣсколько новыхъ лицъ. Кромѣ писательницы сентиментальныхъ романовъ—еще двѣ, одна молодая красивая брюнетка, въ ярко-красномъ платьѣ, другая—блондинка неопредѣленныхъ лѣтъ, высокая и тонкая, съ пышно взбитой прической и подведенными глазами.

Я уже начинаю привыкать, что въ Парижѣ употребленіе косметики не есть признакъ какой-либо одной категоріи женщинъ, какъ у насъ,—а общераспространенная привычка. Первое же время по пріѣздѣ, я со всей провинціальной наивностью всякую накрашенную женщину принимала за кокотку.

Музыканты играли очень недурно, какъ настоящіе артисты. Henry, живой какъ ртуть, не могъ спокойно сидѣть на мѣстѣ: онъ, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, скоро ли кончится концертъ, чтобы показать свои таланты.

Кларансъ потихоньку, чтобы не мѣшать игрѣ, разсказывала мнѣ его біографію.

— Вы услышите отъ него всякіе анекдоты... скабрезные, а въ сущности онъ самъ ведетъ очень скромную жизнь, работаетъ не покладая рукъ, бѣденъ какъ Іовъ: живетъ всего на 55 франковъ въ мѣсяцъ, стипендіатъ города Тулузы. Самъ готовитъ себѣ обѣдъ, при этомъ—всегда веселъ, всегда въ хорошемъ настроеніи, ни на что не жалуется. Предупреждаю васъ, что бы вы ни услышали здѣсь, знайте одно—здѣсь нѣтъ дурныхъ людей.

Henry легкимъ прыжкомъ очутился около насъ и признался мнѣ въ любви.

Кларансъ готова была опять разразиться смѣхомъ во все горло, но музыканты кончили играть, раздались аплодисменты.

Опять надо было представить меня новымъ посѣтителямъ. Henry сѣлъ за фортепіано, перебирая клавиши.

— Ну, теперь, господа, споемъ нашу родную пѣсню,—предложила Кларансъ.—Madame Carvolli, къ піанино! Henry—сюда, вы, Дериссе, поете? нѣтъ? Ну, начнемъ... Henry — вы запѣвайте.

Лицо художника стало вдругъ серьезно, и онъ запѣлъ прекраснымъ баритономъ.

Звуки безшабашной веселой пѣсни, казалось, раздвигали стѣны этой маленькой гостиной и далеко уносили всѣхъ присутствующихъ подъ благодатное южное небо,—въ счастливую страну, залитую солнцемъ.

Ah, Toulouse!—раздался мощный, гордый припѣвъ, и волна

беззаботнаго веселья разливалась въ комнатѣ и захватывала всѣхъ... У меня сердце замирало,—не знаю отчего... И невольно вспомнились печальные напѣвы моей родины...

И когда Henry, весь красный, усталый, отирая потъ со лба, отошелъ отъ піанино,—всѣ не сразу заговорили, точно эти чарующіе звуки удерживали еще всѣхъ въ своей власти...

— Какова-же должна быть у васъ жизнь — тамъ, на югѣ Франціи?—съ невольной завистью къ этой способности наслаждаться жизнью, воскликнула я.

— О, жизнь у насъ хороша! Солнце сіяетъ, мы вѣчно веселимся! Поэзія, искусство, женщины, любовь—что можетъ быть лучше такой жизни?—съ увлеченіемъ объяснялъ мнѣ Henry, становясь на колѣни:

— Полюбите меня,—а? отчего?—и онъ вертѣлся какъ волчокъ, возбуждая общій смѣхъ.

Я и не замѣтила, какъ высокая блондинка съ подведенными глазами подошла къ піанино, музыкантъ взялъ первые аккорды аккомпанимента:—

Les beaux jours vont enfin renaître.
Le voici Avril embaumé!
Un frisson d'amour me pénètre—
Viens! mon bien-aimé!

—пронеслись и замерли нѣжные, ласкающіе звуки.

И этотъ музыкальный призывъ заставилъ смолкнуть начавшіеся было разговоры, и Henry затихъ, присмирѣлъ, сидя у моихъ ногъ.

Я вся встрепенулась и жадно ловила каждый звукъ, каждое слово.

Ils ont fui, les longs soirs moroses,
Déjà le jardin parfumé
Se remplit d'oiseaux et de roses—
Viens! mon bien-aimé!

И я не могу ему это сказать. Никогда... Все мое сердце зоветъ его, но сказать... невозможно...

Эти нѣжные звуки острою болью проникали въ душу, и однако, я слушала и слушала, вся дрожа, стараясь удержать рыданія, сидѣть спокойно, чтобы никто ничего не замѣтилъ...

Soleil, de ta brillante ivresse
J'ai senti mon cœur enflammé,
Plus énivrante est ta caresse—
Viens! mon bien-aimé!

Tout se tait; de millions d'étoiles
Le ciel profond est parsemé
Quand sur nous la nuit met ses voiles:
Viens! mon bien-aimé!

— замеръ въ послѣдній разъ призывъ любви. Я поскорѣе вышла въ корридоръ и пріотворила входную дверь... слезы душили меня.

Струя холоднаго ночного воздуха освѣжила, привела меня въ себя.

Я слышала за собой шорохъ женскаго платья и обернулась: въ темнотѣ краснѣло платье брюнетки.

— Я послѣдовала вашему примѣру—тоже вышла освѣжиться, въ гостиной такъ жарко.

Я подвинулась, чтобы дать ей мѣсто у пріотворенной двери, радуясь, что все объясняется такъ просто и легко для другихъ.

А красивая дама продолжала:

— Вы часто здѣсь бываете? Я въ первый разъ.

— Я второй. Меня недавно познакомила съ ней хозяйка, я снимаю комнату наверху.

— А, такъ вы студентка? я тоже недавно кончила Ecole des Hautes Etudes.

— Чѣмъ вы занимались?

— Латинской эпиграфіей. Моя теза была напечатана на счетъ факультета. Профессора одобрили...—скромно прибавила она.

Это меня заинтересовало. Она говорила по-французски слишкомъ хорошо для иностранки, но француженкой быть не могла: здѣсь женщины не станутъ заниматься археологіей. Я спросила, откуда она.

— Я румынка, мужъ тоже, моя фамилія—Васкареско. Онъ занимается здѣсь въ психометрической лабораторіи. Цѣлый день занятъ. Мнѣ было ужасно скучно одной дома, я и поступила въ Ecole des Hautes Etudes. Все-таки на три года были занятія.

Я съ любопытствомъ посмотрѣла на эту красавицу, которая занималась латинской эпиграфіей и писала тезу... отъ скуки.

Прежде развлекались всякимъ вздоромъ, теперь, въ наше время всяческаго прогресса—и наука ужъ не такъ недоступна.

Намъ стало холодно и, затворивъ дверь, мы вернулись въ гостиную. Румынка посмотрѣла на часы и извлекла изъ кресла своего мужа, высокаго господина съ правильнымъ бритымъ лицомъ, что придавало наружность актера. Онъ сидѣлъ неподвижно и, казалось, что-то созерцалъ, не принимая участія въ общемъ разговорѣ. Оба они, и мужъ и жена, своими сдержанными, коррект-

ными манерами совсѣмъ не гармонировали съ остальнымъ обществомъ, и видно было, что они тутъ случайные гости. Кларансъ стала ихъ удерживать, они настаивали и простились. Около полуночи встали и музыканты, которымъ надо было ѣхать далеко на Монмартръ.

Послѣ ихъ ухода—веселье оставшихся, несдерживаемое болѣе ничьими посторонними элементами,—разошлось во всю.

Henry былъ неистощимъ: онъ прыгалъ, представлялъ балерину, пѣвцовъ, пѣвицъ—сочинялъ цѣлыя комическія сцены, разсказывалъ неприличные анекдоты.

Всѣ покатывались со смѣху.

— Henry, la cuvette! представьте la cuvette!—кричала Кларансъ.

Что бы это такое могло быть? недоумѣвала я, и видя, что всѣ смѣются,—тоже улыбалась. Должно быть, это ужъ что-то необыкновенное,—всѣ очень оживились и хоромъ поддерживали просьбу Кларансъ.

Henry ушелъ за портьеру. Всѣ присутствующіе притихли, молча улыбаясь. Кларансъ давилась отъ смѣху, закрывая ротъ платкомъ.

Раздался какъ будто плескъ воды—голосъ Henry удивительно вѣрно передавалъ этотъ звукъ; потомъ аханье,—какъ погружаются въ холодную воду лѣтомъ,—страшно и пріятно, потомъ—поцѣлуи, брызганье, снова плескъ воды...

Въ комнатѣ стонъ стоялъ отъ смѣха.

Я ничего не понимала. По-моему, Henry представлялъ, какъ жена уговариваетъ мужа брать холодный душъ, а тотъ боится, и не сразу идетъ подъ струю холодной воды; она хлопаетъ его по голому тѣлу, цѣлуетъ... Это было, конечно, смѣшно, но меня еще болѣе смѣшило безумное веселое настроеніе присутствующихъ.

Я попробовала было спросить Кларансъ, но та, при взглядѣ на мое лицо—закричала:

— Посмотрите, она не понимаетъ, ох-ох-ох...

— Ха-ха-ха-ха-ха...

Мы уже не могли сидѣть, а лежали отъ смѣха... кто удерживался за спинку стула, а Дериссе буквально катался по пушистому ковру. Я утирала слезы, какъ и всѣ, ничего больше не спрашивала, не думала, не соображала... Веселье опьянило меня, голова кружилась.

Я смутно слышала комплименты Henry, чувствовала, какъ онъ поймалъ мою руку и поцѣловалъ ее при общемъ одобрительномъ смѣхѣ присутствующихъ.

Гости стали расходиться; я поднялась по лѣстницѣ къ себѣ наверхъ и заснула какъ убитая, безъ всякой мысли въ головѣ.

20 ноября, среда. Проспала по обыкновенію долго, до безъ четверти девять. Въ четверть часа одѣлась и скорѣе побѣжала за медичкой. Надо было итти въ Hôtel-Dieu.

Мы пришли туда еще рано. По обширной палатѣ, стѣны которой были выкрашены свѣтло-зеленой краской, неслышно расхаживали нѣсколько студентовъ.

Это была женская палата.

Румынка заговорила съ одной изъ больныхъ, а меня вдругъ охватилъ страхъ,—а ну, какъ вдругъ кто-нибудь замѣтитъ чужое лицо, подойдетъ и спроситъ... Но la belle Romaine вполнѣ успокоила меня: на визитахъ Dieulafoy бываетъ столько постороннихъ посѣтителей, столько иностранцевъ, что всѣ привыкли и не обращаютъ вниманія на незнакомыя лица. Я вздохнула свободно.

Раздались три звонка—и на порогѣ палаты показалась высокая, стройная фигура въ свѣтломъ вестонѣ и фартукѣ,—это и былъ Dieulafoy.

Дѣйствительно, на него стоило посмотрѣть: прекрасная, совершенной формы голова, съ правильными чертами лица, орлинымъ носомъ и взглядомъ хищной птицы. Я смѣло вмѣшалась въ толпу студентовъ и послѣдовала за профессоромъ въ мужскую палату. Но итти вмѣстѣ съ ними оказалось не такъ-то легко: меня скоро оттѣснили назадъ; группа остановилась; съ минуту я увидѣла на кровати совершенно обнаженную мужскую фигуру—и потомъ спины студентовъ скрыли отъ меня и ее, и профессора.

Впервые въ жизни видѣла я такъ близко отъ себя совершенно нагого мужчину и не чувствовала никакого смущенія—больница убивала всѣ предразсудки. И когда профессоръ подошелъ къ другой кровати, я ловко, какъ змѣя, изгибомъ, проскользнула между студентами и встала впереди.

Красивый мальчикъ лѣтъ 14-ти, съ чудными черными глазами. У него была болѣзнь сердца. Блѣдныя восковыя руки неподвижно лежали на одѣялѣ. Изъ толпы выдѣлился интернъ и сталъ читать о ходѣ болѣзни. Dieulafoy внимательно выслушалъ, утвердительно кивая головой, потомъ взялъ руку мальчика и показалъ студентамъ на кончики пальцевъ. Тѣ съ любопытствомъ посмотрѣли и взяли другую руку... Я могла только смутно догадаться, что, должно быть, онъ указывалъ на сосуды.

Минуя нѣсколько кроватей, онъ опять остановился, велѣлъ

выдвинуть одну изъ нихъ на середину, чтобы студенты лучше видѣли, и попросилъ обнажить больного.

Это былъ рабочій лѣтъ пятидесяти. Среди бѣлой простыни, темнымъ пятномъ выдѣлилось волосатое, худое, донельзя истощенное тѣло; ужасная краснота и опухоль покрывала ему правую руку и шла по боку. Тонкія худыя руки медленно задвигались, больной поднялъ на насъ свои растерянные глаза и тихо отвѣтилъ на вопросъ интерна,—какъ вы себя чувствуете?

— Теперь гораздо лучше, только силъ нѣтъ.

Это, очевидно, былъ «интересный» случай. Интернъ говорилъ долго, Dieulafoy послѣ него—еще дольше, но, увы! среди массы непонятныхъ спеціальныхъ словъ я могла понять только одно,—что больной былъ ушибленъ вагономъ и, очевидно, произошли какія-то осложненія. При взглядѣ на эту ужасную опухоль, у меня мурашки пробѣгали по кожѣ, и я инстинктивно опускала глаза, боясь, что въ нихъ всѣ прочтутъ состраданіе и ужасъ, и поэтому узнаютъ, что я не врачъ.

Наконецъ длинное объясненіе кончилось. Dieulafoy перешелъ на другой конецъ залы, гдѣ къ своей кровати быстро подошелъ какой-то рабочій; Dieulafoy велѣлъ выдвинуть ее,— и рабочій легъ, раздѣваясь до-нага... Это, очевидно, былъ больной, только что пришедшій въ больницу. Всѣ студенты съ любопытствомъ столпились около него. Dieulafoy началъ осмотръ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— 38.

— Давно вы больны?

— Съ перваго ноября.

— Уже три недѣли? Отчего вы раньше не обратились къ врачу?

— Я думалъ, что это пройдетъ.

Насмѣшливая улыбка проскользнула по лицамъ студентовъ. Но лицо знаменитаго профессора оставалось безстрастно и спокойно. Онъ ничего не сказалъ и жестомъ полководца, призывающаго войска на поле сраженія, пригласилъ интерновъ сдѣлать діагнозъ.

— Daniel, начните вы!

По некрасивому лицу бойкаго интерна пробѣжала смѣшная ужимка.

— Ma foi, voilà un cas très difficile,—откровенно признался онъ.

Студенты засмѣялись.

— Ничего, ничего,—ободрилъ его Dieulafoy.

Интернъ изслѣдовалъ больного, потомъ осторожно началъ выводить свои заключенія:

— C'est un chancre mou,—объявилъ онъ.

Chancre,—думала я...—въ русскомъ языкѣ есть такое слово, что-то такое слыхала, но что это за болѣзнь — не припомню.

— Теперь вы, Marignan,—вызвалъ Dieulafoy другого интерна.

— Я долженъ заявить, что мой діагнозъ будетъ діаметрально противоположный діагнозу моего товарища,—такъ же откровенно признался маленькій брюнетъ еврейскаго типа, выступая впередъ.

Студенты опять разсмѣялись.

Опять изслѣдованіе, лупа, тряпочки, и опять—длинная рѣчь.

— C'est un chancre syphilitique,—рѣшительнымъ тономъ заключилъ онъ.

А-а, такъ это венерическая болѣзнь,—и я безъ всякаго сожалѣнія, съ чувствомъ какого-то злого удовлетворенія посмотрѣла на эту жертву слишкомъ усерднаго поклоненія богу любви. Подѣломъ тебѣ, не развратничай! Навѣрно какая-нибудь проститутка отплатила ему за все, что онъ сдѣлалъ подлаго, пользуясь въ домахъ терпимости женскимъ тѣломъ для своего удовольствія...

А тѣмъ временемъ изслѣдовалъ еще интернъ, и еще другой. Ихъ мнѣнія раздѣлились: одни опредѣляли шанкръ, какъ сифилитическій, другіе—какъ мягкій.

Наконецъ заговорилъ самъ «maitre»:

— Я совершенно согласенъ съ діагнозомъ Marignan—это шанкръ сифилитическій. Почему не мягкій? Мягкій шанкръ, господа, образуется несравненно дольше, мѣсяца два, а здѣсь—смотрите—въ три недѣли какое образованіе, какіе ясные симптомы...

Я разскажу вамъ аналогичный случай изъ моей практики. Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда у меня былъ интерномъ Paillard—къ намъ пришелъ такой же больной. Онъ опредѣлилъ шанкръ какъ мягкій, я—какъ сифилитическій. Больной возмутился—какъ это у него находятъ сифилисъ, сказалъ, что это невозможно, и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени болѣзнь захватила горло, носъ, и потомъ я лѣчилъ этого больного пятнадцать лѣтъ отъ сифилиса.

Предъ вами теперь такой же случай, очень интересный. Этого больного надо оставить здѣсь на недѣлю.

— Вы можете остаться?—обратился онъ къ паціенту.

— Могу.

— И прекрасно. Мы ему предпишемъ лѣченіе, а тамъ увидимъ.

Такой діагнозъ былъ ясенъ, логиченъ, и я поняла все, тогда какъ у интерновъ ничего нельзя было разобрать—они точно брели ощупью.

Визитъ въ палату былъ оконченъ. Монахиня подала профессору массу листковъ, похожихъ на тѣ, которые при мнѣ подписывалъ Lencelet. Dieulafoy присѣлъ къ столу, быстро подписалъ ихъ всѣ, сдѣлалъ то же въ женской палатѣ и прошелъ по лѣстницѣ внизъ въ аудиторію.

Тамъ его уже ждали студенты. Dieulafoy помѣстился въ срединѣ длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ; около него chef de la clinique et chef de laboratoire, рядомъ—интерны, а сзади, у самой стѣны—экстерны.

Демонстрировали больного—браваго служаку изъ garde municipale, который страдалъ разлитіемъ желчи; послѣ него—препаратъ печени недавно умершаго больного.

Молодые врачи были, очевидно, очень учены: то и дѣло ссылались на толстыя тезы, на послѣднія журнальныя статьи, говорили складно и бойко.

Я сидѣла, слушала, ничего не понимая, и думала—навѣрно, и онъ такъ теперь сидитъ и слушаетъ, или, быть можетъ, самъ тоже демонстрируетъ больныхъ.

Лекція кончилась. Dieulafoy вышелъ, за нимъ потянулись студенты...

Элегантный экипажъ, запряженный парой лошадей, ожидалъ его на дворѣ. Онъ вскочилъ въ карету быстро и легко, какъ юноша.

— Вотъ зарабатываетъ въ Парижѣ, какъ никто,—говорила la belle Romaine, задумчиво глядя вслѣдъ удалявшемуся экипажу.— Собственный отель на avenue Marignal. А какія деньги ему въ Лондонѣ платятъ! Не правда ли, хорошъ?

— Очень; только... въ его взглядѣ есть что-то хищное... это несимпатично.

— Ну? а мнѣ такъ очень нравится. Какъ вы думаете, сколько ему лѣтъ? 61 годъ.

— Неужели?—искренно удивилась я.—На видъ невозможно дать болѣе 50, и даже меньше. Какъ французы долго сохраняютъ молодой и свѣжій видъ...

Мы пошли домой. И всю дорогу я думала о немъ.

Посѣщеніе больницы—напомнило его еще ярче, приближало

къ нему... Вѣдь въ этотъ же часъ онъ такъ же обходилъ палаты съ своимъ главнымъ врачемъ...

21 ноября, четвергъ. Сегодня пріемный день въ Брока. Давно не видалась съ Анжелой, ни съ madame Delavigne.

Когда я пришла—почти у всѣхъ кроватей уже сидѣли посѣтители; а около m-me Delavigne было общество молодежи. Анжелы не было: къ ней тоже пришли, должно быть, посѣтители въ маленькомъ павильонѣ.

Madame Delavigne представила меня: красивая молодая пара были мужъ и жена Пеллье, а высокій стройный брюнетъ—ихъ общій знакомый, тоже интернъ изъ госпиталя Сент-Антуана—monsieur Рюльеръ.

Madame Pellier заговорила со мной, разспрашивая, гдѣ я учусь; madame Delavigne продолжала начатый разговоръ съ интерномъ.

— Il était avec Lencelet, vous savez ce jésuite.

— Ah, oui—отвѣтилъ Рюльеръ, вдругъ услышала я.

Они смѣютъ называть его іезуитомъ! За что, почему? И кто же? сама m-me Delavigne, добрѣйшая душа, которая мухи не обидитъ... Что же, какъ же... и мнѣ надо было сдѣлать надъ собой страшное усиліе, чтобы отвѣчать m-me Pellier на ея вопросы...

Рюльеръ, веселый и подвижной, разсказывалъ m-me Delavigne о больницѣ Сент-Антуана, а monsieur Pellier—пассивный и молчаливый, внимательно слушалъ, посматривая на свою хорошенькую жену, которой, наконецъ, надоѣло интересоваться юридическимъ факультетомъ, и она воскликнула съ живостью, обращаясь къ m-me Delavigne:

— Вотъ онъ въ маѣ кончаетъ... надо и о женитьбѣ подумать.

— Мнѣ жениться? ни за что!—воскликнулъ Рюльеръ.—J'en ai assez.

— Oui, il en a assez,—важно подтвердилъ Pellier.

На лицѣ m-me Delavigne выразился живѣйшій интересъ:

— Почему же,—въ самомъ дѣлѣ?—спросила она.

— Да потому что я хотѣлъ жениться... годъ тому назадъ у меня была любовница.

Я нѣсколько опѣшила отъ такой откровенности. У насъ въ Россіи молодой интеллигентный человѣкъ не станетъ говорить передъ нами, курсистками, такъ развязно о своихъ любовницахъ...

А тотъ продолжалъ:

— Я жилъ съ ней, а потомъ надумалъ жениться. Такъ вообра-

зите—она соглашалась быть моей женой, и въ то же время хотѣла оставаться любовницей. Какъ это вамъ нравится? Бился, бился я съ нею—ничего не подѣлалъ, разошелся.

— Возмутительно! подлая женщина! — подтвердили супруги супруги Pellier.

Я не выдержала.

— Позвольте, да вѣдь вы сначала жили съ нею какъ съ любовницей?

— Ну конечно.

— Вы, образованный человѣкъ, пользовались бѣдной невѣжественной женщиной; вы, привыкшій ее покупать, и она—себя продавать,—такъ какъ же вы хотите, чтобы она вдругъ стала добродѣтельной, если вы осчастливили ее своимъ предложеніемъ? Если бы вы ее любили—надо было начать съ предложенія, тогда, быть можетъ, она и поняла бы, что вы смотрите на нее такъ, какъ всѣ, и могла бы исправиться.

— А-а... ну, признаюсь, я объ этомъ не думалъ,—небрежно отвѣтилъ Рюльеръ.

Madame Delavigne сочувственно кивала мнѣ головой. Она была феминистка и всегда очень рада, когда заступаются за женщинъ.

А я съ нетерпѣніемъ смотрѣла на часы и думала, скоро ли уйдутъ, чтобы спросить m-me Delavigne, отчего она назвала его іезуитомъ?

Стрѣлка приближалась къ тремъ—часъ, когда кончается пріемъ. И я соображала, какъ быть, если они тоже будутъ сидѣть до конца и уйдутъ вмѣстѣ со мною?

Къ счастью, Рюльеру надо было спѣшить куда-то, онъ поторопилъ своихъ друзей, и они всѣ вмѣстѣ ушли.

Я осталась одна съ m-me Delavigne, и когда пробило три часа, стала прощаться. Она вышла проводить меня; мы шли по длинному темному корридору, я спросила ее небрежнымъ тономъ:

— А, кстати,—почему вы назвали Ленселе іезуитомъ? Вѣдь вы знаете—я была его паціенткой, и я боюсь,—неужели есть тайные, переодѣтые іезуиты? Я этого не знала.

M-me Delavigne, бывшая прачка, не очень свѣдуща въ исторіи и не можетъ догадаться, что студентка университета не должна говорить подобныхъ нелѣпостей. Но все-таки я вся вспыхнула за эту ложь—хорошо, что въ темнотѣ корридора нельзя было этого замѣтить.

И она серьезно отвѣтила:

— Вамъ нечего бояться. У насъ называютъ іезуитомъ всякаго фальшиваго, неискренняго человѣка. Ну вотъ и онъ такой. Tout le monde le déteste... Онъ сдѣлалъ мнѣ много зла, когда былъ интерномъ въ Брока...

У меня вся кровь прилила къ сердцу. Онъ дѣлалъ зло... tout le monde le déteste... неискренній человѣкъ... Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—назначилъ мнѣ часъ притти, а самъ уцелъ; обѣщалъ написать—и не подумалъ; онъ лжетъ мнѣ, какъ и другимъ...

И я спросила, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе спокойствія:

— За что-же онъ преслѣдовалъ васъ? Какъ это нехорошо съ его стороны... вы такая добрая.

— Тутъ была исторія. Когда онъ былъ интерномъ въ Брока, онъ любилъ одну больную. У насъ по правиламъ—больныя безъ сопровожденія сидѣлокъ не могутъ ходить къ доктору въ лабораторію, я за этимъ слѣжу,—такъ вотъ онъ за это соблюденіе правилъ и придирался ко мнѣ. Какъ бы я ни сдѣлала мазь, все было нехорошо...

Такъ онъ любилъ больную... кого? кто она?

Я быстро опустила вуаль на лицо, такъ какъ мы были уже у выходной двери... и, простившись съ m-me Delavigne, пошла къ себѣ домой.

Такъ вотъ что...

Онъ любилъ больную... Я не чувствую ни малѣйшей ревности къ этой неизвѣстной женщинѣ. Ну, любилъ,—очевидно, она была изъ простыхъ, очевидно, этотъ романъ кончился ничѣмъ, такъ какъ онъ не женился. Но почему же онъ не можетъ полюбить меня?! Или я хуже, ниже ея? Нѣтъ, нѣтъ,—не можетъ какая-нибудь ограниченная хорошенькая женщина сравняться со мной... Я не менѣе той неизвѣстной достойна его любви...

И возмущенное чувство заглушило все остальное... Сердце разрывалось при мысли о томъ, что онъ лицемѣръ и дѣлалъ зло другимъ. Въ душѣ былъ цѣлый адъ. Я не помню, какъ пришла домой. И послѣ того, что я сегодня узнала—какъ еще можно жить?

Дѣйствительно, человѣкъ удивительно живучее существо: чего-чего только не переноситъ...

22 ноября, пятница. Если онъ дѣлалъ зло другимъ—что же изъ того? Вѣдь это только доказываетъ, что и онъ, какъ всѣ, не лучше другихъ.

Когда-то художникъ создалъ статую и влюбился въ нее. Такъ

я люблю созданіе своего воображенія, надъ которымъ работала какъ артистъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ...

А безпощадная дѣйствительность рано или поздно—должна была разбить этотъ идеалъ...

«Nous aimons les êtres et même les choses pour toutes les qualités que nous leur prêtons»,—вспоминается мнѣ отрывокъ изъ «Études Littéraires» de Faguet.

Но глубокое, острое страданіе охватываетъ меня всю, и я была бы рада умереть...

Кончено со мной... Все равно: невидимая цѣпь приковала меня къ этому человѣку. И теперь—кто бы онъ ни былъ,—я уже не въ силахъ не любить, разлюбить его...

26 ноября, вторникъ. Бѣгала сегодня часа четыре, чтобы разыскать адресъ m-lle Léontine — работа которой такъ понравилась Муратовой, что она хочетъ отдать шить платье непремѣнно ей. И когда усталая прибѣжала къ Кларансъ,—никого уже не было—всѣ гости разошлись, и она, переодѣтая въ длинный капотъ съ открытымъ воротомъ, отворила дверь съ перомъ въ рукѣ.

— А, это вы! я уже сѣла работать. Но все-таки войдите, ничего,—успокаивала она, когда я извинилась, что опоздала.

— Пройдемте ко мнѣ въ спальню. Это будетъ менѣе церемонно, чѣмъ въ гостиной. И тамъ еще теплѣе, потому что тамъ я топлю день и ночь,—привѣтливо сказала она, обнимая меня за талію.

Мы вошли въ спальню. Уютная большая комната, всѣ стѣны которой были покрыты художественными афишами, рисунками. У стѣны, противъ камина, стоялъ большой диванъ. Я сѣла на него и сидѣла не двигаясь, пока Кларансъ въ кухнѣ приготовляла чай.

Я такъ измучилась за эти дни, что очутиться здѣсь, въ этой уютной теплой комнатѣ, гдѣ меня встрѣчали привѣтливо—было какъ-то отрадно... А Кларансъ вернулась въ спальню съ чайникомъ и чашками, придвинула стулья и маленькій столикъ къ камину, передъ которымъ была разостлана медвѣжья шкура.

— Идите сюда, будемъ чай пить...—позвала она меня.

Я сѣла у ея ногъ на мягкій пушистый мѣхъ. Пріятная теплота разливалась по всему тѣлу. Казалось, вѣкъ бы не ушла отсюда.

— Я очень рада познакомиться съ женщиной независимой и безъ предразсудковъ. Это такая рѣдкость у насъ, во Франціи. Вы, русскія женщины, такія энергичныя, учитесь, всюду ѣздите однѣ. Вы замѣтили, что у меня бываютъ почти исключительно

мужчины? Это потому, что наши женщины такія буржуазки, съ предразсудками, клерикалки—ужасъ!

— Да, дѣйствительно, мы въ среднемъ умственно болѣе развиты, согласна, но все-таки и у француженокъ есть достоинства, которыхъ нѣтъ у насъ,—добросовѣстно сказала я, не желая, чтобы Кларансъ очень насъ идеализировала.

— Нѣтъ, нѣтъ,—наши женщины невозможны, пропитаны самой узкой буржуазной моралью. Разъ замужемъ—можетъ имѣть десять любовниковъ, и все будетъ шито-крыто... какое лицемѣріе! Вотъ почему я ихъ и ненавижу и не имѣю знакомыхъ такъ называемыхъ дамъ «comme il faut».

Она посмотрѣла на меня, негодующее выраженіе сошло съ ея лица, и по нему пробѣжала ласковая улыбка.

— А вы—какъ посмотрю я на васъ—какая вы чистая! Боже, какая вы чистая—точно дитя... Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать шесть.

— Поразительно! Вамъ по виду нельзя дать болѣе восемнадцати.

— Да вѣдь и вы, я увѣрена, кажетесь моложе своихъ лѣтъ, ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. Сколько вамъ лѣтъ?—спросила я.

— Двадцать девять. Но я не люблю объ этомъ говорить,—откровенно призналась она.

Я извинилась.

— Ничего, ничего... это я только такъ, къ слову... Между нами только три года разницы, но вы еще дитя... Скажите, vous êtes vierge encore?

Я широко раскрыла глаза.

— Конечно!

Я была такъ удивлена этимъ вопросомъ, что обидѣться какъ-то и въ голову не пришло.

Кларансъ разразилась громкимъ смѣхомъ. Вообще, она любитъ смѣяться, хохочетъ всегда громко, и тогда вся ея худенькая фигурка качается, какъ тростникъ отъ вѣтра.

— Ох-ох-ох... простите, моя милая... ну, нечего сказать, спросила. Въ наши-то годы... ну, я бы не могла, ни за что не могла бы... Хо-хо-хо...—и она снова закачалась на стулѣ, въ припадкѣ неудержимаго смѣха.

Я недоумѣвала.

Но Кларансъ объяснила мнѣ сама.

— Извините... вы можете подумать, что я надъ вами насмѣхаюсь: не обижайтесь, ради Бога,—нѣтъ. Я смѣюсь просто по-

тому, что это было такъ смѣшно. Какъ это можно такъ жить? Вы еще не любили?

— Нѣтъ,—отвѣчала я, опустивъ голову, стараясь говорить какъ можно ровнѣе и спокойнѣе.

— Не можетъ быть! Невѣроятно!—воскликнула Кларансъ.

— Я вамъ говорю правду—лгала я, какъ когда-то въ Англіи «хозяину».

Мнѣ казалось, что я оскверню свою тайну, если ее выдамъ,—а вѣдь это, моя любовь—самое священное, самое дорогое, самое лучшее, что только есть у меня.

Кларансъ покачала головой:

— Странно... Во всякомъ случаѣ, такъ жить нельзя. Мы всѣ созданы изъ души и тѣла, а вы...—и она громко разсмѣялась этой удачной насмѣшкѣ.

Я покраснѣла. Впервые въ жизни приходилось мнѣ слышать такой откровенный разговоръ, и простота и искренность Кларансъ располагали въ ея пользу, а интересъ мѣшалъ сказать буржуазную фразу—«объ этомъ говорить неприлично».

— Должно быть, вы стоите за добродѣтель? И охота вамъ поглощать ея принципы.

— Позвольте, но...

— Видите ли, по-моему люди напрасно такъ разсуждаютъ о добродѣтели. Дѣвственность отнюдь не добродѣтель, а скорѣе—противуестественный порокъ. Вѣдь мы какъ созданы? а? Къ чему же намъ атрофировать то, что дано природой? Мы должны жить согласно ея законамъ. И величайшая ошибка всѣхъ религій лежитъ въ томъ, что онѣ возводили дѣвственность и воздержаніе въ культъ. Вотъ почему я и ненавижу буржуазную мораль. Она вся построена на культѣ именно такой добродѣтели. А добродѣтель вовсе не въ этомъ, а въ отношеніи къ другимъ людямъ.

Я инстинктивно чувствовала, что въ ея словахъ есть доля истины, и не возражала... Заинтересовавшись этой женщиной, у меня вдругъ невольно вырвалось:

— А сами вы дѣвственны?

Кларансъ почти покатилась со стула.

— Вотъ такъ вопросъ!... Охъ, какое же вы дитя, какое дитя! Конечно, я люблю, какъ хочу, свободною любовью, и замужъ никогда не пойду.

— Отчего же вы не живете открыто, передъ всѣми?—спросила я.

— Оттого что не хочу, чтобы всѣ видѣли мою интимную жизнь. Общество такъ полно буржуазныхъ предразсудковъ, что

оно, не задумываясь, забросаетъ меня камнями... а вѣдь вы видите, какая я—жалкая калѣка, совершенно одна на всемъ свѣтѣ. Мнѣ бороться съ нимъ не подъ силу, и вотъ я для всѣхъ—барышня, m-lle, сохраняю всѣ приличія, а на самомъ дѣлѣ живу какъ хочу, и никому до этого дѣла нѣтъ... У меня бываетъ такъ много народа, что никто никогда и не догадается, съ кѣмъ я живу... Жить безъ любви—невозможно! Это единственная радость въ нашемъ печальномъ существованіи.

Лицо Кларансъ стало вдругъ серьезно и печально. Ея прекрасные темные глаза устремились куда-то вдаль, казалось, она разсматривала тамъ свое прошлое.

— Если бы вы знали, какую ужасную юность провела я. У меня не было дѣтства.—И вся ея худенькая фигурка содрогнулась подъ наплывомъ тяжелыхъ воспоминаній.

Я тоже вспомнила, сколько пришлось перенести мнѣ, и съ симпатіей взяла ее за руку...

— Я—круглая сирота. Отецъ умеръ, когда мнѣ было два года, мать я потеряла десяти лѣтъ отъ роду. И я съ сестрой воспитывалась у опекуна... И что за жизнь должна была я вести у него, что за жизнь! Онъ былъ полковникъ, и уже старъ; такъ можете себѣ представить, когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, его жена стала меня ревновать къ нему и шесть лѣтъ не говорила со мной ни слова, а жили мы въ одномъ домѣ... Я оставила его домъ за полгода до совершеннолѣтія, онъ далъ позволеніе, такъ какъ выходилъ въ отставку и уѣзжалъ въ деревню. И я, какъ молодой жеребецъ, выпущенный на волю, устремилась въ Парижъ.

Кларансъ замолчала на минутку, мѣшая уголья въ каминѣ. Потомъ продолжала:

— О, счастливое время! Хорошо было жить... я веселилась, увлекалась...

— И тогда вы встрѣтились съ тѣмъ, кого полюбили?

— О, нѣтъ, позже. Двухъ первыхъ—я не любила... ихъ я просто любила изъ любопытства. Но это было такъ себѣ, мимолетныя связи. Мнѣ было 24 года, когда я встрѣтилась съ нимъ, ему—двадцать пять... О, какое счастье встрѣтить родственную душу... какое счастье найти человѣка, который понимаетъ васъ!

— Мы встрѣтились съ нимъ въ одномъ домѣ и въ теченіе года каждый день писали другъ другу письма. А потомъ—въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ ко мнѣ... Я пережила чудное время. Мы видѣлись часто, очень часто... Онъ приходилъ ко мнѣ съ вечера, уходилъ въ четыре...

— Отчего же вы не вышли за него замужъ?

— Замужъ? ни за что, ни за что! Видите ли, замужъ нужно выходить только тогда, когда хотите имѣть дѣтей. А я не хочу. Кромѣ того, я обожаю свободу. Мужъ... я не могу себѣ представить, какъ бы я была на содержаніи у другого человѣка. Я привыкла быть независимой. Былъ у меня небольшой капиталъ—я его прожила; теперь—такъ какъ литература не приноситъ ничего—я занимаюсь ремесломъ: пишу романы-фельетоны... Но зависѣть отъ мужчины въ денежномъ отношеніи—ни за что!...

— И никто не зналъ вашей связи?—удивилась я.

— У меня бываетъ масса народу; кромѣ того—въ домѣ много жильцовъ, консьержъ не можетъ знать, къ кому пришли, кто крикнетъ ночью «cordon, s'il vous plaît»...

— А гдѣ онъ теперь?—спросила я.

— Вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ онъ уѣхалъ на Мадагаскаръ... Онъ мало зарабатывалъ въ Парижѣ, служилъ въ банкѣ; такъ чтобы улучшить свое положеніе и уѣхалъ въ колонію. Какое это было для меня горе! Я два мѣсяца никого не принимала...

Я не знала, что подумать объ этой женщинѣ. Съ точки зрѣнія буржуазной морали, въ которой я была воспитана—предо мной была чуть не преступница; съ точки зрѣнія человѣчности—одна ея искренность стоила всѣхъ проповѣдей.

— Почему же вы такъ упорно не хотите имѣть дѣтей?—спросила я.

— Это страшная отвѣтственность. Дѣтей надо хорошо воспитывать. Отчего наше общество плохо? Оттого, что все воспитаніе молодого поколѣнія, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, дурно, очень дурно. И большинство родителей объ этомъ не думаютъ. И дѣти являются на свѣтъ какъ случайное слѣдствіе нашей похоти. Подумайте только! Является мыслящее, чувствующее существо. А? какова отвѣтственность! И никто объ этомъ не думаетъ. Сами посудите, какая я мать? Жалкая калѣка. Въ дѣтствѣ у меня была страшная болѣзнь... я осталась жива, но ноги—какъ послѣдствія ея—атрофированы. Я немного истеричка. Какую бы наслѣдственность я имъ передала?

Я вспомнила одну изъ своихъ близкихъ родственницъ, истерическую особу, которая за семь лѣтъ замужества родила шестерыхъ слабыхъ, больныхъ существъ, изъ которыхъ двое умерли; а мужъ, выведенный изъ терпѣнія безпрерывными родами, пеленками, болѣзнями—сталъ съ горя пить. Вспомнила я свою мать, эту ужасную женщину, для которой всѣ мы, пятеро дѣтей—случайныя послѣдствія... всю жизнь были тяжелой обузой, развя-

заться съ которой насильственно она не смѣла только потому, что за это грозила Сибирь и каторга...

И въ порывѣ искренняго чувства, со слезами на глазахъ, я крѣпко обняла Кларансъ.

— Вы—честная, хорошая женщина, и какъ я васъ люблю!

Кларансъ взяла мою руку въ свои, тихонько пожала ихъ и печально вздохнула.

— Да, жизнь надо производить осторожно... она слишкомъ тяжела. Въ этомъ земномъ существованіи мы искупаемъ ошибки предшествующихъ...

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросила я въ недоумѣніи.

— Мы живемъ—грѣшимъ, не такъ ли?—спросила Кларансъ.

— Ну, да.

— Такъ вотъ, для искупленія ихъ, душа послѣ нашей смерти входитъ въ тѣло другого человѣка, чтобы въ новой жизни изгладить ошибки старой.

И видя явное недоумѣніе на моемъ лицѣ, объяснила:

— Я занимаюсь оккультизмомъ и магіей.

— Это еще что такое?—удивилась я.

— Видите ли, человѣкъ состоитъ изъ трехъ началъ: тѣла физическаго, тѣла астральнаго и души. Изъ каждаго человѣка исходитъ токъ—fluide, посредствомъ котораго онъ можетъ вліять на другихъ людей: хорошо или дурно, смотря по тому, какой токъ отъ него исходитъ.

Мое удивленіе не имѣло границъ. Я испытывала такое ощущеніе, будто предо мной открыли дверь въ какую-то таинственную темную комнату и заставили смотрѣть туда, и я ничего не видѣла. Такъ и изъ этого краткаго спутаннаго объясненія я ничего не поняла.

— Душа наша безсмертна. Я—не боюсь смерти. Я убѣждена, что возвращусь въ этотъ міръ снова въ видѣ новорожденнаго младенца... и опять буду жить новою жизнью.

— И у васъ не останется никакого воспоминанія о предшествовавшемъ существованіи?

— Нѣтъ.

— Какое же это «безсмертіе души», разъ отъ нашего «я», со всѣми нашими мыслями и чувствами, не остается ничего?—недоумѣвала я надъ такой теоріей своеобразнаго «безсмертія»!

— Душа наша мѣняетъ свое содержаніе. Проходя черезъ нѣсколько существованій, она совершенствуется нравственно. Это объясняетъ кажущееся несправедливымъ съ перваго взгляда. Почему, напримѣръ, одни съ дѣтства уроды, калѣки? Вѣдь они

сами не сдѣлали никому ничего дурного. А между тѣмъ, этой теоріей все объясняется: значитъ, душа эта въ предшествовавшемъ существованіи дѣлала очень много зла и теперь искупаетъ свои грѣхи... Я, напримѣръ, калѣка—значитъ раньше много грѣшила, и теперь я должна совершенствоваться нравственно.

Однако, какихъ только нелѣпостей не придумаютъ люди; ужъ подлинно—фантазія человѣческая неистощима,—подумала я, но ничего не сказала, желая дать ей высказаться до конца.

— Каждаго человѣка сопровождаетъ духъ—Guide. У меня руководитель духъ 18-го вѣка. Я его вижу. Я вѣдь visionnaire. И мать свою вижу: вонъ она тутъ, въ саванѣ, около меня на диванѣ.

Я инстинктивно обернулась—на диванѣ никого не было. Что съ нею?—съ опасеніемъ подумала я.

Но Кларансъ сидѣла совершенно спокойно,—не думая, очевидно, вовсе, что такія рѣчи могутъ внушить опасеніе за цѣлость ея умственныхъ способностей. Она была глубоко убѣждена въ томъ, о чемъ говорила.

Я пожала плечами. Суевѣріе въ Парижѣ въ двадцатомъ вѣкѣ принимаетъ формы соотвѣтственно требованіямъ прогресса. Что жъ съ этимъ подѣлаешь?

— Объясните мнѣ пожалуйста, какъ же вы занимаетесь магіей, и что это за штука такая? Какія книги написаны объ этомъ?

— Не спрашивайте, не спрашивайте меня,—вдругъ заволновалась Кларансъ.—Я ничего больше не могу вамъ сказать. Это невозможно. Книги читать—безполезно. Это изучается на практикѣ, меня научила одна женщина изъ Шербурга. Она сказала, что если только я разскажу кому-либо, что я дѣлаю, и я и она—мы обѣ умремъ... Я и то болтаю много... а вѣдь по-настоящему—если кто занимается оккультизмомъ—не долженъ никому говорить. Я вамъ скажу только одно: что для этого нужно поучиться управлять своей волей, почему и необходимы постъ и молитва и строгая нравственная жизнь... не въ физическомъ, буржуазномъ смыслѣ, а въ духовномъ. Нужно въ отношеніи къ другимъ людямъ быть доброй, снисходительной, не дѣлать никому зла. Поэтому я занимаюсь бѣлой, а не черной магіей. Я не хочу никому дѣлать зла...

Мнѣ казалось, что я наяву переживаю волшебную дѣтскую сказку.

Огонь догоралъ въ каминѣ; черная кошка тихо терлась у ногъ странной женщины въ черномъ, и вся она, съ своимъ прекраснымъ блѣднымъ лицомъ и блестящими темными глазами,

казалась фантастическимъ видѣніемъ въ этой уютной комнатѣ, со стѣнъ которой смотрѣли странные и страшные рисунки.

28 ноября, четвергъ. Встрѣтилась съ Danet на лекціи.

Онъ приходитъ, какъ и я, не каждый день. Хитростью отдѣлавшись отъ Бертье, чтобы остаться одной съ нимъ въ корридорѣ, я спросила, какъ идетъ работа ложи.

— Отлично! Вчера особенно весело было: мы были приглашены завтракать, и съ нами въ залѣ интерновъ было одиннадцать женщинъ.

И онъ былъ интерномъ въ Брока! Я стиснула пальцы такъ, что кости захрустѣли, но все-таки шла рядомъ съ Danet, улыбаясь и глядя на него.

— Вотъ какъ вы веселитесь!

— Это не мы, а интерны. Они-то веселятся во-всю. Ихъ положеніе очень выгодно, впереди—карьера, живутъ въ свое удовольствіе. Впрочемъ, иногда — до безобразія доходятъ. Вчера, напримѣръ, одинъ присталъ ко мнѣ съ непристойными предложеніями, я, понимаете, съ трудомъ сдержался дать ему пощечину. Я люблю женщинъ, но слава Богу, не такъ еще извращенъ, чтобы... Что съ вами? вамъ дурно?

— Ничего, ничего... я рано встала... не завтракала... голова кружится...

Я сдѣлала сверхъестественное усиліе, чтобы не упасть и держаться прямо. И это удалось. Danet дружески упрекнулъ меня за небрежное отношеніе къ гигіенѣ и утреннимъ завтракамъ и совѣтовалъ скорѣе итти въ ресторанъ.

Но мысль о томъ, что надо попасть на балъ и просить Danet достать билетъ, вернула мнѣ силы.

— Послушайте... я хочу попасть на этотъ балъ... слышите? Просто какъ иностранкѣ мнѣ нужно посмотрѣть, что есть наиболѣе интереснаго въ Парижѣ.

Danet съ сожалѣніемъ развелъ руками.

— Съ удовольствіемъ бы, но... не могу.

Такъ вотъ какъ?!

Я *буду* на этомъ балу...

29 ноября, пятница. Былъ Бертье. Преданная любовь этого юноши глубоко трогаетъ меня. Въ тѣ дни, когда я не прихожу на лекціи, онъ заходитъ ко мнѣ, справляется, не нужно ли чего, исполняетъ всякія порученія. И при этомъ передъ всѣми держитъ себя какъ товарищъ, такъ что никто на курсѣ и не дога-

дается объ его настоящемъ отношеніи ко мнѣ. Сколько бы я ни разговаривала съ другими—никогда ни слова упрека или ревности. Словомъ, онъ безупреченъ. И я понемногу начинаю привыкать къ его любви... Я такъ одинока, такъ несчастна, и это сознаніе, что существуетъ хоть одинъ искренно-преданный мнѣ человѣкъ—немного поддерживаетъ меня. У насъ не можетъ быть общихъ умственныхъ интересовъ, онъ слишкомъ молодъ; но душа его прозрачна, какъ кристаллъ, и не загрязнена пока житейскою пошлостью.

Какъ хороша любовь! Настоящая, искренняя, преданная любовь!

Онъ показывалъ мнѣ сегодня консьержери; по возвращеніи домой, сѣли у камина чай пить... Я не зажигала лампы... въ сумеркахъ комнаты видно было, какъ красивые темные глаза Бертье смотрѣли на меня.

И я смотрѣла на него... и потомъ, сама не знаю какъ—меня обхватили сильныя руки, и горячія губы прижались къ моимъ губамъ. Я закрыла глаза.

— Милая, дорогая, любимая... полюбите меня — хоть немножко. Я буду и этимъ счастливъ... Вся моя жизнь—ваша...—слышала я шопотъ Бертье.

Ласка, давно, съ дѣтства неиспытанная, окружала меня словно бархатнымъ кольцомъ. Я инстинктивно обняла Андрэ и прижалась къ нему.

Потомъ тихо отстранила его и сказала:

— Voyons... что же мы дѣлаемъ?

— Я люблю васъ!

— Но я серьезно любить васъ не могу... слишкомъ много для этого причинъ...

— Я вашъ пажъ... Chérubin... будьте моей крестной, знаете—какъ въ «Свадьбѣ Фигаро»...—шепталъ Бертье.

— Андрэ, мы дѣлаемъ глупости.

— Позвольте мнѣ любить васъ и любите меня немножко. Мы ужъ и такъ друзья,—настаивалъ Андрэ.

И я позволила быть ему моимъ пажемъ.

30 ноября, суббота. Я сидѣла съ книгой, но не читала; мысли были далеко,—на будущемъ балу интерновъ. Звонокъ, и ко мнѣ въ дверь постучали.

— Entrez.

Вошла Полина Декурсель.

Я познакомилась съ ней въ прошломъ году въ Сорбоннѣ.

Робкая и застѣнчивая, эта худенькая брюнетка, съ лицомъ испанки, блуждала по корридорамъ, не смѣя спросить студентовъ—гдѣ секретаріатъ? Я показала дорогу, проводила ее до дверей.

Студентки-француженки въ Сорбоннѣ—явленіе рѣдкое, поэтому я заинтересовалась, на какой факультетъ она поступаетъ и что скажутъ ей въ секретаріатѣ. Подождала ее у дверей. Она вышла разстроенная, чуть ли не плача. Даже вольнослушательницей не принимаютъ! У бѣдняжки, получившей воспитаніе въ монастырѣ, не было brevet supérieur.

Мы разговорились, и она разсказала мнѣ всю свою исторію—о смерти отца, умершаго послѣ того, какъ въ одномъ изъ краховъ Аргентинской республики потерялъ все свое состояніе, о томъ, какъ онѣ съ матерью остались однѣ, безъ средствъ, среди большой американской родни, которая ничѣмъ не хотѣла помочь. Жажда учиться, при недостаткѣ средствъ, заставила ее поступить на курсы Association philotechnique, гдѣ ея литературное дарованіе было замѣчено преподавателями. Ей совѣтовали учиться дальше, но Сорбонна требовала диплома.

Я стала убѣждать ее готовиться прямо на аттестатъ зрѣлости и поступить дѣйствительной студенткой. Она видимо колебалась. Потомъ, какъ-то случайно весной, она встрѣтила меня на улицѣ, сообщивъ, что рѣшила готовиться на аттестатъ зрѣлости. Мы обмѣнялись адресами и потеряли другъ друга изъ виду.

А теперь она пришла ко мнѣ разстроенная. M-lle Naguet, содержательница курсовъ для подготовки на аттестатъ зрѣлости, не соглашается сбавить ни гроша изъ 50 франковъ мѣсячной платы, а она могла платить 20. За остальные тридцать она должна была давать нѣсколько разъ въ недѣлю уроки въ школѣ для дѣтей, которую содержала все та же m-lle Naguet. Слабое здоровье не позволяло ей дѣлать два дѣла за-разъ, а m-lle Naguet безпощадно упрекала за дурные успѣхи и не уступала ни гроша изъ назначенныхъ условій. И вотъ она въ отчаяніи пришла ко мнѣ, иностранной студенткѣ, за совѣтомъ.

Я возмутилась. Въ Москвѣ на курсахъ латинскаго языка Шамониной чуть не половина слушательницъ обучается съ пониженной платой; а здѣсь m-lle Naguet, феминистка, членъ Лиги Правъ Женщины, отказывалась помочь бѣдной способной дѣвушкѣ. Что стоило ей принять ее одну даже и совсѣмъ безплатно въ число ученицъ?

— Вы только узнайте, на какихъ курсахъ подготовлялась m-lle Шолль, та самая, что поступила нынче на первый курсъ юридическаго факультета, быть можетъ, тамъ дешевле плата...

— Бѣдное дитя! Я знаю Шолль, она дочь богатыхъ родителей и брала частные уроки.

На худенькомъ личикѣ Полины Декурсель отразилось полное отчаяніе—очевидно, теперь у нея исчезла послѣдняя надежда... И она, безнадежно махнувъ рукою, поднялась съ мѣста.

— Постойте! неужели же я вамъ дамъ такъ уйти? надо же что-нибудь придумать... Я обращусь къ своимъ товарищамъ, авось они что-нибудь сдѣлаютъ. Я сама никого въ Парижѣ не знаю, но попробуемъ, вы не отчаивайтесь.

И я добилась того, что черные глаза засвѣтились радостью и надеждой, тоненькія ручки крѣпко сжали мои... и она ушла успокоенная.

А я послала телеграммы Бертье и Шолль, прося ихъ притти ко мнѣ завтра по спѣшному дѣлу.

1 декабря, воскресенье. Визиты у французовъ дѣлаются въ послѣобѣденное время. Sholl не заставила себя долго ждать, хотя и живетъ далеко—и въ три часа маленькая, граціозная, элегантная, très parisienne, какъ птичка впорхнула въ мою комнату.

— А-а, здравствуйте, моя дорогая! Въ чемъ дѣло? Очень, очень рада быть вамъ полезной,—щебетала она, оправляя передъ зеркаломъ шляпу, прическу, вуаль.

Я разсказала ей исторію Декурсель, въ полномъ убѣжденіи, что она, дочь секретаря Лиги Правъ Женщины, воспитанная въ самыхъ передовыхъ убѣжденіяхъ, приметъ участіе въ судьбѣ этой дѣвушки и что-нибудь сдѣлаетъ.

Она внимательно выслушала и пожала плечами.

— Что жъ вы хотите, моя милая? M-lle Naguet вполнѣ права.

Я не вѣрила своимъ ушамъ.

— Да какъ вамъ не стыдно такъ разсуждать? Вѣдь вы же сами учитесь? Какъ же у васъ нѣтъ сочувствія къ положенію несчастной дѣвушки?

— О, дорогая, въ данномъ случаѣ о сочувствіи и рѣчи быть не можетъ. Есть у нея деньги—пусть учится, нѣтъ денегъ—пусть дѣлаетъ что-нибудь другое.

— Но вѣдь это не посредственность какая-нибудь — у нея несомнѣнное литературное дарованіе. Быть можетъ, изъ нея выйдетъ писательница, журналистка...

— А она хорошенькая?

— Что за вопросъ?!

— А вотъ, если эта ваша protégée вздумаетъ потомъ заниматься журналистикой—для этого прежде всего надо имѣть

внѣшность, умѣть нравиться мужчинамъ, членамъ редакціи, а главное—редактору. И вообще—не быть... очень добродѣтельной. Та же сцена... Только при этихъ условіяхъ она и можетъ добиться успѣха. А то ее затрутъ—не дадутъ ходу. Теперь такая масса женщинъ-журналистокъ.

Я извинилась, что напрасно побезпокоила ее пріѣхать.

— Ничего, ничего,—любезно щебетала m-lle Шолль.—Я очень рада повидаться съ вами. Кстати, мама просила передать вамъ приглашеніе,—у насъ второй четвергъ каждаго мѣсяца собираются нѣкоторыя феминистки. Впрочемъ, я вамъ объ этомъ напомню, напишу.

И она, поболтавъ еще четверть часа о лекціяхъ и погодѣ, уѣхала домой.

Потомъ пришли Андрэ съ однимъ изъ товарищей — Деметромъ, котораго я немного знаю. Изъ пансіона, куда хожу обѣдать, тоже пришелъ студентъ ès-lettres — серьезный и вдумчивый юноша, который сразу вызвался ей давать безплатные уроки по математикѣ; Деметръ и Андрэ тоже обѣщали сдѣлать съ своей стороны все возможное.

Я немного успокоилась.

Вечеромъ за обѣдомъ, болтая по-русски съ Муратовыми, я разсказала о салонѣ Кларансъ, о томъ, какъ тамъ весело и какая свободная среда. Я думала, Муратову какъ литератору интересно будетъ узнать. Но вдругъ спокойное замѣчаніе его жены—«такъ васъ это интересуетъ?» обдало меня какъ холодной водой. Я почувствовала, что сдѣлала непоправимую глупость, болтая такъ откровенно съ этими передовыми людьми.

Муратова не сказала больше ни слова. Сконфуженная, я хотѣла перемѣнить разговоръ, спросила ее, какъ работа платья, довольна ли она портнихой. Она отвѣчала односложно.

2 декабря, понедѣльникъ. Перечитываю Лермонтова; особенно люблю его стихотвореніе «11 іюня 1831 года».

У меня нѣтъ ни самолюбія, ни тщеславія. Я не честолюбива, но теперь, кажется, все бы отдала, чтобы имѣть талантъ и сказать какъ поэтъ:

...и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь,
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

И вспомнила читанное гдѣ-то въ газетѣ стихотвореніе:

Hélas! c'était pour toi que je voulais la gloire.
Pour toi, que je voulais l'éclatante victoire
Que savent remporter les choses de l'esprit
Sur les indifférents, sur le monde frivole
Qui ne veut écouter que la folle parole,
Qui l'amuse et qui lui sourit..

Я сознаю, что во мнѣ что-то есть... не могу выразить это словами, но быть можетъ, при другихъ условіяхъ, изъ меня вышло бы что-нибудь... а теперь—не выйдетъ ничего...

О, если бы онъ любилъ меня! хотя бы одинъ часъ,—мигъ одинъ!

Для меня началась бы новая, лучшая жизнь. Онъ совершилъ бы чудо: далъ человѣку новую жизнь.

3 декабря, вторникъ. Сегодня въ гостиной Кларансъ было серьезнѣе обыкновеннаго. Henry разсказывалъ о смерти молодого художника Monnier—я только-что прочла его некрологъ въ «Journal».

Очевидно онъ былъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей Кларансъ и имѣлъ много друзей въ ея салонѣ.

Каждому вновь прибывающему Кларансъ съ серьезнымъ лицомъ сообщала печальную новость, и разговоръ возвращался снова къ этой смерти.

И мнѣ легко было узнать, что это былъ красивый молодой человѣкъ, умеръ двадцати шести лѣтъ отъ чахотки, до которой самъ себя довелъ безпрерывнымъ трудомъ и неумѣренными наслажденіями жизни.

Странно было видѣть серьезную Кларансъ: я такъ привыкла, что она вѣчно смѣется,—мнѣ такъ и казалось, что она не выдержитъ и вотъ-вотъ разразится опять громкимъ смѣхомъ. Но она оставалась серьезной.

— Я ему говорила въ іюлѣ: слушайте, monsieur, что вы изъ себя дѣлаете? или хотите умереть? — И знаете, что онъ отвѣтилъ?—«Не ваше дѣло».

— А, здравствуй, Леснеръ, что—какъ Мѣдный Цвѣтокъ?— обратилась она къ вновь вошедшему молодому человѣку, котораго я еще у нея не встрѣчала.

Тотъ сначала раскланялся со всѣми, потомъ сѣлъ у камина и отвѣтилъ:

— Она очень убита... вѣдь, въ сущности, сама не мало виновата въ его смерти. Чѣмъ бы стараться удержать его отъ такой

безумной жизни,—она его еще больше увлекала. Да, можно сказать, что она убила своего жениха.

— Кто это Мѣдный Цвѣтокъ?—тихо спросила я Кларансъ.

— Это одна изъ моихъ пріятельницъ. Она была невѣстой этого Monnier, который умеръ.

Вновь пришедшій господинъ разсказывалъ о пережитыхъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, когда пришлось убирать опустѣвшую мастерскую художника, его картины, наброски...

— Такъ и казалось — вотъ-вотъ онъ войдетъ... Охъ, какъ грустно сознавать, что его уже нѣтъ больше! онъ могъ бы жить...

— Онъ дѣлалъ точно нарочно; вѣдь зналъ, что никакой организмъ не выдержитъ такой безумной жизни: спалъ по три часа въ сутки,—неодобрительно отозвалась Кларансъ.

— Значитъ, вы противъ такой жизни?

— Конечно, конечно; она дана намъ не для того, чтобы мы безумно швырялись ею. Я противъ самоубійства. Это тоже грѣхъ, мы не должны уходить самовольно изъ этого міра, такъ какъ искупаемъ въ немъ свои грѣхи.

— А кстати, Кларансъ, погадайте-ка мнѣ на картахъ,—попросилъ одинъ изъ гостей, небольшого роста, шатэнъ, съ узкими карими глазами, лѣниво поднимаясь съ мѣста.

— Пойдемте въ спальню,—охотно согласилась Кларансъ и, обращаясь къ гостямъ, прибавила:

— Извините, я васъ оставлю: уединяемся на консультацію.

Я съ недоумѣніемъ смотрѣла имъ вслѣдъ.

— Что это они, серьезно?

— Вполнѣ серьезно, m-lle, подтвердилъ Henry.—Кларансъ прекрасно гадаетъ... удивительно вѣрно. Развѣ вы не слыхали про ея таланты? Она и хиромантіей занимается и физіономистка замѣчательная.

— Ахъ, да—мнѣ что-то говорила про нее madame Tessier,—припоминала я.—Но по-моему—все это вздоръ, фантазія.

— Какъ фантазія?! Послушайте, Дериссе, вотъ m-elle Diaconoff не вѣритъ въ то, что по линіямъ руки можно узнать человѣка.

— Конечно, можно,—лѣниво протянулъ Дериссе, комфортабельно развалившись въ креслѣ и слѣдя глазами за кокетливой madame Monpe, которая сидѣла напротивъ.

— А по-моему это вздоръ. Помню, какъ-то разъ одна барышня посмотрѣла мнѣ на руку и сказала, что у меня необыкновенныя линіи, и она не настолько знаетъ, чтобы прочесть ихъ

— Ну, покажите... Дѣйствительно, у васъ очень странныя линіи. Смотрите, господа,—не такъ, какъ у всѣхъ.

Всѣ показывали свои, сравнивали, и однако у меня линіи были не такія, какъ у большинства.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вмѣшался въ разговоръ небольшого роста брюнетъ въ штатскомъ, но съ военной выправкой, съ добродушной круглой физіономіей.

У Кларансъ каждый разъ видишь новыя лица. У нея бываетъ масса народу, и этотъ господинъ, очевидно, былъ введенъ къ ней однимъ изъ ея друзей.

— Вотъ вы не вѣрите, m-lle,—такъ же лѣниво говорилъ мнѣ Дериссе,—а доказательства будутъ на-лицо. Этотъ молодой человѣкъ здѣсь въ первый разъ. Кларансъ его совсѣмъ не знаетъ, а я—очень хорошо. И вы увидите, какъ она его сейчасъ узнаетъ.

Я съ трудомъ удерживалась отъ смѣха, но Дериссе и его другъ были серьезны, и когда Кларансъ показалась на порогѣ гостиной, Дериссе схватилъ ее какъ маленькаго ребенка и посадилъ въ кресло.

— Теперь мы собираемся васъ эксплуатировать!

Кларансъ смѣялась:

— Хорошо, хорошо, подойдите сюда, молодой человѣкъ. Дайте вашу руку.

Она взяла его руку въ свои, подержала съ минуту, потомъ посмотрѣла на линіи, коснулась пальцемъ его затылка и начала:

— Вы родились отъ молодыхъ родителей. Характеръ у васъ положительный, но есть извѣстная доля сентиментальности. Иногда подъ вліяніемъ гнѣва вы способны на жестокость.

На лицѣ молодого человѣка выразилось удивленіе.

— Вѣрно, вѣрно!

— У васъ прекрасное здоровье. Вы любите женщинъ... о, какъ любите! Ваша молодость прошла въ борьбѣ, въ тяжелыхъ испытаніяхъ. Но васъ ожидаетъ спокойная, счастливая старость.

Лицо молодого человѣка прояснилось.

— Вотъ это хорошо! Дѣйствительно, я провелъ ужасную молодость.

— Вы упрямы, но въ общемъ—очень добродушный человѣкъ. Вотъ все, что я вижу... но можно сказать гораздо больше,—я мало знаю.

И Кларансъ вскочила съ мѣста.

Дериссе съ торжествомъ смотрѣлъ на меня.

— Что? Я знаю его какъ самого себя,—все вѣрно. Убѣдились теперь?

Офицеръ съ довольнымъ лицомъ качалъ головою:

— Удивительно, какъ вы это знаете.

— Посмотрите на нее и скажите что-нибудь о ней, Кларансъ,—не унимался Дериссе.

Я была удивлена и озадачена тѣмъ, что Кларансъ сказала офицеру,—какъ вдругъ она очутилась на ручкѣ моего кресла.

— Вы съ характеромъ; но вами можно управлять — кротостью,—сказала она, глядя на меня.

Я не могла сдержать удивленія проницательности, съ какой Кларансъ схватила самую основную черту моей натуры.

— У васъ аналитическій умъ... о, вы все, все анализируете,— разбирала меня Кларансъ.

— Правда,—подтвердила я.

— Вы нисколько не чувственны, ничуть... и если полюбите кого-нибудь, то главнымъ образомъ со стороны нравственной или умственной.

«Какъ хорошо, что по лицу нельзя угадать, кого люблю»— подумала я.

— Вы мечтаете объ отдаленномъ путешествіи.

— Но какъ это вы узнали?!—Дѣйствительно, я очень интересуюсь Новой Зеландіей, такъ какъ тамъ женщины имѣютъ политическія права, мнѣ хотѣлось бы съѣздить туда...

— Я вижу. А вотъ теперь вы повѣрили, что можно узнавать людей по лицамъ, по линіямъ руки? Дайте-ка вашу руку.

Но я вспомнила, что линіи моей руки не похожи на линіи другихъ людей, — и какой-то смутный страхъ передъ возможностью узнать что-нибудь страшное вдругъ охватилъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ,—не покажу!

— Да вѣдь вы же не вѣрите! Полноте, дайте!—настаивала Кларансъ.

— Не дамъ. У меня, говорятъ, линіи особенныя...

— Такъ я вамъ ничего не скажу, сама только посмотрю.

И она взяла мои руки. А я смотрѣла на нее, и въ душу забирался какой-то тайный страхъ передъ этой странной женщиной, которой, казалось, было открыто все существо человѣческое.

Я ушла къ себѣ гораздо ранѣе обыкновеннаго.

5 декабря, четвергъ. Danet давно собирался ко мнѣ притти; встрѣчаясь на лекціяхъ, спрашивалъ, когда можно застать меня дома. Но все не шелъ.

Сегодня я вымыла волосы и сушила ихъ, распустивъ по плечамъ. Мягкіе, длинные, они покрывали меня какъ шелковистымъ покрываломъ.

Пришелъ Danet.

— Bonsoir, mademoiselle...—и онъ запнулся, съ восторгомъ глядя на меня.

— Какіе волосы! Боже, какіе волосы! Я никакъ не подозрѣвалъ... вотъ такъ красота!

Онъ забылъ и раздѣться и, стоя посреди комнаты въ пальто и шляпѣ, любовался мною.

«Онъ въ моихъ рукахъ»—подумала я и, не говоря ни слова, быстро подошла къ трюмо, вынула большую черную фетровую шляпу съ широкими полями à la Rembrandt, надѣла, и медленно повернулась къ нему. Я знаю—это такъ ко мнѣ идетъ, что его артистическое чутье не должно было устоять.

Danet дѣйствительно терялъ голову.

— О, какъ вы хороши!... картина! Если васъ одѣть въ пеплумъ и такъ, съ распущенными волосами, а я буду одѣтъ римляниномъ—да вѣдь это чудно хорошо будетъ! Произвели бы такой эффектъ! Слушайте, — мы поѣдемъ вмѣстѣ на балъ интерновъ, я сегодня же нарисую для васъ костюмъ, а дома, у насъ, его сошьютъ.

Я нарочно молчала.

— Хотите? Я готовъ сдѣлать для васъ все, все, только бы вы позволили видѣть себя такой... Что за волосы! я никогда такихъ не видывалъ... Что жъ вы молчите? Такъ ѣдемъ вмѣстѣ на балъ, да? Вѣдь это такое интересное зрѣлище! C'est une chose à voir au moins une fois dans sa vie.

— По-ѣ-демъ...—съ разстановкой проговорила я и, медленно поднявъ глаза, окинула его взглядомъ, въ которомъ онъ могъ прочесть, что хотѣлъ.

Онъ съ жаромъ поцѣловалъ мою руку.

— Теперь давайте чай пить, русскій чай, съ лимономъ. Вы никогда еще не пили? такъ вотъ, попробуйте...

И снявъ шляпу, занялась хозяйствомъ. Вся душа моя такъ радовалась... Я увижу его на балу интерновъ! я увижу его!

И я кокетничала съ Danet и позволяла ему цѣловать мои волосы. Вѣдь только черезъ него я и могла попасть на этотъ балъ, и чѣмъ больше онъ увлекался мной, тѣмъ вѣрнѣе было то, что онъ сдѣлаетъ все, и этого только мнѣ и было нужно.

7 декабря, суббота. Вчера достала для Декурсель письмо къ редактору газеты «Разумъ». Та пошла, но редакторъ ничего для нея сдѣлать не могъ, далъ ей тоже два-три адреса. Она вездѣ была, всѣ сочувствуютъ, и всѣ ничего не могутъ сдѣлать, всѣмъ некогда. Я уже совсѣмъ было пришла въ отчаяніе, и даже приходъ Danet съ рисунками костюма и образчиками фланели не могъ обрадовать меня.

Звонокъ... Я разслышала въ прихожей голосъ Бертье:— M-elle... est-elle chez elle? — и поскорѣе схвативъ со стола образчики фланели и рисунокъ, сунула все это въ карманы Danet.

Въ комнату влетѣлъ сіяющій Андрэ.

— Я устроилъ ваше дѣло! нашелъ учителя! согласенъ за двадцать франковъ въ мѣсяцъ давать два раза въ недѣлю уроки по древнимъ языкамъ и поправлять французскія сочиненія. Это мой бывшій преподаватель, превосходный педагогъ. Вотъ его адресъ. Пишите поскорѣе...

— Да неужели правда?! правда?! — и только присутствіе Danet удержало меня броситься на шею Андрэ, и я ограничилась тѣмъ, что протянула ему обѣ руки.

— Не знаю, какъ васъ и благодарить!

Андрэ видѣлъ, что онъ не одинъ, и поэтому не хотѣлъ остаться ни на минуту.

— Я только забѣжалъ вамъ сказать, спѣшу въ библіотеку. До свиданія!

Онъ пожалъ руку Danet; я пошла проводить его въ корридоръ.

— Для васъ, для васъ!—шепталъ онъ, обнимая меня.—Пажъ исполнилъ порученіе крестной... теперь—награда... награда.

Я чувствовала, какъ въ темнотѣ корридора блестѣли его глаза, и, взявъ его голову, поцѣловала беззвучнымъ долгимъ поцѣлуемъ, чтобы никто ничего не слыхалъ, и потомъ потихоньку освободилась отъ его объятій... Заперла за нимъ дверь.

Danet, сидя въ моей комнатѣ, усердно рисовалъ детали костюма...

— Какъ хорошо будетъ!—повторялъ онъ.

А я съ трудомъ, разсѣянно слушала его соображенія, думая—какъ напишу Полинѣ, какъ увижу его.

— Скоро ли балъ?

— 16 декабря.

Какъ еще долго ждать! какъ долго! Кажется, и не дожить до этого дня.

Когда Danet ушелъ, я вынула его послѣднее письмо и, не отрываясь, смотрѣла на сухія краткія строки...

Я увижу его тамъ! найду! глаза влюбленной женщины отыщутъ любимаго изъ тысячи тысячъ, узнаютъ во всякомъ костюмѣ, подъ всякой гримировкой...

10 декабря, вторникъ. Я понемногу привыкла къ свободной атмосферѣ гостиной Кларансъ. Нѣкоторыя слова все еще остаются для меня тайной, но откровенность и смѣлость выраженій—уже не шокируютъ меня больше. Я нахожу это даже оригинальнымъ—всѣ говорятъ такъ, какъ думаютъ, всѣ очень искренни, и никогда не возникаетъ ни малѣйшихъ недоразумѣній. И вѣдь вся эта молодежь нисколько не хуже другихъ, тѣхъ, которые подходятъ къ намъ, молодымъ дѣвушкамъ «изъ общества», съ безукоризненно почтительной манерой, вполнѣ цензурной рѣчью...

Мнѣ интересно изучать эту мужскую подкладку. Кларансъ, хохоча по своему обыкновенію во все горло, увѣряетъ меня, что они нигдѣ себя такъ не держатъ, какъ у нея. И прекрасно. По крайней мѣрѣ, я могу изучить мужчинъ такими, какъ они есть. Иначе для насъ, буржуазно воспитанныхъ дѣвицъ — это почти невозможно.

Скульпторъ такъ и вертится около меня, впрочемъ — это слово не идетъ къ его неуклюжей грузной фигурѣ.

— Какъ вы хороши, какъ вы хороши! Вы вся создана для искусства... Съ вами можно сдѣлать хорошія вещи,—говорилъ онъ сегодня по-русски, усѣвшись около меня.

— Перестаньте... увѣряю васъ, мнѣ надоѣли эти комплименты,—отвѣчала я.

— Это правда, а не комплименты. Я оцѣниваю васъ съ художественной точки зрѣнія. Вы никогда не носили корсета?

— Нѣтъ.

— То-то и видно, что вы не изуродованы, какъ большинство женщинъ. Знаете что—позируйте мнѣ! Я сдѣлаю съ васъ красивый бюстъ и статую... и вамъ дамъ, конечно... Право! сдѣлайте мнѣ такое удовольствіе.

— Для головы я согласна.

— А такъ, вся?

Я строго взглянула на него.

— Отчего нѣтъ?—нисколько не смущаясь, продолжалъ Карсинскій.

— Оттого что... подобное предположеніе...

— Вотъ тебѣ и разъ! а еще считаетъ себя передовой женщиной! Вотъ вамъ и развитіе! Что жъ по-вашему, нечестно, неприлично — позировать для художника? А восхищаться статуями, картинами, гдѣ изображены обнаженныя тѣла, — это не неприлично? Такъ вѣдь это срисовано же съ кого-нибудь? По-вашему выходитъ, что ремесло модели какъ трудъ—презрѣнно? А туда же кричатъ всякія громкія фразы объ уваженіи къ труду...—неожиданно заговорилъ Карсинскій серьезно, искренно и убѣжденно, чего я отъ него никакъ не ожидала,—и явное презрѣніе зазвучало въ его голосѣ.

Что можно было ему возразить? Вѣдь я же сама осуждаю Сорель за ея презрѣніе, съ какимъ она относится къ черной работѣ. Я чувствовала, что скульпторъ, въ сущности, правъ: простая честность требовала въ этомъ сознаться... но общественный предразсудокъ былъ слишкомъ силенъ,—и я молчала.

— Что? небось, не находитесь, что отвѣтить... Это все ваше воспитаніе виной. Вбили вамъ съ дѣтства понятія «это прилично» и «это неприлично», и несмотря на все ваше образованіе и развитіе—соціализмъ и прочее такое,—въ сущности, вертитесь въ такомъ же заколдованномъ кругу безспорно отжившихъ понятій. Неприлично позировать голой! А почему? Да вѣдь самый вашъ отказъ, въ сущности, очень безнравственененъ: вы предполагаете—разъ стоите передъ мужчиной обнаженной, то не вѣсть какая грязь. А вѣдь нѣтъ чище взгляда художника на модель: мы не смотримъ на нее какъ на женщину, а просто какъ на одно изъ проявленій божественной красоты природы, которое стараешься воспроизвести. Оно не возбуждаетъ въ насъ ничего, кромѣ чистаго восторга. Сколько моделей я видалъ на своемъ вѣку! и вѣрьте мнѣ: полуобнаженная женщина куда безнравственнѣе голой модели. Вѣдь на балахъ-то вы декольтируетесь, обнажаетесь настолько, чтобы возбудить восторгъ и нехорошее любопытство мужчины. А позировать—ахъ, какъ это можно! Фу, какое гадкое лицемѣріе! какая подлая, буржуазная мораль!

И Карсинскій, грузно поднявшись съ мѣста, шумно двинулъ стуломъ и отошелъ въ другой уголъ.

Мнѣ стало стыдно. И я подошла къ нему.

— Послушайте...

Онъ поднялъ голову.—Ну?

— Я хочу вамъ сказать, что вы не должны быть такъ рѣзки; въ данномъ случаѣ и непривычка играетъ большую роль.

Онъ посмотрѣлъ уже болѣе смягченнымъ взглядомъ.

— Хорошо, отъ непривычки можно избавиться—привычкой...

Я васъ приглашалъ къ себѣ въ мастерскую, обѣщалъ показать бюстъ Бѣлинскаго. Приходите, все покажу, и его маску, и письмо его дочери... Придете, а?

Я обѣщала.

12 декабря, четвергъ. «Надѣюсь, вы не забыли, что второй четвергъ каждаго мѣсяца у мамы собраніе феминистокъ»—читала я сегодня на элегантной, раздушенной карточкѣ ярко-синяго цвѣта съ золотымъ обрѣзомъ почеркъ Шолль.

Неловко было не поѣхать. Я не отказалась тогда, и теперь она могла объяснить мой отказъ нежеланіемъ познакомиться, могла заподозрить меня въ неискренности, что я на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ интересуюсь феминизмомъ, какъ говорю.

Ѣхать пришлось далеко,—за Sacré Coeur. Шолль квартируетъ въ третьемъ этажѣ, въ одной изъ безконечныхъ улицъ, которыя тянутся отъ Монмартра, какъ отъ главной артеріи, вправо и влѣво.

Большой салонъ въ стилѣ Louis XV, весь уставленный мебелью и разными бездѣлушками, съ большими окнами, до такой степени увѣшанными кружевными занавѣсками, массивными шелковыми драпировками, что они едва-едва пропускали дневной свѣтъ. Въ этомъ полумракѣ женщины казались моложе и интереснѣе.

Ихъ было четверо, когда я вошла въ салонъ, — не считая m-elle Шолль и ея матери: высокая стройная молодая дама, двѣ старухи и одна — того неопредѣленнаго возраста, который въ Парижѣ можетъ тянуться до старости лѣтъ, если нѣтъ предательскихъ сѣдыхъ волосъ.

Единственный мужчина, находившійся тутъ же, оказался извѣстнымъ журналистомъ, имя котораго, какъ яраго защитника женскихъ правъ, было мнѣ уже извѣстно—Оливье Даркуръ.

Всѣ дамы были одѣты съ тѣмъ безукоризненнымъ изяществомъ, которое отъ свѣтской дамы до послѣдней прачки свойственно всякой парижанкѣ.

Mademoiselle Шолль представила меня своей матери—пожилой дамѣ, съ типичнымъ лицомъ англійской старой дѣвы, говорившей по-французски съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ, котораго не могли изгладить долгіе годы пребыванія во Франціи. Потомъ послѣдовало представленіе всему обществу—какъ «m-lle Diaconoff, russe, étudiante en droit».

И въ сотый разъ со времени моего пріѣзда въ Парижъ пришлось повторять тѣ же отвѣты, что у насъ юридическій фа-

культетъ для женщинъ закрытъ, что адвокатомъ быть тоже нельзя, что этотъ вопросъ только что поднимается и т. д.

Но на этотъ разъ я была въ салонѣ феминистокъ, и дамы отнеслись къ вопросамъ болѣе серьезно. Двѣ старушки, съ кипой газетъ на колѣняхъ, такъ и накинулись на меня.

— Правда ли, что у васъ замужняя женщина независима отъ мужа? Правда ли, что она можетъ сама управлять своимъ имуществомъ, дѣлать подписи на бумагахъ?

— Конечно.

Я знаю, что здѣсь замужняя женщина, какъ самостоятельное существо—сведена къ нулю; хотя и жаль каждый разъ такъ отвѣчать при француженкахъ, однако подобный вопросъ постоянно возбуждаетъ невольное удивленіе—до того у себя, въ Россіи, мы привыкли къ этому.

— А у насъ—нѣтъ,—печально вздохнули дамы.

— Вотъ мы спеціально занимаемся этимъ вопросомъ,—у насъ своя группа,—сказала мнѣ молодая стройная дама, указывая на свою сосѣдку, одну изъ пожилыхъ дамъ.

— И успѣшно идутъ ваши занятія?

— Среди женщинъ—конечно, да. Но вѣдь для того, чтобы мы чего-нибудь добились, надо, чтобы этотъ законъ прошелъ въ Палатѣ Депутатовъ. Ну, а мужчины, пока они одни будутъ выбирать депутата,—никогда не дадутъ пройти такому закону. Вѣдь большинство депутатовъ женаты, у женъ есть приданое,—какъ же они будутъ вотировать законъ, который идетъ въ разрѣзъ съ ихъ личными интересами? О, если бы вы знали, до чего трудна жизнь женщины во Франціи!

— Она и у насъ немногимъ легче. И вы не думайте, что если замужняя у насъ независима—зато у насъ сестра почти совсѣмъ лишена наслѣдства въ пользу братьевъ.

— Какъ это такъ?! — съ негодованіемъ закричали всѣ.— Развѣ дочь не такое же дитя, какъ они?

Пришлось объяснять, что у насъ понятіе равенства дѣтей въ правѣ наслѣдства не существуетъ ни въ законѣ, ни въ большей части общества.

Удивленію и негодованію присутствующихъ не было конца. Они совсѣмъ забыли о томъ, какъ сейчасъ восхищались положеніемъ замужней женщины у насъ. Несправедливость по отношенію къ дѣтямъ, въ связи съ сознаніемъ, какъ трудна для женщины борьба за существованіе,—вытѣсняла изъ ихъ представленія преимущество положенія замужней женщины...

Это и немудрено: у большинства присутствующихъ были

дѣти, и инстинктъ материнской любви заставлялъ ихъ возмущаться гораздо болѣе несправедливостью по отношенію къ дѣтямъ.

А я съ интересомъ слушала и думала: какъ много значитъ, что за сто лѣтъ это основное понятіе справедливости такъ глубоко вошло въ плоть и кровь общества, что теперь ему кажется невозможно, невѣроятно—то, что прежде было въ порядкѣ вещей... Точно у насъ теперь—крѣпостное право.

И я думала: когда же съ такимъ же чувствомъ возмущенія и негодованія закричатъ всѣ при словахъ: «женщина не имѣетъ права подачи голоса»...

Когда? Когда знаменитые принципы «равенства, братства, свободы» будутъ распространены и на другую половину рода человѣческаго?...

Дама безъ возраста, до сихъ поръ молчавшая, вмѣшалась въ разговоръ.

— А знаете ли, Маргарита Дюрамберъ недавно открыла дешевыя квартиры для дѣвушекъ-работницъ. Я тамъ была—все очень, очень мило: и комнаты, и пища—дешево и хорошо. Это она—чтобы предохранить ихъ отъ паденія. Въ Парижѣ такой развратъ. И кажется, она хочетъ заняться устройствомъ подобнаго же общества для такихъ милыхъ молодыхъ дѣвушекъ, какъ mademoiselle,—любезно кивнула она головой въ мою сторону,—которыя пріѣзжаютъ въ Парижъ однѣ и первое время не знаютъ, какъ оріентироваться въ чужомъ городѣ.

— Я съ вами не согласна,—съ видимымъ замѣшательствомъ сказала хозяйка дома. — Не Маргаритѣ Дюрамберъ заниматься устройствомъ общежитія для студентокъ.

Дама взволновалась.

— Отчего же, отчего?

Я замѣтила, какъ m-lle Шолль пересѣла поближе къ матери, а журналистъ принялъ чрезвычайно заинтересованное выраженіе. Только старушки и съ ними молодая женщина, перейдя на другой конецъ салона, усердно разбирались въ кипѣ журналовъ.

На лицѣ m-me Шолль отразилось затрудненіе.

— Оттого, что всѣмъ извѣстно—кто такая Маргарита Дюрамберъ.

— Я ничего не понимаю... Что хотите вы этимъ сказать? По-моему это просто богатая женщина, издательница газеты «Права Женщинъ».

— О, нѣтъ, — у Дюрамберъ нѣтъ никакого состоянія,—съ живостью замѣтила m-me Шолль.

— Такъ какъ же она можетъ вести такія дѣла?—удивилась я.

— Вы видите?—торжественнымъ тономъ обратилась m-me Шолль къ дамѣ.—Теперь—какъ вы объясните этой молодой дѣвушкѣ, кто такая Маргарита Дюрамберъ?

Та пожала плечами.

— Ну, что жъ тутъ особеннаго? Всему Парижу извѣстно, что эта Маргарита Дюрамберъ — бывшая актриса, содержанка Ротшильда.

— Что-о?!—съ негодованіемъ вскричала я. — Да вѣдь это же позоръ для французскаго феминизма, что его самая большая газета издается кокоткой!

— Вотъ,—торжествовала m-me Шолль,—вотъ какое впечатлѣніе производитъ подобное открытіе на честныхъ людей... Такъ, такъ, вѣрно, дитя мое, я съ вами согласна, и поэтому предпочитаю не имѣть съ ней дѣла и сама на свои средства поддерживаю ежемѣсячный листокъ «Наше Право»...

У журналиста вырвалось живое движеніе протеста, но онъ смолчалъ и продолжалъ слѣдить за разговоромъ.

Дама вспыхнула.

— Вы не имѣете права ни называть ее кокоткой, ни считать это позоромъ для феминизма! Что тутъ позорнаго? Она получаетъ деньги отъ богатаго человѣка и тратитъ ихъ на общую пользу. Это прекрасно и благородно. Другія и этого не дѣлаютъ.

— Я удивляюсь вашей строгости, — произнесъ, наконецъ, журналистъ.—Я знаю исторію основанія этой газеты и Маргариту Дюрамберъ. Во время дѣла Дрейфуса, съ цѣлью пропаганды, Ротшильду былъ нуженъ органъ; феминизмъ—явленіе новое, имъ и воспользовались. А Маргарита Дюрамберъ — женщина очень умная, прекрасно говоритъ, хорошо пишетъ; естественно, что газета и была дана ей въ руки. Что она содержанка—это не мѣшаетъ ей быть передовой женщиной. И потомъ—развѣ вы забыли, что во всѣ времена именно такія женщины и были наиболѣе передовыми. Вспомните Аспазію, Нинонъ де-Ланкло...

— Но въ томъ-то и прогрессъ, что современному обществу не нужны болѣе ни Аспазіи, ни Нинонъ де-Ланкло,—рѣзко возразила я, возмущенная тѣмъ, что воззрѣнія дамы нашли себѣ защитника въ лицѣ такого извѣстнаго журналиста.—И не стыдно вамъ такъ разсуждать?! Кажется, въ наше время нравственныя понятія должны быть немного... выше временъ аѳинскихъ гетеръ, да и строй общества уже не тотъ...

— Такъ, такъ, такъ,—одобрительно кивала мнѣ m-me Шолль.

— Ну, ну,—примиряющимъ тономъ сказалъ Даркуръ—къ чему

такая строгость? Вѣдь важенъ результатъ, а не его причины. Что же дѣлать, если во Франціи богатыя женщины всѣ клерикалки и даютъ деньги на... на что, спрашивается? Вотъ недавно, въ приходѣ св. Ѳомы Аквинскаго, собрали десять тысячъ франковъ на усиленіе средствъ миссіонеровъ...

— Я же сказала—съ жаромъ подхватила дама,—я же сказала, что другія и этого не дѣлаютъ! Поэтому и надо цѣнить великодушіе и щедрость Маргариты Дюрамберъ.

Я была такъ возмущена этими «снисходительными» понятіями, что мнѣ захотѣлось припереть эту даму и Даркура къ стѣнѣ, побить ихъ собственнымъ же оружіемъ.

— Ну, хорошо. Допустимъ. Но какъ вы согласите фактъ, о которомъ сами же разсказывали. Маргарита Дюрамберъ устроила пріютъ съ цѣлью предохранять молодыхъ дѣвушекъ отъ паденія, отъ продажи себя.

— Это опять-таки насъ не касается. Хочетъ она дѣлать добро—пусть дѣлаетъ.

— Да я не объ этомъ. А по-вашему выходитъ такъ, что вы допускаете, чтобы женщина, которая сама себя продавала, имѣетъ нравственное право учить бѣдныхъ женщинъ добродѣтели. Такъ что выходитъ—продавать себя за дорогую цѣну—можно, за дешевую—нѣтъ, безнравственно?—съ насмѣшкой сказала я.

— Браво, браво!—апплодировали мать и дочь Шолль.

Журналистъ одобрительно усмѣхнулся.

Дама поднялась съ мѣста.

— Когда споръ принимаетъ подобный оборотъ, я не нахожу умѣстнымъ продолжать его. До свиданія, милая m-me Шолль, m-lle, monsieur,—раскланивалась она.—Мнѣ надо еще сдѣлать нѣсколько визитовъ.

— А вамъ, m-lle, совѣтую поменьше высказывать вслухъ ваши мысли... о Маргаритѣ Дюрамберъ. Это можетъ дойти до нея. И эта умная женщина можетъ вамъ такъ отомстить, такъ повредить, что... однимъ словомъ, не совѣтую. До свиданія.

И, окинувъ меня всю ехиднымъ взглядомъ, съ утонченной любезной улыбкой, дама вышла изъ гостиной.

— Кто эта особа?—спросила я Даркура.

— Право, не знаю. Самъ вижу ее здѣсь въ первый разъ.

— Это m-me Дюрсо... она недавно поступила въ члены Лиги Правъ,—объяснила m-lle Шолль.

— Она очень разсердилась на васъ, и навѣрное все передастъ Дюрамберъ. Я и не знала, насколько она съ ней близка, но судя по всему—ея сторонница.

— Я совершенно противъ нея,—объявила m-me Шолль, вернувшись въ гостиную.—Я во всемъ согласна съ вами, m-lle.

Мнѣ захотѣлось убѣдить и упрямаго Даркура.

— Ну, хорошо, по-вашему Дюрамберъ права, пусть дѣлаетъ, что хочетъ. А допускаете вы, чтобы она занималась устройствомъ общежитія для студентокъ? Ни одна изъ насъ въ отдѣльности не согласилась бы продавать себя, и однако мы соглашались бы принимать деньги отъ женщины, которая выручаетъ ихъ за продажу себя?... Этого еще только не хватало, чтобы парижскія кокотки строили дешевыя квартиры для учащихся женщинъ! Какъ вы думаете, не было бы это немного... подло?

Даркуръ въ затрудненіи перебивалъ пальцами по столу...

— Это... дѣйствительно... немного черезчуръ... даже какъ будто неловко,—согласился онъ.

Я и обѣ Шолль торжествовали.

— А,—все-таки вы согласны съ нами!

— Нѣтъ, видите,—если въ силлогизмѣ въ первой посылкѣ поставить компромиссъ—получится онъ и въ заключеніи.

— И вотъ, во избѣжаніе такихъ компромиссовъ съ совѣстью, я и не поступила въ члены Общества студентокъ,—сказала m-lle Шолль,—такъ какъ оно соглашается принимать отъ Дюрамберъ даровое помѣщеніе.

— Да, быть можетъ, эти студентки и не знаютъ про ея репутацію, если онѣ иностранки и пріѣзжія?—сказала я.

— По уставу предсѣдательница и члены комитета должны быть француженки,—сказала Шолль.—Я лично знаю предсѣдательницу де-Ореліа, у этой знакомствъ—масса. Она парижанка и не можетъ не знать, кто такая Дюрамберъ. И однако согласилась, и члены комитета тоже. Съ одной стороны я, какъ феминистка, должна бы принимать участіе въ студенческомъ обществѣ, съ другой—какъ честная дѣвушка—не могу согласиться стать членомъ общества, которое такъ легко компрометируетъ себя, принимая подарки отъ подобной особы.

Я порадовалась, что не состою членомъ подобнаго общества. Сколько иностранокъ, попадая въ него, дѣлаютъ невольную ошибку!

И я ушла вмѣстѣ съ Даркуромъ, который, несмотря на споръ, былъ очень любезенъ и проводилъ меня до самаго дома.

13 декабря, пятница. Я сказала Danet, что ѣду съ нимъ на балъ—съ условіемъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ ни въ Брока, ни на курсѣ.

— Не безпокойтесь, никто ничего не узнаетъ,—обѣщалъ Da-

net. — Такъ и вамъ удобнѣе, и мнѣ достать билетъ не представитъ никакого затрудненія. А то бы удивились, да еще стали спрашивать, какъ и почему. Я просто скажу, что вы—модистка или цвѣточница,—«ma petite amie».

— А такъ какъ по моему акценту догадаются, что я иностранка, то скажите, что я—полька.

— Хорошо. Съ нами будетъ и мой двоюродный братъ—Charles Danet, съ перваго курса, но за него опасаться нечего, что разболтаетъ,—это могила.

— Смотрите, Danet... я вамъ вѣрю.

Вмѣсто отвѣта онъ поцѣловалъ мою руку...

...А однако Муратовы совсѣмъ перемѣнились ко мнѣ. Она почти не говоритъ ни слова. Онъ, прежде простой и любезный—теперь уже не заговариваетъ со мной за обѣдомъ и только изрѣдка, бѣгло, будто боясь чего-то, обратится съ какимъ-нибудь незначительнымъ замѣчаніемъ.

Даже madame Dorez замѣтила и говоритъ:

— А вѣдь что-то странно: monsieur, когда встрѣчаетъ васъ въ корридорѣ одинъ—подаетъ вамъ руку, а когда съ madame—только кланяется; и вообще они къ вамъ очень перемѣнились, отчего это?

Ахъ, я бы сама была рада, если бъ кто-нибудь объяснилъ мнѣ, отчего. Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы эти интеллигентные люди, къ которымъ я такъ искренно расположена, для которыхъ такъ старалась быть полезной,—могли придраться и составить обо мнѣ нелестное понятіе на основаніи только одного моего разсказа о знакомствѣ съ Кларансъ. Неужели эти люди настолько узки, настолько нравственно близоруки, что могутъ, не заглядывая глубже, такъ, сразу осудить безпощадно и закрыть навсегда для меня свою дверь?

Впрочемъ, я теперь и сама изъ простого чувства собственнаго достоинства не пойду къ нимъ.

Но мнѣ больно переносить ихъ скрытое холодное презрѣніе, больно видѣть, какъ мужъ труситъ своей жены и старается подражать ея поведенію со мною: видно, что это, въ сущности, вовсе не свойственно его мягкой и добродушной натурѣ.

За что все это?!

14 декабря, суббота. Получила отъ Danet письмо, что костюмъ готовъ, и я могу примѣрить его. Что я примѣрю у него на квартирѣ—это было условлено и раньше, чтобы не узнала хозяйка.

Danet живетъ съ кузеномъ Шарлемъ на отдѣльной квартирѣ, поближе къ факультету,—мать и замужняя сестра около l'Arcde Triomphe de l'Etoile. Онъ ждалъ меня въ изящно убранномъ рабочемъ кабинетѣ, который одновременно служилъ ему и мастерской.

На широкомъ турецкомъ диванѣ, обитомъ краснымъ плюшемъ, лежалъ костюмъ: туника цвѣта mauve и пеплумъ crème — все изъ дешевой бумажной фланели. Но этотъ матеріалъ казался дорогимъ и красивымъ въ изящныхъ складкахъ костюма, который былъ сшитъ такъ, какъ шьютъ только здѣсь и нигдѣ больше. Гдѣ, какъ, у кого научилась его мать, богатая женщина, которой навѣрное никогда и не приходилось учиться ни шитью, ни кройкѣ, этому искусству драпировать ткани такъ художественно, съ такимъ тонкимъ вкусомъ и, главное, пониманіемъ красоты античнаго платья? Она, какъ и всѣ француженки, родилась съ этимъ умѣніемъ...

Danet все обдумалъ, какъ настоящій артистъ... Купилъ чулки, сандаліи, ленту на голову и камни на нее наклеилъ...

Я, не раздѣваясь, тутъ же на платье надѣла тунику и пеплумъ... Очень хорошо, какъ разъ для меня. Какъ Danet снялъ мѣрку—я ужъ и забыла,—кажется, только длину и ширину груди—однако, все впору.

И онъ смѣялся надъ моимъ восхищеніемъ работой...

— Ну вотъ, пустяки... Дома прислугѣ дѣлать нечего, а мама только задрапировала на манекенѣ. Она у меня предобрая, совсѣмъ идеальная мать.—Отчего же, говоритъ, не доставить удовольствіе молоденькой иностранкѣ?

Я сняла пеплумъ и тунику. Danet аккуратно сложилъ все и усадилъ меня на диванъ.

— Ну, теперь я покажу вамъ пригласительные билеты. Надо вписать ваше имя. Въ Брока мнѣ выдали дамскій билетъ, не вписывая имени, по довѣрію. Я сказалъ, что приведу съ собой une petite fleuriste... une Polonaise. Но все-таки имя вписать нужно, это формальность... Такъ какое же мы придумаемъ? По кортежу я буду римлянинъ, а вы—моя вольноотпущенница.

Это слово мнѣ напомнило что-то... Tiens! да вѣдь въ романѣ «QuoVadis?» есть вольноотпущенница Лигія... По-французски это только выходитъ не такъ красиво—Lygie, а лучше Lydia,—это и по-русски такъ же.

— Такъ и впишите «Lydia».

— Да, это красивое имя,—согласился Danet, развертывая билеты.

— Смотрите, вотъ это бѣлый — мужской, а это зеленый—

дамскій. Пока вы читаете, что написано на моемъ, я впишу ваше имя.

Я взяла билетъ, отпечатанный крупнымъ краснымъ шрифтомъ на бѣломъ, элегантномъ, узкомъ листѣ толстой ватманской бумаги со вставками изъ бѣлой глянцевитой. Вверху—красивая виньетка весьма откровеннаго содержанія: римлянинъ въ каскѣ, покрытый только плащемъ, обнимающій голую женщину; внизу—переплетающееся тѣло такой же женщины и сатира. Сбоку, въ длину текста приглашенія, шла надпись буквами одна подъ другой: «bal de l'internat».

Cher ami,

C'est le lundi 16 Décembre 1901 que nous fêtons à Bullier l'avènement à l'internat de nos futurs successeurs; nous comptons sur toi pour nous aider.

Les internes en Médecine des Hôpitaux de Paris.

Внизу была подписана фамилія—*Danet*.

На другой половинѣ мелкимъ краснымъ шрифтомъ были отпечатаны правила.

BAL DE L'INTERNAT.

Cette carte est rigoureusement personnelle. Elle devra porter le nom de la personne invitée, le nom de l'interne qui invite, la signature de l'économe de la salle de garde et le timbre de l'hôpital.

L'entrée du bal sera RIGOUREUSEMENT INTERDITE à toute personne non costumée (Avis aux Chefs) ou munie d'un costume insuffisant. Cela n'atteint pas, bien entendu, l'incohérence artistique.

Seront refusés à la porte sans aucune explication: le moine, le marlou, le cycliste, le chauffeur, le malade, la blouse d'interne, le clown, le pierrot et autres costumes de voyeurs. Toutefois, si un de ces personnages était nécessaire pour un cortège, il devra être présenté spécialement au contrôle par son économe.

И опять на вставкѣ изъ глянцевитой бумаги подписи:

Monsieur *Danet*,
Invité par *Garcier*
de l'Hôpital Broca.
Signature de l'Econome *Greore*.

Внизу обязательное предупрежденіе:

Les portes ouvriront à neuf heures et demie et fermeront à minuit.

— Какой красивый билетъ!—сказала я.

— А вотъ еще лучше и интереснѣе. Посмотрите, какой изящный,—сказалъ Danet, подавая темно-зеленый еще болѣе толстый листъ со вставками изъ серебристой бумаги и такою же виньеткою въ заголовкѣ.

Mon coco—прочла я й остановилась въ недоумѣніи: что же такое значитъ «coco»?

Danet разсмѣялся.

— Ничего, это просто такъ, имя ласкательное...

Vous êtes priée d'assister aux convoi, service et enterrement de l'ennuyeuse sagesse qui se feront dans la nuit du 16 au 17 Décembre 1901 au son joyeux de l'orchestre de Bullier.

Dites à votre mère qu'il ne vous sera fait aucun mal.

— Зачѣмъ же мать-то предупреждаютъ?—съ недоумѣніемъ спросила я Danet. Тотъ опять разсмѣялся.

— Да просто потому, что тамъ бываетъ какъ разъ наоборотъ. Ну это и смѣшно, ce qui est rigolo...

Les Internes en Médecine des Hôpitaux de Paris.

Madame—*Lydia*.

Внизу на отдѣльномъ сгибѣ, предполагаемомъ для контроля при входѣ, тоже мелкимъ шрифтомъ было написано:

BAL DE L'INTERNAT TUYAUX.

L'entrée du Bal est RIGOUREUSEMENT INTERDITE à toute personne non costumée ou insuffisamment costumée.

Le domino, le loup et le costume de cycliste seront irrévocablement refusés à la porte.

И еще ниже—опять имя Madame Lydia, и то же обязательное предупрежденіе о времени открытія и закрытія дверей.

— Итакъ, вы будете madame Lydia, une petite fleuriste... Предупреждаю, что на этомъ балу всѣ говорятъ другъ другу «ты». И мы, значитъ, должны дѣлать то же... и вообще вести себя какъ всѣ... Я долженъ обнимать и цѣловать васъ,—иначе нельзя, мы обратимъ на себя вниманіе.

— Что жъ... я согласна...—и про себя подумала: съ Danet это можно. Онъ слишкомъ хорошъ собой—и въ немъ есть что-то, что нравится женщинамъ... какое-то неотразимое обаяніе беззаботно увѣренной въ себѣ силы, безъ тѣни фатовства.

— Ну, такъ начнемъ теперь же... надо пріучаться... вы будете мнѣ говорить—toi, Georges, а я вамъ—toi, Lydia...

— Хорошо, хорошо...

— Теперь условимся относительно времени. Вы пріѣдете ко мнѣ въ понедѣльникъ къ 5-ти часамъ. Отобѣдаемъ въ ближай-

шемъ ресторанѣ. Оттуда—ко мнѣ, одѣнемся и поѣдемъ въ Брока, а потомъ въ Бюллье. Ночуете вы у насъ. Вотъ здѣсь, въ кабинетѣ, я вамъ все устрою, диванъ очень удобный. Я предлагаю это потому, что неудобно вамъ въ костюмѣ возвращаться къ себѣ... А потомъ—во вторникъ—въ 11 часовъ встаемъ и идемъ, куда кому надо. Не такъ ли?

Я была тронута такимъ вниманіемъ и деликатностью Danet. Дѣйствительно, онъ хотѣлъ доставить мнѣ удовольствіе и избавить отъ всѣхъ послѣдствій такого шага.

И я ушла, почти счастливая при мысли о томъ, что завтра наконецъ-то увижу, увижу его...

16 декабря, понедѣльникъ. Съ трудомъ дождалась конца урока Franco-English Guild. Въ четыре часа бросилась бѣжать домой, —и вся запыхавшись влетѣла въ столовую, гдѣ madame Tessier съ матерью спокойно дремали въ сумеркахъ, сидя у камина.

— Madame Tessier,—вообразите, какая радость: встрѣтилась только-что съ подругой, которая проѣздомъ въ Парижъ всего на два дня. Мы такъ давно не видались, сейчасъ ухожу къ ней въ номеръ и не вернусь до завтра, полудня,—ночую у нея, вѣрнѣе—всю ночь проговоримъ. Такъ что обо мнѣ не безпокойтесь. Я сейчасъ ухожу, тороплюсь. До свиданья.

Madame Tessier любезно пожелала мнѣ провести пріятно вечеръ съ подругой, и я, покончивъ съ этой неизбѣжной формальностью, поскорѣе собрала пакетикъ съ полотенцемъ, мыломъ и разной туалетной мелочью—и поѣхала къ Danet на rue Varin.

8 часовъ вечера. Поскорѣе вынимаю изъ кармана завѣтную тетрадку и набрасываю послѣднія строки.

Мы одѣвались въ рабочемъ кабинетѣ, который предоставленъ въ мое распоряженіе. Danet и Charles—въ спальнѣ.

— Es-tu prête, Lydia?—кричитъ Danet.

17 декабря, вторникъ. Когда я вошла въ спальню, мои товарищи уже оканчивали свой туалетъ.

Danet окинулъ меня быстрымъ взглядомъ, схватилъ карандашъ, слегка провелъ имъ по бровямъ, чуть-чуть тронулъ пуховкой лицо и торжествующимъ тономъ воскликнулъ:

— Прекрасно! Посмотри теперь на себя—о, какъ ты хороша, Lydia...

И я увидѣла въ зеркалѣ прекрасную, блѣдную, молодую женщину съ темными бровями и волной бѣлокурыхъ волосъ, кото-

рые падали почти до колѣнъ,—въ туникѣ цвѣта mauve и бѣломъ пеплумѣ, который падалъ съ плечъ красивыми мягкими складками... Узенькая ленточка mauve съ цвѣтными камнями, надѣтая на лобъ, придавала лицу какое-то таинственное выраженіе, и глаза изъ-подъ темныхъ бровей смотрѣли печально и важно...

— Lydia, Lydia...

Danet любовался мною съ восторгомъ артиста. Въ самомъ дѣлѣ—такая, какой я была въ эту минуту,—развѣ не была я его созданіемъ съ ногъ до головы? Не онъ развѣ придумалъ и нарисовалъ этотъ костюмъ, настоялъ на томъ, чтобы я распустила волосы, загримировалъ!

Здѣсь въ Парижѣ научилась я цѣнить и понимать внѣшность... И искренно, какъ ребенокъ, залюбовалась своимъ отраженіемъ. Сознаніе того, что я хороша, наполняло меня всю какимъ-то особеннымъ ощущеніемъ, дѣлало почти счастливой... Серьезная курсистка, суровая книжница, вся погруженная въ науку,—куда онѣ дѣлись?

Я сама себя не узнавала: мнѣ казалось, что какая-то другая, новая женщина проснулась во мнѣ...

Если бы кто-нибудь, годъ тому назадъ—предсказалъ, какой стану я—я воскликнула бы съ негодованіемъ: не можетъ быть, немыслимо!

Вѣдь я четыре года училась въ Петербургѣ и ни разу не полюбопытствовала пойти на костюмированный балъ Академіи Художествъ.

А теперь... теперь ради него—пойду не только на этотъ балъ, но спустилась бы во всѣ подземелья ада, если бы знала навѣрное, что встрѣчу его тамъ...

И я протянула Danet обѣ руки: merci, merci, Georges.

Онъ быстро оканчивалъ свой туалетъ передъ зеркаломъ и тоже слегка подвелъ себѣ брови. Онъ былъ очень интересенъ въ богатомъ костюмѣ римскаго патриція: красная тога красиво оттѣняла гордую темноволосую голову съ римскимъ профилемъ, а такого же цвѣта плащъ свободно драпировался на его высокой, мощной фигурѣ... Казалось, этому бретонцу нужна была блестящая, театральная атмосфера, что онъ только и жилъ въ ней, былъ дѣйствительно самимъ собой.

А блѣдный, худой, маленькій Charles рядомъ съ нимъ казался еще незамѣтнѣе въ своей голубой тогѣ раба. Danet безпощадно торопилъ его, и бѣдный мальчикъ тщетно старался пристегнуть трико къ туникѣ. Я помогла ему.

Въ девять часовъ мы уже выѣхали въ Broca. Я сидѣла, какъ

кукла, въ углу кареты, бережно укутанная Danet въ его длинный черный плащъ, съ головой, покрытой чернымъ кружевнымъ шарфомъ.

Charles сидѣлъ напротивъ, а Georges—рядомъ со мной.

— Смотри же, не забудь, Lydia, — il faut se tutoyer... hein? entends-tu?

— J'entends, Georges...

Карета остановилась у воротъ госпиталя Брока.

Danet быстро выскочилъ.

— Ждите меня,—и исчезъ.

Ждать пришлось долго. Я совсѣмъ не привыкла быть одѣтой зимой не въ мѣхъ, а только въ суконный плащъ; ноги въ тонкихъ чулкахъ и сандаліяхъ замерзали.

Холодъ мало-по-малу пронизывалъ меня насквозь... Казалось, кровь постепенно застываетъ въ жилахъ... я закрыла глаза. И мысль о возможности схватить серьезную болѣзнь, смѣшанная съ сознаніемъ того, что я скоро увижу его,—доставляла мнѣ какое-то невыразимое наслажденіе.

Я рада была замерзнуть тутъ же, на улицѣ, у воротъ этого госпиталя, лишь бы онъ былъ тамъ...

Сколько времени просидѣли мы такъ—не знаю.

Дверца фіакра отворилась, и показалась красивая темноволосая голова въ вѣнкѣ изъ розъ. Молодой человѣкъ сѣлъ рядомъ съ Шарлемъ, за нимъ вскочилъ въ фіакръ Danet.

— Мой товарищъ Michelin—Lydia, мой кузенъ Шарль...—торопливо представилъ насъ Danet и велѣлъ кучеру ѣхать.

— Ты не очень озябла, Lydia?—тихо спросилъ онъ.

— Н-нѣтъ...—съ трудомъ выговорила я. У меня всѣ члены онѣмѣли отъ холода, и языкъ не поворачивался.

Черезъ нѣсколько минутъ фіакръ остановился передъ знаменитымъ Bullier. Передъ нимъ уже собирались зрители, чтобы смотрѣть на съѣздъ костюмированныхъ.

Danet быстро и ловко высадилъ меня изъ кареты и повелъ куда-то. Я шла съ нимъ рядомъ какъ въ туманѣ, не замѣчая, куда мы идемъ и какимъ ходомъ... и яркій свѣтъ раздѣвальни совершенно ошеломилъ меня.

Небольшая лѣстница вела внизъ въ большой танцовальный залъ, раздѣленный колоннами на три части. Онъ былъ пустъ и слабо освѣщенъ.

— Погоди раздѣваться, Ly'dia... Холодно. Что же ты молчишь? Или замерзла? Пойдемъ грѣться къ печкѣ.

Онъ повелъ меня черезъ всю залу на другой конецъ, къ од-

ной изъ своеобразныхъ печей невиданной мною доселѣ системы—не было видно огня, и теплота доставлялась большимъ мѣднымъ рефлекторомъ. Danet усадилъ меня около него, и самъ сталъ тоже грѣться. Мало-по-малу я пришла въ себя, могла пошевельнуться и сознательно осмотрѣться кругомъ.

Зала была почти пуста. Никого еще не было.

— Чего жъ ты такъ торопился, Georges?—спросила я.—Мы такъ рано пріѣхали.

— Нашъ кортежъ формировался въ Брока. Мнѣ надо было сказать, что мы ѣдемъ впередъ,—объяснилъ Danet.—Другіе вѣдь идутъ пѣшкомъ, а мы ѣхали—вотъ и вся причина.

Я увидѣла, что сидѣла на эстрадѣ, которая шла вдоль всей залы и была уставлена столиками. Должно быть, это былъ ресторанъ. Danet отошелъ въ сторону, разсматривая залъ. Я сняла шарфъ...

— Quels beaux cheveux! Quelle chevelure!—раздалось за моей спиной.

Я обернулась. Некрасивый субъектъ въ костюмѣ нищаго римлянина фамильярно погрузилъ руку въ волны моихъ волосъ.

— Pas pour vous!—рѣзко оборвала я его, наклоняясь въ сторону. Онъ быстро отошелъ.

Danet все это отлично видѣлъ и въ ту же минуту былъ около меня.

— Ecoute, ma petite Lydia,—прошепталъ онъ, обнимая меня за талію,—такъ нельзя. Вѣдь я же тебя предупреждалъ, что надо быть готовой ко всему.

— Но... это ужъ слишкомъ скоро... ça va un peu trop vite... вѣдь и балъ-то еще не начался,—оправдывалась я.

— Все-таки безъ рѣзкихъ замѣчаній, надо играть роль до конца... Куда это дѣлся Шарль? Я поведу тебя въ нашу ложу, видишь—налѣво.

Мы сошли въ залъ и снова поднялись по ступенькамъ входа въ ложу. Онъ былъ, дѣйствительно, очень хорошъ и представлялъ террасу дома съ видомъ на Помпею у подошвы Везувія. Декорація ложи была до мелочей строго выдержана. Кругомъ, какъ бы написанныя углемъ на мраморѣ, шли надписи. «Lapinus pro Lydia. Cochonus est hero»...—Это что жъ такое?

Danet смѣялся.

— Tu ipse es hero,—отвѣчалъ онъ, указывая на другую надпись.—А вотъ тутъ: morientur apthicarii, посмотри-ка сюда, Lydia,—и Danet притянулъ меня за руку къ себѣ: при входѣ въ ложу

на невысокой колоннѣ гипсовый бюстъ сатира улыбался, скаля зубы.

— Кто это сдѣлалъ?

— Одинъ врачъ.

— Но вѣдь это любому скульптору впору! Что вы за артистическая нація!—невольно воскликнула я.

Danet улыбался.

— Ты не то еще увидишь... Мы любимъ красоту.

Залъ мало-по-малу наполнялся народомъ. Зажгли всѣ люстры и ярко освѣтили пеструю толпу. Тутъ была «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». Египтяне, финикіяне, средневѣковые монахи и пастушки Людовика XV, русскій казакъ и адвокатъ, алхимикъ и пьерро... потоки костюмовъ, лицъ...

Становилось жарко. Danet снялъ съ меня плащъ и унесъ его въ раздѣвальню.

На нѣсколько минутъ я осталась одна...

Вдругъ я скорѣе угадала, чѣмъ узнала его... Онъ шелъ прямо на меня, вдвоемъ съ высокимъ красивымъ брюнетомъ, оба переодѣтые китайцами. Длинная коса смѣшно болталась сзади, такъ же какъ и длинное перо. Общій серьезный видъ его и очки составляли странный контрастъ съ пестрымъ костюмомъ.

Это онъ,—нѣтъ сомнѣнія—это онъ!

Но нахлынувшая волна вновь прибывшихъ подхватила и унесла ихъ...

Впервые въ жизни находилась я на костюмированномъ балу. Голова кружилась отъ массы разнообразныхъ впечатлѣній.

— А, наконецъ-то я нашелъ тебя, Lydia —обнялъ меня Danet.—Пойдемъ въ нашу ложу. Тамъ я тебя оставлю,—ты посмотришь, а я пойду танцовать.

Онъ игралъ роль, какъ было условлено. И широкимъ, видимымъ для всѣхъ жестомъ, но лишь едва дотрагиваясь до плечъ—обнялъ меня и осторожно поцѣловалъ въ лобъ.

— Какъ это мило съ его стороны, такая деликатность,—подумала я.

— Вотъ стулъ, Lydia. Садись. Шарль, побудь съ нею,—приказалъ Danet и исчезъ въ толпѣ.

Разсѣянно разговаривая съ Шарлемъ, я искала въ толпѣ его... Пестрая, многоголовая, она шумнымъ роемъ двигалась по залѣ,—и не легко было въ ней найти его.

У меня уже начинала кружиться голова, и глаза устали отъ этого безпрерывно движущагося потока, какъ вдругъ вновь мелькъ-

нули китайскіе костюмы... Это онъ! И я скользнула за нимъ какъ тѣнь, увлекая за собою недоумѣвающаго Шарля, который никакъ понять не могъ, зачѣмъ я вдругъ оставила ложу.

— C'est pour m'amuser, Charles, — увѣряла я, смотря, не отрываясь, впередъ.

Кругомъ веселье разгоралось... Женщины—молодыя, красивыя, накрашенныя—и всѣ доступныя.

Я начинала понимать, что это за балъ... и къ чувству радости при видѣ его примѣшивалось острое состраданіе.

А онъ шелъ впередъ все такой же серьезный и важный,— не обращая вниманія на женщинъ...

«Зачѣмъ онъ пришелъ сюда, зачѣмъ? Вѣдь онъ знаетъ, что это за балъ—и все-таки пошелъ... значитъ...»

Я чувствовала, что если только увижу, что онъ, какъ и всѣ, развратничаетъ съ женщинами—я не вынесу этого... убью ее, его, себя...

Я задыхалась... рука инстинктивно искала какого-нибудь оружія, а его не было—я никогда не употребляю и не ношу его изъ принципа.

А теперь... о, будь они прокляты, эти принципы! шагу мы, русскіе, никуда безъ нихъ ступить не можемъ!

Полина Декурсель, полу-испанка, прямо сказала мнѣ, что въ день свадьбы покупаетъ себѣ кинжалъ и револьверъ, чтобы убить мужа въ случаѣ измѣны. Она такъ разсуждаетъ:—Если я выйду замужъ—не иначе какъ по любви. А если онъ измѣнитъ мнѣ, то за мою разбитую жизнь—самъ не долженъ жить.

Я люблю его... онъ долженъ быть лучше другихъ... а если ничѣмъ не лучше—такъ пусть погибнетъ и онъ, и я сама.

Голова кружилась... въ глазахъ заходили красные круги...

И вдругъ меня осѣнила блестящая мысль... именно блестящая, какъ когда-то Кларансъ...

Я вспомнила, какъ Шарль вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ и портмонэ взялъ еще и большой перочинный ножъ и положилъ все это въ карманъ, который кое-какъ прикололъ булавкой подъ тунику.

— Шарль, дайте мнѣ пожалуйста носовой платокъ. Я своего не взяла, у меня кармана нѣтъ...

Я знала, что неловкій Шарль, вынимая платокъ, навѣрное выронитъ и ножъ... Такъ и вышло. Онъ вывернулъ весь карманъ, и на полъ выпалъ и ножъ, и портмонэ, и какія-то бумажки, и кажется, даже... шпилька! Я наклонилась и, быстро подобравъ ножъ, спрятала его въ складки пеплума.

—Такъ вотъ какъ! Вы приходите на балъ точно въ классы—съ перочиннымъ ножемъ,—такъ не отдамъ же я его вамъ!

Смущенный Шарль оправдывался, возился съ карманомъ и просилъ отдать ножъ. Я отказалась наотрѣзъ.

— Въ наказаніе оставлю его у себя до завтра.

А сама, подъ складками пеплума, потихоньку открыла его и сжала ручку. И странно: я сразу успокоилась, словно какая-то сила и твердость отъ него сообщилась мнѣ.

Но два китайца шли все вдвоемъ. Danet разыскалъ насъ въ толпѣ.

— Скоро полночь! Пойдутъ процессіи. Пока очередь не дошла до насъ—пойдемъ въ ложу, Lydia, и посмотримъ—предложилъ онъ.

Чтобы онъ ничего не могъ заподозрить, я тотчасъ же согласилась.

Мы съ трудомъ нашли мѣсто у барьера ложи; она была переполнена.

Женщины, хорошенькія, молодыя, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, начиная отъ величавой египетской жрицы и кончая простой бѣлой фланелевой туникой, разсыпались по ложѣ.

Вдругъ одна изъ нихъ, сидѣвшая рядомъ со мной, исчезла и черезъ минуту вновь появилась—въ одной газовой туникѣ, уже безъ шелковой подкладки. Она спокойно прошлась по ложѣ. Двѣ другія послѣдовали ея примѣру: тоже сняли подкладку своихъ туникъ и отнесли въ уголъ ложи.

Простота и непринужденность, съ какими эти женщины раздѣлись тутъ же, на глазахъ у всѣхъ,—заставили и меня отнестись къ этому совершенно спокойно. Въ такой атмосферѣ, въ такой обстановкѣ—это являлось естественнымъ... Я осмотрѣлась: кругомъ мелькали голыя женскія фигуры или вовсе безъ одежды, или едва прикрытыя прозрачнымъ цвѣтнымъ газомъ...

Сердце у меня почти остановилось: онъ входилъ въ нашу ложу...

А вдругъ онъ узнаетъ меня? Какъ ни было нелѣпо подобное предположеніе—онъ близорукъ и никогда не видалъ меня безъ шляпы,—я все-таки инстинктивно прижалась къ Danet. Тотъ прикрылъ меня своимъ плащемъ.

— Qu'as-tu, ma petite Lydia?

— Такъ, ничего... мнѣ хорошо съ тобой... Зачѣмъ только ты все бѣгаешь къ этимъ женщинамъ?

— Mais pour m'amuser.

Онъ со своимъ спутникомъ вышли изъ ложи; очевидно, приходили только посмотрѣть живопись, не обративъ никакого вниманія на женщинъ, которыя бѣгали въ ложѣ.

Я вздохнула свободно! Такъ онъ не такой, какъ большинство... какое счастье!

И я совсѣмъ забыла, что не онъ одинъ велъ себя вполнѣ прилично, что многіе интерны были тоже одни, не приставали къ женщинамъ, что хорошенькій интернъ съ грустнымъ лицомъ, который ѣхалъ съ нами въ каретѣ, — тоже былъ все время одинъ...

Чѣмъ было объяснить такое поведеніе? Принципами, или просто пресыщеніемъ благами жизни? или же—вѣрностью своимъ любовницамъ, которыхъ не могли почему-нибудь взять на этотъ балъ?

Кто ихъ знаетъ... я объ этомъ не думала—я видѣла только, что онъ все время одинъ, со своимъ товарищемъ, что очевидно бояться больше нечего...

Пестрая толпа заколыхалась, раздвигаемая распорядителями. Шествіе начиналось.

Съ другого конца зала показалась колесница, на которой высился гигантскій фаллусъ изъ красной мѣди, обвитой гирляндами розъ и краснаго бархата. Около него двѣ нагія женщины раскидывались въ сладострастныхъ позахъ. Колесницу окружала веселая толпа пляшущихъ, играющихъ, поющихъ жрецовъ и жрицъ...

Красота и откровенность этого зрѣлища—совершенно ошеломили меня... Колесница медленно двигалась кругомъ зала, и гигантскій фаллусъ, окруженный женщинами, гордо высился надъ толпой.

Слѣдующая колесница заставила меня вздрогнуть отъ ужаса и отвращенія.

На операціонномъ столѣ лежала кукла, покрытая полотенцемъ. Рядомъ съ ней, въ высоко поднятой рукѣ, врачъ держалъ вырѣзанные яичники; его передникъ и полотенце были покрыты пятнами крови.

— Это госпиталь «des Enfants Malades» — вотъ программа, Lydia,— совалъ Danet мнѣ въ руки какую-то бумажку.

Что-то еще будетъ?! съ ужасомъ подумала я и, обернувшись—вдругъ замѣтила вверху неприличный рисунокъ...

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе, Lydia,— скоро наша очередь!— торопилъ меня Danet и, схвативъ меня и Шарля, потащилъ насъ обоихъ куда-то.

Въ той части зала, гдѣ формировался кортежъ,—помѣщается лѣтній садъ, и было страшно холодно.

Кругомъ суетились люди, накрашенныя женщины взбирались на колесницы. На нашей уже лежалъ Помпеянецъ—высокій, рослый, красивый юноша, по типу—настоящій наслѣдникъ римлянъ.

Въ первомъ ряду его друзей долженъ былъ итти Danet и съ нимъ—я, его вольноотпущенница—Lydia. Насъ окружили патриціи, кліенты, рабы, сзади—нищіе. Распорядители бѣгали и суетились, уставляя насъ.

Шествіе тронулось. Danet обнялъ меня одной рукой, небрежно бросая другой монеты въ толпу. У Danet отъ природы осанка патриція, такъ что онъ былъ чудно хорошъ... Я не смѣла поднять глазъ... мнѣ казалось, что я непремѣнно встрѣчусь глазами съ нимъ...

Мы медленно двигались сквозь живую стѣну и сотни любопытныхъ глазъ. Я набралась мужества, подняла глаза и смотрѣла куда-то вдаль, стараясь не встрѣчаться ни съ однимъ изъ этихъ взглядовъ.

Мы два раза обошли залъ; одну минуту показалось мнѣ, что я прошла мимо него... не знаю... я въ эту минуту инстинктивно вновь опустила глаза.

Когда мы вернулись въ лѣтній садъ — Danet такъ же поспѣшно увелъ меня обратно въ ложу, чтобы не пропустить посмотрѣть другія процессіи.

Остальныя были очень хороши; вполнѣ художественны по мысли и исполненію.

Госпиталь Неккеръ — представлялъ союзниковъ въ Китаѣ. Огромный китаецъ возсѣдалъ на колесницѣ, по угламъ которой сидѣли курьезныя китайскія куклы съ огромными головами, которыя качались въ тактъ.

Я не успѣла понять, въ чемъ заключалась процессія Hôtel-Dieu, какъ ворвалась веселая компанія поселянъ времени Louis XV, при сборѣ винограда подъ звуки старинной музыки обходя весь залъ...

Древнія египетскія богини госпиталя Сентъ-Антуана—загадочныя, какъ сфинксы, двигались таинственно и важно.

И какъ конецъ—какъ дитя нашего вѣка—бѣжала шумно chemin de fer de ceinture, съ локомотивомъ, вагонами, багажемъ и музыкантами, которые усердно во всю мочь играли какую-то пьесу, возбуждая общую веселость.

Danet и Шарль исчезли изъ ложи—на раздачу призовъ. Я наблюдала женщинъ.

Одна изъ нихъ—худенькая брюнетка лѣтъ подъ 40, вся накрашенная, привлекла мое вниманіе. Она все время вертѣлась около насъ, стараясь привлечь вниманіе Danet. Ея жалкое, худое, съ выдавшимися лопатками тѣло производило впечатлѣніе чего-то дѣтскаго, безпомощнаго.

Я видѣла, какъ внизу въ залѣ Danet танцовалъ. Какъ молодое животное—онъ наслаждался въ этотъ вечеръ щедрою прелестью и красотой окружавшихъ женщинъ...

— Смотри, Lydia,—Діана, Діана.

— Кто это Діана?—спросила я.

— Она позировала для Парижанки на всемірной выставкѣ.

Молодая красивая женщина въ чепцѣ съ завитушками на вискахъ прошла мимо.

— Видишь, она поправилась,—долетѣлъ до меня отрывокъ разговора.

— О чемъ это, Danet?—тихо спросила я.

— Да была больна сильно эта Niniche... сифилисомъ.

Онъ сказалъ это просто и спокойно, какъ будто дѣло шло объ инфлуэнцѣ.

Что-то толстое и мягкое, какъ подушка, терлось около меня. Я обернулась.

Толстый низенькій интернъ танцовалъ около меня и силился обхватить. Чувство несказаннаго омерзѣнія овладѣло мною. Но помня обѣщаніе, данное Danet, я не смѣла оборвать его и только граціозно уклонилась въ сторону.

Danet подоспѣлъ ко мнѣ на помощь.

— Римская патриціанка не привыкла къ свободному обращенію съ ней кліентовъ,—комически-важно произнесъ онъ, покрывая меня своимъ плащемъ и уводя отъ него.

— А, что? хорошо я отвѣтилъ?

— Прекрасно.

Толпа понемногу рѣдѣла... Его нигдѣ не было. Я прослѣдила всѣ уголки зала... очевидно, онъ уѣхалъ давно.

Начался ужинъ.

Прислуга торопливо разносила приборы, мелкія картонныя тарелки и большія корзины съ холодной закуской... Я сидѣла съ Шарлемъ, а Danet—за однимъ столомъ съ большой веселой компаніей женщинъ и мужчинъ.

Одна изъ нихъ, толстая блондинка, схватила Шарля. Тотъ совсѣмъ смутился. А женщина хохотала и обняла его еще крѣпче.

Моя рука инстинктивно поднялась, чтобы защитить ребенка

отъ этихъ грязныхъ ласкъ... Въ ту же минуту кто-то грубо сжалъ ее, такъ что браслетъ до боли врѣзался въ кожу...

Я обернулась. Danet со спокойнымъ лицомъ, но все болѣе стискивая руку, прошепталъ на ухо:

— Ос-тавь... забыла, гдѣ ты?

Я видѣла, какъ въ немъ, несмотря на всю его благовоспитанность, проснулся грубый инстинктъ, который не могъ допустить, чтобы женщина осмѣлилась заявлять о своей самостоятельности. Я молча высвободила свою руку изъ его желѣзныхъ пальцевъ...

Весь залъ наполнился дикими, нескладными звуками: интерны отняли у музыкантовъ инструменты и дѣлали нѣчто вродѣ выхода клоуновъ у Барнума.

Это было какое-то безумiе, не поддающееся описанiю.

— Пойдемъ, пойдемъ, ты не должна этого видѣть, Lydia,— тревожно сказалъ Danet. Голосъ его былъ серьезенъ, и глаза уже не смѣялись.

— Ты навѣрно устала и Шарль тоже... Онъ уже давно хотѣлъ уѣхать съ бала...

Я сейчасъ же согласилась и, проходя по залѣ, все-таки, чтобы удостовѣриться, смотрѣла направо и налѣво — его не было.

Danet меня такъ же укуталъ и опять, какъ куклу, усадилъ въ фiакръ. И только очутившись у него на квартирѣ, я почувствовала, какъ устала.

— Спасибо вамъ... вы доставили мнѣ большое удовольствiе.

— Позвольте мнѣ еще разъ назвать васъ Lydia, это такъ хорошо... Слушайте, зачѣмъ вы такая красивая?

Его руки обвили мою талiю, и прекрасная голова наклонилась къ моему лицу.

Волна какихъ-то новыхъ, неизвѣстныхъ доселѣ ощущенiй пробѣжала по мнѣ. Я хотѣла вырваться изъ этихъ сильныхъ объятiй бретонца—и не могла.

Голова закружилась, я едва понимала, что со мной дѣлается, и, обнявъ голову его обѣими руками,—поцѣловала... Потомъ оттолкнула его, заперлась на ключъ и, не раздѣваясь, бросилась на диванъ.

А сегодня консьержъ поднялась съ письмами къ двѣнадцати часамъ, когда я уже собиралась уходить. Дверь я уже отперла, и та, не ожидая найти никого въ кабинетѣ, вошла, не постучавшись и, увидѣвъ меня, съ легкимъ — ахъ! скромно удалилась.

18 декабря. Видѣла сегодня сонъ. Иду по дорожкѣ сада какого-то госпиталя. Полдень, жара страшная... интерны идутъ обѣдать и подходятъ къ кассѣ; ихъ много, бѣлыя блузы тянутся длинной вереницей, а среди нихъ—вижу его. Хочу подойти и не могу: какая-то невидимая сила удерживаетъ на мѣстѣ... и чѣмъ ближе онъ подвигается къ кассѣ—тѣмъ я дальше.

19 декабря, среда. Вижу ясно какъ день, что это безуміе... Такая любовь губитъ меня и—не могу, не могу побѣдить себя, не могу вырвать ее изъ своего сердца.

Если бы меня спросили, что я дѣлаю,—я могла бы сказать, перефразируя стихи Розалинды Жераръ:

Il me semble chaque jour
Je l'aime davantage,
Aujourd'hui plus qu'hier et bien moins que demain.

въ подлинномъ сказано:

Car, vois-tu, chaque jour
Je t'aime davantage,
Aujourd'hui plus qu'hier et bien moins que demain.

Мнѣ кажется, что впереди стоитъ что-то страшное, безпощадное, темное, и я знаю это: это—смерть.

Смерть! Когда подумаешь, что рано или поздно она является исходомъ всякой жизни, а я, молодая, красивая, интеллигентная женщина, и не испытала ея единственнаго вѣрнаго счастья — взаимной любви, безъ которой не можетъ существовать ничто живое, мыслящее, чувствующее.

Невѣроятная злоба поднимается въ душѣ, и хочется бросить бѣшеныя проклятья—кому? чему? слѣпой судьбѣ?

Или я недостойна его?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Все мое существо говоритъ, что нѣтъ... Та, которую онъ полюбитъ,—не будетъ ни выше, ни лучше меня...

Такъ за что же это, за что?!!

Я стала точно инструментъ, у котораго всѣ струны натянуты,—вотъ-вотъ оборвутся...

Мнѣ страшно оставаться наединѣ съ самой собой... мнѣ нужно общество, нужно говорить, дѣйствовать, чтобы... не думать... ни о чемъ не думать...

Сейчасъ получила письмо отъ Карсинскаго — приглашаетъ завтра притти смотрѣть его мастерскую, опять будетъ просить позировать... Что жъ, не все ли мнѣ равно?

20 декабря, пятница. Была у Карсинскаго; онъ показывалъ бюстъ Бѣлинскаго, его маску, модель памятника...

И опять просилъ позировать.

— Ну хоть для памятника Бѣлинскому! Смотрите—какой неудачный торсъ у этой фигуры, которая должна вѣнчать бюстъ лавровымъ вѣнкомъ! Я не могъ найти хорошей модели. Если согласитесь—я за это придамъ этой фигурѣ ваши черты лица,—и вы будете увѣковѣчены на первомъ въ Россіи памятникѣ нашему великому критику.

Какъ хорошо, что у меня такъ развита способность наблюдать! Я сразу увидѣла, что онъ хочетъ польстить моему женскому самолюбію, но я не тщеславна. И молча отрицательно качала головой, въ глубинѣ души сама не понимая, зачѣмъ еще продолжаю эту комедію отказа—вѣдь мнѣ, въ сущности, такъ все безразлично.

А Карсинскій точно догадался и мягкимъ жестомъ взялъ меня за руку.

— Ну, хорошо, не будемъ объ этомъ говорить... Приходите завтра, попробую начать вашъ бюстъ, а тамъ—увидимъ.

21 декабря, суббота. Отправляясь къ Карсинскому, захватила съ собой костюмъ, въ которомъ была на балу интерновъ. Въ немъ удобно позировать для бюста и удобно снять.

Мастерская была тепло натоплена. Карсинскій въ блузѣ, съ руками, замазанными глиной, казался гораздо естественнѣе и лучше, нежели въ салонѣ Кларансъ.

Онъ работалъ надъ чьимъ-то бюстомъ, когда я постучалась.

— А, наконецъ-то! Я уже полчаса жду.

— Ну, съ чего же мы начнемъ? Одну голову? Это неинтересно, а для бюста вы должны снять свой корсажъ... но лучше было бы, если бы рѣшились позировать вся. Что вы думаете—не позировали у меня интеллигентныя женщины, что ли?

— Не думаю,—сказала я.

— Вотъ и ошиблись! Взгляните...

И онъ показалъ на бюстъ молодой женщины съ лицомъ необыкновенно выразительнымъ и умнымъ и на большой барельефъ во весь ростъ—св. Цецилію.

— Но вѣдь это—одѣтая.

— Да прежде надо слѣпить фигуру съ натуры, а потомъ и одѣть. Вѣдь и эта фигура—на памятникѣ Бѣлинскому—неужели вы думаете, что такъ идетъ оставлять ее голой въ нашемъ-то климатѣ?

И намъ стало смѣшно.

— Я должна переодѣться.

— Вотъ ширмы.

Я сняла платье и надѣла тунику, распустила волосы. А когда вышла изъ-за ширмъ, Карсинскій окинулъ меня всю взглядомъ знатока.

— Для бюста надо обнажить себя до пояса,—сказалъ онъ, умѣлою рукою отстегивая крючекъ сзади. Туника спустилась съ одного плеча.

Какое-то желаніе испытать позы, неизвѣданное еще ощущеніе охватило меня...

Я видѣла, какъ Карсинскій ждалъ.

Незамѣтно отстегнула другой крючекъ, и туника упала, обнаживъ меня всю.

— Ахъ!—вырвалось у него...—Стойте теперь, вотъ такъ; повернитесь еще разъ; теперь выберемъ позу. Садитесь сюда на диванъ. Къ вамъ идетъ что-нибудь такое, напримѣръ, отчаяніе...

Мнѣ ли не знать, что такое отчаяніе! При одной мысли о немъ—вся моя фигура и лицо сами собою выразили такое безграничное отчаяніе, что скульпторъ въ восторгѣ вскричалъ:

— До чего вѣрно вы понимаете мысль художника! Вы—неоцѣнимая модель... Вы меня вдохновляете... Ну, ужъ и сдѣлаю же я съ васъ статую! Въ Россіи опять заговорятъ обо мнѣ... Такъ и назову ее «Отчаяніе».

Это будетъ большая работа... А пока — у меня есть еще бюсты, заказы, которые надо кончить скорѣе. Я начну съ васъ одинъ изъ нихъ... Грудь должна быть видна вся, голову слегка наклоните вправо, волосы — вотъ такъ... и назову ее «Лилія». Какъ хорошо! у васъ удивительное выраженіе лица—задумчивое такое, нѣжное...

Я пошла за ширмы и одѣлась; потомъ разстегнула лифъ, приняла позу, какую онъ указалъ, и сеансъ начался. Умѣлые пальцы постепенно придавали жизнь и человѣческій обликъ безформенной глиняной массѣ...

22 декабря, воскресенье. Недѣли полторы тому назадъ получила приглашеніе участвовать въ комиссіи по устройству бала, который русское студенческое общество устраиваетъ въ первый день Новаго года. Въ прошломъ году, оказывается, былъ такой же балъ, но тогда мой адресъ, какъ только-что прибывшей, былъ еще неизвѣстенъ обществу. Я не была на первомъ засѣданіи и сегодня получила второе приглашеніе.

Теперь я ухватилась за него: мнѣ положительно было невыносимо оставаться наединѣ съ самой собою и книгами. Засѣданіе продолжалось около трехъ часовъ; я спорила, горячилась, доказывала, хотя, право, мало смыслила, въ чемъ дѣло.

Будучи на курсахъ, я была слишкомъ занята, чтобы принимать участіе въ подготовительныхъ хлопотахъ какихъ бы то ни было вечеровъ. А тутъ сразу надо было постигнуть всю премудрость организаціи этой подготовительной работы.

Мнѣ поручили продавать билеты; дали списокъ адресовъ—что-то много, около тридцати, надо всѣхъ обѣгать и продать.

Во время засѣданія одинъ за другимъ являлись члены первой комиссіи съ неутѣшительными извѣстіями, — кто совсѣмъ не продалъ билетовъ, кто на 30 франковъ, кто на двадцать..

— Господа, да что же это?! Вѣдь мы въ прошломъ году начали вечеръ съ тремя стами франковъ, а нынче и ста-то нѣтъ! Откуда же взять деньги на расходы? — въ отчаяніи вскричалъ предсѣдатель. — Гдѣ списокъ адресовъ? гдѣ самый главный, у кого?

— У Соболевой, она отказывается ѣхать.

— Слушайте, какъ же такъ? Списокъ-то, по крайней мѣрѣ, возвращенъ ею?

— Кому же ѣхать?

— Да вотъ новый членъ, Дьяконова, она въ первомъ засѣданіи не участвовала, такъ пусть теперь поработаетъ,—протянулъ мнѣ списокъ одинъ изъ студентовъ.

Я взяла списокъ и обѣщала сдѣлать все, что могу.

— Ужъ вы постарайтесь, а то—на васъ послѣдняя надежда.

Хорошо. Постараюсь. Если ни на что больше не годна—хоть билеты продамъ. И никакія лѣстницы, этажи и разстоянія теперь не пугаютъ меня...

23 декабря, понедѣльникъ. Устала смертельно. Бѣгала съ девяти утра до девяти вечера.

24 декабря. То же самое. Поднималась и спускалась по этажамъ, изъ квартиры въ квартиру. Квартиры въ Елисейскихъ поляхъ и скромныя комнатки Латинскаго квартала. Безумная роскошь обстановки—въ однѣхъ, скрытая бѣдность—въ другихъ. Какое богатое поле для наблюденій, какой матеріалъ для романиста! Только я-то не сумѣю воспользоваться всѣмъ этимъ.

Чѣмъ богаче кварталъ, чѣмъ богаче квартира,—тѣмъ менѣе она доступна. Богатый еврейскій банкиръ Caran-Denvière, же-

натый на русской, не только не принялъ меня, но даже и билетъ возвратилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что жена уѣхала.

Зато нѣтъ ничего симпатичнѣе русскихъ интеллигентовъ. Поднимаясь въ ихъ скромныя квартиры, я знала навѣрное, что буду принята какъ человѣкъ, что меня не посадятъ въ роскошной гостиной и не вышлютъ двадцать франковъ съ горничной,— а лично сами дадутъ пять или десять франковъ, которые тѣмъ болѣе цѣнишь, что знаешь, съ какимъ трудомъ они заработаны.

25 декабря, среда. Кларансъ уже давно говорила, что у нея будетъ вечеръ въ первый день Рождества.

Я все болѣе и болѣе втягиваюсь въ ея общество. Оно даетъ мнѣ забвеніе.

Сыплются неприличные анекдоты, смѣлыя остроты. Скульпторъ такъ и вертится, представляя то танцовщицу, то англійскаго полисмэна... Наконецъ я увидѣла и знаменитый Мѣдный Цвѣтокъ.

Это была странная женщина, которая съ перваго взгляда приковывала къ себѣ вниманіе. Вся въ черномъ, необыкновенно тонкая, гибкая и стройная, съ волосами, выкрашенными въ яркорыжую краску, отливавшую какъ мѣдь, — она дѣйствительно оправдывала такое прозвище. Ея туалетъ отличался тонкимъ изяществомъ, и вся она—накрашенная, напудренная, съ малиновыми губами — производила впечатлѣніе чего-то отравленнаго, точно Клара изъ романа Мирбо «Jardin des Supplices». «Такая женщина какъ змѣя обовьется около сердца мужчины и ужалитъ его»—невольно подумала я, глядя на нее.

Она держалась скромно, съ достоинствомъ, и очень симпатично, не шумѣла какъ Кларансъ, не вертѣлась изъ стороны въ сторону, а сидѣла прямо, граціозно перегибая станъ во время разговора. Только-что передъ ея приходомъ былъ разговоръ о ея женихѣ. И теперь я съ невольнымъ интересомъ смотрѣла на эту женщину.

Веселье шло все crescendo. Карсинскій представлялъ cuvette. Музыкантъ заигралъ вальсъ. Всѣ стали просить Мѣдный Цвѣтокъ танцовать, и она согласилась, не ломаясь долго.

Сняли коверъ, раздвинули стулья къ стѣнамъ. Мѣдный Цвѣтокъ взяла кружевной шарфъ Кларансъ.

Я сидѣла неподвижно въ углу, усталая, разбитая послѣ двухдневной бѣготни по лѣстницамъ. Голова кружилась.

Веселый смѣхъ разливался кругомъ, а Мѣдный Цвѣтокъ, которая убила своего жениха, изгибалась въ граціозномъ танцѣ.

Скульпторъ сидѣлъ у моихъ ногъ и въ сотый разъ объяснялся въ любви.

26 декабря, четвергъ. Еще день бѣготни—и завтра сдаю отчетъ. Послѣдніе десять адресовъ.

Изъ-за всей этой бѣготни — еле-еле успѣваю позировать скульптору. Бюстъ подвигается быстро.

Сестра Надя прислала неожиданно сорокъ рублей, полученные по переводу. Вотъ прекрасно! Сошью себѣ на нихъ русскій костюмъ, благо шелкъ здѣсь дешевъ!

Сошью голубой шелковый сарафанъ, кокошникъ вышью въ одну ночь... и рисунокъ есть—изъ Румянцевскаго музея давно взятъ. Это будетъ чудно хорошо, и ко мнѣ пойдетъ.

27 декабря, пятница. Сдала отчетъ. Привезла около полутораста франковъ. Теперь будетъ съ чѣмъ начать вечеръ.

Я никого не знаю изъ этихъ господъ, но одинъ изъ присутствующихъ подошелъ и отрекомендовался Самуиловымъ, «поэтъ по профессіи». Я съ любопытствомъ посмотрѣла на этого субъекта—еврейскій типъ, неряшливъ, въ общемъ—ничего особеннаго; голова—съ претензіей на Надсоновскую, но несравненно хуже ея.

И такъ какъ я спѣшила домой, то онъ предложилъ свои услуги проводить меня. Я не боюсь ходить одна, но изъ вѣжливости—не отказала.

Онъ началъ говорить о поэзіи—довольно-таки сбивчиво и запутанно; я разсѣянно слушала и думала—скоро ли приду домой, напьюсь чаю и согрѣюсь у камина. И не замѣтила, какъ дошла до дому.

Пригласить его зайти напиться чаю или нѣтъ?

Въ Парижѣ нашъ чай не очень-то всюду предложатъ,—и русское гостепріимство взяло верхъ надъ желаніемъ остаться одной, и я сказала:

— Не хотите ли зайти напиться чаю?

— Съ удовольствіемъ.

За чаемъ, въ качествѣ поэта, онъ повелъ атаку быстро. Заявилъ, что давно интересуется мной, что я — очень хороша собой и т. д. и т. д.

Я старалась быть какъ можно строже и сдержаннѣе—это его не останавливало.

— Вѣдь вы только по внѣшности кажетесь спокойной, а на дѣлѣ у васъ душа такая... бродящая, по глазамъ видно.

Онъ расположился было цѣловать мнѣ руки, но я отдернула ихъ. Этотъ нахальный субъектъ былъ мнѣ противенъ.

28 декабря, суббота. Оказывается — сегодня получила по почтѣ еще десять франковъ за билеты. Надо было отдать ихъ секретарю. Прошла въ русскій ресторанъ — тамъ, кажется, его можно всегда застать до 12-ти часовъ.

Я тамъ никогда не бывала. И на минуту русскій говоръ ошеломилъ меня: точно въ Россію попала.

За завтракомъ моимъ сосѣдомъ былъ магистрантъ Юрьевскаго университета, высокій блондинъ съ длиннымъ носомъ и голубыми глазами. Онъ долго говорилъ мнѣ о преимуществахъ мужчины, стараясь доказать его превосходство надъ нами...

— Да... женщины вообще неспособны къ философіи, къ научному творчеству. Онѣ лишь скорѣе усваиваютъ, чувствуютъ тоньше, а нашъ братъ—грубоватъ. Но въ области науки... укажите мнѣ женщину, которая создала бы въ области философскаго мышленія свое, новое?

«Гм-м... много ли ты самъ-то можешь создать своего, новаго», подумала я, но не рѣшилась сказать, боясь обидѣть его мужское самолюбіе. И отвѣчала вслухъ:

— Женщинъ, такія какъ есть, нельзя судить, какъ вы судите. Мы, половина рода человѣческаго, тысячелѣтіями были поставлены въ такія условія, въ какихъ мы могли развивать только свои низшія качества. Нашъ умъ, несмотря на всю культуру, которую получили нѣкоторыя изъ насъ,—все-таки въ своемъ родѣ продуктъ вліянія атавизма. Что жъ удивительнаго, если ученыя женщины не создали ничего великаго въ наукѣ? При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы родимся, воспитываемся и живемъ,—еще удивительно, какъ это женщины могли сдѣлать и то, что онѣ сдѣлали,—создать тѣ произведенія во всѣхъ отрасляхъ искусствъ и науки, и все время, не переставая, состоять подъ вѣковымъ угнетеніемъ, рождая, воспитывая дѣтей, словомъ, свято исполняя обязанности, возложенныя на нее природой.

Ученый молча слушалъ.

— А великія произведенія мысли, умы,—закончила я—и между вами рѣдки. И если сравнить, сколько между вами посредственностей пропорціонально числу людей науки и великимъ умамъ,—и сколько между женщинами, то окажется, что ваша пропорція больше...

Ученый не пытался, повидимому, возражать и вскорѣ, увлеченный своими мыслями, заговорилъ о націи.

— По-моему, государственность и религія необходимы, необходимы... Въ русскомъ народѣ есть этакій христіанскій духъ, котораго я не замѣчаю здѣсь. Какъ сказалъ Гексли: люди, проповѣдующіе: «возлюби ближняго своего, яко самъ себѣ»—въ жизни рады другъ другу горло перерѣзать; а люди, убѣжденные, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, и матеріалисты — въ жизни слѣдуютъ принципу: «положи душу свою за други своя».

— Такъ вы убѣждены въ томъ, что и у васъ есть христіанскій духъ?

— Убѣжденъ.

— Ну, а какъ же связать съ этимъ противорѣчіе вашихъ собственныхъ словъ: вы вѣдь противъ того, чтобы женщинамъ давали права. А между тѣмъ, въ Евангеліи сказано: «возлюби ближняго своего, яко самъ себѣ». Безъ различія пола. И вотъ, согласно этому принципу, каждое существо должно имѣть одинаковое право на жизнь, на существованіе, тогда какъ при настоящемъ положеніи дѣла женщина должна жить, не имѣя равныхъ съ мужчинами правъ. И если вы признаете это законнымъ, естественнымъ и возстаете противъ ея освобожденія,—какой же это христіанскій духъ? Гдѣ тутъ любовь къ ближнему?

Мой собесѣдникъ окончательно смутился, не находя выхода изъ собственныхъ противорѣчій. И послѣ неловкаго молчанія—вдругъ заговорилъ о себѣ...

— Я тороплюсь уѣхать изъ Парижа. Заниматься здѣсь неудобно; національная библіотека открыта только до 4 часовъ, книги приходится покупать... А характеръ французскій—это наружная вѣжливость, а внутри—homo homini lupus... Нѣмцы откровеннѣе и сердечнѣе. Съ нетерпѣніемъ жду, скоро ли буду въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ.

«Книгоѣдъ!»—подумала я.

— Робокъ я очень, знаете ли,—продолжалъ магистрантъ,—да нѣтъ у меня въ головѣ этой... архитектоники.

— И слога?—спросила я.

— Н-нѣтъ... на счетъ слога я, знаете ли, стараюсь... а вотъ нѣтъ у меня архитектоники, построенія, плана книги... и не знаю просто, какъ быть.

«Да, не знаешь, какъ быть, оттого что у тебя нѣтъ научнаго генія, творческой жилки», подумала я, глядя на его ограниченное лицо. Нельзя высиживать изъ себя насильно книги.

Послѣ завтрака къ нему подошелъ поэтъ Самуиловъ; начался споръ, не возбуждавшій моего вниманія. И все-таки, несмотря

на всю разницу моихъ взглядовъ,—ученый былъ для меня симпатичнѣе этого самоувѣреннаго нахальнаго субъекта, горячо толковавшаго о политикѣ...

— Ахъ, не говорите вы этого слова «режимъ»,—съ гримасой прервала я его рѣчь.—И видно сейчасъ, что вы—не русскій человѣкъ. Надо говорить «образъ правленія».

— Ну вотъ еще!—небрежно возразилъ онъ.

Я вспыхнула.

— Я, какъ чисто русскій человѣкъ, стою за систему своего родного языка, а вы, русскіе евреи, съ удивительною легкостью вводите въ нашу рѣчь иностранныя слова. У васъ нѣтъ этого чутья чистоты русской рѣчи, къ которой мы привыкли съ дѣтства; вамъ не коробятъ слухъ эти выраженія!—съ негодованіемъ воскликнула я.

— Да я и не русскій писатель, а еврейскій.

— Ну и пишите по-еврейски! къ чему писать на чужомъ для васъ языкѣ.

— Позвольте, да развѣ можно запретить кому бы то ни было писать по-русски, разъ я хочу этого? Я настолько хорошо знаю русскій языкъ, смѣю сказать, что, быть можетъ, буду блестящимъ стилистомъ.

«Недавно сказалъ, что Максима Горькаго испортятъ восхваленія критики,—а самъ себя еще до всякихъ критикъ возвелъ уже въ блестящіе стилисты,—эхъ ты, бахвалъ!»—съ пренебреженіемъ подумала я.

И всѣ мои симпатіи были на сторонѣ соотечественника, забитаго, робкаго, но смиреннаго. Эта добродѣтель смиренія—великая вещь.

Вечеромъ я сошла къ Кларансъ. Она была одна. Я просила ее проанализировать его почеркъ.

— Это мужчина интеллигентный, но есть нѣкоторыя прорѣхи его ума... mais il y a certains trous dans son intelligence... Человѣкъ этотъ много страдалъ... и вслѣдствіе этого создалъ себѣ такой характеръ искусственно; очень сдержанъ, очень скрытенъ.

— Не находите ли вы, что эти сжатыя строчки указываютъ на любовь къ деньгамъ?—спросила я.

— О, да. Я только-что хотѣла это вамъ сказать. Но имъ можно управлять, если вы будете знать его слабыя стороны. Esprit d'ordre. Въ общемъ—хорошій характеръ. Au fond c'est un bon caractère.

Напрасно, значитъ, назвали его іезуитомъ, онъ вовсе не такъ плохъ на дѣлѣ...—радовалась я.

Но все-таки—развѣ достаточно анализа почерка?

31 декабря, вторникъ. Смотрѣла Большую Энциклопедію и вдругъ неожиданно нашла тамъ Lencelet. Сколько ихъ! и всѣ интеллигенція: то ученый, то литераторъ, то судья. Его это родственники, или просто однофамильцы?

И мнѣ казалось, что я видѣла его...

1902 годъ.

1 января, среда. Вотъ и Новый годъ. Здѣсь обычай разсылать поздравительныя карточки въ этотъ день. Какъ была бы я счастлива получить одинъ узенькій листъ бристольской бумаги—одинъ изъ тѣхъ, который когда-то видѣла у него на столѣ. Но... вѣдь онъ даже не считаетъ меня за знакомую, конечно не пришлетъ.

2 января, четвергъ. Опять была у Кларансъ... Говорили о мужчинахъ.

— Слушайте, моя милая, меня,—я болѣе опытна, чѣмъ вы. Vous ne trouverez pas parmi les hommes un être noble, un être digne de vous. C'est pourquoi je les prends—comme on prend les joujoux, et je les quitte quand je veux. Au fond—ils sont tous dignes de mépris, c'est pourquoi je les méprise tous...

Savez-vous, comme ils regardent la femme? Elle est un joujou pour eux. Et avec cela—un fou d'amour propre, et tout de même—une médiocrité, médiocrité assommante...—слышала я тихій, ласковый шопотъ Кларансъ...

Вскорѣ къ ней пришелъ ея другъ, литераторъ Д., и началась интересная литературная бесѣда... И какъ бы случайно Д. спросилъ меня:

— Не писали ли вы чего-нибудь?

Я со стыдомъ созналась—да... прежде...

— Что жъ вы стѣсняетесь? Что вы писали? Отчего же не продолжаете?

О, если бъ онъ зналъ, какое страданіе причинили мнѣ эти слова! Если бъ зналъ, что эта болѣзнь—отнимаетъ у меня умственныя силы... Иногда вдругъ фантазія пробуждается во мнѣ, «и пальцы просятся къ перу, перо—къ бумагѣ»,—но тайный голосъ шепчетъ мнѣ постоянно: ничего, ничего изъ тебя не выйдетъ...

О, литература! богъ, которому я молюсь! Мнѣ ли, недостойной, войти въ это святилище, мнѣ ли мечтать, мнѣ ли думать о ней!...

Слова литератора возбудили во мнѣ цѣлую внутреннюю бурю, и страданіе снова поднялось въ больной душѣ... Къ чему говорилъ онъ мнѣ это, зачѣмъ спрашивалъ?

Литераторы, по профессіи публицисты, очень легко относятся къ писанію. А я такъ не могу. Я пишу только тогда, когда не могу иначе, повинуясь какой-то силѣ, которая выше меня самой. И по-моему—напрасно люди много пишутъ: надо писать только въ случаѣ крайней необходимости, когда чувство—страданія или радости—дошло до своихъ границъ, ищетъ излиться,—и только тогда сила этого чувства скажется въ произведеніи, заставивъ людей жить радостями или страданіемъ...

И вотъ почему я пишу... дневникъ. Все-таки это успокаиваетъ меня хоть немного. Я пишу все, что думаю, какъ страдаю. Такъ мнѣ немного легче...

Въ моей душѣ нѣтъ гармоніи, нѣтъ необходимаго для жизни равновѣсія—и я гибну, гибну, и нѣтъ мнѣ спасенія...

Кажется иногда—что сердце разорвется подъ гнетомъ разнообразнѣйшихъ ощущеній... Какъ ужасна жизнь! Какое безконечное страданіе причиняетъ она тѣмъ, которыхъ сама же создаетъ!

Одинъ онъ могъ бы спасти меня. Но онъ и не думаетъ обо мнѣ, и не знаетъ, и не подозрѣваетъ, до какой степени онъ дорогъ мнѣ, необходимъ...

4 января, суббота. Неожиданно узнала, что любители изъ русскихъ, живущихъ здѣсь, ставятъ «Дядю Ваню». Я такъ мало имѣю сношеній съ русскими, что рѣшительно ничего не знаю, что у нихъ дѣлается. «Дядю Ваню» я еще не видала...

Что за пьеса! что за впечатлѣніе!

Говорятъ — пьеса эта скучна. Скучна наша провинціальная жизнь — и со сцены пьеса кажется такъ же невыразимо скучной. Но здѣсь, на яркомъ, пестромъ фонѣ парижской жизни—эта картина русской жизни выдѣлялась такъ рѣзко, производила такое сильное впечатлѣніе. Казалось, вся зала, всѣ зрители—переживали одно чувство. И настроеніе, о которомъ столько было споровъ—можно или нельзя ставить его на сценѣ,—это настроеніе такъ и сообщалось зрителю...

И казалось мнѣ, что среди парижскаго веселья, шума,—разслышала я одинъ звукъ, проникшій прямо въ сердце,—голосъ съ родины, отзвукъ ея жизни. Хоть и въ Парижѣ живемъ мы, русскіе,

Но муки всѣ страны своей родной,
Ея тоску мы унесли съ собой...

Въ самомъ дѣлѣ,—что я дѣлаю, что я дѣлаю?! Куда иду?!...

Все время спектакля—кругомъ направо и налѣво—шли горячіе споры, разговоры. Одна я, не имѣя никакихъ знакомыхъ среди соотечественниковъ, сидѣла какъ чужая... и не могла подойти ни къ одному кружку, съ которымъ бы у меня нашлись общіе интересы, общее дѣло... Сколько было разговоровъ о Россіи, о томъ, что тамъ дѣлается...

Я вернулась домой вся разбитая, вся подавленная угрызеніями совѣсти.

За это время—я забыла обо всемъ на свѣтѣ, забыла о Россіи, и о томъ, что у меня, какъ у всякаго, есть долгъ по отношенію къ родинѣ, что, живя заграницей, не должна терять времени, что всякая минута должна быть употребляема съ пользой... и я должна дать въ ней какъ бы нравственный отчетъ обществу.

Что же я дѣлаю??

И я чувствовала, какъ стремглавъ падаю куда-то... Я совсѣмъ потерялась... и не знаю, что съ собой дѣлать...

7 января, вторникъ. Когда я одѣлась въ свѣтло-голубой сарафанъ, кокошникъ, и бѣлая фата спустилась сзади до полу—я невольно засмотрѣлась на себя въ зеркало...

Что, если бы я пришла къ нему въ этомъ костюмѣ, опустилась бы передъ нимъ на колѣни — устоялъ ли бы онъ противъ моей мольбы? Неужели его сердце не тронулось бы?

И какой-то тайный голосъ шепчетъ: попробуй, иди... Что жъ? Завлекать его своей внѣшностью, что ли? Его, который знаетъ лучшее, чѣмъ эта внѣшность,—мою душу...

Я вся блестѣла холоднымъ блескомъ, какъ снѣгъ и ледъ моей родины.

Когда сегодня принесли сарафанъ—Кларансъ просила непремѣнно сойти показаться. Я знала, что опять встрѣчу у нея то же общество... Оно даетъ мнѣ забвеніе, туда я убѣгаю отъ себя самой... и словно магнитъ какой-то тянулъ меня въ эту безпорядочную среду художниковъ, литераторовъ, артистовъ, гдѣ живутъ надеждами и любовью,—въ эту атмосферу безшабашнаго веселья.

Общій крикъ восторга привѣтствовалъ мое появленіе.

И я уже такъ привыкла къ этому обществу, что сама смѣюсь, кокетничаю, выучила даже вставлять скабрезные намеки, что возбуждаетъ общій смѣхъ. Точно пьющій ребенокъ въ кружкѣ пьяницъ... Имъ надо что-нибудь острое, всѣмъ этимъ пресыщеннымъ

людямъ, и они видятъ во мнѣ свѣжее, еще не зараженное ихъ атмосферою существо, забавляются мной какъ пріятной игрушкой... а я ищу забвенія.

Но сейчасъ ѣду на балъ... И тамъ навѣрное будетъ то же...

8 января, среда. Половина девятаго. Только что вернулась съ бала. Полный успѣхъ. Торговала больше всѣхъ. Комплименты такъ и сыпались; поклонники окружали меня. Къ чему мнѣ все это?...

Однако, холодно, хотя и топится каминъ. Простудилась я, должно быть,—въ корридорѣ былъ сквознякъ. Все-таки пойду взять инскрипцію.

9 января, четвергъ. Мнѣ хуже... Должно быть, инфлюэнца. На душѣ цѣлый адъ. И теперь уже не буду обращаться къ нему... нѣтъ.

14 января, вторникъ. Три дня пролежала въ постели,—стало лучше. Сегодня получила приглашеніе отъ Декурсель прочесть рефератъ объ учащихся женщинахъ въ Россіи,—у нея соберутся нѣсколько пріятельницъ. Это меня взволновало: можетъ быть, я ослабѣла настолько, что придется отказаться.

Ужасный обручъ снова стискиваетъ голову. Пошлю ему телеграмму съ оплаченнымъ отвѣтомъ: — можно ли принять Valeriane d'ammoniaque? Изъ гордости я не хотѣла больше обращаться къ нему. И когда увидѣла себя вынужденной сдѣлать это—писать petit bleu — рука моя дрожала...

15 января, среда. Отвѣта не получила. Что жъ это значитъ? Отъ волненія и ожиданія голова такъ разболѣлась, что я послала Полинѣ телеграмму—не ждать меня.

16 января, четвергъ. Только сегодня въ два часа увидѣла сѣрый конвертъ съ знакомымъ почеркомъ. На элегантной сѣрой карточкѣ я читала:

Mademoiselle.

Il m'a été impossible de lire vorte télégramme que je n'ai d'ailleurs reçu que ce matin, n'étant pas allé à Boucicaut lundi et mardi. Si vous avez à me dire quelque-chose de particulièrement pressé, je vous prie de venir chez moi demain, jeudi, de cinq à six.

Croyez, mademoiselle, à mes sentiments les meilleurs.

Mercredi. 15 Janvier. E. Lencelet.

И внизу адресъ: 5, Rue Brézin... Итти или не итти? Но одна мысль, что я увижу его, войдя въ этотъ домъ, мимо котораго столько разъ проходила—рѣшила вопросъ...

Я получила это письмо, когда отправлялась въ Брока. Тамъ m-elle Angèle сказала:

— Est-ce qu'il y a déjà longtemps que vous n'ayez vu m-r Lencelet?

— Oh, oui, je ne me rappelle plus, — отвѣтила я равнодушно.

— Il revient chez nous au mois de mai... chez le docteur Drock. Il sera chef du laboratoire, il remplacera monsieur Durbal, qui s'en va chez «Les Enfants Malades»...

Я сдѣлала видъ, что спѣшу къ madame Delavigne, и вскорѣ простилась съ ней.

Вернувшись домой, я быстро приготовила туалетъ въ комнатѣ хозяйки. Она съ удовольствіемъ помогала мнѣ, восхищаясь мной въ черномъ костюмѣ.

— Вы стали совсѣмъ парижанка. О, да какъ вы изящны!

— Вы прекрасны, дитя мое. Такъ пріятно видѣть хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ...—вдругъ продребезжалъ старческій голосъ ея мужа, стоявшаго у камина.

Нѣтъ ничего трогательнѣе старости, благословляющей молодость. Великое дѣло умѣть уходить отъ этой жизни безъ озлобленія, съ чувствомъ всепрощенія, примиренія съ неизбѣжными горестями,—и на закатѣ дней съ удовольствіемъ смотрѣть на молодежь, которая и создастъ будущее.

Я возвратилась къ себѣ въ комнату. Смотрю на часы: еще рано. Не надо приходить точно въ пять, лучше позже, а то онъ подумаетъ, что я очень спѣшила. И, сидя противъ часовъ, я стала ждать... Какъ медленно движется стрѣлка! Я беру книгу и съ нетерпѣніемъ читаю нѣсколько страницъ...

Уже пять часовъ! Я набросила пелерину и быстро вышла. Бульваръ Араго. Denfert Rochereau, Avenue d'Orléans, наконецъ, вотъ она, Brézin! вотъ № 5... ложа консьержа.

— Monsieur Lencelet?

— 4-me au-dessus de l'entresol.

Съ страннымъ чувствомъ поднималась я по лѣстницѣ. Каждая ступенька, каждый шагъ приближалъ меня къ нему. Вѣдь онъ ежедневно проходитъ по этой лѣстницѣ...

Пятый этажъ и въ рабочемъ кварталѣ. Очевидно, онъ сынъ мелкаго чиновника, что называется, «petit bourgeois», изъ семьи, гдѣ годовой бюджетъ разсчитанъ до послѣдняго сантима, гдѣ все «convenable»—снаружи, и родителямъ «il faut faire

des sacrifices pour élever les enfants». Быть можетъ, онъ—опора семьи, будущая радость родителей, при видѣ того, что онъ «arrive».

И я ощутила какое-то невыразимое удовольствіе, что онъ не окруженъ внѣшнимъ блескомъ обстановки: такъ лучше, естественнѣе,—въ богатомъ человѣкѣ всегда есть нѣчто постороннее, происходящее отъ сознанія превосходства своего матеріальнаго положенія надъ простыми смертными.

Было бы еще лучше и поэтичнѣе, если бы онъ жилъ совсѣмъ бѣдно, какъ наши русскіе студенты. Но въ Парижѣ такихъ не водится...

Я позвонила. Сердце страшно забилось и замерло.

Дверь отворила маленькая кривая женщина съ носомъ луковицей.

Я испугалась: — неужели онъ окруженъ такими уродами? И дрогнувшимъ голосомъ спросила:

— Monsieur Lencelet?

— La porte à gauche.

Экая безтолковщина. Консержъ сказалъ: la porte en face, чего—лѣстницы, или же меня самой? Оказалось, противъ лѣстницы. У дверей стояли три раскрытыя бутылки изъ-подъ молока... Я снова позвонила. Онъ отворилъ самъ.

— Bonjour, mademoiselle. Entrez par ici.

Въ комнатѣ топилась печка. У окна на большомъ кругломъ столѣ лежали книги, стклянка съ клеемъ, корректурные листы.

— Садитесь. Извините, но я положительно не могъ прочесть вашей телеграммы. Разобрать въ ней что-нибудь было невозможно. Повидимому, вы не отдавали себѣ отчета, что пишете...

Отъ волненія я не могла отвѣтить ни слова. Острое чувство оскорбленія заглушало все. Онъ, очевидно, совсѣмъ не подозрѣвалъ, какъ заставилъ меня напрасно пойти въ госпиталь... и теперь я вновь обращаюсь къ нему же! И это моя любовь—требуетъ отъ меня такого униженія?!

Гдѣ же моя гордость, гдѣ мое самолюбіе?

Я молча вынула изъ портфеля тетрадь, гдѣ было записано крупнымъ неровнымъ почеркомъ...

— Я просила васъ отвѣтить—можно ли принимать Val d'amm. каждый разъ какъ усиливается головная боль?

Онъ прочелъ.

— Но это лѣкарство не производитъ моментальнаго дѣйствія, это невозможно... Но вы не безпокойтесь. Il ne faut pas être si énervée. C'est vrai, votre race slave est très nerveuse. J'ai

eu déjà l'occasion de remarquer cela. Mais dans tous les cas il ne faut pas vous énerver, je le répète. Voyons, qu'est-il arrivé pendant ce temps que je ne vous ai pas vue?

Я наконецъ овладѣла собой и едва слышно сказала:

— Извините, что я пришла къ вамъ сюда... Я не хотѣла больше обращаться къ вамъ, потому что теперь это было бы слишкомъ унизительно для меня. Но каждый разъ, когда я прихожу—вы сами безъ всякой просьбы съ моей стороны говорите, что я могу обращаться къ вамъ. Я такая довѣрчивая, такая наивная—вѣрю вашимъ словамъ, обращаюсь къ вамъ же,—а вы... вы... Что же вы думаете,—у меня нѣтъ никакого самолюбія? Поймите, какъ я должна страдать... Вѣдь если бъ я *сама* просила васъ назначать мнѣ дни, когда я могу васъ видѣть, а то—я вѣдь никогда, никогда, не просила объ этомъ. Vous ne comprenez pas vous-même que faites-vous de l'amour propre, monsieur. Отъ волненія я почти не могу говорить... вотъ...—и голосъ мой оборвался.

— Извините, дѣйствительно я былъ слишкомъ небреженъ къ вамъ. J'ai été trop négligent envers vous. Je ne dis même pas pour vous, mais des choses beaucoup plus importantes pour moi-même. Je fus appelé alors par un de mes amis arrivé de province, on lui faisait une petite opération, je suis allé chez lui,—сказалъ онъ равнодушно.

Я внимательно наблюдала за нимъ.

— Еще разъ извиняюсь передъ вами... Ну, разскажите же, что съ вами случилось за это время, пока я васъ не видѣлъ.

— Vous n'êtes pas sincère, monsieur,—не отвѣчая на вопросъ, сказала я.

— Pourquoi? pourquoi?

У меня захватило дыханіе отъ боли.

— Случайно услыхала разговоръ. Клянусь вамъ, я не искала его слышать. Я бесѣдовала въ обществѣ двухъ особъ, мужчинъ или женщинъ—я не скажу. И вотъ одна изъ нихъ говоритъ:—«Il était avec Lencelet... vous savez, ce jésuite?» Et l'autre lui a répondu:—«Oh, oui...» J'ai vite quitté ma place... je ne voulais rien entendre de plus.

Мой голосъ задрожалъ, и по щекамъ покатились слезы.

—А потомъ, черезъ нѣсколько времени, я встрѣтила одну изъ нихъ и спрашиваю:—Отчего вы назвали его іезуитомъ?—«Parce que c'est un homme faux... on ne peut pas croire pas un seul mot... невозможно довѣрять его словамъ». И тогда я вспомнила, что дѣйствительно вы обѣщаете и не исполняете вашихъ словъ... Вотъ почему я не могла говорить съ вами...

Я не смотрѣла на его лицо...

— Mademoiselle... c'étaient probablement des personnes auxquelles j'ai fait du mal... et tout ce qu'elles pensent de moi—cela m'est parfaitement égal, je les méprise. Mais vous pouvez aussi rencontrer mes amis qui vous diront juste le contraire.

Я подумала, что m-me Delavigne вовсе не была достойна презрѣнія, но боясь, чтобы онъ не догадался, кто говорилъ о немъ дурно—промолчала.

Теперь мнѣ страшно хотѣлось спросить:—А зачѣмъ вы дѣлали зло?—Но я опять промолчала.

— Du reste—vous ne pouvez pas dire que je n'ai pas été sincère envers vous. Nous avons assez causé pour que vous ayez pu voir, comment j'étais envers vous. Je vous disais même quelquefois des choses désagréables. Et tout cela—sans aucune arrière-pensée. Ma conduite envers vous...

И я вдругъ невольно быстро прервала его:

— Oh, oui, monsieur, mais vous êtes irréprochable, parce que ma conduite envers vous est telle. Mais je ne suis pas sûre, que votre conduite n'aurait pas été autre, si j'étais venue chez vous poudrée, avec des dessous de soie rose...

— Почему вы думаете, что мое поведеніе было бы совсѣмъ другое?—поспѣшно прервалъ онъ.

— Потому что... было бы другое... Vous aimez tant à vous amuser.

— Qui est-ce qui vous a dit que je m'amuse?

— Personne, monsieur... mais vous, les hommes—vous êtes tous faits de la même manière.

— Et les femmes aussi. Elles ne sont nullement meilleures que nous. Au contraire—elles sont encore plus perverses que les hommes. Elles sont plus rusées. Et puisqu'elles sont, en général, moins intelligentes que les hommes, elles sont infiniment inférieures à nous.

Все это онъ проговорилъ быстро, не останавливаясь, точно торопясь высказать свою мысль. Глаза его вспыхнули, и съ минуту мы смотрѣли другъ на друга, какъ бы два врага.

Страшная усталость охватила меня...

— Ну, я не буду вамъ противорѣчить. Думайте, что хотите,—машинально отвѣтила я и подумала въ то же время:—Очевидно, ты много пострадалъ отъ женщинъ, если такого о нихъ мнѣнія.

И мнѣ стало невыносимо больно отъ сознанія, что именно онъ смотритъ на женщину такъ же, какъ и всѣ французы.

И какой же онъ злой! Какъ быстро проснулась въ немъ мужская злоба, мстительность за то лишь, что женщина осмѣлилась высказать ему правду въ глаза.

А онъ, какъ будто успокоившись, взялъ листъ бумаги.

— Я дамъ вамъ лѣкарство, облатки,—и быстро началъ писать, покрывая бумагу своимъ мелкимъ, бисернымъ почеркомъ. Я сидѣла молча и смотрѣла на его правильно очерченную голову съ прямымъ профилемъ.

— Вотъ это будете вы принимать въ теченіе десяти дней, а потомъ—микстуру. Valériane d'ammoniaque оставимъ, а послѣ десяти дней вы приходите...

— О, нѣтъ, нѣтъ, monsieur, я больше не приду,—быстро прервала я его. Мнѣ стало уже невыносимо слышать его слова... эти лживыя слова...

Да, я не приду больше. Зачѣмъ? вѣдь у васъ нѣтъ времени. Вы должны сдавать свои экзамены въ маѣ, et votre thèse à passer. Je sais que vous devez présenter de grosses thèses.

— Экзамены? О, для интерновъ они ничего не значатъ, это пустая формальность. Я занятъ другой работой... Вотъ...

Онъ взялъ огромный толстый томъ, раскрылъ его и показалъ свою фамилію среди многихъ другихъ.

«Dermatogie»—прочла я заглавіе крупными черными буквами.

— И еще это,—добавилъ онъ, взявъ со стола корректуру...

Подавъ руку, я простилась. Онъ проводилъ меня до дверей.

И, уходя, я почувствовала, что не увижу его больше никогда... никогда.

И медленно сошла я съ лѣстницы и пошла по avenue d'Orléans, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій вечерній воздухъ.

Если бъ онъ зналъ—сколько разъ тихой лѣтней ночью проходила я мимо его дома... если бъ онъ зналъ, если бъ онъ зналъ!

17 января, пятница. На меня нашло какое-то отупѣніе. Страданіе дошло до высшей точки, и дальше итти некуда.

Я люблю человѣка чуждыхъ убѣжденій, которому непонятны самыя дорогія, самыя завѣтныя мои убѣжденія... люблю француза, съ извращеннымъ взглядомъ на женщину.

18 января, суббота. Если нѣтъ силъ для жизни—надо умереть. Нельзя занимать мѣсто въ этомъ мірѣ, которое съ большей пользою могутъ занять другіе.

19 января, воскресенье. Когда стрѣлка подошла къ часу,— я машинально пошла въ Брока. Мнѣ стоило страшнаго усилія, чтобы разговаривать спокойно съ madame Delavigne. Потомъ прошла къ Анжелѣ. И та, болтая обо всѣхъ новостяхъ, происшедшихъ въ госпиталѣ, сказала:

— А между прочимъ, знаете? Monsieur Lencelet женится на родственницѣ доктора Д., на племянницѣ его жены. Очень хорошенькая, воспитывалась въ монастырѣ Sacré Coeur. Очень его любитъ и ревнива страшно. Ужъ и теперь забрала его въ руки... Теперь онъ далеко пойдетъ!...

Я досидѣла до конца пріемнаго часа. И пошла домой.

На душѣ вдругъ стало спокойно... Что-то умерло во мнѣ...

И я сама больше не живая.

Я прожила на свѣтѣ цѣлую четверть вѣка и еще два года... срокъ достаточно долгій для такого безполезнаго существа.

Сколько ошибокъ сдѣлала я въ жизни! И кажется мнѣ, что вся моя жизнь была одной сплошной ошибкой, безсмысленной загадкой, которую пора, наконецъ, разрѣшить.

Я и рѣшаю... разъ навсегда...

Кто пожалѣетъ меня?

Тѣ немногіе интеллигенты, которыхъ я знала. Но они, вѣчно занятые «принципіальными вопросами» или собственной личной жизнью,—никогда глубоко не поинтересовались моею душою, моимъ внутреннимъ міромъ... Они не поймутъ и осудятъ... осудятъ безпощаднымъ судомъ теоретиковъ, которые все стараются подвести подъ опредѣленныя рамки.

Семья? Да развѣ она есть у меня? О матери и говорить нечего... Братья? здоровые, жизнерадостные, ограниченные юноши, для которыхъ я была какъ бѣльмо на глазу... Валя? у нея двое дѣтей—залогъ будущаго, источникъ радостей, надеждъ и печалей, который скоро изгладитъ слѣды горя.

Меня пожалѣютъ развѣ только бабушка, тетя да бѣдная, забитая Надя.

Надя будетъ горько плакать надъ моей могилой и никогда не пойметъ, отчего это Лиза, которой, кажется, дано было все, чего она хотѣла—и на курсахъ была, и заграницу поѣхала, и вела такую самостоятельную жизнь,—отчего это Лиза вдругъ покончила съ собою...

Бѣдная, милая сестра! авось потомъ она выйдетъ замужъ и въ новой жизни—скорѣе забудетъ меня.

А бабушка—милая, наивная старушка! Она вмѣстѣ съ тетей

будетъ съ ужасомъ молиться объ упокоеніи моей «грѣшной души», и, навѣрно, обѣ будутъ глубоко убѣждены, что, не поступи я на курсы,—все было бы иначе, что все это—послѣдствія курсовъ...

Да еще искренно пожалѣетъ обо мнѣ бѣдный Андрэ. Мнѣ жаль его, я все-таки любила его... немножко... и его любовь доставила мнѣ нѣсколько хорошихъ минутъ въ этой жизни... Спасибо ему!

А Кларансъ? Она будетъ разсказывать своимъ друзьямъ убѣжденнымъ тономъ, что я возвращусь въ этотъ міръ въ другомъ видѣ, и, пожалуй, увидитъ меня на дворѣ... O, sancta simplicitas...

Все готово. Письма написаны.

Я отворила окно. Стоитъ холодная зимняя ночь. Какъ хорошо, какъ тихо кругомъ. И страшно мнѣ думать, что завтра въ это время я уже не буду существовать...

Страшно... Чего я боюсь?

Боюсь перешагнуть эту грань, которая отдѣляетъ міръ живыхъ отъ того неизвѣстнаго, откуда нѣтъ возврата...

Если бы онъ могъ быть моимъ—моя измученная душа воскресла бы къ новой жизни, но этого быть не можетъ—слѣдовательно, незачѣмъ и жить больше...

Но если выбирать между этой жизнью, которая вся обратилась для меня въ одну страшную темную ночь, и этимъ неизвѣстнымъ... жить?—нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! По крайней мѣрѣ, покой и забвеніе... ихъ надо мнѣ.

А долгъ? а обязанности по отношенію къ родинѣ?—Все это пустыя слова для тѣхъ, кто болѣе не въ силахъ быть полезнымъ человѣкомъ...

Родина, милая, прости...

И ты, любовь моя,—прощай!

Послѣдняя мысль—о немъ... на его родномъ языкѣ...

Soyez heureux autant que j'ai été malheureuse...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ

СТИХОТВОРЕНІЯ

СТАТЬИ И ПИСЬМА

Пасхальная ночь бабушки.

Была тихая апрѣльская пасхальная ночь. Съ колоколенъ всѣхъ семи церквей маленькаго уѣзднаго городка несся торжественный благовѣстъ. Обыкновенно пустынныя улицы оживились: по узенькимъ троттуарамъ длинными вереницами потянулись черныя фигуры, направляясь къ церквамъ.

Тихо отворилась калитка большого каменнаго дома; изъ нея выскользнула женская фигура, обернулась, сказала что-то другой, запиравшей калитку, и пошла въ ближнюю церковь.

Въ большомъ домѣ не было замѣтно ни суетни, ни движенія, столь обычныхъ въ эту ночь во всѣхъ другихъ домахъ. Огоньки зажженныхъ предъ образами лампадъ слабо озаряли лики старинныхъ иконъ, высоко висѣвшихъ въ углахъ большихъ комнатъ. Ихъ было много въ этомъ домѣ, и всѣ онѣ были пусты и холодны; видно было, что въ нихъ никто не живетъ. Только въ одной угловой комнатѣ ярче мерцалъ огонекъ лампады, ярче озарялъ ея уютную обстановку, столъ, накрытый для разговѣнья, мягкое кресло предъ образами, а въ креслѣ—старушку. Это и есть старушка-бабушка, обитательница этого дома. Живетъ она въ немъ только съ старой «горничной-дѣвушкой» и кухаркой. Горничная ушла къ заутрени, обѣщавъ кухаркѣ вернуться, чтобы отпустить ее къ обѣднѣ: нельзя же барыню оставлять одну. Она уже очень стара; и рада бы пойти въ церковь въ такой великій праздникъ, да ужъ ноги не ходятъ, силъ нѣтъ.

Вотъ она и хотѣла помолиться одна, пока идетъ заутреня и обѣдня, а тамъ, какъ принесутъ изъ церкви пасху и куличи, то и разговѣться можно. Слышала бабушка, какъ внизу, въ дѣвичьей, сбиралась въ церковь ея Петровна, громко охая и ворча на Маврушу; слышала, какъ та вышла запереть за ней

калитку, какъ воротилась къ себѣ на кухню, хлопнула входною дверью, и все стихло.

Тихо такъ... Звонъ кончился, вѣрно, служба началась... Бабушка вздохнула и перекрестилась. «Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконія моя»...—шепчетъ она и вздыхаетъ еще глубже, какъ будто чувствуя всю тяжесть своихъ беззаконій. Мало ли совершила она ихъ за все время своей долгой жизни... и рада бы, чтобы ихъ поменьше было, да вѣдь прошлаго не воротить... Не возвратить! Какъ далеко оно! Господи, Боже мой, все-то прошло, все-то миновалось!—думаетъ бабушка. Чѣмъ больше вспоминаешь, точно уходишь въ глубь стараго сада: вездѣ попадаются забытыя и заглохшія тропинки, внезапно встаютъ дорогія, давно исчезнувшія лица. Ахъ, когда-то вѣдь всѣ они жили! И много ихъ было, и весь старый домъ былъ точно муравейникъ, сверху до низу полонъ народа, тѣсно было, мѣста не хватало...

Бабушка такъ хорошо помнила это время, когда ее, молодую дѣвушку, привезли сюда изъ ближняго городка вѣнчаться съ покойнымъ мужемъ. Тогда жили по-старинному: женатый сынъ не уходилъ изъ дома, велъ торговлю вмѣстѣ съ отцомъ, и сколько бы сыновей ни женилось, всѣ жили вмѣстѣ подъ одною крышей. Мужъ ея былъ старшій сынъ. Хорошо они жили! «Старики» добрые, братья мужа ласковы и почтительны... Сестры мужа уже раньше были выданы. Однимъ словомъ, жили душа въ душу; никто межъ ними изъ семьи не стоялъ. И бабушка радостно улыбается, какъ будто бы опять вернулось это счастливое время. Хорошо было жить съ мужемъ, а еще лучше, когда родился сынъ: всѣ его любили, вся большая семья баловала. Потомъ и братья мужа подросли; женились одинъ за другимъ. Бабушка вспоминаетъ четыре пышныя, веселыя свадьбы, четырехъ молодыхъ снохъ, которыя одна за другою поселялись въ комнатахъ большого дома. У всѣхъ были дѣти, но бабушка и съ такой большой семьей уживалась отлично. Они всѣ такъ дружно жили! людямъ на удивленье—у нихъ въ семьѣ не было ни свары, ни ссоры. А все потому, что «старики» хорошіе были: умѣли воспитать дѣтей, нечего сказать, по-старинному и въ страхѣ Божіемъ. Когда умерли двое сыновей, они честно выдѣлили вдовъ,—не захотѣли онѣ здѣсь жить, уѣхали съ дѣтьми на родину.

Умерли старики; братъ ушелъ изъ дома, свой выстроилъ, и осталась бабушка съ своей семьей полной хозяйкой. И она опять счастливо улыбается... Развѣ это была не жизнь? Сынъ

отлично учился, дочь росла; домъ—полная чаша; мужъ—въ ней души не чаялъ, и дѣла шли хорошо. Чего еще? И какъ скоро прошло то время! Счастье долго прочно не бываетъ. Умеръ мужъ; сынъ кончилъ курсъ въ училищѣ; женился. Бабушка задумчиво качаетъ головой. Кажется ей, что она какъ сейчасъ видитъ предъ собою свою невѣстку, прелестную молодую женщину съ дѣтски-тоненькой, хрупкой фигуркой, съ характеромъ твердымъ, рѣзкимъ и властнымъ. Она любила ея сына, и жили они вмѣстѣ хорошо... да вотъ если бы не ея характеръ... пришлось бабушкѣ потерпѣть... А тутъ на бѣду и дочь несчастливо замужъ вышла...

Много слезъ пролила бабушка за эти годы, а еще больше—послѣ смерти сына и дочери... Вдова съ семьей уѣхала къ себѣ на родину, не захотѣла оставаться жить съ ней... Опустѣлъ большой домъ... не оглашались больше его комнаты веселымъ смѣхомъ маленькихъ внучатъ, не было болѣе слышно ни крика, ни бѣготни... Мертвая тишина царила всюду... Конечно, лучше было бы, если бъ невѣстка осталась съ ней жить... бабушка такъ любила внучатъ... особенно старшую внучку, маленькую бѣленькую дѣвочку, которая такъ любила сидѣть въ ея комнатѣ и читать «Житія Святыхъ». Больше всѣхъ любитъ ее бабушка... Давно выросла ея любимица, кончила гимназію, и на курсы уѣхала. О, Господи, что нынче за молодежь! и дѣвицы-то совсѣмъ другія стали: чѣмъ бы замужъ итти—учатся, точно мужчины... Чѣмъ ея внучка не невѣста? и собой недурна, и приданое есть... И горько, и обидно бабушкѣ, что ея любимица такъ дѣлаетъ, да развѣ нынѣшняя молодежь станетъ слушать стариковъ? Развѣ они нужны имъ со своими совѣтами? Развѣ она, бабушка, нужна этой молодежи? Живетъ она одна, и вотъ уже который свѣтлый праздникъ встрѣчаетъ въ полномъ одиночествѣ. А прежде бывало: какъ придутъ послѣ обѣдни разговляться—мѣста въ столовой не хватаетъ... Гдѣ-то они теперь, дорогія, милыя, давно умершія лица?

«Мы здѣсь, мы здѣсь!»—слышитъ бабушка шепотъ... Оборачивается, и глазамъ своимъ не вѣритъ: передъ нею стоитъ ея мужъ, молодой и красивый брюнетъ, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ, въ томъ же самомъ сюртукѣ, который надѣвалъ онъ, когда въ первый годъ свадьбы пошли вмѣстѣ къ заутрени... Онъ протягиваетъ ей руку, а за нимъ... Господи Боже! и сынъ, и дочь, и старики, и братья мужа, всѣ одѣтые по-праздничному, точно сейчасъ пришли отъ свѣтлой заутрени.—«Христосъ Воскресе, Оленька!»—говоритъ ея Петръ Алексѣевичъ. — «Христосъ

Воскресе!»—повторяютъ остальные.—«Пойдемъ къ намъ встрѣчать великій праздникъ... мы пришли за тобою...»—«Воистину Воскресе!»—шепчетъ бабушка, и... о, чудо! она чувствуетъ себя совсѣмъ молодою. Вмѣсто темнаго шерстяного — на ней ея вѣнчальное бѣлое шелковое платье. Она встаетъ и, какъ встарь, крѣпко трижды цѣлуется съ своимъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Дверь бабушкиной комнаты тихо отворилась.

— Христосъ Воскресе, Ольга Митревна! Съ праздникомъ васъ поздравляю, — сказала Петровна, только-что вернувшаяся отъ заутрени.—Мавруша сейчасъ съ куличами въ церковь пошла.

Отвѣта не было.

— Да вы никакъ заснули, Ольга Митревна... а, Ольга Митревна?—удивилась Петровна и подошла къ креслу.

— Господи Исусе! барыня! Маврушка!—закричала Петровна, взявъ бабушку за руку...

Бабушка ушла «къ своимъ»...

Сватовство.

Года два тому назадъ мнѣ пришлось по дѣламъ заѣхать въ большой губернскій городъ Я—вль. Несмотря на все желаніе, мнѣ не удалось покончить со всѣмъ въ день пріѣзда; приходилось оставаться еще на сутки. Усталый и недовольный вышелъ я вечеромъ въ мѣстный городской садъ прогуляться и отдохнуть. Тамъ играла музыка; масса народа наполняла «главную» аллею. Я лѣниво бродилъ по дальней боковой дорожкѣ, въ глубинѣ сада, гдѣ не было ни освѣщенія, ни толпы, и, случайно наткнувшись на скамью, стоявшую гдѣ-то въ уголку, сѣлъ и задумался...

До меня долетали звуки какого-то вальса... Я невольно вспомнилъ о своей женѣ, о дѣтяхъ, и забота о судьбѣ моего дѣла, тѣсно связаннаго съ ихъ благосостояніемъ, овладѣла мной съ новою силой.

— Вотъ здѣсь, я думаю, удобно будетъ, Алексѣй Семенычъ,—послышался вдругъ близко отъ меня мужской голосъ.

Я вздрогнулъ, очнувшись отъ своихъ думъ, и обернулся: кругомъ никого не было. Голосъ раздался гдѣ-то за моей спиною. Насколько позволяла разсмотрѣть темнота, — я могъ, наконецъ, догадаться, что сидѣлъ на скамьѣ, стоявшей за бесѣдкой, деревянныя стѣнки которой были густо обвиты плющемъ. Очевидно, туда пришли посѣтители сада. И успокоенный тѣмъ, что они не пришли сюда, гдѣ я сидѣлъ, я вновь опустился на скамью.

— Ну, и чудесно... ваша правда, Степанъ Матвѣичъ. Эй, человѣкъ! два стакана чаю!

— Ну-съ, такъ что же? — услышалъ я другой голосъ, съ оттѣнкомъ какой-то услужливости.

— Да ничего. Я повторю опять то же: надо, надо прибавить.

— Нѣтъ ужъ, Степанъ Матвѣичъ, это совсѣмъ невозможно. Сами посудите: я даю ей 60 тысячъ деньгами, на 20 тысячъ брильянтовъ и на 20 тысячъ тряпокъ, итого—100 тысячъ. Развѣ этого

мало? А сколько ея образованіе намъ стоило! Этого вы не считаете?—отвѣчалъ услужливый голосъ на этотъ разъ съ раздраженіемъ.

Я чувствовалъ себя нѣсколько неловко, будучи невольнымъ слушателемъ такого интимнаго разговора. Но въ тонѣ этихъ голосовъ звучало что-то рѣшительное, такъ что меня невольно заинтересовало окончаніе этой бесѣды... Мнѣ никогда не приходилось слышать ничего подобнаго, любопытство пересилило; я постарался утѣшить свою совѣсть тѣмъ, что я—слушатель случайный и невольный,—и остался.

— Я вамъ уже говорилъ и говорю, что 60 тысячъ—мало, надо бы 80.

— Нѣтъ, этого я не могу-съ! Вы просите, право, слишкомъ много, Степанъ Матвѣичъ! Она у меня не одна, сами знаете... вѣдь еще двое... Тѣ тоже не захотятъ въ старыхъ дѣвкахъ сидѣть, а конкуренція-то, по нынѣшнимъ временамъ... только ой-ой! Ужъ если хотите—я согласенъ дать ей брильянтовъ на 10 тысячъ, а остальной десятокъ прибавить къ приданому, когда такъ...

— Я вамъ скажу одно, Алексѣй Семенычъ. Мой старшій сынъ женился на Зубовой; о ея приданомъ—вы знаете. Теперь—чѣмъ же мой второй сынъ хуже, если онъ возьметъ такую невѣсту, у которой все приданое въ 100 тысячахъ? Это какъ-будто и не тово выходитъ... Ну, если бы она была сирота—тогда такъ, а то вы можете прибавить... Вы знаете семью, въ которую хотите выдать дочь, знаете наше дѣло... Наша фирма, можно сказать, солидная. Что стоитъ вамъ прибавить 20 тысячъ? Ваша дочь такъ нравится моему сыну... Онъ уже давно мнѣ говоритъ: «вы бы, папаша, поговорили съ Алексѣемъ Семенычемъ, а тамъ я и предложеніе сдѣлаю». Смотрите, какъ онъ за ней все время ухаживаетъ...

— Все это я знаю, Степанъ Матвѣичъ, да поймите, что я рѣшилъ за каждой дочерью дать по 100 тысячъ ровно. Прибавлю одной—на что жъ другихъ обижать? А троимъ прибавлять—выйдетъ 60 тысячъ... слуга покорный! сумма не маленькая. Больше мнѣ и говорить нечего. Не сходимся—нечего дѣлать: свѣтъ не клиномъ сошелся, найдетъ и вашъ сынъ другую невѣсту, и мы жениха. Вамъ хорошо требовать—у васъ всего два сына, а у меня пятеро дѣтей. Да грѣхъ вамъ такъ разсуждать, Степанъ Матвѣичъ. У васъ одна гордость на умѣ—боитесь, что моя дочь для вашего сына—бѣдна будетъ... Такъ и мы не нуждаемся... Прощенья просимъ...

Услужливый голосъ говорилъ взволнованно, и въ немъ слышалась и оскорбленная гордость, и даже твердость. При послѣднихъ словахъ слышно было, какъ говорившій поднялся съ мѣста.

— Ну, ну, не горячитесь, Алексѣй Семенычъ... постойте. Ишь ты какой, право... Чего обидѣлись? Я развѣ хотѣлъ? Ну, Богъ съ вами, вижу, что скупитесь, да ужъ больно ваша Сашенька намъ понравилась. Сдѣлайте ужъ такъ: тысячъ 70 деньгами, а брильянтовъ — на 15 тысячъ, на 10 — маловато очень. А, идетъ?

— Эхъ, чего тутъ... только ради сына вашего соглашаюсь, парень онъ хорошій. Ну, такъ по рукамъ, что ли? Вы вѣдь уѣзжаете?

— Мы думаемъ послѣ завтра... да я и сегодня могу сказать сыну, если увижу, чтобы онъ дѣлалъ предложеніе, а не увижу— онъ завтра самъ къ вамъ прійдетъ.

— Какъ хотите. Кончать такъ кончать. А то надо вѣдь и въ Москву ѣхать—платья шить, заказывать вещи, и все прочее. Ну, слава тебѣ, Господи... Такъ по рукамъ?

— По рукамъ!

Послышался звукъ троекратнаго лобызанія.

— А теперь надо мнѣ сына поймать; чай, онъ съ вашей Сашенькой гдѣ-нибудь... хе-хе-хе...

И оба собесѣдника удалились по направленію къ «главной» аллеѣ сада.

Я сидѣлъ какъ прикованный. Мнѣ такъ живо представилась эта молоденькая Сашенька, едва сошедшая со школьной скамьи, прогуливавшаяся гдѣ-нибудь въ отдаленной аллеѣ сада подъ руку со своимъ молодымъ поклонникомъ. Знала ли она, какъ сейчасъ рѣшалась ея судьба? Я всталъ и пошелъ по тому же направленію, какъ и невидимые собесѣдники. Проходя по главной аллеѣ, я столкнулся лицомъ къ лицу съ группой изъ четырехъ человѣкъ: пожилой мужчина подъ руку съ молоденькой дѣвушкой и старикъ съ молодымъ человѣкомъ чисто купеческой складки. Они всѣ быстро направлялись къ выходу со счастливыми, довольными лицами. — Не это ли мои незнакомцы?— подумалъ я.

Какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль, пожилой мужчина воскликнулъ, обращаясь назадъ:

— Ну, Семенъ Матвѣичъ, хотите ужинать? вечеръ чудесный!

Отвѣта я не разслышалъ, волна толпы подхватила и унесла ихъ впередъ...

Я поспѣшилъ къ себѣ въ номеръ. На другой же день мнѣ удалось покончить всѣ свои дѣла, и я навсегда разстался съ Я—лемъ. Какъ-то поживаетъ теперь Сашенька, въ какихъ хоромахъ проходитъ ея молодая жизнь, и часто ли она надѣваетъ свои брилліанты?

Благотворительность.

Двѣ дамы сидѣли въ уютной, хорошо обставленной комнатѣ за маленькимъ столикомъ и пили кофе. Между ними шла оживленная бесѣда.

— Ахъ, Анна Павловна, если бъ вы знали, какой со мной на-дняхъ былъ случай! Это такъ трогательно, такъ трогательно, что при одномъ воспоминаніи навертываются слезы на глаза!— говорила пожилая дама, хозяйка дома, вынимая платокъ и поднося его къ глазамъ.

— Какой случай? Пожалуйста, разскажите, Ольга Николаевна! — съ любопытствомъ воскликнула гостья, полная блондинка среднихъ лѣтъ, одѣтая немножко модно и слишкомъ молодо.

— Вы помните, какъ на послѣднемъ засѣданіи было прочитано письмо г-жи Поповой, гдѣ она указывала адресъ одной бѣдной семьи? Такъ вотъ, я и поѣхала. Даль—страшная; гдѣ-то на Черной рѣчкѣ. Ну, пріѣзжаю, нашла домъ, вошла во дворъ и насилу добилась толку, гдѣ живетъ Семенъ Петровъ. Повели меня по двору, куда-то далеко, наконецъ, дойдя до маленькаго домишка, указываютъ мнѣ на дверь внизу и говорятъ—тамъ. Вхожу, понимаете ли—вродѣ подвала. Комната перегорожена, видно, что бѣдность, но все же такъ чистенько. На полу играютъ трое ребятишекъ, въ углу стоитъ швейная машинка. Выходитъ женщина съ ребенкомъ на рукахъ; тоже одѣта бѣдно, но чисто. Поклонилась. Я говорю ей, что о ней намъ писали, и проч. и проч. Она сконфузилась сначала, потомъ—стала точно оправдываться: у нея все шло такъ хорошо, пока мужъ былъ здоровъ, теперь же онъ простудился, лежитъ третью недѣлю, нужда страшная, дѣтямъ ѣсть нечего. — Сколько ихъ у васъ? — спрашиваю. — «Да моихъ-то двое». Я удивляюсь:—А тѣ-то чьи же?—и указываю на двухъ другихъ. И представьте себѣ, милая Анна Павловна, что она мнѣ отвѣтила? Нѣтъ, вы представьте себѣ! Это оказалось— круглыя сироты, ихъ мать, вдова, была имъ сосѣдкой. Когда

она умерла, то квартиру ея сдали, ну, а дѣтей—куда дѣть? Родни у нихъ—никого. Они и взяли себѣ. Я говорю:—Да у васъ вѣдь своихъ двое. А она:—«Ничего, Богъ дастъ, на свои ноги встанутъ, намъ же помогутъ. Куда ихъ оставить-то? На улицу, что ли, выбросить?»—Вы бы въ пріютъ похлопотали.—«Гдѣ тутъ въ пріютъ! Неужто не ходили? Да коли вездѣ полнымъ-полно». Я просто опомниться не могу отъ удивленія и спрашиваю:—Какъ же вы живете, если вамъ самимъ едва-едва хватаетъ?—«Дѣтямъ, говоритъ, немного надо. А бросить—грѣхъ на душу возьмемъ, сами мы люди бѣдные, знаемъ сиротство; мать-то ихъ какъ умирала, заплакала—не оставить просила. Ну, мальчикъ теперь—мужу въ работѣ помогаетъ, а дѣвочка—за моими ребятами посмотритъ; подрастутъ—въ ученье отдадимъ...» И говоритъ она все такъ просто, точно такъ и нужно, вотъ ужъ это—истинно по-евангельски, Анна Павловна! Сами—бѣднота, а еще троихъ пріютили! Я была такъ тронута, что просто чуть тутъ же не расплакалась! Ахъ, надо вамъ видѣть эту женщину! какое у нея доброе, симпатичное лицо, какъ она себя держитъ, просто, съ достоинствомъ, словомъ—видно, что и не глупая очень, и добрая. И какъ она съ ними ласково обращается! Они ее «мамой» зовутъ, будто она имъ мать въ самомъ дѣлѣ. Жаль, что я ея мужа не видала, его увезли въ больницу. Это просто необыкновенная семья какая-то!

Анна Павловна была тоже растрогана...

— Да, Ольга Николаевна, это дѣйствительно истинно-христіанскій поступокъ, истинный примѣръ.

Обѣ дамы вздохнули глубоко, помолчали, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Черезъ недѣлю въ той же самой гостиной сидѣла опять Анна Павловна. Ольга Николаевна была на этотъ разъ очень разстроена.

— Представьте себѣ, мой другъ, вѣдь я же предсѣдательница общества, вѣдь это же лежитъ на моей обязанности, я просто голову теряю, что мнѣ дѣлать! Вѣдь наши «ясли»—пріютъ временный, дневной, онъ и безъ того переполненъ, и вдругъ такой случай!

— Да неужели у этого ребенка нѣтъ никого изъ родни?

— Кому же его взять? Отца у него нѣтъ, а мать—утромъ принесла его въ пріютъ, и сама пошла на работу, она тамъ гдѣ-то стирала поденно. Должно быть, выпивши была, что ли, или по неосторожности, право, не знаю, какъ это она угодила

подъ конку... на третій день умерла въ больницѣ. А ребенокъ—такъ у насъ и остался. И вотъ куда теперь его дѣть? просто ума не приложу. Взять его въ пріютъ къ намъ совсѣмъ невозможно, у насъ и смотрѣть за нимъ некому. Надзирательница, сами знаете, къ вечеру уходитъ, а ему—всего 6 мѣсяцевъ, значитъ, ему надо настоящую няньку. Отдать его на воспитаніе кому-нибудь—надо платить деньги... Что же дѣлать?

Ольга Николаевна даже встала и въ волненіи прошлась по комнатѣ.

Анна Павловна озабоченно хмурила брови, придумывая, что бы ей посовѣтовать. Но у нея, какъ нарочно, были свои заботы: дочь выходила замужъ, а старшій сынъ надѣлалъ долговъ, приходилось и безъ того думать, какъ вывернуться и съ приданымъ Нади, и съ долгомъ этого глупаго Константина. А тутъ еще такой непредвидѣнный случай, отъ обсужденія котораго ей, какъ казначею общества, нельзя уклониться. Она почувствовала даже легкую головную боль отъ непривычнаго умственнаго напряженія.

— Голубчикъ, я, право, ничего не могу вамъ посовѣтовать, это надо рѣшить на общемъ собраніи, можно собраться и экстренно ради такого непредвидѣннаго случая.

— Ну, такъ поскорѣе, что ли... — раздраженно отозвалась Ольга Николаевна.—Вамъ-то ничего тянуть это дѣло, а я—предсѣдательница, отвѣчаю за все. У меня и безъ того хлопотъ по горло съ этой лотереей.

— А у кого теперь мальчикъ?—спросила Анна Павловна.

— Да его взяла пока къ себѣ сестра моей кухарки... Конечно, мы ей платимъ. Но вѣдь у нашего общества не хватитъ же средствъ платить ей ежемѣсячно: теперь — 3 рубля, а потомъ потребуютъ и больше.

Анна Павловна встала и начала прощаться.

Проходя по красивымъ, уютнымъ комнатамъ квартиры въ прихожую, она заодно просмотрѣла послѣдній № моднаго журнала и спросила у Ольги Николаевны адресъ извѣстнаго врача по нервнымъ болѣзнямъ, и сколько платятъ за визитъ къ нему на домъ.

— 25 рублей... Но онъ прекрасно относится къ паціентамъ, такъ внимателенъ,—отвѣчала Ольга Николаевна, провожая свою гостью.

Въ прихожей обѣ дамы рѣшили устроить экстренное собраніе на этой же недѣлѣ...

1898—1899 г.

Выстрѣлъ. *)

Короткій октябрьскій день склонялся къ вечеру.

Въ III-ей аудиторіи Высшихъ Женскихъ Курсовъ кончалась лекція. Свѣтъ лампъ ярко озарялъ склоненныя надъ тетрадями головы и красивую фигуру профессора на каѳедрѣ. Слышался отовсюду легкій шелестъ карандашей, двигавшихся по бумагѣ. Небольшая аудиторія была переполнена, всѣ скамьи заняты; въ проходахъ между ними и у дверей стояли слушательницы. Талантливый профессоръ и ученый, пользовавшійся большими симпатіями молодежи, читалъ, какъ всегда, свой предметъ—физическую географію—въ высшей степени интересно...

— Итакъ, — говорилъ онъ, — разсмотрѣвъ современное состояніе планеты Марсъ, мы можемъ притти къ предположенію, что и на землѣ, вслѣдствіе постепеннаго охлажденія, произойдетъ усиленіе денудаціонныхъ процессовъ и исчезновеніе процессовъ тектоническихъ. Рельефъ земли будетъ измѣняться, площадь суши—увеличиваться, потому что глубины морскія будутъ заполняться разными отложеніями. А такъ какъ удѣльный вѣсъ всей воды на земномъ шарѣ равенъ $^1/_{24}$-хтысячной вѣса земли, то значитъ воды далеко не хватитъ, площадь ея сократится еще болѣе, и въ концѣ концовъ на нашей планетѣ отношеніе площади земли къ площади воды будетъ такое же, какъ на Марсѣ, т. е. какъ 1 : 1. Къ тому же, вода исчезаетъ и по другой причинѣ: проникая въ глубь земныхъ пластовъ, она идетъ на работу гидротизаціи элементовъ. Такимъ образомъ, вода сама по себѣ не исчезаетъ, но уменьшается на поверхности. Съ утолщеніемъ земной коры, вода будетъ все болѣе и болѣе углубляться въ трещинахъ ея. Кромѣ того, и атмосфера тратится на окисленіе,

---

*) Этотъ разсказъ иллюстрируетъ душевное состояніе Ел. Дьяконовой: см. «Дневникъ на В. Ж. Курсахъ», 9—29 октября 1896 г. *Прим. ред.*

вывѣтриваніе,—слѣдовательно, исчезаетъ кислородъ, а съ исчезновеніемъ его — уничтожится и органическая жизнь на землѣ. Таковъ печальный конецъ земли... Мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что онъ является дѣломъ неопредѣленно далекаго будущаго...—раздавался мѣрный голосъ профессора, принявшій при послѣднихъ словахъ дѣйствительно печальный оттѣнокъ.

Въ корридорѣ раздался звонокъ.

— Конецъ этотъ наступитъ не скоро, во всякомъ случаѣ не ранѣе конца историческаго періода на землѣ. Этотъ періодъ опредѣляется въ 240 милліоновъ лѣтъ, доисторическій — еще больше; и мрачная картина отодвигается въ безконечно-далекое будущее...

Лекція кончилась. Аудиторія оживилась: всѣ вставали, собирали свои книги, тетради, направляясь къ выходу. Прошелъ и профессоръ, среди разступившейся предъ нимъ толпы.

— Попова... а, Попова... вѣдь лекція-то кончилась, или вы ее проспали? Не стыдно ли? Пойдемте, пора!—говорила, смѣясь, своей сосѣдкѣ молодая красивая дѣвушка, сидѣвшая въ дальнемъ углу аудиторіи.

Та, которую звали, казалось, совсѣмъ ничего не слышала. Закрывъ глаза рукой и устало облокотясь на доску скамейки—она сидѣла неподвижно, не замѣчая окружающаго.

— Ну, мнѣ некогда... Вѣдь вы мнѣ обѣщали сегодня же послѣ лекціи дать третій томъ «Исторіи Западной Европы» Карѣева, а я спѣшу...

— Ахъ, да, простите, Оля... Пойдемте, — сказала Попова, точно очнувшись.

Онѣ вышли изъ аудиторіи и пошли внизъ, одѣваться.

— Ахъ, если бъ вы знали, сколько у меня дѣла! Отъ васъ надо пойти къ Глѣбовой за рефератомъ Ивановой, а потомъ съ нею идемъ на вечеринку къ самарцамъ... — весело болтала Оля.

— Опять?—да давно ли вы были?—улыбнулась Попова.

— Какъ опять?! вѣдь въ прошлый разъ собирались народники, а теперь марксисты. Будутъ Голововановскій, Трейденъ, интересные споры...

— Которые по обыкновенію ни къ чему не приведутъ?—задумчиво сказала Попова.

— Вы всегда съ насмѣшками! Такъ нельзя относиться къ назрѣвшему вопросу нашего времени. Эти направленія необходимо изучить, необходимо притти къ какому-нибудь выводу... А то — сидятъ себѣ, погрузившись по уши въ грамоты XVI-го

вѣка, и не знаютъ азбуки историческаго движенія,—возмущеннымъ голосомъ возразила ей собесѣдница.

— Это вы на меня намекаете?—усмѣхнулась Попова.—Вы знаете, что я не сторонница экономическаго матеріализма, а относительно вашихъ доморощенныхъ марксистовъ скажу, что, право, немногіе изъ нихъ читали Маркса, а прочіе поютъ съ чужого голоса...

Онѣ быстро одѣлись и вышли на улицу.

Молодая дѣвушка покраснѣла отъ негодованія, но отвѣчать—сочла для себя униженіемъ, и только въ глубинѣ души возмутилась «ограниченностью» Поповой. «Такъ жить! не имѣя никакихъ экономическихъ убѣжденій, а главное—такъ игнорировать современныя теченія русской мысли!» Она чувствовала себя несправедливо оскорбленной и утѣшалась только сознаніемъ своего умственнаго превосходства.

Молча дойдя съ Поповой до ея квартиры, Ольга взяла книгу и ушла, довольная всѣмъ: и собой, и своими убѣжденіями, а главное—предстоящей вечеринкой.

Изъ дневника Поповой.

18 октября 189... г.

Вотъ уже второй день, какъ я не знаю, что со мной дѣлается. Помню, что по уходѣ Ольги я сѣла у своего стола и задумалась. Въ ушахъ моихъ все еще раздавался голосъ профессора: «таковъ печальный конецъ земли»... Я машинально повторила ихъ... И вдругъ какъ молнія въ головѣ моей мелькнула мысль: если все это такъ, то къ чему же все существующее, зачѣмъ жизнь?

Я вздрогнула и вскочила съ мѣста.

Мнѣ казалось, что все вертится кругомъ меня, и точно стрѣла прошла сквозь мозгъ.

Страшный вопросъ всталъ передо мною и готовъ былъ придавить меня своею тяжестью.

Я живу... живу, не понимая смысла своего существованія...

Что же это такое?!

Сердце билось такъ, какъ будто хотѣло выйти изъ груди, а въ головѣ съ невѣроятной быстротой завертѣлись колеса какой-то ужасной машины.

Я пробовала было овладѣть собой, отбросить эту мысль, заниматься... Передо мною лежала «Боярская Дума» Ключев-

скаго. Но какое мнѣ было теперь дѣло до этихъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ??

И, упавъ головою на книгу, я заплакала горькими, отчаянными слезами, плакала долго и не стыдилась своихъ слезъ...

О, если бъ сердце мое могло разорваться отъ горя! Я сама не понимаю, какъ это, что это...

Ахъ, какъ просто, кажется, задуматься надъ цѣлью жизни; я читала и Фауста, но между тѣмъ—сама никогда не размышляла глубоко надъ этимъ вопросомъ. Правда,—я думала надъ смысломъ жизни,—надъ тѣмъ, *какъ* надо жить, но... моя цѣль была не конечная, а ближайшая, реальная... Я думала о служеніи народному прогрессу, мечтала о школѣ, которую устрою по окончаніи курсовъ, мечтала о просвѣщеніи народа, и со страстью предавалась изученію русской исторіи для выработки въ себѣ правильнаго пониманія дѣйствительности.

Я проводила цѣлые длинные вечера и ночи, строя гипотезы о нашемъ прогрессѣ, стараясь угадать, въ какую сторону направится онъ. А теперь—что жъ?!

Пройдутъ тысячелѣтія, пройдутъ милліоны лѣтъ. Человѣчество постоянно будетъ прогрессировать; идеалы, о которыхъ мы мечтаемъ, — будутъ достигнуты, явятся новые, и они будутъ достигнуты... а потомъ?

— Постоянное уменьшеніе влаги на землѣ, гибель всего живущаго...

И это—конечная цѣль?! И ради этого мы такъ отчаянно работали, такъ страдали, такъ томились?! Какая невѣроятная, колоссально-нелѣпая шутка!

Нѣтъ, невозможно, невозможно!

Все мое существо, истерзанное, измученное безплодными усиліями надъ разрѣшеніемъ рокового вопроса — возмущается изъ послѣднихъ силъ противъ этого ужаснаго вывода.

Но... вѣдь я еще только на второмъ курсѣ; быть можетъ—слишкомъ мало знакома и плохо изучала философію... Поговорю съ профессоромъ. Онъ что-нибудь мнѣ укажетъ... что именно,—я и сама не знаю,—но чувствую, что онъ долженъ помочь мнѣ.

Страданія эти выше силъ моихъ...

20 октября.

Я страшно застѣнчива. До глупости, до безобразія... Сегодня,

подходя къ профессору,—я даже не знала, какъ буду формулировать свой вопросъ.

Прошлой весной онъ прочелъ намъ лекцію. Содержаніе ея состояло въ логическомъ выводѣ изъ понятія «жизнь»—ея назначенія,—которое лежитъ внѣ ея. Кантовскій категорическій императивъ подсказываетъ намъ, что цѣль жизни — служеніе всеобщему счастію, а такъ какъ доказано, что оно при жизни недостижимо, то—изъ такого положенія естественно вытекалъ выводъ: возможность вѣры въ достиженіе этого счастія за предѣлами земной жизни, т. е. въ безсмертіе души.

Я рѣшила воспользоваться содержаніемъ этой лекціи и подошла къ профессору.

Страшно смутилась, когда онъ задалъ свой обычный вопросъ:—«что вамъ угодно?»

Если бы возможно было поступить вполнѣ искренно—мнѣ бы хотѣлось упасть передъ нимъ на колѣни, зарыдать отъ всего измученнаго сердца и умолять его какъ-нибудь помочь мнѣ жить, такъ какъ я не могу, не могу больше... Я брожу впотьмахъ и не вижу исхода...

Я вся задрожала, подняла глаза и увидѣла высокую, стройную фигуру профессора и его спокойное лицо. Онъ ждалъ, и посмотрѣлъ на часы...

И я пробормотала смущенно...

— Простите, господинъ профессоръ... Въ прошломъ году вы, въ вашей публичной лекціи, доказывая безсмертіе души, говорили, что цѣль жизни—служеніе всеобщему счастію... Но, разъ насъ всѣхъ, а равно и весь міръ, рано или поздно ожидаетъ смерть, то... *для чего же* намъ нужно это служеніе всеобщему счастію?

— Иными словами, если я формулирую точно вашъ вопросъ,—вы меня спрашиваете о причинѣ безсмертія?

Яркая краска залила мое лицо. Тутъ только поняла я, какую сдѣлала глупость, и молчала.

— Что же я могу отвѣтить на вашъ вопросъ?—сказалъ мнѣ профессоръ выразительнымъ тономъ, который яснѣе всякихъ словъ доказывалъ, съ какимъ невѣроятнымъ вопросомъ я къ нему обратилась. Въ самомъ дѣлѣ,—развѣ онъ могъ мнѣ отвѣтить? Развѣ въ этомъ отношеніи онъ могъ знать больше меня?

— Теперь одно—смерть...—мелькнуло у меня въ головѣ. И какъ утопающій хватается за соломину, въ смутномъ страхѣ передъ вѣчностью, я спросила:

— Еще одинъ вопросъ, извините... Я вѣрю въ безсмертіе

души и вполнѣ согласна съ вашими взглядами... Но... мнѣ хотѣлось бы отдѣлаться отъ этой вѣры: тогда — легче жить и легче умереть.

Профессоръ, убѣжденный метафизикъ, засмѣялся...

— Попробуйте! Въ прошломъ году вы еще могли бы отдѣлаться отъ этой вѣры, но теперь, послѣ моихъ лекцій—это невозможно.

Онъ говорилъ спокойно и категорично. Мнѣ стало смѣшно, и надо было сдѣлать усиліе, чтобы не разсмѣяться прямо въ глаза надъ его хвастливою самоувѣренностью. Онъ вдругъ показался мнѣ смѣшнымъ ученымъ педантомъ, наивно убѣжденнымъ въ несокрушимости своихъ мнѣній, избалованнымъ нѣсколькими поклонницами. Не онъ доказалъ мнѣ безсмертіе души, я пришла къ такому убѣжденію независимо отъ его лекціи; да и вообще, я не изъ такихъ, чтобы смѣло слѣдовать за чужими доводами.

И поэтому я настойчиво повторила свой вопросъ:

— Нѣтъ, все-таки, скажите...

Онъ пожалъ плечами...

— Прочтите Бюхнера «Stoff und Kraft». Это — credo матеріалистовъ... Или «Wissenschaft und Völkerglaube».

Я молча поклонилась и ушла.

Если бъ онъ могъ знать, что творилось въ моей душѣ за время этого разговора, какъ я измучилась, до чего мнѣ тяжела эта жизнь, въ которой я не вижу смысла; если бъ онъ могъ почувствовать, отчего дрожалъ мой голосъ, когда я говорила «легче умереть»,—и догадаться, что я, несмотря ни на что, обратилась къ нему съ смутною вѣрой въ его нравственную поддержку,— онъ понялъ бы все, понялъ бы мое душевное состояніе и не такъ говорилъ бы со мной.

Но... развѣ онъ могъ понять? развѣ было ему время вглядываться въ мое лицо и обратить вниманіе на мои слова? Онъ спѣшилъ читать намъ курсъ психологіи...

24 октября.

Я не стану читать Бюхнера... Къ чему? Изъ боязни безсмертія—потерять въ него вѣру изъ-за одной прочитанной книги?! Я стыжусь такого припадка малодушія.

Вчера я ходила по своей комнатѣ, думая все о томъ же. Кузина играла на роялѣ. И подъ звуки знакомой сонаты вспомнилось мнѣ нынѣшнее лѣто. Мы проводили его на рижскомъ

Strand'ѣ. У насъ былъ знакомый студентъ-естественникъ IV-го курса. Онъ тоже страдалъ міровой скорбью, писалъ пессимистическіе стихи и гулялъ одинъ по берегу, что, однако, не помѣшало ему влюбиться въ кузину. Онъ, кажется, не прочь былъ мечтать о бракѣ. И я тогда еще искренно недоумѣвала: если онъ постоянно твердитъ намъ, какъ онъ несчастенъ, и какъ міръ несчастенъ—то зачѣмъ же ему думать о бракѣ и ухаживать за кузиной, такъ какъ въ результатѣ—потомство, т. е. такія же несчастныя существа, которыя когда-нибудь тоже зададутъ себѣ этотъ вопросъ и съ такою же тоскою будутъ смотрѣть на міръ... Истинное безуміе! Вѣчно-старая — вѣчно-новая исторія. Но вѣдь это простительно лишь массѣ. Всѣ же, кто взглянетъ на жизнь сознательно и, задавъ себѣ таковой вопросъ, не найдутъ на него отвѣта,—вступая въ бракъ, совершаютъ преступленіе... хотя и увѣряютъ, что «любятъ другъ друга»...

И мнѣ показалась смѣшной и наша жизнь, и всѣ люди со своими преувеличенными страданіями, вертящіеся, какъ бѣлки въ колесѣ...

Я засмѣялась, и мнѣ мой смѣхъ показался какимъ-то страннымъ, особенно-звучнымъ.

Мнѣ стало вдругъ безумно-весело. Я побѣжала въ гостиную, откуда неслись звуки Бетховенской сонаты. Кузина, страстная музыкантша, съ удивленіемъ взглянула на меня.

— Что ты?

Меня душилъ смѣхъ.

— Ничего, ничего... это такъ... Ты Бетховена играешь?

— Да, но отчего же ты смѣешься? Пожалуйста скажи... Мнѣ самой иногда глупыя вещи приходятъ въ голову, и я тоже смѣюсь...—спокойно, не переставая играть, спрашивала кузина.

— Тебѣ? тоже?—засмѣялась я, но мнѣ уже трудно было стоять на ногахъ, и я упала въ кресло...

— Да что съ тобой? ты какая-то странная... Право, ты слишкомъ много занимаешься... Тебѣ надо выпить воды и пойди погулять...

— Да... ты права,—сказала я, овладѣвъ наконецъ собою... —Теперь ничего, играй, я пойду къ себѣ.

Ей хотѣлось смѣяться! Нѣтъ, ужъ пусть лучше она никогда не смѣется *такъ*!

Что-то тяжелое, страшно тяжелое налегло на грудь и сжимаетъ сердце.

И кажется, что во мнѣ все какъ будто утихло, спокойно стало...

25 октября.

Я чувствую, что должна сдѣлать рѣшительный шагъ...

Какой? — послѣдній, послѣдній къ рѣшенію загадки, такъ какъ ни жизнь, ни наука, не даютъ мнѣ ея...

Что нужно намъ, того, увы, не знаемъ мы,
Что жъ знали мы, того совсѣмъ для насъ не надо...

Простите всѣ, кому я причиняю горе моей смертью! Не виновата я, что могла жить лишь до тѣхъ поръ, пока не всталъ предо мною основной вопросъ моего существованія. Я знаю, что чѣмъ меньше думать надъ жизнью,—тѣмъ меньше шансовъ, что эта мысль придетъ въ голову.

Я страстно полюбила жизнь, когда поступила на курсы. Добившись своего послѣ долгихъ лѣтъ страданія, переживъ борьбу,—я испытывала такое радостное чувство, когда наконецъ-то впервые вошла въ аудиторію,—будто побѣдила міръ. Одна цѣль была достигнута, и будущее рисовалось мнѣ самое честное, самое хорошее: служеніе народу, прогрессу...

Сама борьба за этотъ прогрессъ казалась мнѣ высшимъ счастьемъ... И теперь я понимаю, отчего тогда не вдумывалась въ жизнь глубже: оттого, что слишкомъ увлекалась дѣйствительностью... должно быть, была тогда очень молода...

Мнѣ теперь 22 года... И все кончено, кончено...

Я ухожу изъ жизни, потому что не могу помириться на компромиссѣ: «я не знаю, для чего я живу, но жизнь прекрасна, и я все-таки живу»...

Я хотѣла было вѣрить въ прогрессъ, потому что надо же было во что-нибудь вѣрить. Теперь и этого нѣтъ...

Я никогда не гналась за личнымъ счастьемъ, и, какъ историку,—жизнь представляется мнѣ однимъ изъ безчисленныхъ звеньевъ мірового цѣлаго, въ общемъ движеніи культурно-историческаго процесса.

И разъ я не знаю конечной цѣли этого процесса—я, единица, не хочу далѣе двигаться и... уйду!...

Куда? — Я вѣрю въ безсмертіе души... поэтому имѣю смутную надежду, что, быть можетъ, я узнаю рѣшеніе этой загадки *тамъ*...

А Богъ? Я вѣдь все-таки остаюсь деисткой по убѣжденію.

О, гдѣ ты, моя чудная, дѣтская, чистая вѣра! Съ какою тоскою и болью вспоминаю тебя! Мнѣ легче было бы жить теперь съ нею. Но ея нѣтъ—она потеряна, безвозвратно потеряна!

Я была въ дѣтствѣ очень религіознымъ ребенкомъ и увлекалась мечтами даже о монастырѣ... И эту-то мою идеальную вѣру—люди разбили, съ корнями вырвали изъ души моей. Они разбили ее своимъ ханжествомъ, лицемѣріемъ, тою колоссальной разницей, которую я видѣла между ихъ дѣлами и исповѣдуемыми ими завѣтами христіанства, которые заставляли меня заучивать.

Придя въ сознательный возрастъ, я спросила себя: зачѣмъ же это такъ? Значитъ религія—это миражъ, самообманъ, ловкая игрушка въ рукахъ дѣльцовъ, не болѣе...

Мнѣ стало тяжело и больно. И вмѣсто того, чтобы уйти въ монастырь,—я потеряла точку опоры, и стала уже нищей.

Другіе—хвастаются своей борьбою, поздравляютъ себя съ освобожденіемъ отъ предразсудка, а я не могу... Не могу, потому что слишкомъ ясно для меня сознаніе страшной пустоты, которая образовалась въ душѣ моей послѣ этого погрома...

Кругомъ меня одна черная, безпросвѣтная ночь.

Гдѣ же мой Богъ? Пойду искать его... пойду искать, быть можетъ, найду, и тогда онъ прочтетъ въ глазахъ моихъ страшный вопросъ.

Ахъ, какъ я измучилась! Какъ можетъ человѣкъ выносить такія страданія? Скорѣй бы конецъ...

Мнѣ страшно... Въ послѣднюю минуту охватываетъ какой-то ужасъ... Чего же я боюсь? вѣчности? Но я заставлю себя побороть и этотъ ужасъ...

Простите же, мои дорогіе, милые, несчастные, близкіе...

Раздался выстрѣлъ...

Когда хозяйка квартиры, гдѣ жила Попова, услышала его и съ крикомъ вбѣжала въ комнату,—было поздно: по лицу ея уже разливалось таинственное, холодное спокойствіе смерти.

Была ли разрѣшена загадка жизни?

1898 г.

Отчего? *)

... Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь, въ усердьѣ глупомъ,
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.
Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой—
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Добролюбовъ.

Въ домѣ Каретниковыхъ всѣ были такъ поражены, что въ первую минуту никто даже не плакалъ.

— Господи! Да не можетъ же этого быть!

— Да какъ же это? да что же это?—растерянно повторяли всѣ.

Раскрытая телеграмма лежала на столѣ.

«Коля застрѣлился. Телеграфируйте похоронахъ. Петровъ».

Ее перечитали нѣсколько разъ, и, казалось, страшное извѣстіе было еще непонятно,—до того были всѣ поражены.

— И что это онъ надъ собою сдѣлалъ?...

— Боже мой, да что же это?—вдругъ заплакала гувернантка Инна Михайловна. И какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, всѣ тоже вдругъ поняли и то, что Коля уже умеръ, и то, что онъ застрѣлился, и его такъ жаль, такъ жаль...

Хозяйка дома, тетка покойнаго, упала на стулъ и истерически зарыдала. «А я-то его какъ сына любила, думала ли я дожить до такого горя!»—сквозь слезы повторяла она.

Хорошенькая экономка Любочка тоже плакала. Всѣ любили и Ольгу Семеновну и ея племянника, красиваго молодого офицера, всѣмъ было жаль и его и Ольгу Семеновну. Мужъ и старшій сынъ угрюмо молчали.

---

*) См. «Журналъ для всѣхъ». № 7, 1900 г.

Страшная вѣсть облетѣла весь домъ, проникла въ людскую, въ мастерскую, и одинъ изъ «мальчиковъ» уже бѣжалъ въ магазинъ, чтобы поскорѣе сообщить ее тамъ.

А въ столовой неутѣшно рыдала Ольга Семеновна.

Петръ Акимычъ, мужъ ея, толстый купецъ лѣтъ подъ 60, безпомощно озирался кругомъ.

— Оленька, да ты... это... успокойся... да ужъ видно такъ, Божья воля...—повторялъ онъ.

— Мамочка, милая...—умоляюще твердилъ сынъ, мальчикъ лѣтъ 17.

Но Ольгѣ Семеновнѣ не легко было успокоиться. Она теряла не только племянника, сына покойной сестры, но и воспитанника. Она оплакивала его какъ сына, не слушая ничьихъ словъ.

— Отчего же, отчего?!—повторяла она, задыхаясь отъ слезъ.

Этотъ вопросъ задавали себѣ всѣ.

— Вѣдь когда вы получили отъ него послѣднее письмо,— что онъ писалъ?—спросила Инна Михайловна.

— Да ничего особеннаго... поздравлялъ меня съ днемъ рожденія, писалъ, что хорошо устроился на новомъ мѣстѣ... вотъ и все...

— Когда онъ былъ у насъ въ послѣдній разъ—тоже ничего нельзя было подумать... такой веселый былъ, какъ всегда,—сказалъ Петя.

— И романа нельзя предположить... не такой онъ былъ. За нимъ женщины ухаживали, но онъ мало обращалъ на нихъ вниманія. Долговъ тоже не было... да если бъ и были, онъ зналъ, что я всегда заплачу все...

Ахъ, Господи, Господи, отчего жъ это, отчего?!

И истощивъ всѣ свои соображенія, Ольга Семеновна снова заплакала.

— Ольга Семеновна, а знаете, что?! Я вотъ теперь припоминаю... Когда онъ былъ у насъ проѣздомъ въ Екатеринбургъ, такъ сказывалъ мнѣ, что его товарищи на прощанье давали обѣдъ; потребовали шампанскаго и загадали: чей бокалъ не разобьется, съ тѣмъ въ будущемъ году случится несчастье. Когда бросили бокалы,—у всѣхъ разбились, только его цѣлъ остался... И когда онъ мнѣ объ этомъ разсказывалъ,—такой былъ грустный, такой грустный; а я надъ нимъ, помню, еще посмѣялась. Вы, говорю, Николай Николаевичъ, всѣхъ насъ переживете...

Ольга Семеновна жадно ловила каждое слово.

— Когда же онъ тебѣ это говорилъ?—быстро спросила она.

— Когда? Да вѣдь онъ у насъ былъ въ декабрѣ; а теперь—

мартъ... я ужъ точно и не помню, знаю только, что во вторникъ, когда былъ журфиксъ. Я здѣсь чай разливала, а онъ пришелъ изъ залы, грустный такой, сѣлъ вотъ сюда и началъ со мной разговаривать. Я и вниманія не обратила, думала, что онъ такъ себѣ, выдумываетъ... а вотъ...—и Любочка грустно вздохнула.

— Значитъ, у него было какое-то предчувствіе!—воскликнула Инна Михайловна.

— Должно быть, судьба его была такая... можетъ, и вправду это у него предчувствіе было... отъ меня онъ, конечно, все скрылъ...—задумчиво говорила Ольга Семеновна.

Въ столовой воцарилось тяжелое молчаніе; только мѣрно тикали часы.

Ольга Семеновна, наконецъ, вытерла слезы.

— Что жъ теперь дѣлать? вѣдь хоронить надо...

Петръ Акимычъ тяжело вздохнулъ. Его, въ сущности, взволновало не столько самое событіе, сколько горе жены. Къ племяннику онъ былъ равнодушенъ,—да и вообще ко всему относился такъ же, за исключеніемъ своихъ торговыхъ дѣлъ.

Жену онъ слушался всегда и во всемъ, сознавая, что безъ нея онъ нуль, ничтожество и ни въ чемъ успѣха имѣть не будетъ.

Такъ и теперь: онъ тотчасъ же согласился.

— Надо распорядиться... Ты какъ думаешь, Оленька, гдѣ?

— Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Тамъ Манины дѣти похоронены...

— Мамочка, а вѣдь надо телеграфировать Петрову,—напомнилъ сынъ.

— Ахъ, Петя, спасибо... мы вѣдь и забыли... Да поскорѣе надо, срочную... да еще пошлите сейчасъ въ магазинъ за Еремѣемъ Игнатьичемъ.

Петя убѣжалъ.

— Ольга Семеновна, а вѣдь, я думаю, въ бюро похоронныхъ процессій надо послать,—сказала гувернантка.

— Да вотъ сейчасъ обо всемъ переговоримъ, какъ Еремѣй Игнатьичъ придетъ,—отвѣчала Ольга Семеновна.

Ея дѣятельная, энергичная натура и тутъ сказалась. Какъ ни была она потрясена горемъ, но при такомъ важномъ дѣлѣ, какъ похороны, надо было прежде всего отдать нужныя распоряженія. Она знала, что безъ нея никто не сумѣетъ толково распорядиться. И все необходимое, неотложное, само собой пришло на умъ. Никто не вспомнилъ о священникахъ, а надо, теперь вѣдь постъ, и они всѣ очень заняты; въ монастырь послать, переговорить о мѣстѣ тоже надо...

— Инна Михайловна! вы напишите батюшкѣ, чтобы завтра была заупокойная обѣдня и панихида... Мы всѣ поѣдемъ. А ты, Любочка, съѣзди поскорѣе къ портнихѣ и скажи, чтобы къ завтрашнему вечеру сшили простенькое траурное платье, и купи всѣмъ чернаго сукна на кофточки: я не хочу видѣть ни на комъ въ домѣ ничего цвѣтного...

Черезъ пять минутъ Инна Михайловна сидѣла за письменнымъ столомъ, Любочка мчалась на извозчикѣ...

Ольга Семеновна, утирая слезы, ставила на столикъ въ гостиной портретъ племянника, украшая его живыми цвѣтами, а въ столовую тихою, степенною поступью входилъ Еремѣй Игнатьичъ, крестясь на образъ.

Петръ Акимычъ, чувствуя себя совсѣмъ потерянным среди этого внезапнаго несчастья и общихъ слезъ, обрадовался его приходу...

— Н-ну, дѣла, Еремѣй Инатьичъ, и этакая нынѣшняя молодежь... горя-то, горя-то изъ-за нея сколько примешь...

— Бога забыли, сударь, Бога забыли!—укоризненно воскликнулъ старикъ-управляющій.

— Ужъ только Ольга Семеновна такъ убиты, я при нихъ этого не скажу,—дѣло женское, конечно, слезы; а вамъ, сударь, вотъ мой сказъ: кабы это по-старинному, скажемъ, пришло въ голову такое дьявольское искушеніе—молись! А нынѣшняя молодежь развѣ когда въ церковь заглянетъ? Бога забыли, — все оттого...

Въ дверяхъ столовой показалась Ольга Семеновна, и началось дѣловое совѣщаніе.

* * *

Тихо льется печальное, за душу хватающее пѣніе монахинь. Посреди обширной церкви на возвышеніи стоитъ металлическій гробъ, на немъ огромный вѣнокъ, кругомъ на ступенькахъ тоже вѣнки. Въ церкви не много народа: Ольга Семеновна, величественная и красивая въ траурномъ платьѣ, стоитъ впереди, рядомъ съ ней—сестра покойнаго, сынъ, мужъ, младшія дѣти и всѣ домочадцы.

Желаніе Ольги Семеновны исполнено: всѣ одѣты въ трауръ.

Начинаютъ съѣзжаться знакомые. Офицеръ съ женой, какія-то барышни съ цвѣтами въ рукахъ.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ, прислонясь къ колонкѣ, стоитъ молодая дѣвушка, вся въ черномъ, съ книгою въ рукахъ.

Хотя Ольга Семеновна и семья не сочувствуютъ никакимъ

«идеямъ», а особенно учащимся женщинамъ, но сношеній съ курсисткой-племянницей не порываютъ изъ «приличія» и извѣстили ее обо всемъ.

Ильина стоитъ, опустивъ голову... «Отчего? отчего? вотъ неотвязная мысль. Если бы я знала его ближе, а то... вѣдь нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ», думаетъ она. И чтобы успокоить себя, повторяетъ: «нѣтъ отвѣта»... Но какое-то особенное чувство виновности передъ тѣмъ, который лежитъ здѣсь въ гробу, наполняетъ душу, и ей жаль, мучительно жаль его, и сознаніе безполезности этого сожалѣнія тоже мучительно...

Чтобы успокоиться, она хочетъ думать о другомъ.

Машинально обводитъ она глазами церковь, останавливается на портретѣ покойнаго, вставленномъ въ вѣнокъ изъ розъ. Красивое грустное лицо; большіе темные глаза печально смотрятъ на нее. Мундиръ съ аксельбантомъ. Гдѣ она видала его въ этомъ мундирѣ? гдѣ-то видала... а, въ театрѣ!

Это было годъ тому назадъ, на второмъ курсѣ... тогда она видѣлась съ нимъ въ послѣдній разъ... Шелъ «Тангейзеръ», и ее пригласили въ оперу... Она никогда не обращала вниманія на этого худенькаго офицера... всѣ военные такіе скучные, пустые, ограниченные, да и онъ съ ней, кажется, не разговаривалъ. Нѣтъ, впрочемъ, говорилъ... вдругъ она вздрогнула. Да, да, это было такъ...

Въ ея воображеніи встала огромная, залитая огнями зала... они—въ ложѣ, вдвоемъ...

— Что подѣлываете вы здѣсь?—слышитъ она тихій, грустный голосъ.

И вся сіяющая, радостно возбужденная, она восклицаетъ:

— Какъ что?! А лекціи на курсахъ, а практическія занятія съ профессорами, а умственная и общественная жизнь Петербурга? Да все это такъ интересно, такъ... что...—у нея даже дыханье захватило,—право, кажется, десяти жизней мало!! А вы?

— Что наша жизнь...—говоритъ тотъ же голосъ.—Полкъ стоитъ почти въ деревнѣ, глушь такая... что жъ дѣлать? Офицеры пьянствуютъ, въ карты играютъ... Ужъ какая наша жизнь!

Она хорошо помнитъ, какъ презрительная жалость шевельнулась у нея въ сердцѣ:—«Вотъ несчастные-то!»

И изъ вѣжливости, сочувственно она отвѣчала:

— Да, это очень печально...

Оркестръ заигралъ... послѣдній актъ начинался... Она уѣхала къ себѣ домой и не видалась съ нимъ больше.

А теперь—вотъ...

Что-то тяжелое, страшно тяжелое легло на сердце. Глухое рыданіе вырвалось у нея изъ груди, и она упала на колѣни...

Ольга Семеновна тревожно обернулась на племянницу:

— Ужъ не влюблена ли та была въ него, прости, Господи?... Вотъ еще, точно мало горя!—мелькнуло у нея въ головѣ... и тотчасъ же, чтобы отогнать отъ себя «постороннія мысли», опустилась на колѣни, шепча молитвы.

Ильина старалась овладѣть собой.

«Ужъ какая наша жизнь!»—раздается въ ея ушахъ, и выразительные глаза портрета смотрятъ съ живымъ укоромъ... смотрятъ на всѣхъ окружающихъ, плачущихъ и молящихся.

Она встаетъ... она больше не плачетъ,—слезы вѣдь безполезны. Вѣдь теперь ему все равно, совершенно все равно... и пожалѣть его надо было раньше, когда онъ еще жилъ среди насъ, когда грустно разсказывалъ о своей жизни, когда говорилъ съ Любочкой о своемъ наивномъ предчувствіи.

«Всякій виноватъ за всѣхъ», кажется, Достоевскій сказалъ...

И мы, и мы всѣ виноваты.

Подъ грустные звуки панихиднаго пѣнія, передъ нею точно раскрывалась вся эта короткая, безрадостная жизнь.

Среди военной дисциплины, въ глуши, потомъ въ губернскомъ городѣ,—все въ одной средѣ, въ притупляющей умъ и сердце обстановкѣ... гдѣ искать выхода, когда самъ не умѣешь найти и... показать его некому? «Вотъ отчего, вотъ отчего!» говоритъ ей внутренній голосъ... и она рада была убѣжать отъ него, и некуда было...

Наконецъ, панихида окончилась... Гробъ понесли къ могилѣ. Весеннее солнце ярко сіяло, травка кое-гдѣ выбивалась изъ-подъ снѣга... Вмѣстѣ съ опускающимся гробомъ въ могилу падали розы. Это двѣ барышни бросали свои цвѣты.

Могильщики работали быстро... Скоро выросъ небольшой холмикъ и покрылся еловыми вѣтками. Уложили и вѣнки. Родственники стали приглашать присутствующихъ на поминки. Ильина уѣхала, спѣша на экзаменъ.

И на одинокой могилѣ остался портретъ, вставленный въ вѣнокъ... и темные глаза смотрѣли теперь на великую, неизмѣнную, спокойную мать-природу, которая вновь пробуждалась отъ долгаго зимняго сна...

Е. Нерехтская.

СПБ. Мартъ 1899 г.

Подъ душистою вѣтвью сирени. *)

(Посвящается С. И. Садовской).

Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, Сонѣ—восемнадцать. Я только-что окончила институтъ, она—гимназію. Мы были дружны съ дѣтства, несмотря на разницу воспитанія. Я рано лишилась родителей и воспитывалась у бабушки, старухи суровой и строгой; она—дочь городской акушерки, разошедшейся съ мужемъ, росла на полной свободѣ, безъ боннъ и гувернантокъ, и эта ранняя самостоятельность всегда возбуждала во мнѣ зависть.

Мы не видались около года и встрѣтившись, жадно приглядывались другъ къ другу, стараясь каждая уловить перемѣны, происшедшія въ другой. И я должна была сознаться, что мнѣ до Сони—далеко: она всегда была недурна собой, теперь—похорошѣла еще больше, и усердно занималась музыкой, готовясь въ консерваторію. У нея уже была масса поклонниковъ, и она смотрѣла на нихъ, какъ на заурядное явленіе, какъ на должную дань своей красотѣ. Я училась лучше, читала и знала гораздо больше ея. Но Соня лучше меня знала науку жизни, и это знаніе людей, ея красота, и то «пережитое», о которомъ она какъ-то таинственно, вскользь, упоминала—давало ей неизмѣримое преимущество надо мною. И я инстинктивно чувствовала, что и Соня сознаетъ это, и въ ея обращеніи со мной, всегда дружескомъ, сквозило чуть замѣтное сознаніе своего превосходства.

Мы жили въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, у обывателей котораго было не принято давать своимъ дочерямъ какое-либо

---

*) Этотъ разсказъ, переведенный авторомъ на французскій языкъ, былъ премированъ бронзовою медалью на литературномъ конкурсѣ Парижскаго общества студентокъ въ 1902 г. *Прим. ред.*

иное образованіе, кромѣ «домашняго». Намъ приходилось довольствоваться обществомъ другъ друга,—чему я была очень рада.

Но Соня скоро начала скучать. Она никакъ не могла примириться съ тихой и однообразной жизнью нашего города.

Я же была довольна уже и тѣмъ, что навсегда избавилась отъ несносныхъ казенныхъ стѣнъ, что опять могла гулять въ любимомъ саду и читать. Разсказы Сони о томъ, кто за ней ухаживалъ, и какъ ухаживалъ, интересовали меня такъ же, какъ занимательные газетные фельетоны, и вносили нѣкоторое разнообразіе въ мою жизнь.

Но я была слишкомъ далека отъ мысли испытать все это самой, «увлечься»—хотя бы просто такъ, для развлеченія отъ скуки, какъ мнѣ не разъ совѣтовала Соня.

Наши взгляды на мужчинъ были противоположны: Соня—интересовалась ими исключительно съ романической стороны; я—робкая, застѣнчивая, вся погруженная въ книги, мучилась сознаніемъ своего невѣжества и въ глубинѣ души побаивалась всѣхъ мужчинъ, считая ихъ несравненно умнѣе и образованнѣе себя. Я совершенно не чувствовала себя способной обращаться съ ними смѣло и самоувѣренно, какъ Соня, и это еще больше возвышало ее въ моихъ глазахъ. Соня, смѣясь, одерживала побѣды, я—робѣла и стушевывалась, и про меня говорили, что я скучна и неинтересна.

* * *

Въ одинъ тихій и нѣжный іюньскій вечеръ я сидѣла въ саду у развалившагося стараго забора, гдѣ росли большіе кусты сирени, и увлекалась «Исторіей цивилизаціи въ Англіи». Строгая бабушка обыкновенно ухитрялась отравлять большую часть моего дня безконечными хлопотами, заставляя «пріучаться къ хозяйству». На этотъ разъ она ушла въ гости, и я, вполнѣ счастливая, что мнѣ никто не помѣшаетъ,—съ благоговѣніемъ составляла конспектъ прочитанной главы.

«Подъ душистою вѣтвью сирени»...—послышалось пѣніе, и въ калиткѣ сада показалась Соня, какъ всегда нарядная, изящная.

— Ну, совсѣмъ какъ героиня романа,—вечеромъ, одна, на скамьѣ и съ книжкой...—оживленно заговорила она.—Чей романъ?

Соня схватила толстый томъ, и лицо ея вытянулось.

— Бо-окль? Въ такой поэтическій вечеръ она—за Боклемъ?! Да еще конспектъ?! Въ часы заката солнца можно только стихи писать, а она—конспекты, ха-ха-ха!

— Вѣчно ты съ глупостями,—пробормотала я недовольно, стараясь взять у нея тетрадку, но неумолимая Соня отняла ее вновь и, смѣясь, бѣгала по дорожкѣ.

— Перестань же, наконецъ! Что тутъ смѣшного, если я въ свободное время занимаюсь... Вѣдь бабушки дома нѣтъ,—уговаривала я ее.

— Ахъ, ты, глупая, да коли ея дома нѣтъ—тѣмъ больше надо бы спѣшить пользоваться временемъ для своего удовольствія... А какое это удовольствіе въ чудный лѣтній вечеръ сидѣть... надъ ученой книжкой?—Посмотри, до чего хорошо все кругомъ! Красота какая,—поэзіи сколько!

Хочется плакать, любить и молиться
Мнѣ въ эту чудную ночь...

— А ты что?! Воплощенное благоразуміе какое-то...

— Ты опять принялась за старую тему...—недовольно перебила я ее.

— Да надо же тебя хоть немножко расшевелить!—Посмотри на себя! взрослая дѣвушка—и еще ни одного романа не было! Точно ребенокъ, право...

— Да мнѣ и не нужны вовсе эти романическія передряги, вѣдь я—не ты... У меня—совсѣмъ другая натура...

— Вовсе нѣтъ, а оттого что ты еще не встрѣчала людей, которые тебя заинтересовали бы.

— Вовсе нѣтъ, а оттого, что ты еще не встрѣчала людей, кохватаетъ мужества разговаривать съ мужчинами?—хотѣлось мнѣ откровенно признаться, но, боясь насмѣшекъ Сони, промолчала.

А она продолжала тономъ опытнаго человѣка:

— Если бъ ты сама кого-нибудь полюбила—разсуждала бы иначе; а то—говоришь такъ хладнокровно только потому, что еще не испытала, что такое любовь.

— Велика важность, что не испытала. Развѣ это такъ необходимо? Можно жить и безъ этого, какъ видишь; и я не пожалѣю, если и всю жизнь проживу такъ же спокойно, какъ теперь,—лѣниво и равнодушно сказала я.

Соня терпѣть не могла этого тона. Ея горячая польская кровь взволновалась.

— Ахъ, ты, глыба ледяная,—да понимаешь ли, что ты еще не испытала лучшаго наслажденія! Любовь, увлеченія—все это

такъ разнообразитъ жизнь, отъ этого она ярче дѣлается! Какая твоя жизнь?—сѣрая, монотонная, безцвѣтная,—ужасъ!!

— Вѣдь разная бываетъ любовь...—воодушевилась Соня.—Нѣкоторые любятъ такъ, что на всю жизнь остается воспоминаніе... Помнишь ли ту карточку, которую я тебѣ показывала въ альбомѣ?

— Это Войцеховскій? такой красивый?—Помню.

— Ну, да, онъ самый... Я тебѣ разсказывала, какъ онъ меня полюбилъ... и все говорилъ, что я его первая и послѣдняя любовь. Я ему прямо сказала, что люблю другого,—и еще посмѣялась... А онъ, оказывается, серьезно говорилъ... Саша Гаевская пишетъ мнѣ сегодня, что онъ отказался отъ мѣста и на-дняхъ ѣдетъ въ Вильно для поступленія въ семинарію, а потомъ—будетъ ксендзомъ... Блѣдный такой сталъ...

— Тебѣ его жаль?—спросила я.

— Конечно, жаль... но я—не виновата. Вѣдь я не давала ему никакого повода. Правда, я имъ увлеклась сначала,—онъ вѣдь такой красивый, стихи пишетъ,—но увлеклась слегка, и всегда говорила ему, что мои увлеченія не серьезны... Я и не думала совсѣмъ, что могу возбудить сильное чувство. Но все-таки,—такая глубокая, такая идеальная любовь—какъ хочешь, пріятна для самолюбія. Меня еще никто такъ не любилъ... Скажи, развѣ ты не хотѣла бы, чтобы тебя полюбилъ кто-нибудь—не грубо, разумѣется, а именно такъ, возвышенно, для... твоего перваго дебюта?—лукаво разсмѣялась Соня.

Я покраснѣла отъ неожиданности вопроса, а она наслаждалась моимъ смущеніемъ.

— А-а, небось, не находишься, что отвѣтить... То-то вы, умницы, на словахъ—все можно отрицать, на дѣлѣ—попробуйте, пари держу, что сама полюбила бы, да еще ка-акъ!

— Вовсе нѣтъ! какія глупыя у тебя фантазіи! Я этого и представить себѣ не могу,—защищалась я.

— Полно, полно, придетъ время—вспомнишь мои слова,—авторитетно говорила Соня.—Однако, я долго у тебя засидѣлась! надо еще письмо отправить на почту. До свиданія! Желаю пріятно провести время за ученымъ конспектомъ!

И Соня, на ходу поцѣловавъ меня, ушла своею легкою и быстрою походкой.

* * *

Я раскрыла Бокля, котораго такъ небрежно швырнула на столъ Соня, и взяла тетрадку съ конспектомъ. Но работа не шла

на умъ. Въ мое серьезное настроеніе точно ворвалась широкая струя чего-то новаго, неяснаго, но невыразимо-увлекательнаго.

Не въ первый разъ разсказывала мнѣ Соня о своихъ поклонникахъ; но впервые пришлось убѣдиться, что та идеальная любовь, о которой я читала въ книгахъ—можетъ существовать и на дѣлѣ. Противъ факта возражать было невозможно. Войцеховскій любилъ Соню именно такъ...

Въ головѣ завертѣлись спутанныя мысли... Идеальная любовь... жизнь ярче дѣлается... Въ самомъ дѣлѣ—сравнить мою жизнь и Сонину... ея—куда разнообразнѣе и интереснѣе... Да, только идеальная любовь—настоящая любовь, не низменное, не животное чувство... Такъ именно Данте любилъ свою Беатриче, Петрарка—Лауру... Счастливая Соня! А вотъ я-то...

Мнѣ вдругъ стало скучно и жаль себя. Я вспомнила, какъ въ институтѣ меня учили завиваться и постоянно твердили, что я слишкомъ погружаюсь въ книги, слишкомъ «не отъ міра сего», и предупреждали, что въ такомъ случаѣ я никогда не буду нравиться, хотя и недурна собой... Какъ я смѣялась надъ этими совѣтами! А теперь—что-то подсказывало мнѣ, что подруги, пожалуй, были правы. Вѣдь и всякая любовь, даже и идеальная, начинается съ того, что человѣкъ нравится... Вѣдь влюбился же сынъ почтмейстера въ Вареньку Сухову, а она такая некрасивая...

— Неужели же я въ самомъ дѣлѣ никогда и никому не буду нравиться?—отъ всего сердца вырвался у меня неудержимо горькій упрекъ судьбѣ.

— Кто это вамъ сказалъ?—протестующимъ тономъ возразилъ мужской голосъ.

Я вздрогнула и обернулась.

Въ проломѣ забора стоялъ высокій, стройный студентъ въ бѣлой тужуркѣ. Одною рукою онъ держался за доски, другою—отстранялъ вѣтки сирени и пристально смотрѣлъ на меня.

— Извините пожалуйста, что я отвѣтилъ на вашу мысль. Это я по-студенчески, просто осмѣлился заговорить, хотя и незнакомъ съ вами. Но я васъ давно знаю.

Оправившись отъ невольнаго испуга, я съ любопытствомъ смотрѣла на него. Положеніе было во всякомъ случаѣ ново и интересно.

Та простота и непринужденность, съ какою студентъ заговорилъ со мною,—какъ-то располагали въ его пользу, и я не чувствовала обычной неловкости и страха, которые заставляли меня теряться въ обществѣ.

— Я васъ не знаю...—серьезно и тихо сказала я.

— Я — товарищъ Войцеховскаго... Михальскій. Позвольте представиться. — И онъ низко поклонился. — Мы съ нимъ на одномъ курсѣ. Онъ знаетъ, что вы—подруга Софьи Ивановны, и я видалъ у него на столѣ фотографію, гдѣ вы съ ней сняты вмѣстѣ.

— Соня мнѣ объ этомъ не говорила...

— Онъ стащилъ у нея потихоньку... Онъ очень просилъ ее дать ему на память карточку, а она не соглашалась,—вотъ онъ и утащилъ изъ ея альбома ту, гдѣ она снята съ вами. Она такъ и не знаетъ, что это онъ взялъ. Вотъ по этой карточкѣ, и по разсказамъ Войцеховскаго я и познакомился съ вами заочно...

— Но... Войцеховскій вѣдь не знакомъ со мною...

— Да онъ такъ увлекся Софьей Ивановной, что интересовался рѣшительно всѣмъ, что она дѣлаетъ, и всѣми, кто съ ней знакомъ. Она ему разсказывала о васъ, ну, а онъ — мнѣ... И вотъ, пріѣхавъ теперь сюда на урокъ,—я никакъ не могъ найти случая познакомиться съ вами.

Я чувствовала, что краснѣю. Это все бабушка виновата,—никуда-то меня не пускаетъ... И мнѣ вдругъ стало досадно на старушку, державшую меня до сихъ поръ на положеніи ребенка. Такъ вотъ же, на зло ей,—познакомлюсь, рѣшила я, и уже не смущаясь, отвѣтила:

— Да, это довольно трудно.

И сама удивилась своей развязности.

Нѣтъ, съ нимъ было рѣшительно нечего смущаться... Голубые глаза смотрѣли открыто и довѣрчиво, голосъ звучалъ такъ мягко и задушевно.

— Съ вами труднѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо въ городѣ. Я знаю, что у васъ строгая бабушка, что вы рѣдко гдѣ бываете, и любите чтеніе... Видите, какъ много я о васъ знаю... Бабушка держитъ васъ точно сказочную принцессу въ заколдованномъ саду...

Мнѣ вдругъ стало очень весело. Я улыбнулась. Интересъ неожиданнаго знакомства увлекалъ меня все больше и больше.

— Будто бы я такъ похожа на принцессу?—лукаво спросила я.

— Есть сходство...—серьезно сказалъ студентъ.—Я недаромъ заинтересовался выраженіемъ вашего лица на карточкѣ. Я, знаете ли, романтикъ—въ наше время надъ романтизмомъ смѣются, но подѣлать съ собой ничего не могу... И вотъ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ выраженіи вашего лица, вашихъ глазъ—отража-

ется родственная мнѣ душа. То, что я узналъ о васъ—только подтверждало это. И я рѣшилъ, что добьюсь того, что увижу васъ и буду говорить съ вами... Я чувствовалъ, что только тогда буду счастливъ. Знаете ли вы «Принцессу Грезу»?—есть такая пьеса...

— Знаю,—пробормотала я, чувствуя, что сердце замираетъ отъ смутнаго сознанія того, какой неожиданный смыслъ принималъ разговоръ.

— Вѣрите ли вы, что можно издали, не зная, полюбить человѣка, олицетворить въ немъ свои мечты, свой идеалъ? Повѣрили бы вы такой любви?...

— Я... не знаю... Но я думаю, въ жизни это почти невозможно...

Мой голосъ предательски дрожалъ и прерывался; сердце тревожно забилось.

«Господи... Развѣ онъ... неужели и мнѣ, какъ и Сонѣ»...—смутно пронеслась влекущая мысль...

— А я вамъ скажу — возможно, возможно! — убѣжденно и страстно воскликнулъ студентъ. — Надо быть только чистымъ душою, не замарать себя пошлой житейской грязью. Вы такъ далеки отъ всего этого, такая нѣжная, прекрасная, чистая...—и еще можете думать, что никогда и никому не будете нравиться! Да вы—выше, вы лучше всѣхъ, кого я когда-либо зналъ, вы—мой идеалъ, моя греза...

Я хотѣла что-то сказать—и не могла.

— Если бъ вы знали, какъ я васъ люблю!

Сильная рука обвила мою талію, его лицо наклонилось, горячее дыханіе коснулось меня, зажгло, и вотъ... вотъ...

Я отчаянно рванулась, вскрикнула и... проснулась.

У ногъ моихъ лежалъ опрокинутый рѣзкимъ движеніемъ легкій лѣтній столикъ, за которымъ я занималась. Бокль и тетрадка валялись на дорожкѣ. Совсѣмъ уже стемнѣло, кругомъ было все тихо.

Нѣсколько минутъ стояла я ошеломленная, потомъ бросилась къ пролому забора.

По улицѣ тихо ѣхалъ мужикъ, напѣвая пѣсню; гдѣ-то вдали кричали ребята...

Такъ это былъ сонъ! И ничего этого не было и быть не могло!—Одинъ сонъ!...

— Да гдѣ же это ты, Лиза, запропастилась,—съ собаками тебя не сыщешь, вѣдь ужинать пора!—кричала со двора бабушка.

Я медленно пошла по дорожкѣ къ дому...

1899 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Молитва бабушки*).

«За все надо Бога благодарить»!
(Ея любимое изреченіе.)

Благодарю тебя, о, Боже правый,
Податель благъ и радостей земныхъ.
Ты далъ мнѣ жизнь, Ты далъ любовь и счастье—
Моя судьба въ рукахъ Твоихъ.

Ты изъ богатствъ необозримыхъ міра
Далъ долю мнѣ; Ты не забылъ меня.
Средь благъ земныхъ, средь жизненнаго пира—
Старалась жить, Тебѣ не измѣня.

Но счастье на землѣ не долговѣчно,
И въ годы бѣдъ, несчастій и потерь,
Тебя благодарила я, Предвѣчный,
Молилась, какъ молюсь теперь.

Во всемъ Твою благословляя волю,
Тебѣ покорная, предъ смертью повторю:
За все, что въ жизни выпало на долю,
За все, за все, Тебя благодарю!

22 марта 1900 г.
Нерехта.

---

*) Стихотворенія Ел. Дьяконовой почти совсѣмъ лишены самостоятельнаго литературнаго значенія, такъ какъ большинство изъ нихъ написано «по случаю» или «на злобу дня». Поэтому наибольшее количество ихъ помѣщено, соотвѣтственно времени написанія, въ «Дневникѣ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ». Въ этомъ же отдѣлѣ печатаются всѣ остальныя. *Прим. ред.*

* * *

На сѣверъ поѣздъ быстро мчится,
Въ вагонѣ полусвѣтъ.
Увы, куда душа стремится—
Туда возврата нѣтъ!

Въ окно, сквозь сумерки вагона
Смотрю я вдаль,
Все ближе къ сѣверу, а Новаго Аѳона
Такъ жаль, такъ жаль!

Тамъ съ тихимъ плескомъ къ берегу морскому
Ласкается волна;
Тамъ горы, тамъ могучая природа
Красы полна.

Тамъ солнца лучъ съ разсвѣтомъ зарумянитъ
Вершины горъ;
Проснется лѣсъ, привѣтствовать день станетъ
Вновь птичекъ хоръ.

Тамъ все въ природѣ дико и прекрасно,
Тамъ царство красоты...
И оживаютъ вновь подъ небомъ яснымъ
Мечты, мечты!

Тамъ въ часъ заката, въ царственномъ уборѣ
Пурпурныхъ облаковъ
Погаснетъ солнце, погружаясь въ море,
И свой покровъ

Раскинетъ ночь; свѣтъ блѣдный разливая,
Взойдетъ луна.
Въ ея лучахъ, на берегъ набѣгая,
Блеститъ волна.

Январь 1900 г.

Обыкновенная исторія.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ОВИДІЕВЫМЪ МЕТАМОРФОЗАМЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ В. К. ЧЕРКАСУ.)

Однажды,
Въ день жаркій, полонъ знанья жажды,
Студентъ по садику гулялъ,
Соціологію читалъ.

Онъ математикъ былъ усердный,
Слуга своей науки вѣрный.
Но злой судьбою суждена
Ему превратность не одна.

Сталъ думать: дифференціалы
И теоремы, интегралы,
Не въ силахъ мнѣ вопросъ рѣшить—
Зачѣмъ живемъ, какъ надо жить.

Нѣтъ, брошу я науку эту,—
Пойду искать по бѣлу свѣту,
Гдѣ цѣли жизни идеалъ
Звѣздою яркой возсіялъ?

Искалъ недолго; вотъ рѣшенье:
Всю жизнь младому поколѣнью
Для воспитанья посвятить—
Тѣмъ счастью родины служить.

Княжатъ учить сталъ для желудка,
А по влеченію разсудка
Въ воскресныхъ школахъ онъ читалъ,
Народъ усердно просвѣщалъ.

Княжата быстро вырастаютъ,
Его жъ мечтанья—таютъ, таютъ...
Народъ—какъ будто просвѣщенъ,
Но все же дикъ и теменъ онъ.

Надъ вѣрой въ благо просвѣщенья
Въ немъ одержало верхъ сомнѣнье:
Да полно, будетъ ли прогрессъ
Въ народѣ,—хоть изъ кожи лѣзь?

А годы—все впередъ идутъ,
Съ собою денегъ не несутъ.
Пора, пора за умъ хватиться
И въ жизни прочно пріютиться—

Съ моралью новой ницшеанства,
Отбросивъ вовсе кантіанство!
Цѣль жизни можетъ быть одна—
Вѣдь жизнь для жизни намъ дана.

Чтобъ наслажденья знать, не бѣдства,
Намъ нужно: средства, средства, средства!!!
Нашелъ онъ жизни идеалъ—
И... контролеромъ въ банкѣ сталъ!

23 апрѣля 1900 г.
Нерехта.

Бабушкѣ.

Зачѣмъ ты зовешь меня въ церковь молиться,
Старушка родная, зачѣмъ?
Теперь, когда сердце тоскою томится—
Ничѣмъ не поможешь, ничѣмъ!

«Ты въ дѣтствѣ любила молиться, бывало;
Теперь же, что сталось съ тобой?»
И въ грустномъ раздумьѣ ты долго качала
Сѣдою своей головой...

И ожили вновь вспоминанья былого,
Когда я молиться могла,—
Душа была такъ далеко отъ земного
И мыслью о Богѣ полна.

Въ восторгѣ ли радости, въ горѣ сердечномъ—
Всѣ помыслы къ небу неслись.
То время прошло... и съ тоской безконечной
Сомнѣнія въ душу влились.

Страданьямъ моимъ нѣтъ конца и нѣтъ мѣры...
Какъ мраченъ мой жизненный путь!
Но сердцу утраченной пламенной вѣры
Уже не вернуть, не вернуть!

12 сентября 1900 г.

* * *

Братья милые и сестры,
Какъ умру я—помогите,
Не забудьте моей просьбы
И меня похороните

Въ томъ саду моемъ любимомъ,
Гдѣ ребенкомъ я играла,
Въ годы юности тревожной
И рѣзвилась и мечтала.

Такъ свѣжа, свѣтла, прекрасна
Вся природа въ блескѣ мая!
Я гуляла, словно фея
По аллеямъ чуднымъ рая.

Сердце жаждало чего-то,
Точно въ смутномъ ожиданьѣ
Я стояла передъ жизнью,
Вся полна очарованья.

Тѣ неясныя мечтанья,
Дѣтство, юность,—все минуло!
Прозы сѣрыя страницы
Жизнь предъ мною развернула.

Памятникъ на могилѣ Е. А. Дьяконовой въ гор. Нерехтѣ.

И своей покорна долѣ
Шла я молча до могилы,
Дѣтство ясное и юность
Позабыть не имѣя силы.

Отъ ея суровой власти
Ухожу безъ сожалѣнья!
Объ иной и лучшей жизни
Мысль даетъ мнѣ утѣшенье...

Въ вихрѣ зла, тревогѣ страсти
Мчатся быстро наши годы
Среди тихой, величавой
Жизни матери-природы.

Къ ней вернуться, съ нею слиться
Въ океанѣ мірозданья,
Средь гармоніи всемірной,
Среди всѣхъ чудесъ созданья...

О, природа! мать родная!
Я какъ дочь тебя любила!
Пусть въ саду моемъ любимомъ
Будетъ вырыта могила.

Пусть кругомъ кусты сирени
Вновь весною зацвѣтаютъ,
И среди душистыхъ вѣтокъ
Птички пѣсни напѣваютъ.

Миръ, покой! Всему—забвенье!...
И природа въ блескѣ мая
Такъ свѣжа, свѣтла, прекрасна,
Надъ могилой расцвѣтая!

17 февраля 1901 г. Ночь.
Парижъ.

О женскомъ вопросѣ.

ПОСМЕРТНАЯ СТАТЬЯ.

«Этому дѣлу никогда не бываетъ конца. Я и теперь думаю о томъ же (о половомъ вопросѣ), и все кажется, что нужно бы еще много уяснить и прибавить. И это понятно, потому что дѣло такой огромной важности и новизны, а силы, безъ ложной скромности говоря, такъ слабы и несоотвѣтственны значительности предмета.

Поэтому я думаю, что всѣмъ надо работать, тѣмъ, кого это интересуетъ сердечно,—всѣмъ надо разрабатывать этотъ предметъ по мѣрѣ силъ своихъ. Если каждый съ своей личной точки зрѣнія скажетъ искренно то, что онъ думаетъ и чувствуетъ объ этомъ предметѣ,—то многое темное уяснится, привычно ложно скрытое откроется, кажущееся страннымъ по непривычности видѣть это перестанетъ казаться такимъ. По счастливой случайности, я больше, чѣмъ другіе, имѣлъ возможность обратить вниманіе общества на этотъ предметъ. Надо, чтобы другіе продолжали дѣло съ разныхъ сторонъ».

Л. Толстой.

Заграницей появилась недавно книга «О половомъ вопросѣ. Мысли Л. Н. Толстого, собранныя В. Чертковымъ». Въ предисловіи составитель заявляетъ, что «отвѣтственность за порядокъ взаимнаго расположенія должна лежать на немъ одномъ, такъ какъ авторъ, высказывая эти мысли по различнымъ поводамъ, вовсе не имѣлъ въ виду ихъ группировки когда-либо въ одномъ сборникѣ, хотя и предоставилъ намъ право распорядиться ими по нашему усмотрѣнію».

И вотъ появилась книга, за которую Л. Н., въ сущности,

нисколько не отвѣтственъ, но которая, тѣмъ не менѣе, вызываетъ критику.

Она составлена преимущественно изъ отвѣтовъ на частныя письма, касающихся самыхъ интимныхъ сторонъ нашей жизни. По словамъ составителя, эти отрывки *большею частью вовсе не предназначались для печати.*

Къ сожалѣнію, составитель не обратилъ на это вниманія. Его преклоненіе передъ геніемъ понятно и достойно всякаго уваженія, но именно оно-то и лишило его въ данномъ случаѣ критическаго чутья и помѣшало принять во вниманіе то соображеніе, что какъ бы ни былъ великъ авторитетъ—все же далеко не все написанное имъ можетъ и должно становиться достояніемъ публики.

Эти отвѣты, каждый въ частности, быть можетъ, неоцѣнимый по благотворному вліянію, которое могъ оказать совѣтъ, данный во-время,—эти отвѣты, собранные какъ «мысли»—производятъ странное впечатлѣніе.

Въ каждой строчкѣ такъ и чувствуется, что это было написано кому-то, по какому-то частному поводу, тогда какъ публика должна читать ихъ какъ «мысли», независимо отъ ихъ происхожденія. Всякій, кто захочетъ отвѣчать на эту книгу,—будетъ безъ сомнѣнія въ очень странномъ положеніи, но все же ее невозможно обойти молчаніемъ.

Сущность взглядовъ Толстого на половой вопросъ уже достаточно извѣстна: бракъ не есть необходимость и является помѣхой религіозному служенію Богу и людямъ; но если человѣкъ не имѣетъ силы воздержаться — то лучше вступить въ бракъ, чѣмъ жить распутно.

Изъ этого логично вытекаетъ проповѣдь о цѣломудріи въ бракѣ.

Мало того: Толстой идетъ далѣе, и этотъ его взглядъ какъ мало-извѣстный—можно прочесть не безъ удивленія.

«Одно изъ нужнѣйшихъ дѣлъ человѣчества состоитъ въ воспитаніи цѣломудренной женщины», говоритъ онъ, обвиняя тѣмъ самымъ женщину, какъ когда-то древніе отцы церкви, въ томъ, что это она, первая, соблазняетъ мужчину.

Такой ветхозавѣтный взглядъ онъ высказываетъ нѣсколько разъ.

«Охъ, какъ хотѣлось бы показать женщинѣ все значеніе цѣломудренной женщины!»

«Цѣломудренная женщина (не даромъ легенда Маріи) спасетъ міръ» (стран. 80).

Чѣмъ, собственно, онъ мотивируетъ подобное мнѣніе—изъ

приводимыхъ отрывковъ не видать. Здѣсь мы сталкиваемся съ удивительнымъ явленіемъ: геній, умъ котораго охватываетъ міровыя явленія, рѣшаетъ міровыя задачи—вдругъ дѣлаетъ шагъ назадъ, и какой шагъ! Вся исторія человѣчества показываетъ, что чувственность свойственна обоимъ поламъ, и вопросъ о томъ—кому въ большей, кому въ меньшей степени—не можетъ быть рѣшенъ наукой, равно какъ и вопросъ о произвольномъ зарожденіи половъ. Всѣ усилія ученыхъ сбросить покрывало съ этихъ тайнъ природы—до сихъ поръ остаются тщетными—и безъ сомнѣнія скорѣе будетъ изобрѣтенъ управляемый аэростатъ, чѣмъ найдена хоть тѣнь надежды сдѣлать что-нибудь въ этой области.

А исторія современнаго общества, изслѣдованіе проституціи показываютъ, что не женщины вызываютъ у мужчинъ потерю цѣломудрія, а $^2/_3$ проститутокъ *впервые были соблазнены мужчинами*, иногда мальчиками лѣтъ 15—16.

Такъ обстоитъ дѣло въ низшихъ слояхъ общества, а въ среднемъ и высшемъ дѣвушки и до сихъ поръ воспитываются въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ полномъ невѣдѣніи основныхъ началъ человѣческой природы, и для нихъ потеря дѣвственности въ бракѣ нерѣдко сопровождается сильнымъ нравственнымъ потрясеніемъ.

Вопросъ объ отношеніяхъ между супругами, затронутый въ этихъ письмахъ, — одинъ изъ самыхъ важныхъ, и рѣшеніе его Толстымъ глубоко справедливо и нравственно, хотя и можетъ казаться слишкомъ прямолинейнымъ. Кому не извѣстно, какъ страдаютъ женщины отъ невоздержанія мужей во время беременности, кормленія и проч.? Кому не извѣстно, что русскія бабы кормятъ грудью дѣтей до 2-хъ лѣтъ и долѣе, только для того, чтобы избѣжать беременности и связанныхъ съ нею страданій, подчасъ невыносимыхъ при ея трудовой жизни?. Врачи по женскимъ и нервнымъ болѣзнямъ знаютъ такія тайны, такія интимныя драмы, возникшія на почвѣ именно этого супружескаго невоздержанія, что морозъ по кожѣ пробѣгаетъ при мысли— чего только не выноситъ женщина!

Мужская невоздержанность въ половыхъ сношеніяхъ служитъ часто поводомъ къ тому, что вполнѣ честныя женщины-матери со слезами умоляютъ своего «вѣрнаго» мужа итти... къ проституткамъ, и даже часто ничего не имѣютъ противъ, если онъ заведетъ себѣ любовницу. Такъ поступаютъ неревнивыя и холоднаго темперамента женщины, измученныя беременностью, родами, болѣзнями своими и дѣтскими.

У женщинъ же ревнивыхъ и страстныхъ сознаніе того, что

имъ, въ сущности, вредно имѣть много дѣтей, и организмъ требуетъ отдыха, тогда какъ воздержаніе немыслимо для эгоиста-мужа,—сознаніе это развиваетъ такой страхъ передъ мыслью о возможности измѣны, что такія несчастныя, закрывъ глаза на послѣдствія—продолжаютъ быть женою своего мужа.

Сколько семейныхъ драмъ было вызвано краткимъ приговоромъ врача: «женѣ вашей *нельзя* болѣе имѣть дѣтей, организмъ истощенъ въ конецъ».

Или—запрещеніе половыхъ сношеній на годъ, на нѣсколько мѣсяцевъ вслѣдствіе послѣродовой болѣзни жены.

Этотъ острый вопросъ, если оставить въ сторонѣ нео-мальтузіанскія теоріи, пока еще у насъ мало распространенныя,—этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только воздержаніемъ, *воспитаніемъ въ мужчинахъ привычки къ воздержанной жизни.* Иного исхода нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ всякое другое его разрѣшеніе приводитъ или къ возмутительному насилію сильнаго надъ слабымъ, или же къ разврату.

Нельзя также не согласиться и съ другою мыслью Толстого, высказанною имъ по поводу укоренившагося общественнаго предразсудка,—раздѣленія труда на «мужской» и «женскій».

Нужда и голодъ заставляютъ женщинъ итти на всевозможныя работы, требующія по своей трудности мужской физической силы. Съ тѣхъ поръ какъ женщины стали носильщиками, шахтерами—для нихъ фактически не существуетъ раздѣленія «мужского» и «женскаго» труда. Въ то же время это различіе осталось въ силѣ для мужчинъ. Экономическая эволюція послѣдняго столѣтія выгнала женщину изъ семьи на фабрику. Но мужчина-отецъ допускаетъ вполнѣ хладнокровно, чтобы измученная дневною работою жена исполняла сверхъ того свою домашнюю работу, кормила бы его обѣдомъ, обшивала бы его и дѣтей и проч.

Такой взглядъ на женщину господствуетъ во всѣхъ слояхъ общества—интеллигентномъ, крестьянскомъ, рабочемъ,—безразлично.

Онъ, конечно, возмутительнѣе всего въ первомъ, такъ какъ доказываетъ, что мужчина, несмотря на всю свою интеллигентность,—недалеко ушелъ отъ грубаго дикаря. Но этотъ классъ у насъ въ Россіи пока еще не такъ многочисленъ.

А рабочіе и крестьянское населеніе? Кто не знаетъ, что въ нормальной крестьянской семьѣ—мужикъ, если нужда не гонитъ его на зимніе заработки,—всегда имѣетъ отдыхъ зимою; баба же—никогда. Она исполняетъ самыя трудныя лѣтнія работы,

часто беременная, едва послѣ родовъ—жнетъ, коситъ, молотитъ, въ то же время кормитъ ребенка, а зимою—безъ устали сидитъ за ткацкимъ станкомъ, шьетъ, стираетъ, вообще—одѣваетъ всю семью. У мужика все же находится время и въ кабакѣ посидѣть, и погулять, у бабы же—никогда. И жизнь ея представляетъ какую-то вѣчную толчею въ узкомъ кругѣ мелкихъ домашнихъ заботъ. У насъ такъ принято говорить о несчастномъ русскомъ мужчинѣ, объ его «работѣ» и проч. И рѣдко-рѣдко кто вспомнитъ, что этотъ рабъ имѣетъ свою рабу.

Слова Некрасова:

Три тяжкія доли дала ей судьба:
И первая доля—съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына-раба,
И третья—до гроба рабу покоряться—

вѣрны и до сихъ поръ.

И если развитіе русскаго крестьянина за послѣднія десятилѣтія сдѣлало шагъ впередъ — этого никакъ нельзя сказать о крестьянкѣ. Стоитъ только заглянуть въ деревню одной изъ нашихъ многочисленныхъ земледѣльческихъ губерній, даже не очень близкую къ городу, и мы можемъ въ ней встрѣтить крестьянина смышленнаго, читающаго, который и о политикѣ поговорить не прочь, и газету кое-какую иногда почитываетъ,—но жизнь крестьянки вездѣ одна и та же. То съ ребятами, то у печки, то у станка, то у корыта... Женщина до того привыкла къ подобному положенію, что ей и въ голову не приходитъ протестовать. Темная и забитая, она все терпитъ: и побои пьянаго мужа, и эту безпрерывную домашнюю толчею...

И такая картина почти во всѣхъ классахъ общества—одна и та же, видоизмѣняясь въ обстановкѣ; и только немногія женщины изъ обезпеченныхъ слоевъ общества наслаждаются полною праздностью,—что является уже излишнею крайностью.

Толстой со свойственной ему прямотой и выразительностью замѣчаетъ, что самый либеральный мужчина будетъ горой стоять за право женщины быть профессоромъ, но не догадается сшить портки сынишкѣ или пойти выстирать пеленки. Совершенно вѣрно, не догадается, хотя съ каѳедры и въ газетахъ будетъ толковать о 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ, не замѣчая, что рабочій день его собственной жены растягивается на 16 часовъ.

Мужчина совершенно устранилъ себя отъ ухода за маленькими дѣтьми, отъ всей массы мелкихъ домашнихъ заботъ, и въ свободное отъ занятій время идетъ сидѣть на завалинку или въ кабакъ—если онъ крестьянинъ, въ клубъ—если онъ житель про-

винціальнаго города, въ какое-нибудь просвѣтительное или благотворительное общество — если онъ интеллигентный учитель столицы, или—еще хуже—въ шато-кабакъ...

А жена —

Работай, работай, работай,
Едва пѣтуха я услышу;
Работай, работай, работай,
Хоть звѣзды проглянутъ сквозь крышу...

И такъ всю жизнь. И никто не цѣнитъ этого труда, мелкаго, незамѣтнаго, неблагодарнаго и... страшно тяжелаго.

«Это страшное зло, говоритъ Толстой, и отъ этого неисчислимыя болѣзни несчастныхъ женщинъ, преждевременная старость, смерть, отупѣніе самихъ женщинъ и ихъ дѣтей»...

* * *

Всѣмъ извѣстно, что Толстой признаетъ христіанское ученіе Іисуса, поскольку оно выражено въ двухъ евангельскихъ заповѣдяхъ о любви къ Богу и ближнему и нагорной проповѣди. Казалось бы, затрагивая въ письмахъ вопросы нравственнаго характера,—Толстой, естественно, придетъ къ отрицанію подчиненнаго положенія женщины въ бракѣ,—какъ противнаго тому самому закону любви къ ближнему, на которомъ онъ строитъ свое міровоззрѣніе.

Но здѣсь опять мы сталкиваемся съ такимъ средневѣковымъ понятіемъ о женщинѣ, которое высказывать серьезно въ нашъ вѣкъ—почти немыслимо. Видя повсемѣстно фактъ, что женщина всюду въ среднемъ ниже мужчины,—Толстой заключаетъ, что женщина *отъ природы* не имѣетъ такихъ же духовныхъ силъ, какъ мужчина, что главная черта женская—*меньшая вѣра вельніямъ разума.* Такой выводъ до того страненъ, до того нелогиченъ, что невольно удивляешься, какъ могъ его сдѣлать Толстой?

Какъ могъ онъ, глубокій раціоналистъ, которому въ выработкѣ собственнаго взгляда на религію такъ много помогла историческая наука,—какъ могъ онъ, въ данномъ случаѣ, игнорировать историческую точку зрѣнія?

Какъ онъ не понимаетъ того, что если женщина въ среднемъ умственномъ уровнѣ ниже мужчины, то это уже никакъ не вслѣдствіе природной неспособности, а вслѣдствіе того, что ея образованіе и развитіе, какъ физическое, такъ и духовное,—вѣками пренебрегалось?

Какъ можетъ онъ не замѣчать той бьющей въ глаза несправедливости, что всякая посредственность мужского пола проникаетъ всюду и вездѣ находитъ себѣ открытыя двери, тогда какъ

талантливая женщина должна преодолѣвать тысячи препятствій, и только потому, что она—женщина?

Кто не знаетъ, что каѳедры нашихъ университетовъ полны безвѣстными математиками, а Софья Ковалевская принуждена была читать лекціи въ Швеціи—для нея не нашлось ни одной каѳедры въ Россіи. Клемансъ Ройе—геніальная женщина—умерла въ домѣ призрѣнія для бѣдныхъ литераторовъ и ученыхъ,—въ то время какъ сотни научныхъ ничтожествъ занимаютъ каѳедры французскихъ университетовъ. Художественный талантъ Лагоды-Шишкиной былъ въ полномъ пренебреженіи въ ея же семьѣ: «не обращали вниманія, какъ на дѣвочку» (см. воспоминанія В. В. Стасова о Шишкинѣ въ «Недѣлѣ»). Мужъ Жоржъ-Зандъ никакъ не могъ сообразить, что онъ женатъ на геніальной женщинѣ, и не могъ понять запросовъ ея развивавшейся души: вѣдь она была—женщина, а онъ—хоть и ограниченное существо, да все-таки мужчина. И такое обожаніе своего мужского достоинства глубоко въѣлось, вошло въ плоть и кровь мужчины всѣхъ временъ и народовъ.

Но наука уже давно доказала, что оно—ничѣмъ не оправдывается, что мужчина, кромѣ физической силы, не имѣетъ передъ женщиной ровно никакихъ преимуществъ, что свободная женщина, при правильномъ разумномъ воспитаніи и образованіи—является существомъ, одареннымъ ничуть не меньшею силою разума, нежели средній мужчина.

Доказательствъ тому бездна, и у насъ, въ Россіи—мы видимъ ихъ на каждомъ шагу.

Женщины рады работать—и какъ работаютъ!—на всѣхъ открытыхъ имъ путяхъ дѣятельности. Смѣло можно утверждать, что въ Россіи воскресныя школы своимъ существованіемъ обязаны женщинамъ едва ли не больше, чѣмъ мужчинамъ, равно какъ и другія просвѣтительныя учрежденія послѣдняго времени: безплатныя библіотеки, читальни, вечерніе классы, дешевыя столовыя.

Гдѣ бы ни открылась женщинѣ возможность приложенія своей энергіи, своего труда,—она смѣло идетъ туда и работаетъ ничуть не хуже мужчины. И все это не таланты, а именно—обыкновенныя среднія женщины. Да никто и спорить не станетъ, что для дежурства въ читальнѣ не надо исключительнаго таланта, а просто одна добрая воля.

И однако Толстой, не обинуясь,—признаетъ женщину «болѣе слабымъ духовно существомъ», а также будто бы «материнскія чувства поглощаютъ такъ много энергіи, что женщины уже недостаетъ для нравственнаго руководства, и оно переходитъ къ мужу» (стран. 68).

Поэтому жена должна быть подчинена мужу въ бракѣ: «хорошая семейная жизнь возможна только *при сознательномъ, воспитанномъ въ женщинахъ убѣжденіи въ необходимости всегдашняго подчиненія мужу*».

Что это? Толстой или же Домострой?

«Я говорилъ, что это доказывается тѣмъ, что такъ было съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ жизнь людей, и тѣмъ, что семейная жизнь съ дѣтьми есть переѣздъ на утлой лодочкѣ, который возможенъ только тогда, когда ѣдущіе подчиняются одному».

Напечатавъ эти строки, составитель оказалъ Толстому поистинѣ—медвѣжью услугу.

Если Толстой однимъ изъ доказательствъ ставитъ то, что *такъ всегда было*—къ чему въ такомъ случаѣ его неустанная проповѣдь противъ войны? Вѣдь одинъ изъ главныхъ доводовъ милитаризма и есть знаменитое *«войны всегда были»*.

Съ именемъ Толстого у насъ не вяжется представленіе о софизмахъ,—въ данномъ же случаѣ онъ самъ употребляетъ тотъ пріемъ, несостоятельность котораго доказываетъ другимъ.

«И такимъ руководителемъ признавался всегда мужчина, по той простой причинѣ, что *не кося, не кормя, онъ можетъ быть лучшимъ руководителемъ жены, чѣмъ жена—мужа*»,—разсуждаетъ Толстой далѣе.

Левъ Николаевичъ! Да неужели Нехлюдовы, Онѣгины, Печорины, Обломовы, могутъ руководить пушкинскими Татьянами, тургеневскими Еленами, Лизами, Маріаннами? Неужели мы въ жизни не встрѣчаемъ на каждомъ шагу доказательствъ нравственной силы и твердости характера у матерей даже многочисленныхъ семей, при полномъ нравственномъ ничтожествѣ мужей, хотя тѣ и не носятъ и не кормятъ?!

«Женщины были освобождены христіанствомъ», говоритъ Толстой въ другомъ мѣстѣ (68 стран.).

Посмотримъ, какъ оно ее «освободило»?

Справедливо то, что во всемъ Евангеліи нѣтъ ни слова о подчиненіи жены мужу въ бракѣ; Іисусъ же, не касаясь прямо вопроса о подчиненномъ положеніи женщины,—своею заповѣдью о любви къ ближнему, казалось, ясно высказалъ свой взглядъ на отношенія половъ вообще, не дѣлая никакого различія между мужчиной и женщиной. Такъ что, если бы христіанское ученіе не было впослѣдствіи до неузнаваемости искажено церковью,—женщина могла бы дѣйствительно считать себя освобожденной имъ.

Но на дѣлѣ было не то.

Взглядъ на женщину еврейской религіи, жестокаго римскаго

права, и вообще всѣхъ древнихъ цивилизацій, которыя, основываясь на силѣ, закрѣпостили болѣе слабое физически существо —и постарались закрѣпить это религіей и правомъ—этотъ взглядъ не могъ быть смягченъ ученіемъ Христа. Да и вообще все это ученіе въ чистомъ своемъ видѣ оказалось не по плечу тому времени и существовало крайне недолго.

Павелъ, котораго справедливо называютъ «основателемъ христіанства» въ томъ видѣ, какъ оно представляется намъ теперь церковью,—первый заговорилъ *о подчиненіи жены мужу на религіозномъ основаніи,* и своими знаменитыми посланіями, включенными церковью въ число «священныхъ» книгъ Новаго завѣта, закрѣпостилъ ее въ новой религіи — на новыхъ основаніяхъ.

Если ранѣе, въ Ветхомъ завѣтѣ, оно совершалось на основаніи сказанія объ Адамѣ и Евѣ, то Павелъ, соотвѣтственно прогрессивнымъ требованіямъ времени, писалъ такъ: «Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ яко же Господу, потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви и той есть спаситель тѣла». (Посл. къ Ефессеямъ, гл. 5, ст. 22 и 23).

Иначе говоря, фактъ остался тотъ же, перемѣнилась лишь его подкладка.

«Христіанство» въ томъ видѣ, какъ его основалъ Павелъ, смѣшавъ еврейскія преданія съ собственными мыслями и греческой философіей,—оказалось какъ нельзя болѣе пригоднымъ для требованій времени: одряхлѣвшей цивилизаціи надо было что-то новое, но такое, которое не разрушало бы ее вполнѣ, а лишь оживило бы.

Новая религія, постепенно вырабатываясь въ сложный циклъ обрядностей, несла съ собою желанное обновленіе: давала на смѣну старыхъ боговъ—новаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ не разрушала всѣхъ обычаевъ и устоевъ языческаго міра, а узаконивала существовавшій государственный строй, не протестовала противъ рабства и удерживала старый строй семьи, основанный на порабощеніи женщины.

Одноженство, введенное христіанствомъ, какъ и въ наши дни—оказалось пустою формальностью: оно не мѣшало никогда имѣть наряду съ законной женой—десятки незаконныхъ.

Такъ что увѣренія всѣхъ сторонниковъ церковной вѣры, будто бы христіанство освободило женщину—оказываются совершенно ложными.

Бебель совершенно справедливо замѣчаетъ, что не христіанство освободило женщину, а «успѣхи западной культуры вопреки христіанству». «Христіанство» въ томъ видѣ, какъ его препода-

вала церковь,—давало женщинѣ лишь надежду на избавленіе отъ «юдоли, плача и скорби» земной жизни—награду будущей блаженной жизни—рай.

И немудрено, что женщины съ радостью шли навстрѣчу новому ученію,—которое все же являлось проблескомъ свѣта въ ихъ безотрадной жизни. И характерно то, что онѣ часто являлись первыми провозвѣстницами новаго ученія: въ Россіи—Ольга, во Франціи—Клотильда, въ Грузіи—Нина. И за все, за весь этотъ энтузіазмъ, «отцы церкви» разражались проклятіями на женщинъ. Не будучи, очевидно, въ состояніи совладать съ своею чувственностью — они не переставая громили женщину какъ «сосудъ дьявола».

...Распространяясь повсемѣстно,—христіанство несло съ собою и закрѣпощеніе женщины на религіозной основѣ, которое какъ разъ подходило къ существовавшему уже ранѣе обычаю, и такимъ образомъ не дѣлало никакой революціи въ семьѣ. Каноническое право въ этомъ отношеніи вполнѣ согласовалось съ римскимъ,—такъ было узаконено и освящено религіею юридическое безправіе женщины; вотъ какъ «освободило» женщину христіанство! Цивилизація пошла своимъ ходомъ, почти не признавая ее за человѣка. Мужчина, не переставая, учился, шелъ впередъ, двигалъ искусства, науки, пользуясь женщиной, какъ хотѣлъ и когда хотѣлъ, для своихъ цѣлей. И лишь немногія выдающіяся по своимъ духовнымъ силамъ женщины—большею частью изъ высшихъ слоевъ общества—могли пользоваться тѣми же умственными сокровищами.

Долгіе вѣка женщина была заперта въ узкомъ домашнемъ быту. Экономическая эволюція выдвинула ее на сцену какъ самостоятельное существо, которому дана жизнь, но не дано средствъ къ существованію, и передъ современнымъ обществомъ, среди массы другихъ—всталъ и женскій вопросъ.

Соціализмъ явился ученіемъ, соотвѣтствующимъ требованіямъ времени. Всѣ неправды, всѣ вопіющія злоупотребленія правящихъ классовъ, всѣ темныя стороны жизни—предстали предъ его судомъ, и приговоръ его безпощаденъ, хотя и вполнѣ заслуженъ.

Даже самые ярые противники соціализма не могутъ отрицать того, что въ немъ находятся тѣ же истины, которыя когда-то, давнымъ-давно, были сказаны и совершенно забыты церковнымъ христіанствомъ.

Пусть соціализмъ отрицаетъ религію. Въ томъ видѣ какъ она практикуется теперь во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ—

она ничего другого не заслуживаетъ. И всякій искренній, убѣжденный соціалистъ, умирающій за свои идеи — не есть ли это тотъ же мученикъ, какимъ привыкли мы воображать мучениковъ первыхъ временъ христіанства?

Во всѣ времена у истины всегда являлись герои, готовые умереть за нее. И современное общественное движеніе за всѣхъ угнетенныхъ—кто бы то ни былъ—женщина ли, рабочій ли,—не есть ли это отзвукъ порыва къ идеалу, который, не переставая, живетъ въ умахъ и сердцахъ людей?

Новѣйшая школа политической экономіи—солидаризмъ—провозглашаетъ въ своемъ ученіи ту же евангельскую истину любви къ ближнему и говоритъ о воспитаніи и развитіи чувства солидарности въ массахъ.

Соціализмъ правильно разрѣшаетъ и женскій вопросъ, разсматривая его какъ одну изъ сторонъ общаго, соціальнаго вопроса.

Женщина признана имъ равноправной мужчинѣ, проституція—зломъ, признана и необходимость *совмѣстнаго воспитанія* обоихъ половъ для развитія взаимнаго пониманія и уваженія, безъ чего немыслима жизнь. Бракъ — современный бракъ, въ которомъ женщина закрѣпощается полигамисту-мужчинѣ и дѣлается «de jure» одной женой, тогда какъ «de facto» мужъ можетъ имѣть ихъ десятки—это по-истинѣ позорное и лицемѣрное учрежденіе — долженъ существовать въ новомъ обществѣ въ новой формѣ: путемъ свободнаго выбора и не менѣе свободнаго сожительства.

Книга Бебеля «Женщина и соціализмъ» должна сдѣлаться своего рода евангеліемъ для всякой мыслящей женщины. Она по объему—куда больше «Мыслей»; но изъ нея не только нельзя выкинуть ни одного слова, но наоборотъ: кажется, что еще мало, что надо бы еще разработать, еще прибавить. Въ ней—идея любви къ ближнему проведена гораздо послѣдовательнѣе, нежели у Толстого. Въ каждой строчкѣ чувствуется, что писалъ человѣкъ, глубоко проникнутый сознаніемъ вѣкового зла, вѣковой несправедливости порабощенія одного пола другимъ и всѣхъ вытекающихъ отсюда общественныхъ бѣдствій. Книга проникнута благородствомъ и каждая мысль въ ней драгоцѣнна.

Страстной надеждой на новое лучшее будущее дышатъ заключительныя слова этой книги, и въ убѣжденномъ тонѣ автора чувствуется проповѣдникъ религіи любви къ человѣчеству. Такою же радостною и свѣтлою надеждой оканчивается и послѣдній романъ Зола «Le Travail», написанный подъ вліяніемъ соціалистическаго движенія.

Истина—«люби ближняго какъ самого себя»—жива, и не странно ли только, что наилучшими ея выразителями являются тѣ, которые не признаютъ никакого «христіанства» и отрицаютъ всякую религію?

И не характерно ли, что книга Бебеля—этотъ благородный протестъ—написана именно соціалистомъ, а не кѣмъ-либо инымъ изъ числа тѣхъ, которые «признаютъ религіозное ученіе Христа».

Вѣдь если откинуть изъ этой книги призывъ къ борьбѣ—подъ всѣмъ остальнымъ могъ бы смѣло подписаться любой «христіанинъ». И однако никто изъ нихъ не занялся ни вопросомъ о проституціи, ни вопросомъ объ экономическомъ строѣ современнаго общества въ связи съ положеніемъ женщины въ этомъ обществѣ.

Разсуждая о нравственности съ точки зрѣнія личной морали, Толстой какъ будто не замѣчаетъ, что все это тѣснѣйшимъ образомъ связано съ женскимъ вопросомъ.

Въ своей извѣстной программѣ... требуя уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, уничтоженія тѣлеснаго наказанія, прекращенія примѣненія усиленной охраны, свободы образованія и свободы совѣсти—Толстой умалчиваетъ о томъ, что кромѣ крестьянъ есть еще угнетенные—женщины, которыя закономъ поставлены въ такое положеніе, что дѣлаются собственностью мужа послѣ того, какъ дьяконъ прокричитъ надъ нимъ въ церкви: «а жена да боится своего мужа».

Наша нелѣпая и жестокая паспортная система, при которой мужъ является собственникомъ своей жены, оказываетъ развращающее вліяніе особенно въ крестьянскомъ быту, гдѣ мужъ часто пользуется правомъ выдачи паспорта женѣ какъ средствомъ вымогательства отъ нея денегъ.

Право это—не менѣе позорно, нежели тѣлесное наказаніе. И если требовать свободы—то надо прибавить къ ней *раскрѣпощеніе женщины въ бракѣ*, требовать уничтоженія этого безсмысленнаго и позорнаго для человѣческаго достоинства порабощенія одного пола другимъ.

Бракъ — дѣло любви — долженъ быть основанъ только на взаимной любви и согласіи, и во взаимныхъ отношеніяхъ нѣтъ мѣста приговору закона: «жена должна покоряться мужу и слѣдовать за нимъ».

Любовь несовмѣстима съ насиліемъ закона; она—вся свобода.

Христосъ, проповѣдуя свой законъ любви къ ближнему, не старался оформить его жандармскими предписаніями и не сдѣлалъ исполненіе его обязательнымъ—изъ-подъ палки. Иначе—

уничтожилась бы личная свобода. Такъ и въ бракѣ. *Повиновенія—нельзя предписать* ни законами гражданскими, ни доводами Толстого, которые не выдерживаютъ никакой критики. Взаимныя отношенія супруговъ — ихъ подчиненіе другъ другу, а также и руководство семьею, — должны быть чисто личнымъ дѣломъ, основаннымъ на добровольномъ согласіи, и *постороннему* какому бы то ни было *обязательному постановленію* тутъ не должно быть мѣста. Только тогда исчезнетъ то развращающее семью соперничество мужа съ женою во власти, о которомъ говоритъ Толстой.

Чуткость генія однако подсказываетъ ему, что есть нѣчто неладное въ современномъ строѣ семьи, и въ одномъ изъ отрывковъ онъ говоритъ: «отношенія половъ ищутъ новой формы и старая начинаетъ разлагаться»... и что «существованіе старой возможно только при подчиненіи жены мужу, какъ это было вездѣ и всегда и какъ это происходитъ тамъ, гдѣ семья еще держится».

Да, совершенно вѣрно, отношенія половъ ищутъ новой формы. Но не *такія* «мысли» Толстого помогутъ молодому поколѣнію найти эту новую форму.

Женщина, вѣками угнетенная, подавленная, приниженная— пойдетъ за такимъ ученіемъ, которое обѣщаетъ освобожденіе и человѣческую жизнь. Такимъ ученіемъ является соціализмъ.

Такъ было во всѣ времена: всякое новое ученіе, всякій новый идеалъ находилъ себѣ горячихъ приверженцевъ среди тѣхъ, нужды которыхъ онъ наиболѣе удовлетворялъ.

Въ современномъ строѣ общества — женщинѣ, какъ самостоятельному человѣческому существу, нѣтъ мѣста. Она должна занимать или подчиненное положеніе жены, или бороться за свое существованіе, не имѣя одинаковыхъ съ мужчинами правъ, слѣдовательно—болѣе слабая въ борьбѣ.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ ея путь труденъ и часто ей не по силамъ. Соціализмъ, въ программѣ котораго стоитъ вопросъ объ измѣненіи всего существующаго строя общества,— даетъ наибольшее удовлетвореніе нуждамъ всѣхъ угнетенныхъ.

И да наступитъ скорѣе то время, когда всѣ они соберутся подъ его знамя,—и рухнетъ весь этотъ старый, отжившій строй общества...

Парижъ. 1902 г.

«Толстой умираетъ...»

Письмо изъ Парижа. *)

Воскресенье, 23 февр. 1902 г. 1 ч. ночи.

Толстой умираетъ! Сегодня въ «Petit Journal» напечатана телеграмма: «D'après les dernières nouvelles de l'état du comte Léon Tolstoï, on peut constater un fort abaissement de la température et un affaiblissement du pouls.

La situation du malade est critique».

Быть можетъ—въ эту минуту, когда я пишу эти строки,—уже угасло наше свѣтило, наша гордость, наша слава... Сердце разрывается отъ боли и отчаянія, чувствуешь, что переживаются страшныя минуты — когда уходитъ самое лучшее, что только есть въ нашей жизни, когда великое сердце великаго генія вотъ-вотъ перестанетъ биться...

Франція готовится съ блескомъ праздновать столѣтіе со дня рожденія Гюго...

Мы же, русскіе,—что будемъ переживать въ эти дни?

Съ 26-го начнутся торжества—въ Пантеонѣ, потомъ въ Сорбоннѣ, потомъ еще цѣлый рядъ празднествъ.

А Россія, Россія! О, моя милая, далекая, безконечно-любимая родина! Какое несчастіе для нея, для насъ, ея дѣтей!

Такіе люди, какъ Толстой—если бъ они жили вѣками,—все казалось бы, что мало жили, что ихъ потеря—величайшая жестокость судьбы, — такъ они безконечно дороги всѣмъ, такимъ яркимъ свѣточемъ сіяетъ ихъ жизнь, такая сила обаянія исходитъ изъ ихъ сердца.

Гюго умеръ такъ недавно... Его многіе знаютъ и разсказываютъ, какъ несимпатиченъ онъ былъ въ послѣдніе годы,—скупъ и узко-эгоистиченъ. Его никто не вспоминаетъ какъ человѣка, и чествуютъ только великаго генія.

Тогда какъ Толстой... да у кого найдется слово осужденія

*) Печатается впервые. *Прим. ред.*

послѣднихъ 20 лѣтъ его жизни,—кто осмѣлится сказать что-нибудь дурное о немъ?

Недавно хоронили Клемансъ Ройе. Ни одной слезы не было пролито надъ могилой этой геніальной женщины... Всѣ говорили хвалебныя рѣчи, и только.

Когда человѣчество теряетъ великій умъ—тяжелая потеря. Какова же она должна быть—когда мы теряемъ не только великій умъ, но и великое, святое сердце?...

Онъ искалъ истину.

Быть можетъ, никому изъ насъ не дано найти ее,—но въ этомъ исканіи, въ этомъ безконечномъ стремленіи души къ идеалу—и есть святость...

Онъ свѣтилъ всему человѣчеству, не только намъ. Не много найдется геніевъ въ исторіи человѣчества, и врядъ ли есть равный Толстому геніальный *человѣкъ* — великое сердце, великая душа...

Какъ мы малы сравнительно съ нимъ, и въ то же время—какъ онъ близокъ всѣмъ намъ, дорогъ какъ близкій человѣкъ, какъ чуткая любящая душа. Онъ не подавляетъ своимъ величіемъ, не отчуждаетъ отъ своей личности, а какъ магнитомъ притягиваетъ, и блескъ его согрѣваетъ душу, наполняетъ ее радостнымъ сознаніемъ,—что человѣчество можетъ безконечно возвышаться, достигать высшаго нравственнаго совершенствованія. Какое счастье, что родятся такіе люди! Какое безконечное горе—при мысли объ ихъ потерѣ!

Но великое сердце не можетъ умереть... Великая всемірная любовь—всегда жива. И если есть *тамъ*—за предѣломъ нашей жизни—въ вѣчной славѣ и вѣчномъ сіяніи успокоится этотъ человѣкъ...

Но какъ же мы глубоко несчастны теперь!

Всѣ эти дни—газету взять страшно. Страшно слышать: «mais vous savez—Tolstoï est très malade»...

— О, не говорите, не говорите объ этомъ!—говорю я съ ужасомъ и чувствую, что точно стоишь надъ бездной...

Ужасъ, ужасъ... Нѣтъ, не можетъ быть! Кажется, что онъ не долженъ умереть... долженъ жить... Пусть другіе умираютъ вмѣсто него! Десятки, сотни, тысячи—только бы онъ жилъ!

Нѣтъ,—это жестоко, это несправедливо... Судьба, посылая намъ такихъ людей,—точно издѣвается, отнимая ихъ у насъ...

Лѣтомъ изъ Парижа въ Лондонъ.

Путевые наброски *).

Парижъ опустѣлъ съ конца іюня. Начали разъѣзжаться по дачамъ сначала всѣ мало-мальски состоятельные люди, потомъ—понемногу и учащаяся молодежь.

Въ іюлѣ въ Сорбоннѣ и на другихъ факультетахъ начались экзамены; изъ провинціи стали съѣзжаться юноши для экзаменовъ на баккалавра. Засіяли восковыя свѣчи передъ статуей «Notre Dame des étudiants»—Богородицы Студентовъ,—которая находится въ церкви Сорбонны, въ капеллѣ налѣво отъ входа. Самихъ молодыхъ людей тамъ не было видно,—но матери, матери! Онѣ часами простаивали на стульяхъ—«prie Dieu», погруженныя въ молитву. Передъ бѣлой статуей Мадонны ежедневно можно было видѣть букеты свѣжихъ цвѣтовъ. Оригинальное впечатлѣніе производитъ эта капелла. Церковь Сорбонны такого же древняго происхожденія, какъ и сама Сорбонна, и было время, когда студенты молились усердно своей «Notre Dame». Теперь времена измѣнились, и вмѣсто студентовъ—въ капеллѣ видимъ матерей будущихъ студентовъ да стѣны, покрытыя небольшими мраморными плитками съ надписью красными или золотыми буквами: «Благодарю тебя, Святая Дѣва, за экзаменъ (Merci pour mon examen)—признательный баккалавръ». Иниціалы, годъ число и мѣсяцъ экзамена. Дощечки эти, небольшія по размѣру—отъ 5 вешковъ въ длину и 3—4 въ ширину—и вдѣланныя въ рамки, во множествѣ покрываютъ стѣну. Иногда надпись мѣняется: вмѣсто самого баккалавра благодаритъ мать, или родители. Двѣ стѣны до половины уже покрыты подобными подписями, и предусмотрительныя матери заготовили на колоннахъ пустыя рамки на будущее время. И подобный обычай завелся, сравнительно, не очень давно: самыя старыя надписи не идутъ

*) Печатаются впервые. *Прим. ред.*

далѣе 1879 года. Недаромъ во Франціи идетъ такая сильная борьба противъ клерикализма,—онъ не устаетъ изобрѣтать все новые и новые пути для «улавливанія душъ». Еще недавно—одна изъ передовыхъ газетъ съ негодованіемъ указывала на новоизобрѣтенный пасьянсъ для дѣвушекъ, гдѣ на картахъ изображено «Святое сердце Іисуса» и указанъ цѣлый рядъ религіозныхъ вопросовъ, на которые, играя, должно отвѣчать самому себѣ.

Въ центрѣ Латинскаго квартала, въ тихой улицѣ Lbomond, до сихъ поръ еще существуетъ знаменитая іезуитская школа «École des Dostes» — воспитанниковъ которой столько разъ, приходится видѣть обывателямъ квартала прогуливающимися подъ наблюденіемъ не одного, а цѣлыхъ четырехъ или шести патеровъ, которые идутъ впереди, въ срединѣ и сзади, точно оберегая свое небольшое, человѣкъ въ 50, стадо отъ соблазновъ міра... Таинственна эта улица, не менѣе мрачное и таинственное впечатлѣніе производитъ и самая школа, огромныя двери которой вѣчно заперты и никогда не открываются вполнѣ, даже для того, чтобы впустить воспитанниковъ. Когда эта процессія приближается къ дверямъ—одна половина чуть-чуть пріоткрывается, и воспитанники съ своими патерами гуськомъ проскальзываютъ туда, и сквозь щель двери можно увидѣть только дворъ, да чью-то статую въ глубинѣ его... Что дѣлается въ этомъ мрачномъ каменномъ зданіи, какія процедуры продѣлываютъ тамъ надъ душою дѣтей и юношей эти бритыя существа съ хитрыми лицами въ черныхъ сутанахъ—это тайна, тайна до тѣхъ поръ, пока не раздастся стонъ какого-нибудь существа, вышедшаго изъ подобной школы, гдѣ тщательно убивали все живое, мыслящее и чувствующее. Эти повѣсти о нравственныхъ страданіяхъ время отъ времени появляются въ печати, взволновываютъ общественное мнѣніе, подымаютъ бурю негодованія, чтобы... потомъ, когда все улеглось, продолжалось опять все попрежнему «ad majorem De gloriam».

Клерикализмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо и въ стѣнахъ университета, гдѣ особенно имъ отличаются... профессора юридическаго факультета. Молодежь шумно сражается съ ними, устраивая скандалы, всякія исторіи, но... пока ей еще не удалось выжить ни одного изъ этихъ истыхъ мужей науки, которые, получая жалованье и благоденствуя на счетъ республики,—бранятъ на лекціяхъ эту же самую республику, вздыхая о золотомъ времени монархіи...

Іюльскія жары проходили... начинались августовскія. Вотъ и послѣдній день экзаменовъ. Всѣ, имѣвшіе несчастье вынуть по-

слѣдній № по жребію, отдѣлались наконецъ отъ этой непріятной формальности. Теперь и Латинскій кварталъ опустѣлъ...

* * *

Куда ѣхать на вакаціи изъ Парижа? Въ Пиренеи ли, на взморье ли, или пѣшкомъ побродить по Бретани, послушать наивные и поэтическіе разсказы, уцѣлѣвшіе еще въ этой глухой, почти нетронутой цивилизаціей мѣстности? Или въ Лондонъ, благо онъ такъ близокъ и жаль упустить случай, попавъ заграницу—познакомиться съ этимъ первымъ по величинѣ городомъ Европы, съ этой первой по энергіи и практическому генію націей?

Отъ Парижа до Лондона проѣздъ невеликъ — всего около 12 часовъ. Можно выѣхать изъ Парижа въ 9 вечера и быть въ Лондонѣ на другое утро въ 7 ч. 50 м., если выѣхать на Руанъ-Діеппъ-Ньюгавенъ-Лондонъ. Билеты выдаются прямого сообщенія, и стоятъ очень недорого: III кл. всего 23 франк. 35 сант., пароходы согласованы съ поѣздами, такъ что не приходится ждать ни минуты.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, не сразу освоишься съ его размѣрами. Трудно представить себѣ этотъ колоссъ, не побывавши въ немъ. Если Петербургъ малъ въ сравненіи съ Парижемъ, то самъ Парижъ, который поражаетъ сначала своею грандіозностью, покажется вовсе невеликъ въ сравненіи съ Лондономъ. И что еще болѣе поражаетъ иностранца съ непривычки—это расположеніе города, непохожее ни на одинъ изъ европейскихъ городовъ.

Со словами «жить въ центрѣ города»—мы привыкли соединять представленіе о богатыхъ, роскошныхъ дворцахъ, и соотвѣтственно этому слово «центръ» невольно вызываетъ впечатлѣніе самой лучшей части города, гдѣ какъ въ фокусѣ сосредоточено все созданное для удобства житья и украшенія города. Но въ Лондонѣ центръ — City — огромная дѣловая контора и обиталище бѣдняковъ. Тамъ съ утра до вечера кипитъ лихорадочная дѣятельность; вечеромъ — все закрывается, и всѣ спѣшатъ къ себѣ домой. «Домой»—это значитъ на окраину, которая по своимъ размѣрамъ каждая равняется большому городу. И тамъ все дѣйствительно соотвѣтствуетъ понятію «жить дома».

«My house is my castle»—мой домъ—моя крѣпость,—любитъ говорить англичанинъ,—и устраиваетъ себѣ настоящій семейный очагъ. Улицы застроены безконечнымъ рядомъ небольшихъ 3-хъ- и 2-хъ-этажныхъ домиковъ, съ обязательнымъ садикомъ впереди

и дворомъ позади. Всѣ домики устроены на одинъ ладъ, такъ что, побывавши въ одномъ, можно составить себѣ вѣрное понятіе обо всѣхъ. Они невелики снаружи, но внутри очень помѣстительны, по 2, по 3 большихъ комнаты въ каждомъ этажѣ, внизу гостиная и столовая, вверху спальни и дѣтскія, въ самомъ верхнемъ этажѣ—ванна, внизу, подъ землею,—двѣ кухни. И все устроено такъ хорошо, съ такимъ комфортомъ и такъ разумно—какъ у насъ никогда не устроиться самому богатому человѣку.

Въ характерѣ русскихъ лежитъ какая-то безпорядочность, распущенность, неумѣнье *разумно* пользоваться всѣми данными природы. Англія, кажется, невелика въ сравненіи съ Россіей, и однако Лондонъ можетъ похвастаться размѣромъ и качествомъ своихъ парковъ, о которыхъ намъ, русскимъ, рѣшительно невозможно составить представленія, не видавши ихъ. А мы, живя на колоссальной по своимъ размѣрамъ землѣ, имѣя массу простора въ своемъ распоряженіи, строя свои большіе города, рѣшительно упустили изъ виду, что безъ общенія съ природой жизнь немыслима, и какъ скупцы, оцѣнивая каждую пядь земли (которой именно мы и не обижены), застроили сплошь все пространство нашихъ городовъ, и природу—луга, лѣса,—замѣнили жалкимъ суррогатомъ въ видѣ скверовъ величиною съ наперстокъ, и чтобы сохранить ихъ въ приличномъ видѣ, вездѣ разставили надписи *«ходить по травѣ строго воспрещается»*.

Какъ странно, съ непривычки, казалось мнѣ отсутствіе этихъ необходимыхъ для русскаго глаза надписей въ паркахъ Парижа и Лондона! Но зато какимъ наслажденіемъ было—растянуться свободно на зеленомъ коврѣ, подъ тѣнью деревьевъ, и читать часами книгу, или же просто лежать и безцѣльно смотрѣть на безоблачное голубое небо. Казалось, вотъ-вотъ передо мной предстанетъ знакомая фигура блюстителя порядка, и внушительный голосъ вѣжливо, но твердо попроситъ встать и уйти, потому что здѣсь лежать «не приказано»!...

А между тѣмъ, именно намъ и слѣдовало и можно было бы въ каждомъ городѣ устроить не одинъ, а нѣсколько парковъ, на удивленіе и зависть Европѣ, — съ большими полянами, гдѣ могли бы играть дѣти, заниматься гимнастическими упражненіями юношество, спать подъ деревьями взрослые, гдѣ зимою могли бы устраиваться великолѣпные катки... Но мы и слышать объ этомъ не хотимъ, и строимъ, и строимъ свои города безъ садовъ и парковъ, зная только одно правило: возвышать цѣны на квартиры.

Это *разумное* отношеніе ко всему — проявляется здѣсь на

каждомъ шагу. У насъ хорошо, удобно устроенный домъ, порядочная квартира—исключеніе. Здѣсь это общее правило. Некультурность нашихъ домовладѣльцевъ, ихъ взглядъ на квартиранта, какъ на животное, обитающее въ домѣ «для дохода» и не могущее имѣть своихъ претензій на удобства, сказывается на каждомъ шагу. Здѣсь—за свои деньги вы можете получить все, что необходимо для культурной жизни культурнаго человѣка.

Кью-Гарденъ, ботаническій садъ, всегда особенно оживленъ въ воскресенье. Онъ находится за городомъ, на правомъ берегу Темзы. Англичане ѣдутъ туда съ утра, цѣлыми семьями, берутъ съ собою завтракъ и проводятъ такимъ образомъ весь день на лонѣ природы. Теплицы огромны по своимъ размѣрамъ, и, кажется, нѣтъ такой страны, откуда не было бы привезено образца какой-нибудь растительности. Особенно много изъ англійскихъ колоній: кто плохо помнитъ географію и не можетъ ясно составить себѣ представленіе объ ихъ количествѣ и мѣстоположеніи—тому достаточно будетъ посѣтить эти теплицы, посмотрѣть на эти растенія. Огромныя пальмы, чудовищные по уродливости кактусы, агавы, ползучія растенія всевозможныхъ видовъ, начиная отъ простыхъ, помѣщающихся въ висячихъ корзинкахъ, и кончая такими, которыя образуютъ чуть ли не цѣлый лѣсъ, врастая въ землю и снова поднимаясь кверху. Особенно кактусы: не видавъ ихъ, трудно себѣ представить—толстый зеленый листъ, одиноко возвышающійся надъ землею на добрую сажень. Съ непривычки это растеніе поражаетъ своимъ безобразіемъ и нелѣпостью. Для чего оно растетъ? Тѣни отъ него никакой, пользы —тоже. Должно быть, для того, чтобы дать блистательное доказательство возможности существованія жизни даже и въ пустынѣ, наперекоръ всему.

Въ этомъ же саду, какъ добавленіе ко всѣмъ этимъ гигантамъ, существуетъ галлерея Нортъ, основанная въ 1882 г. миссъ Нортъ, которая пожертвовала туда всѣ свои рисунки тропическихъ растеній, сдѣланные ею на мѣстѣ. Небольшой, краснаго кирпича, красивый домикъ состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ, стѣны которыхъ сплошь покрыты небольшими по размѣру картинами. Онѣ нарисованы старой манерой, черезчуръ тонко и тщательно, что наз. вылизаны, и скорѣе производятъ впечатлѣніе хорошихъ дорогихъ литографій. Но зато—какое разнообразіе флоры! Наверху — надписи: Новый Южный Валлисъ, Японія, Южная Америка, Южная Африка, Индія, Ява, Суматра и многія другія страны, посѣщенныя этой неутомимой художницей, которая всюду ѣздила, наблюдала, зарисовывая и уродливые кактусы

на пустынныхъ берегахъ Аризоны, и таинственные священные лотосы на берегахъ Ганга—все съ одинаковымъ искусствомъ и любовью. И это удивительное разнообразіе красоты природы, увѣковѣченное въ рисункахъ, въ общемъ производитъ впечатлѣніе поэмы въ краскахъ.

Въ глубинѣ залы стоитъ мраморный бюстъ художницы.—«Такая красивая и талантливая женщина, а замужъ не вышла».—«Да гдѣ тутъ выйти, помилуйте,—чай, и вовсе некогда было! Эхъ, земли-то сколько объѣздила!»—случайно пришлось услышать житейскую философію своихъ соотечественниковъ. И невольно являлась мысль—отчего бы у насъ не устроить нѣчто подобное? Развѣ у насъ мало разнообразія флоры, развѣ у насъ нѣтъ своихъ колоній—Кавказа, Крыма, Туркестана, Алтая? Развѣ у насъ нѣтъ художниковъ, и нѣтъ женщинъ, которыя не знаютъ, куда дѣть свой досугъ и свое состояніе, и свое умѣнье рисовать? Онѣ расписываютъ тарелки на память знакомымъ и жалуются на скуку и пустоту жизни. Всѣмъ этимъ дамамъ жизнь миссъ Нортъ могла бы послужить примѣромъ, достойнымъ подражанія.

Воскресенье—день священный у англичанъ. Все заперто, всѣ магазины, даже письма не разносятъ. На улицахъ тишина. Около 11-ти часовъ двери домовъ раскрываются, выпуская семейныя группы, одѣтыя по-праздничному, съ неизбѣжнымъ молитвенникомъ «Common-Prier Book» въ рукахъ. Англичане очень любятъ бѣлый цвѣтъ и охотно его носятъ, особенно въ праздники. Ихъ дѣти порхаютъ точно бѣлыя бабочки, всѣ въ бѣломъ, въ огромныхъ бѣлыхъ шляпахъ, и это производитъ очень пріятное впечатлѣніе.

Въ церковь всѣ входятъ чинно, безшумно усаживаясь на скамейки. Всѣ сосредоточенно-внимательны, или слушаютъ, или искренно молятся, и не видно ни одного скучающаго лица, съ нетерпѣніемъ ожидающаго окончанія службы, что почти постоянно приходится наблюдать въ нашихъ церквахъ. Англичанина никто не гонитъ въ церковь, онъ самъ идетъ туда, и поэтому его отношеніе къ богослуженію въ высшей степени сознательное. Обстановка церкви—суровая простота, также просто и богослуженіе: оно состоитъ все изъ чтенія библіи, пѣнія псалмовъ, гимновъ и проповѣди. Если англичанинъ замѣтитъ иностранца, въ замѣшательствѣ и нерѣшительности стоящаго у входной двери въ церковь,—онъ немедленно жестомъ укажетъ мѣсто и подастъ раскрытую книгу гимновъ или библію — соотвѣтственно тому мѣсту богослуженія, которое вы застали. И такъ поступаетъ вся-

кій, кто васъ замѣтилъ, безразлично—служитель ли церкви или прихожанинъ, взрослый или маленькій мальчикъ. Никогда не забыть, съ какою готовностью передалъ мнѣ свой дѣтскій маленькій молитвенникъ восьмилѣтній мальчуганъ—когда замѣтилъ, что я сижу на скамьѣ съ... Бедекеромъ въ рукахъ. Указавъ мнѣ гимнъ, который пѣли, онъ тотчасъ отвернулся, склонился надъ молитвенникомъ своей маленькой сестры, и его дѣтскій голосъ присоединился къ общему хору.

Въ противоположность нашимъ дѣтямъ, вести которыхъ въ церковь для большинства родителей сущее наказаніе, такъ какъ они своими шалостями нарушаютъ ихъ молитвенное настроеніе,—англійскія дѣти (я не видала въ церкви ребятъ моложе 4—5 лѣтъ) входятъ чинно, сосредоточенно-важно, держа свои маленькія книжечки въ рукахъ, тихо усаживаются на скамьи, и какъ взрослые слѣдятъ за богослуженіемъ. Поэтому гармонія общаго религіознаго настроенія не нарушается ничьею невнимательностью, ничьею небрежностью.

А вечеромъ на улицахъ Лондона иностранецъ съ удивленіемъ можетъ наблюдать характерную картину: на перекресткахъ ставится фонарь, подъ нимъ крошечная фисгармонія, на которой играетъ гимнъ человѣкъ, то молодой, то пожилой, а полукругомъ, съ книгами въ рукахъ, стоятъ люди, мужчины и женщины, и поютъ. Пѣніе довольно однообразное, но стройное, религіозное. Время отъ времени оно прерывается, и на средину выходитъ проповѣдникъ съ библіей въ рукахъ. Онъ ее не читаетъ, а держитъ просто такъ, для жестикуляціи, и говоритъ, говоритъ горячо, съ паѳосомъ. Кругомъ шумитъ людная улица, ежеминутно звонятъ трамваи, мчатся какъ угорѣлые велосипедисты, катятся кэбы; рѣчь проповѣдника то и дѣло заглушается этимъ шумомъ — но онъ не смущаясь говоритъ и говоритъ. — «Да будетъ благословенно имя Господне. Аминь!»—заканчиваетъ онъ свою проповѣдь. И снова раздается пѣніе. И такъ на многихъ перекресткахъ, прилегающихъ къ какой-либо большой людной улицѣ. Это—Лондонская Городская Миссія, «London City Mission».

Интересно пройти въ субботу вечеромъ въ центръ Сити—въ знаменитый Уайтчепельскій кварталъ, о которомъ мы столько начитались съ дѣтства въ фельетонныхъ романахъ газетъ. Тайны, всякіе ужасы, преступленія—какъ-то тѣсно связываются въ представленіи съ этимъ именемъ.

Въ City въ этомъ кварталѣ живетъ рабочее населеніе. Въ субботу работа всюду кончается съ 12-ти часовъ дня, и улицы положительно переполнены народомъ. Къ вечеру повсюду необы-

кновенное оживленіе. Музыка, шумъ, ярко освѣщенные магазины, веселая, оживленная толпа. Кажется, точно на большихъ бульварахъ въ Парижѣ, и только простые костюмы, да отсутствіе деревьевъ и ресторановъ разрушаютъ иллюзію. И надъ всѣмъ этимъ—тяжелый удушливый воздухъ, какимъ мнѣ еще не приходилось дышать. Онъ проникаетъ въ легкія и жжетъ ихъ, но не освѣжаетъ.

Въ Уайтчепелѣ, въ Chancery Lane, помѣщается безплатная русская библіотека и читальня, основанная уже два года стараніями г. Теплова. Тамъ получаются многія газеты и журналы. По стѣнамъ—портреты Толстого, Тургенева, Горькаго. Читателей около 1000 человѣкъ; книгъ пока еще немного, и онѣ выдаются для чтенія по внесеніи залога, равнаго стоимости книги. Читателями являются главнымъ образомъ русскіе евреи, которые во множествѣ эмигрируютъ заграницу съ нашихъ окраинъ. Они тутъ же имѣютъ и свою газету на жаргонѣ, печатаютъ на немъ и книги, и даже огромныя объявленія. Но имѣются также и польскія, и двѣ-три нѣмецкихъ газеты для рабочихъ-нѣмцевъ. Вообще читальня эта—небольшая и бѣдная квартирка, гостепріимно открытая для всѣхъ—производитъ очень пріятное впечатлѣніе—уголка Россіи здѣсь, въ далекой отъ родины странѣ.

Осень 1901 г.
Парижъ.

Женское образованіе.*)

«Нельзя представить себѣ ничего болѣе жалкаго, ограниченнаго, стѣсняющаго и затупляющаго, какъ женское воспитаніе. Какое ничтожество интересовъ, какая ограниченность кругозора, какая мелочность чувствъ и мысли! И такая женщина, ставъ женою и матерью, взявъ въ свои руки кормило домашняго правленія, только рѣзче, смѣлѣе и самостоятельнѣе идетъ по тому пути, по которому шла дѣвушкой. О, матери, матери! мы васъ не проклинаемъ, но васъ не за что и благословлять. Вы сами ничего не знаете, вы сами ни о чемъ не думали, васъ никто никогда не училъ этому,—ни жизнь, ни ваша собственная мать, а потому и вамъ самимъ нечего передать своимъ дѣтямъ».

(Шелгуновъ. Письма о воспитаніи).

Вопросъ о реформѣ средней школы. — Положеніе окончившаго курсъ юноши и молодой дѣвушки. — Что представляетъ собою курсъ женскихъ гимназій?—Педагогическія права.—Многочисленность имѣющихъ дипломъ создаетъ усиленную конкуренцію.—Пониженіе заработной платы.—Частныя учительницы и гувернантки.—Идеалы обезпеченныхъ молодыхъ дѣвушекъ. — Курсистки. — Ихъ слабая научная подготовка. — Необходимость реформы женской средней школы. — Желательное содержаніе курса женскихъ гимназій.

Въ настоящее время, когда поднятъ вопросъ о реформѣ средняго образованія, очень много пишутъ о мужскихъ гимназіяхъ и почти совсѣмъ не касаются постановки учебнаго дѣла въ женскихъ. Невольно является вопросъ: неужели наши женскія среднія учебныя заведенія настолько удовлетворительны, что вопросъ о пересмотрѣ ихъ программъ является излишнимъ?

---

*) См. журн. «Женское Дѣло». № 12, (1899 г.)

Современная классическая гимназія, несмотря на всѣ недостатки своей учебной системы, даетъ своимъ ученикамъ драгоцѣнное право: свободный доступъ въ университеты и по конкурснымъ экзаменамъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Юношѣ по окончаніи гимназіи предоставляется свобода въ выборѣ изученія высшаго курса наукъ, отъ котораго въ большинствѣ случаевъ зависитъ его будущая дѣятельность. Мальчикъ съ наклонностями къ естественнымъ или математическимъ наукамъ, хотя и съ трудомъ мирится на школьной скамьѣ съ классическими языками,—все-таки имѣетъ передъ собою надежду, по окончаніи 8-милѣтняго искуса, развивать свои способности сообразно своимъ склонностямъ. Ничего подобнаго этому праву не даетъ своимъ ученицамъ женская гимназія.

Какъ и 8-миклассная гимназія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, такъ и 7-миклассная вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, онѣ *всѣмъ, безъ различія склонностей и способностей, даютъ одинаковыя права педагогическія,* право на званіе домашней учительницы и домашней наставницы (послѣднее дается окончившимъ курсъ съ медалями). Такимъ образомъ аттестатъ зрѣлости открываетъ передъ юношей широкую дорогу, для женщины же единственнымъ исходомъ является педагогическая дѣятельность. Только самый незначительный % окончившихъ курсъ гимназистовъ не пользуется своимъ правомъ поступленія въ высшія учебныя заведенія; изъ женской молодежи очень немногія могутъ продолжать свое дальнѣйшее образованіе. На 9 университетовъ въ Россіи приходится всего одно женское учебное заведеніе университетскаго типа: Высшіе Курсы въ Петербургѣ. Понятно, что для огромнаго большинства женщинъ, имѣющихъ гимназическіе аттестаты, высшее образованіе является недоступнымъ. Тѣмъ болѣе важенъ для женщины вопросъ о курсѣ средней школы.

По своему содержанію программа нынѣшней женской гимназіи представляетъ собою сокращенный курсъ мужской (безъ древнихъ языковъ, съ сокращеніемъ курса математики, физики, космографіи, логики), съ отрывками изъ естествознанія, сухимъ, краткимъ курсомъ педагогики, методики и обязательными практическими занятіями въ младшихъ классахъ гимназіи (8-й педагогическій классъ). Но такъ какъ программа мужской средней школы сама по себѣ страдаетъ многими недостатками, то тѣмъ менѣе способна кого-либо удовлетворить такая ея передѣлка.

И дѣйствительно, наши женскія гимназіи въ огромномъ большинствѣ случаевъ никого не удовлетворяютъ: ни семью, ни

общество, ни самихъ учащихся. Семья жалуется на отчужденность гимназіи отъ требованій практической жизни, небогатые родители съ неудовольствіемъ видятъ, что на урокахъ рукодѣлія ихъ дочери выучиваются изящно вышивать, но не умѣютъ скроить и сшить себѣ бѣлья и платья; учатся 7—8 лѣтъ и выходятъ изъ гимназіи барышнями-бѣлоручками, стыдятся пойти на кухню, изготовить простой обѣдъ и ни въ чемъ не умѣютъ помочь по хозяйству. Таковы жалобы родителей.

Что же касается учащихся, то мало-мальски живой и пытливый умъ никогда не можетъ удовлетвориться сухимъ рутиннымъ преподаваніемъ и формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу учителей.

Исторія—одинъ изъ важнѣйшихъ общеобразовательныхъ предметовъ—проходится по учебнику Иловайскаго; всѣмъ извѣстны его недостатки: длинный перечень фактовъ и хронологическихъ датъ не можетъ возбудить интереса къ исторіи и не даетъ никакого понятія о внутренней связи историческихъ явленій.

Краткій курсъ естествознанія проходится большею частью въ IV и V классахъ гимназій и не возбуждаетъ интереса къ изученію природы, такъ какъ ограничивается изученіемъ учебника и заучиваніемъ описанія животныхъ и растеній большею частью по рисункамъ. Немногія гимназіи настолько богаты, что могутъ похвастаться хорошими естественными и физическими кабинетами.

Математика, необходимая для развитія логическаго мышленія, проходится кратко; алгебра—до бинома Ньютона (въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи ее и совсѣмъ не проходятъ), геометрія съ большими сокращеніями, тригонометрія не проходится вовсе.

Въ результатѣ невозможно рѣшеніе задачъ по физикѣ, и многое является непонятнымъ въ курсѣ космографіи. Припоминаю, какъ на выпускномъ экзаменѣ по физикѣ, несмотря на всѣ старанія преподавателя, чтобы мы зачеркнули въ одной изъ формулъ слова «синусъ» и «косинусъ»,—я все-таки произнесла эти «запрещенныя» слова и получила выговоръ: какъ это можно говорить то, чего не знаешь *и не будешь никогда знать*. Почтенный педагогъ упустилъ изъ виду возможность пробужденія любознательности въ своихъ ученицахъ.

Курсъ русской литературы по своимъ размѣрамъ одинаковъ съ курсомъ, который проходятъ въ мужскихъ гимназіяхъ, слѣдовательно гимназистъ и гимназистка одинаково изучаютъ

въ подробностяхъ ея древній и средній періоды; знаніе новаго ограничивается Пушкинымъ и Гоголемъ; о новѣйшемъ и понятія не имѣютъ.

Курсъ 8-го педагогическаго класса даетъ необходимыя для педагогической дѣятельности указанія; введено даже изученіе предметовъ «по спеціальностямъ». Но возможно ли серьезное изученіе избраннаго предмета въ одинъ годъ, да еще когда предыдущій 7-милѣтній курсъ не даетъ никакихъ основательныхъ знаній, не пріучаетъ умъ къ серьезной работѣ? Кто-то остроумно выразился о программахъ женскихъ гимназій: «всего понемножку и все какъ-нибудь, «обо всемъ понятіе и ни о чемъ знаніе».

Неудивительно, что гимназія выпускаетъ педагогичекъ съ крайне скудными, отрывочными знаніями и въ большинствѣ случаевъ мало развитыхъ умственно.

На основаніи этихъ правъ молодыя дѣвушки могутъ давать частные уроки, преподавать въ младшихъ классахъ гимназій, быть сельскими учительницами и гувернантками въ частныхъ домахъ. Но если преподаватели съ университетскимъ образовательнымъ цензомъ очень скоро сбиваются на путь рутины и формальнаго отношенія къ дѣлу, — тѣмъ легче является такое отношеніе со стороны человѣка, не обладающаго широкимъ умственнымъ развитіемъ и не способнаго критически отнестись къ учебнику и установившимся формамъ преподаванія.

Въ результатѣ является масса учительницъ, которыя добросовѣстно «выучиваютъ» ребенка всему, что сами знаютъ, но не умѣютъ и не могутъ дать ему общее развитіе, пробудить въ немъ интересъ къ чтенію. Да и какъ можетъ заботиться о развитіи ребенка молодая дѣвушка, лѣтъ съ 17-18, сама еще ребенкомъ выступающая на педагогическое поприще? Она и сама мало знаетъ; сама не развита, сама очень мало читала. Гимназія не дала ей ничего, кромѣ суммы отрывочныхъ познаній, указанныхъ въ ея аттестатѣ; сухое рутинное преподаваніе не способствовало пробужденію живой мысли; о курсахъ же и о дальнѣйшемъ высшемъ образованіи гимназія не даетъ никакихъ свѣдѣній. Приходилось даже слышать, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ начальство заботливо «предупреждаетъ» оканчивающихъ о вредѣ курсовъ, объ ихъ пагубномъ вліяніи на молодые умы и проч.

Немудрено, что, при развитіи женскаго средняго образованія, наши губернскіе города съ теченіемъ времени переполняются дипломированными молодыми дѣвицами, и такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ одинаковыя права, то можно себѣ представить,

какая конкуренція, какая борьба за существованіе завязывается между ними.

На мѣста учительницъ въ школахъ городскихъ и сельскихъ, на мѣста учительницъ гимназіи — записываются десятки и даже сотни кандидатокъ, которыя въ ожиданіи освобожденія вакансіи бѣгаютъ по грошевымъ урокамъ. Съ ними конкурируютъ тѣ изъ окончившихъ, которыя посвящаютъ себя исключительно частной преподавательской дѣятельности. Плата за уроки, за репетиторство падаетъ до минимума. Не рѣдкость встрѣтить въ большомъ губернскомъ городѣ дѣвушку, репетирующую ученицу первыхъ классовъ гимназіи за 5 руб. въ мѣсяцъ «по всѣмъ предметамъ съ языками и музыкой». А за подготовленіе въ первый классъ «съ языками» цѣна падаетъ иногда до 3—4 руб. въ мѣсяцъ *).

За послѣднее время, какъ видно изъ газетъ, эти педагогички начинаютъ соперничать со студентами и гимназистами, перебивая у нихъ репетиторство въ первыхъ классахъ мужскихъ гимназій: онѣ изучаютъ начальный курсъ латинскаго языка и предлагаютъ свои услуги по цѣнамъ болѣе дешевымъ. И подобное явленіе тѣмъ болѣе грустно, что едва ли одна десятая изъ сотенъ алчущихъ и жаждущихъ педагогическаго труда женщинъ способна къ нему, дѣйствительно его любитъ и умѣетъ работать.

Въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что крайне низкая оцѣнка женскаго педагогическаго труда вошла уже въ общественную привычку. Богатыя дамы, бросающія сотни рублей на свои наряды, не стыдятся торговаться изъ-за полтинника съ учительницей, нанимаемой по часамъ.

Низкая плата заставляетъ набирать большое количество уроковъ; трудъ дѣлается чисто-механическимъ. Да и возможно ли иначе, когда человѣкъ занятъ безъ преувеличенія 12 часовъ въ сутки и еле-еле успѣваетъ перебѣгать изъ одного дома въ другой? Днемъ такая учительница даетъ нѣсколько уроковъ: все подготовка въ гимназію, или начальное обученіе; вечеромъ она репетируетъ въ 3-хъ—4-хъ домахъ; каждый часъ ея дня занятъ, и если она хорошо занимается, то можетъ имѣть ежедневно до 6-ти частныхъ уроковъ; если въ среднемъ она на каждый

*) Лично мнѣ пришлось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ наблюдать положеніе женскаго педагогическаго труда въ г. Ярославлѣ: не думаю, чтобы въ другихъ губернскихъ городахъ, гдѣ есть женскія гимназіи, замѣчалась рѣзкая разница въ положеніи частныхъ учительницъ.

урокъ тратитъ 2 часа, получится 12-ти-часовой рабочій день. И за всѣ эти уроки въ лучшемъ случаѣ она получитъ 50—60 рублей.

Принявъ послѣднюю цифру за мѣсячный заработокъ и раздѣливъ ее на 30 дней, получимъ по 2 рубля ежедневно, а раздѣливъ эту сумму на число рабочихъ часовъ (12), получимъ интересную цифру часового заработка: $16^2/_3$ *коп. въ часъ.*

Изрѣдка плата повышается до 100 руб. въ мѣсяцъ, но эта цифра въ провинціи является исключеніемъ: на дѣвушку, зарабатывающую такую сумму, указываютъ какъ на своего рода феноменъ, и средняя цифра заработка частныхъ учительницъ не поднимается свыше 25—35 руб. въ мѣсяцъ. Послѣ тяжелой работы, возвращаясь домой, учительница чувствуетъ себя совсѣмъ разбитой. Мыслимо ли при такихъ условіяхъ чтеніе, самообразованіе, мыслимо ли слѣдить за движеніемъ педагогической мысли, читать и выписывать спеціальные журналы? Разумѣется, невозможно. И вотъ молодая, отъ природы живая и неглупая дѣвушка мало-по-малу обращается въ педагогическую ремесленницу, все дѣло которой сводится къ механической выучкѣ ребенка, и благо ей, если она успѣетъ во-время выйти замужъ и завести свою семью!

Въ противномъ случаѣ ее ожидаетъ тяжелое существованіе одинокой, ограниченной дѣвушки, забитой жизнью, подавленной вѣчной погоней за кускомъ хлѣба,—существованіе, не освѣщенное ни личнымъ счастьемъ, ни сознательностью развитого ума.

Мы не будемъ здѣсь касаться печальнаго положенія сельскихъ учительницъ, о которомъ столько писали, и перейдемъ къ разсмотрѣнію положенія дѣла въ другой области женскаго педагогическаго труда — воспитанія дѣтей въ частныхъ домахъ.

Если гувернантка и не занимается столько часовъ подрядъ, какъ частная учительница, то ея трудъ не менѣе тяжелъ, такъ какъ она совершенно не принадлежитъ себѣ, и положеніе зависимаго человѣка въ домѣ очень часто сильно стѣсняетъ ея личную свободу и самостоятельность.

Стоитъ войти въ любое изъ столичныхъ «бюро» для рекомендаціи гувернантокъ, послушать, какія требованія предъявляются родителями, и почитать запросы изъ провинціи, чтобы безъ труда убѣдиться—до чего укоренилось въ обществѣ легкомысленное отношеніе къ платѣ за педагогическій трудъ.

«Требуется гувернантка, *знающая теоретически и практически французскій и нѣмецкій языки и музыку въ совершен-*

ствѣ, пройти полный курсъ по всѣмъ предметамъ гимназіи съ дѣвочкой. Жить въ имѣніи, жалованіе 50 руб. въ мѣсяцъ».

«Требуется въ отъѣздъ гувернантка къ 4-мъ дѣтямъ. *Обязательное знаніе теоріи и практики нѣмецкаго и французскаго языковъ. Жалованіе 25 руб.*».

Родители, пишущіе подобныя предложенія, очевидно вполнѣ увѣрены, что «за свои деньги» они имѣютъ право требовать все, что имъ угодно. «Музыка въ совершенствѣ» на ряду съ практикою иностранныхъ языковъ и воспитаніемъ, и все это за 50 руб.! Подобная фраза звучитъ ироніей, но, къ сожалѣнію, это—дѣйствительность. Пишущіе подобныя требованія очевидно не соображаютъ, что «знаніе музыки въ совершенствѣ» стоитъ такихъ затратъ времени, труда и денегъ, что размѣръ подобнаго вознагражденія въ связи съ другими занятіями *является просто-напросто ничтожнымъ.* Ироніей звучитъ и предложеніе 25-ти-рублеваго вознагражденія *за ежедневную практику въ теченіе цѣлаго дня иностранныхъ языковъ съ 4-мя дѣтьми, соединенную съ нелегкимъ дѣломъ ихъ воспитанія.*

Изъ такого жалованья трудно сдѣлать какія-либо сбереженія, обезпечивающія старость. Гувернантки и частныя учительницы очень часто являются опорой своихъ родителей, сестеръ и братьевъ, кромѣ того и самое ихъ положеніе непрочно и вполнѣ зависитъ отъ произвола родителей. Особенно тяжело положеніе гувернантки, наемной воспитательницы чужихъ дѣтей, среди чужой семьи. Если среди такъ называемыхъ «интеллигентныхъ» родителей очень часто встрѣчается неправильный взглядъ на ея значеніе и положеніе въ домѣ,—тѣмъ болѣе естественно такое отношеніе со стороны другихъ, менѣе культурныхъ классовъ общества. Перемѣна мѣста, проживаніе въ ожиданіи другого мѣста, переѣзды—явленіе нерѣдкое въ жизни гувернантки и вовсе не способствующее возможности сбереженій. Правда, въ дипломахъ гимназій на званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ есть параграфъ, обезпечивающій пенсіею за 20-ти-лѣтнюю педагогическую дѣятельность. Но размѣръ ея такъ невеликъ (около 120 руб. въ годъ), что жизнь на такія средства при современныхъ условіяхъ возможна развѣ только въ глухой деревнѣ.

Но нужда и усиленная конкуренція заставляютъ соглашаться на всевозможныя требованія родителей, на всякое вознагражденіе. Тамъ, гдѣ одна сторона является въ выгодномъ положеніи покупателя товара, которымъ переполненъ рынокъ, другая—вслѣдствіе конкуренціи вынуждена согласиться на всякое предложеніе,—тамъ не можетъ быть и рѣчи о взаимной симпатіи, о

любви къ дѣтямъ тѣхъ, которые являются эксплуататорами тяжелаго труда. Неудивительно, что и гувернантки относятся къ своимъ обязанностямъ большею частью чисто формально, и живое дѣло воспитанія и обученія дѣтей и въ частныхъ домахъ мало отличается отъ рутинности и сухости воспитанія и преподаванія казенныхъ учебныхъ заведеній.

Нашъ геніальный писатель въ своемъ послѣднемъ произведеніи справедливо замѣтилъ, что если родъ дѣятельности заставляетъ приходить въ близкое соприкосновеніе съ людьми и при этомъ нѣтъ любви къ людямъ, то лучше не браться за такое дѣло. И нигдѣ эта мысль не оправдывается съ такою поразительною ясностью, какъ въ педагогикѣ. Неудовлетворительная постановка учебнаго дѣла зависитъ не только отъ программъ, но и отъ неразборчивости, съ какою поручается веденіе такого отвѣтственнаго дѣла, какъ образованіе и воспитаніе. Былъ бы только дипломъ! а о любви къ дѣтямъ, о нравственныхъ достоинствахъ воспитателя и рѣчи нѣтъ. Но среди учащихся въ женскихъ гимназіяхъ есть и обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи дѣвушки. По окончаніи курса ихъ ожидаютъ выѣзды, свѣтская жизнь и замужество. И онѣ предаются этой жизни съ такимъ увлеченіемъ, что только тотъ, кто живалъ въ провинціи, можетъ понять, до какой степени пусто и безсодержательно женское общество. Отчего такъ быстро въ провинціи опускаются молодые люди, на студенческой скамьѣ подававшіе столько блестящихъ надеждъ?

Поселясь въ провинціи, они женятся, и такъ какъ жены не въ состояніи жить ихъ интересами, то незамѣтно втягиваютъ ихъ въ свой ограниченный мірокъ, въ свои интересы низшаго порядка. Всѣмъ извѣстны жалобы на застой провинціи, ея скуку и мертвенность. Не заключается ли отчасти причина этого застоя въ томъ, что въ провинціи женщина по развитію стоитъ неизмѣримо ниже мужчины? Мужъ занятъ службой, а жена воспитываетъ семью въ тѣхъ же несложныхъ понятіяхъ, въ которыхъ воспитана сама.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Шелгуновъ написалъ вышеприведенныя, полныя горечи слова, но, къ сожалѣнію, они до сихъ поръ сохранили свою живую правду. Лишь немногія изъ окончившихъ курсъ гимназіи поступаютъ на курсы. Въ сравненіи съ остальными своими товарками, онѣ, безъ сомнѣнія, могутъ назваться самыми счастливыми. Вслѣдствіе того, что поступленіе на курсы обставлено извѣстными формальностями и окончаніе ихъ не даетъ никакихъ особыхъ правъ, можно думать

(какъ это и думаютъ многіе профессора), что на нихъ поступаетъ лучшая часть женской молодежи, наиболѣе развитая, наиболѣе энергичная.

Это отчасти справедливо, но, къ сожалѣнію, у всѣхъ этихъ способныхъ и энергичныхъ молодыхъ дѣвушекъ большею частью слишкомъ слаба научная подготовка; это замѣчаютъ и сами профессора, говоря, что у студентовъ больше научной подготовки, но меньше желанія работать, у студентокъ же—наоборотъ.

Такимъ образомъ, идеалъ учащагося все-таки является недостижимымъ. Особенно много приходится работать студенткамъ математическаго отдѣленія, такъ какъ курсъ математики въ женскихъ гимназіяхъ очень кратокъ; въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ училищахъ совсѣмъ не преподается алгебра. Въ общемъ, отсутствіе надлежащей научной подготовки и общаго развитія все-таки сказывается на занятіяхъ. Неудовлетворительность постановки средней школы сказывается не на одномъ умственномъ уровнѣ студентовъ, но отражается также и на общемъ умственномъ уровнѣ курсистокъ. Нерѣдко приходится слышать нападки на учащуюся женщину, обвиненія ея въ легкомысленномъ отношеніи къ наукѣ, въ неумѣніи работать, дѣлать общіе выводы, въ отсутствіи надлежащихъ знаній—и изъ этого дѣлаютъ заключеніе, что женщина вообще неспособна къ серьезному научному труду и вовсе не нуждается въ высшемъ образованіи. Но говоря такъ и возмущаясь, забываютъ, что курсистка и студентъ оба одинаково пришли въ свои высшія учебныя заведенія изъ средней школы, и если она не дала имъ надлежащей подготовки и общаго развитія, то это уже не ихъ вина.

Умъ гимназиста съ дѣтскихъ лѣтъ обременяется тяжелымъ балластомъ греческой и латинской грамматики; умъ гимназистки хотя и является освобожденнымъ отъ такого труда, но не дисциплинируется съ надлежащей серьезностью, и, кромѣ того, подвергается вліянію всѣхъ предразсудковъ семьи и общества. Съ раннихъ лѣтъ дѣвочкѣ внушаютъ мысль, что она «не мальчикъ», и ея дѣтская свобода и живость ограничиваются, по мѣрѣ того какъ она вырастаетъ, суровыми рамками всевозможныхъ условностей. Немудрено, что при такомъ воспитаніи большинство молодыхъ дѣвушекъ обезпеченныхъ семействъ, подходя къ концу гимназическаго курса, съ VI, VII класса начинаютъ мечтать о предстоящихъ выѣздахъ, побѣдахъ, поклонникахъ и... замужествѣ, какъ достойномъ концѣ такой блестящей перспективы.

Передъ бѣдными же ихъ товарками открывается безотрадная перспектива неблагодарнаго, плохо оплачиваемаго труда.

Правда, нѣкоторая часть окончившихъ гимназіи идетъ въ фельдшерскія, акушерскія школы; за послѣднее время замѣчается стремленіе къ изученію аптекарскаго дѣла, но въ общемъ все же % отвлекающихся другими занятіями отъ педагогической дѣятельности является незначительнымъ.

Въ виду того, что развитіе высшаго женскаго образованія въ Россіи двигается впередъ очень медленно,—реформа женской средней школы является столько же необходимой, какъ и мужской.

Курсъ женской гимназіи долженъ быть расширенъ и представлять собою нѣчто законченное.

Курсъ ея долженъ давать необходимыя свѣдѣнія о мірѣ, его явленіяхъ, о положеніи человѣка въ этомъ мірѣ, его отношеніи къ нему и обществу, среди котораго онъ живетъ. Средняя школа должна развивать умственно настолько, чтобы у молодыхъ дѣвушекъ могло явиться вполнѣ сознательное отношеніе къ жизни, и тѣ изъ нихъ, которыя не захотятъ или не могутъ поступить въ высшія учебныя заведенія, могли заниматься дальнѣйшимъ самообразованіемъ путемъ чтенія, а поступающія въ высшія учебныя заведенія являлись вполнѣ подготовленными къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. Съ этою цѣлью необходимо расширить изученіе математики, физики, естествознанія, исторіи, ввести курсъ новѣйшей литературы и законовѣдѣнія; преподаваніе новыхъ языковъ должно имѣть своею цѣлью свободное чтеніе и пониманіе лучшихъ произведеній иностранной литературы и дѣйствительно достигать этой цѣли, чего никакъ нельзя сказать при современной постановкѣ этого дѣла*). Необходимо также по возможности приблизить школу къ требованіямъ практической жизни и сообщать ученицамъ необходимыя свѣдѣнія по гигіенѣ, хозяйству и домоводству; вмѣсто изящныхъ, но безполезныхъ рукодѣлій должно быть введено обученіе кройкѣ и шитью *простого, но удобнаго бѣлья и платья.* Здравое воспитаніе, внушающее уваженіе ко всякаго рода труду, безъ сомнѣнія побѣдитъ предразсудки, въ силу которыхъ наша интеллигенція относится съ пренебреженіемъ къ физическому труду, необходимому въ домашнемъ быту.

На физическое развитіе точно также должно быть обращено серьезное вниманіе. Кромѣ гимнастики, въ рекреаціонные часы должны устраиваться подвижныя игры.

Покрой форменнаго платья долженъ болѣе соотвѣтствовать

---

*) Для желающихъ долженъ быть введенъ латинскій языкъ.

требованіямъ гигіены, и ношеніе корсета должно быть запрещено. Правильное распредѣленіе уроковъ и умѣлое преподаваніе, несмотря на увеличеніе программы, поможетъ учащимся пройти курсъ безъ особыхъ затрудненій.

Гимназія не должна давать никакихъ особыхъ правъ, но ея свидѣтельство объ окончаніи курса должно открывать свободный доступъ на высшіе женскіе курсы, фельдшерскіе, акушерскіе, медицинскій институтъ и прочія учебныя заведенія общеобразовательнаго и спеціальнаго характера. Для желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности должны быть открыты особые педагогическіе классы съ 2-хлѣтнимъ курсомъ, гдѣ подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей, путемъ основательнаго изученія спеціальныхъ предметовъ, окончившія гимназію могли бы подготовляться къ этой дѣятельности. *Желательно, чтобы доступъ въ эти классы былъ открытъ лучшимъ изъ окончившихъ курсъ и наиболѣе подходящимъ по способностямъ или по характеру для педагогическаго труда.*

При такой системѣ образованія небогатыя и малоспособныя къ наукамъ дѣвушки, возвращаясь въ свою семью, не будутъ для нея тягостью: школа дала имъ не одно теоретическое образованіе, но и необходимыя въ домашнемъ быту свѣдѣнія. При увеличивающемся спросѣ на женскій трудъ въ другихъ областяхъ, онѣ могутъ найти для себя и другія занятія. Такимъ образомъ, лишеніе женскихъ гимназій права давать дипломы на званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ можетъ принести только пользу, какъ для педагогическаго дѣла, такъ и для высшаго женскаго образованія вообще.

Число юныхъ и неподготовленныхъ къ своему дѣлу педагогичекъ значительно сократится, конкуренція между ними уменьшится, и вслѣдствіе этого уровень заработной платы долженъ повыситься.

Для желающихъ же получить права на педагогическую дѣятельность явится необходимость имѣть болѣе высокій образовательный цензъ, и въ университетскихъ городахъ, вмѣсто 2-хлѣтнихъ педагогическихъ классовъ при гимназіяхъ, могутъ быть открыты педагогическіе курсы, которые съ теченіемъ времени могутъ развиваться въ заведенія университетскаго типа, пока не откроются для русскихъ женщинъ двери университета. Не будемъ забывать, что извѣстный % женщинъ, получившихъ среднее образованіе, очень часто въ скоромъ времени по окончаніи курса выходитъ замужъ. Для семьи важно, чтобы во главѣ ея стояла женщина, которая могла бы вполнѣ назваться помощницей мужа,

а не быть для него исключительно одалиской или содержанкой на законномъ основаніи, какъ это сплошь и рядомъ случается въ современныхъ семьяхъ.

Средняя школа должна дать женщинѣ такое образованіе и воспитаніе, которое дѣлало бы ее настоящимъ человѣкомъ, развивало бы въ ней самодѣятельность ума, самостоятельность мысли и характера, возбудило бы въ ней охоту къ дальнѣйшему самообразованію и любовь къ труду.

Въ правильномъ образованіи и воспитаніи, а слѣдовательно и въ реформѣ средней школы нуждается не одно только мужское поколѣніе.

Будущность страны зависитъ отъ строя общества, строй общества опирается на семью, и въ семьѣ женщина—мать будущихъ гражданъ—всегда занимала и будетъ занимать первое мѣсто.

Школы и братство Н. Н. Неплюева *).

Въ августѣ 1897 г. я разсѣянно бродила по Кіевской Сельско-Хозяйственной выставкѣ.

Будучи горожанкой по рожденію и воспитанію, я не имѣю никакого понятія о сельскомъ хозяйствѣ, и немудрено, что для меня многое на этой выставкѣ было и непонятно и неинтересно. Не зная плана выставки, въ поискахъ за отдѣломъ менѣе спеціальнымъ,—я наконецъ попала въ отдѣлъ сельско-хозяйственныхъ школъ. По стѣнамъ висѣли планы, карты, на столахъ—папки съ чертежами, отчеты.

Въ планахъ я ничего не смыслю; по обилію работъ—я могла сдѣлать и безъ того ясный выводъ, что у насъ сельско-хозяйственныя школы существуютъ, и ученикъ ихъ усердно работаетъ... Разсматривать спеціальныя работы учениковъ—тоже не представляло интереса.

Я разсѣянно проходила мимо одного изъ столовъ: тѣ же планы на стѣнѣ, но на столѣ лежала большого формата книга въ зеленой обложкѣ; наверху обложки—изображеніе креста въ сіяніи, ниже—видъ небольшой деревянной церкви, кругомъ которой лентою шла надпись: «Воздвиженская школа, колыбель трудового братства». Я удивилась, остановилась; раскрыла книжку и... зачиталась до звонка передъ закрытіемъ выставки.

Въ августѣ нынѣшняго года мнѣ удалось исполнить свое желаніе: ознакомиться съ школами г. Неплюева на мѣстѣ. Хуторъ Воздвиженскъ, въ которомъ находятся обѣ школы, мужская—Воздвиженская, и женская—Преображенская, расположенъ въ 5-ти верстахъ отъ ст. Кіево-Воронежской жел. дороги «Горѣлые Хутора», и 20 вер. отъ г. Глухова (Черниговской губ.).

Основатель школы задался цѣлью воспитать изъ крестьян-

---

*) См. газ. «Русскій Трудъ». №№ 47, 48, 1898 г.

скихъ дѣтей людей, сознательно вѣрующихъ, положивъ въ основу воспитанія—любовь къ Богу и любовь къ ближнему.

Въ своей книгѣ: «Воздвиженская школа, колыбель трудового братства» (Спб. 1895 г.) г. Неплюевъ самъ разсказываетъ, какимъ путемъ пришелъ онъ къ намѣренію основать эту школу:

«Съ дѣтства я находилъ сердечную отраду въ чтеніи Священнаго Писанія, съ дѣтства усвоилъ привычку ежедневнаго чтенія Евангелія. Не все было понятно дѣтскому уму, но сердце чуяло правду животворящаго Духа святыхъ словъ, любило эту святую правду и привыкало ею провѣрять явленія окружающей жизни. Съ дѣтства меня поражала и пугала оторванность жизни отъ этой святой правды.

«Когда критика фактовъ была для меня еще непосильна и формулировать свои мысли я еще не могъ, сердце чуяло непримиримый разладъ настроенія духа громаднаго большинства съ тѣмъ духомъ мира и любви, который со страницъ Евангелія освѣщалъ и согрѣвалъ дѣтское сердце.

«Чѣмъ болѣе я жилъ и знакомился съ жизнью,—тѣмъ болѣе убѣждался, что подавляющее большинство людей не умѣетъ и не желаетъ ни думать, ни чувствовать, ни жить по-христіански.

«...Для меня стало ясно, что мнѣ надо уйти изъ общества людей, которые во мнѣ не нуждаются, единомыслiе и единодушiе съ которыми на почвѣ честнаго исповѣданія Христа Спасителя для меня, очевидно, невозможно; уйти отъ нихъ къ тѣмъ бѣднымъ дѣтямъ народа, которыя нуждаются во мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, которыхъ надо только научить думать и чувствовать по-христіански, чтобы вѣра ихъ изъ слѣпой стала сознательной, съ которыми на почвѣ честнаго исповѣданія Христа Спасителя жить въ единодушіи любовнаго братскаго общенія».

Г. Неплюевъ рѣшилъ оставить дипломатическую службу (онъ состоялъ въ то время при посольствѣ въ Мюнхенѣ) и переѣхалъ въ деревню, предварительно пробывъ 3 года вольнослушателемъ Петровской Академіи, чтобы подготовиться къ завѣдыванію сельско-хозяйственной школой, которую онъ задумалъ открыть въ своемъ имѣніи. Сначала онъ основалъ пріютъ для сиротъ, затѣмъ въ 1885 г. возникла Воздвиженская сельско-хозяйственная школа. Въ школу поступаютъ дѣти, окончившія курсъ начальныхъ народныхъ училищъ, земскихъ или министерскихъ, по конкурсному экзамену, вслѣдствіе большого числа желающихъ поступить. При поступленіи въ школу ребенку внушаютъ, что его воля—свободна, и онъ по своему желанію можетъ стремиться къ добру или злу, и стараются возбудить въ немъ любовь

къ добру и извѣстное христіанское настроеніе духа. Нравственное воспитаніе организовано очень стройно: при поступленіи каждый ребенокъ поручается «старшему» *) изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ, который занимается его воспитаніемъ, слѣдитъ за его духовнымъ развитіемъ, читаетъ его дневникъ (который всѣ младшіе обязаны писать), и пишутъ его характеристику. Нельзя не признать этихъ дневниковъ очень удачнымъ пріемомъ для наблюденія надъ умственнымъ и нравственнымъ ростомъ ребенка: такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дѣти относятся къ своимъ старшимъ очень искренно, то и дневники свои пишутъ откровенно, и вслѣдствіе разнообразія степени развитія—получается разнообразіе и въ дневникахъ; иногда слабо развитой ребенокъ пишетъ удивительно безсвязный наборъ словъ. Для руководства «старшимъ» есть правила, изложенныя въ особой запискѣ. Имъ совѣтуютъ имѣть довѣріе къ младшимъ, обращать вниманіе на свѣтлыя стороны души ребенка, избѣгать грубости и насилія. Приведу здѣсь нѣкоторые пункты цѣликомъ:

8) Желательно, чтобы для выясненія характера выдѣлялись на первый планъ главныя основныя черты духовнаго облика и, затѣмъ, приводились съ этими главными основами характера въ связь и остальныя, второстепенныя его черты. Было бы полезно въ самомъ началѣ характеристики коротко и ясно въ нѣсколькихъ словахъ очертить характеръ—и затѣмъ всю характеристику писать, какъ доказательство и иллюстрацію опредѣленія.

10) Жизнь такъ мало организована въ началахъ любви, что люди привыкли понимать только злой умъ, проявляющій себя въ зломъ остроуміи, самозащитѣ, чванливомъ выставленіи себя на показъ... Въ соединеніи съ любовью добрый умъ будетъ проявлять себя совсѣмъ иначе: вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни и людямъ, глубокимъ пониманіемъ правды, вѣрною самооцѣнкою; при чемъ острота возраженій, злая находчивость будутъ совершенно парализованы любовью или жалостью.

13) Желательна увѣренность младшихъ въ томъ, что кромѣ непосредственныхъ ихъ воспитателей (или воспитательницъ), никому не будетъ извѣстно, что пишутъ они въ своихъ дневникахъ и говорятъ старшимъ. Только при этихъ обстоятельствахъ можно надѣяться, что дневники будутъ писаться съ полною откровенностью, и разговоры будутъ просты, сердечны и искренни, безъ

---

*) Такъ поступаютъ только съ новенькими: воспитанники же другихъ классовъ—сами подаютъ записки съ фамиліями тѣхъ воспитанниковъ, которыхъ желали бы имѣть своими «старшими».

умалчиванія о тѣхъ интимныхъ сторонахъ нашей жизни, которыя могутъ имѣть особенно важное значеніе въ духовной жизни ребенка.

17) Желательно воспитать въ ребенкѣ доброе, истинно христіанское смиреніе. Оно не уничтожаетъ личности, не мѣшаетъ ей быть свободной до способности пострадать за правду и вѣру, несмотря ни на какія притязанія, угрозы и даже мученія. Вѣрнымъ признакомъ этого добраго христіанскаго смиренія можетъ служить слѣдующее: 1) сердечное признаніе всѣхъ ближнихъ достойными любви и доброжелательства; 2) сердечная потребность относиться ко всѣмъ съ уваженіемъ; 3) умѣнье повиноваться сознательно выбранному авторитету; 4) сознаніе позорной глупости всякой гордости; 5) сознаніе того, что все, что мы имѣемъ, дано намъ Господомъ; что въ Немъ вся наша сила, что безъ Него мы ничто, и что все достижимо при помощи Божіей.

Когда старшіе замѣтятъ въ младшемъ достаточное стремленіе къ самосовершенствованію и любви къ Богу и ближнему, то намѣчаютъ кандидатовъ въ младшій братскій кружокъ. Это, такъ сказать, первая ступень къ согласованію жизни съ вѣрою. Считая, что будничная обстановка, при возвышенномъ настроеніи духа, такая же ложь, какъ и будничное настроеніе при торжественной обстановкѣ, г. Неплюевъ постарался обставить пріемы въ кружки, по собственнымъ словамъ, «изящной торжественностью». Послѣ долгихъ хлопотъ онъ добился разрѣшенія дѣлать пріемъ въ церкви, причемъ священникъ служитъ молебенъ и затѣмъ читаетъ XVIII главу Евангелія отъ Матѳея и говоритъ подходящую проповѣдь.

Мнѣ не удалось присутствовать при этой церемоніи, но, по словамъ очевидцевъ, она производитъ глубокое впечатлѣніе, вызывая слезы не только у воспитанниковъ, но и у постороннихъ лицъ.

Когда членъ младшаго братскаго кружка настолько разовьется духовно, что можетъ принять на свое попеченіе младшихъ—его намѣчаютъ въ кандидаты старшаго братскаго кружка. Сначала его только допускаютъ присутствовать на собраніяхъ и, только убѣдившись вполнѣ въ его духовной солидарности съ кружкомъ, допускаютъ въ члены и поручаютъ ему младшихъ. Имѣя каждый на своемъ попеченіи по нѣсколько «младшихъ», члены старшаго братскаго кружка являются ближайшими помощниками Николая Николаевича въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, согласно завѣтамъ Евангелія.

Церемонія пріема въ кружокъ та же, только проповѣдь говорится серьезнѣе.

Въ каждомъ классѣ есть старшина, выбранный самими товарищами, отвѣтственный за порядокъ въ своемъ классѣ, всѣ воспитанники обязаны повиноваться ему во всемъ, что касается принятыхъ имъ на себя обязанностей. Власть старшины старшаго класса распространяется на всю школу. Николай Николаевичъ находитъ, что существованіе старшихъ весьма полезно для развитія привычки добровольнаго подчиненія выборному началу. Естественно, что воспитанные въ духѣ живой вѣры и взаимной любви, ученики школы, по выходѣ изъ нея, попали бы въ очень тяжелое положеніе, такъ какъ имъ пришлось бы жить среди людей, совершенно чуждыхъ имъ по настроенію и складу духовному. Конечно, не всѣ ученики поддаются вліянію воспитанія, но они составляютъ незначительное меньшинство. Трое изъ шести воспитанниковъ перваго выпуска пожелали не разставаться со своимъ воспитателемъ и остались при школѣ, чтобы, подготовившись, занять въ ней мѣста преподавателей.

Съ увеличеніемъ числа выпусковъ увеличивалось и число желающихъ остаться въ братствѣ. Въ настоящее время членовъ въ братствѣ около 100 чел., которые раздѣляются по роду занятій на артели: земледѣльческую, пчеловодную, молочную, прачечную и др. Каждая артель образуетъ также одну семью и живетъ въ отдѣльномъ домикѣ. Въ настоящее время уставъ утвержденъ, и братству дарованы права юридическаго лица.

Члены братства могутъ быть 3 разрядовъ *):

а) Полноправные братья—полноправные хозяева братства, посвятившіе ему жизнь безраздѣльно. Они устанавливаютъ общій строй жизни братства, завѣдуютъ его имуществомъ и распоряжаются доходами. Полноправные братья образуютъ изъ себя братскую думу подъ предсѣдательствомъ ими же выбраннаго блюстителя.

б) Пріемные братья—находятся на испытаніи; живутъ вмѣстѣ съ полноправными братьями въ предѣлахъ владѣній братства и пользуются равнымъ участіемъ въ доходахъ, но не участвуютъ ни въ выборахъ, ни въ установленіи строя жизни братства.

в) Члены-соревнователи; они обязываются, живя на сторонѣ, каждый въ своемъ положеніи содѣйствовать христіанскому

---

*) См. книгу «Воздвиженская школа. Колыбель Трудового Братства». Спб. 1895 г.

воспитанію дѣтей и согласованію жизни съ вѣрою. Они не участвуютъ въ доходахъ братства, но могутъ по усмотрѣнію полноправныхъ братьевъ получать отъ братства матеріальную помощь на дѣятельность въ духѣ братства за его предѣлами. Членами братства могутъ быть и женщины, пользуясь во всемъ равнымъ съ мужчинами правами. Братство имѣетъ попеченіе о больныхъ и престарѣлыхъ братьяхъ, пріемныхъ и полноправныхъ, ихъ вдовахъ и сиротахъ все время, пока они живутъ, согласно общему строю жизни братства. Чистый доходъ распредѣляется такъ: ежегодно отчисляется по 10% въ основной и запасный капиталы, которые предназначаются исключительно для покупки земель и учрежденія новыхъ отдѣленій братства. Остатокъ чистаго дохода дѣлится поровну между полноправными и пріемными братьями, но не выдается имъ на руки, а записывается думой на ихъ лицевые счета, при чемъ братья могутъ расходовать деньги только съ согласія простого большинства наличныхъ членовъ думы. При выходѣ изъ братства, выходящій получаетъ всю причитающуюся на его долю сумму за вычетомъ денегъ, взятыхъ имъ, съ согласія думы, за все время пребыванія въ братствѣ. Онъ можетъ также распорядиться этой суммой по духовному завѣщанію, если не оставляетъ свою семью на попеченіи братства. Всѣ члены братства, за исключеніемъ членовъ-соревнователей и лицъ, находящихся, съ согласія думы, въ исключительномъ положеніи по роду ихъ занятій, или по болѣзни и старости—составляютъ изъ себя рабочую и потребительную артель, выполняя всѣ работы безъ помощи наемниковъ, наемъ которыхъ разрѣшается только въ случаѣ недостаточнаго количества членовъ братства, или по случаю усиленной работы.

Но такъ какъ въ настоящее время число членовъ братства еще не настолько велико, чтобы обрабатывать всю землю собственными силами,—то нанимаются рабочіе.

Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи было слишкомъ мало времени (я могла пробыть въ братствѣ только 3 дня), чтобы глубже ознакомиться съ жизнью школъ и братства.

Я пріѣхала въ Воздвиженскъ 18-го августа нынѣшняго года, когда въ женской школѣ были вакаціи и большинство воспитанницъ разъѣхалось по домамъ, а воспитанники мужской школы всѣ были на работѣ. Въ женской школѣ оставались лишь тѣ дѣвочки, которыя не уѣзжали домой, нѣкоторыя изъ вновь поступившихъ и воспитанницы изъ общежитія-школы м. Янполя, которыя переводятся на лѣто въ Воздвиженскъ. Я остановилась въ женской школѣ, которой руководитъ М. Н. Уманецъ, сестра Ни-

колая Николаевича. Дѣти производятъ самое симпатичное впечатлѣніе: не слышно ни грубыхъ криковъ, ни брани—столь обычныхъ среди дѣтей интеллигентныхъ родителей. На лицахъ вновь поступившихъ дѣвочекъ я не видѣла грустной подавленности, которая такъ часто отличаетъ «новенькихъ» нашихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Оторванныя отъ родной семьи дѣти вступаютъ здѣсь въ другую семью, часто болѣе любящую, болѣе сердечную, нежели своя собственная. Духъ любви и мира царитъ въ школѣ и отражается на спокойныхъ, веселыхъ лицахъ дѣтей, на отношеніяхъ къ нимъ ихъ воспитательницъ, которыя являются какъ бы ихъ старшими сестрами.

Женская школа основана на 10 лѣтъ позднѣе мужской, поэтому всѣ сестры братства гораздо моложе старшихъ его членовъ: 1-й выпускъ состоялся въ 1895 году. Поэтому и воспитательницы школы всѣ еще очень молоды. Но несмотря на это, онѣ ведутъ дѣло воспитанія вполнѣ сознательно, подъ руководствомъ Маріи Николаевны, которую можно назвать душою женской школы. Вечеромъ, въ день пріѣзда, я пошла въ залу посмотрѣть на играющихъ дѣтей. Дѣвочки, взявшись за руки, образовали кругъ: одна изъ сестеръ, пришедшая въ школу, приняла участіе въ игрѣ, запѣла «Воробышка», и дѣти подхватили дружнымъ хоромъ. Пѣли очень стройно. Жаль, что въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ простое, не нотное хоровое пѣніе слабо развито; а между тѣмъ, именно оно скорѣе всего можетъ возбудить охоту и любовь къ пѣнію. Въ этомъ хорѣ участвовали новенькія, и онѣ, во всякомъ случаѣ, предварительно не спѣвались. Я объясняю себѣ такую стройность пѣнія природною музыкальностью малороссовъ.

Въ 9 часовъ вечера началась молитва. Дѣти встали передъ большою иконой, изображающей Іисуса Христа, благословляющаго дѣтей. Молитва эта носила характеръ совершенно противоположный той, «обязательной для всѣхъ» молитвы, съ какою мы свыклись въ нашихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Молитвы читала не одна «дежурная» воспитанница, а каждая желающая, одна за другою, вполнѣ сознательно, съ глубокимъ чувствомъ. Остальныя стояли неподвижно, и на лицахъ ихъ видно было, что всѣ онѣ молились. Какой контрастъ съ привычнымъ мнѣ зрѣлищемъ «вечерней молитвы»,—на которой я сама столько разъ присутствовала, будучи воспитанницей казеннаго учебнаго заведенія! Торопливое бормотанье «дежурной»—«помилосты, помилосты» (Господи, помилуй), гнѣвные взоры классной дамы, шушуканье и смѣхъ остальныхъ воспитанницъ—

вспомнилось мнѣ въ эту минуту далекое прошлое...—«Господи, помилуй!»—слышала я возгласъ изъ группы дѣтей,—и въ этомъ возгласѣ слышался дѣйствительный вздохъ души, который тутъ же находилъ откликъ въ другой: «Господи, помилуй!»—слышалось изъ середины группы; «Господи, помилуй!»—повторяла какая-то стоявшая впереди.

Такая дѣтская молитва не можетъ не произвести впечатлѣнія. Параллельно съ нравственнымъ идетъ и умственное развитіе. Несмотря на небольшой объемъ программы, здѣсь пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы расширить умственный горизонтъ дѣтей. Въ обѣихъ школахъ читаются рефераты на разныя темы, соотвѣтственно возрасту и развитію; выписывается много журналовъ. Въ глубинѣ залъ обѣихъ школъ стоятъ столы, на которыхъ разложены журналы общеобразовательнаго и спеціальнаго характера. Назову здѣсь «Міръ Божій», «Русская Школа», «Образованіе», «Всходы», «Недѣля» и др. Поэтому неудивительно, что способныя и чуткія дѣти находятъ здѣсь почву въ высшей степени благопріятную для умственнаго развитія. Мнѣ пришлось говорить съ одною изъ воспитанницъ 2-го спеціальнаго класса, — эта 17-лѣтняя дѣвушка читала Страхова «Міръ какъ цѣлое», читала Бокля «Исторія цивилизаціи въ Англіи». Мнѣ захотѣлось испытать, какъ понимаетъ она нѣкоторые тексты: я нарочно выбрала такой, для яснаго пониманія котораго требуется значительная степень умственнаго развитія, и она объяснила мнѣ смыслъ изреченія «духа не угашайте»—вполнѣ удовлетворительно.

Очень симпатичное впечатлѣніе производитъ Рождественскій дѣтскій пріютъ для дѣтей до-школьнаго возраста, находящійся на хуторѣ того же имени въ 3-хъ верстахъ отъ Воздвиженска. Имъ завѣдуетъ одинъ изъ членовъ братства, который обращается съ дѣтьми какъ любящій старшій братъ. Когда мы пріѣхали на хуторъ,—дѣти съ своимъ воспитателемъ были на опушкѣ лѣса. Дѣтки малъ-мала меньше *) бросились къ намъ навстрѣчу и потянули къ своимъ играмъ. Мнѣ передавали очень мѣткое замѣчаніе кого-то изъ посѣтившихъ пріютъ объ этомъ воспитателѣ: «И. П. Б.—добрый пастырь Рождественскихъ овечекъ». Лучшую характеристику трудно придумать, когда видишь этого высокаго, сильнаго молодого человѣка съ лицомъ умнымъ и симпатичнымъ, окруженнаго толпою ребятишекъ, съ которыми

*) Въ пріютъ принимаются дѣти отъ 3—10 лѣтъ.

онъ обращается такъ, что не мѣшало бы поучиться у него многому нашимъ доморощеннымъ педагогамъ и педагогичкамъ.

* * *

Мнѣ пришлось какъ-то бесѣдовать съ одною очень умной и образованной женщиной, начинающей увлекаться марксизмомъ. Мы говорили о постепенномъ разрушеніи крестьянскаго хозяйства, и моя собесѣдница увѣряла, что въ этомъ—залогъ лучшаго будущаго.

— Крестьянство обратится въ рабочій пролетаріатъ, а концентрація земель въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ дастъ возможность завести на землѣ правильное хозяйство, согласно уровню современнаго его положенія на Западѣ Европы. А то—помилуйте! — у насъ ведется оно архаическимъ способомъ!... Крестьянинъ ведетъ его *все самъ*; а въ наше время немыслимо использовать почву безъ спеціальныхъ знаній. При капиталистическомъ строѣ это и будетъ достигнуто: каждая часть рабочихъ будетъ заниматься исключительно одною отраслью хозяйства—въ этомъ залогъ прогресса.

— А... нельзя развѣ обойтись безъ капитализма? Развѣ нельзя теперь изъ крестьянской общины устроить добровольную ассоціацію, гдѣ члены ея могли бы спеціализироваться, постоянно занимаясь однимъ и тѣмъ же трудомъ?—рискнула я возразить ей.

Лицо моей собесѣдницы приняло глубокомысленное выраженіе.

— О, это вы заглядываете слишкомъ впередъ. Вы говорите о кооперацiи. Но это уже—вѣнецъ всего... это будетъ послѣ... а пока мы должны считаться съ дѣйствительностью.

Она выговорила это тономъ, не допускающимъ возраженія.

Интересно, что сказала бы она, если бы увидала, какъ «при современномъ положеніи вещей»—въ глубинѣ Россіи осуществляется та же самая кооперація, тихо и мирно, безъ шума и брани въ печати, безъ прикрытія яркими флагами, и, что всего непонятнѣе,—вдали отъ «разсадниковъ прогресса»—отъ фабричныхъ центровъ...

I *).

О воспитаніи любви къ родной старинѣ.

Какъ-то утромъ осенью настоящаго года немногіе проходящіе по Ильинской площади могли видѣть небольшую группу, стоявшую противъ церкви Ильи Пророка, и въ центрѣ ея оживленно говорившаго человѣка. Это были петербуржцы—изъ нихъ нѣкоторые принадлежатъ къ администраціи СПБ. высшихъ женскихъ курсовъ—съ профессоромъ Шляпкинымъ во главѣ: они пріѣзжали въ Ярославль для осмотра мѣстныхъ древностей.

Года три тому назадъ, въ числѣ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ мнѣ пришлось участвовать въ экскурсіяхъ для осмотра древностей Новгорода и Пскова, организованныхъ профессорами Платоновымъ и Шляпкинымъ. Послѣдній много разсказывалъ намъ и о памятникахъ ярославской старины и, узнавъ, что я—изъ Ярославля, сталъ разспрашивать меня о нихъ, но я на его разспросы не могла дать иного отвѣта, кромѣ «не знаю».

То же самое повторилось и съ разспросами о ростовской «Бѣлой Палатѣ», которую мнѣ ранѣе пришлось посѣтить, но не удалось осмотрѣть какъ слѣдуетъ, подъ руководствомъ свѣдущаго лица.

Изъ разсказовъ профессора пришлось узнать, какіе у насъ существуютъ интересные памятники древняго русскаго зодчества, изучать и осматривать которые пріѣзжаютъ нарочно изъ-за сотенъ и тысячъ верстъ. Для самихъ же жителей — въ порядкѣ вещей жить среди этихъ памятниковъ, ежедневно ихъ видѣть и — не знать о нихъ ровно ничего. Также въ порядкѣ вещей и то обстоятельство, что у насъ принято жаловаться на равнодушное отношеніе общества къ памятникамъ отечественной старины и не вникать глубже, не искать причинъ такого отношенія. Но какъ иначе и можетъ относиться общество, разъ большинство просто

*) I — III см. газ. «Сѣверный Край». №№ 246, 250 и 262, 1900 г.

не знаетъ, среди какихъ памятниковъ древности оно живетъ и чѣмъ именно они замѣчательны?

Въ нашемъ городѣ нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній воспитываютъ молодежь обоего пола.

Сообщаютъ ли они всѣмъ питомцамъ хоть какія-нибудь свѣдѣнія по исторіи ихъ родного города, объ его достопримѣчательностяхъ? Что-то не слыхать, такъ какъ этого «въ программѣ нѣтъ».

Пишущей эти строки пришлось получить среднее образованіе въ одной изъ здѣшнихъ гимназій, гдѣ все преподаваніе исторіи ограничивалось тщательнымъ изученіемъ, изученіемъ до озлобленія, до отвращенія, знаменитаго учебника Иловайскаго. Какой же иной отвѣтъ, кромѣ «не знаю», можемъ дать мы на вопросы о нашей родной старинѣ?

А чего не знаютъ, къ тому, въ большинствѣ случаевъ, относятся равнодушно. И прежде, нежели упрекать общество «за равнодушное отношеніе», слѣдовало бы обратить вниманіе на то, что наша средняя школа и не думаетъ пробуждать въ дѣтяхъ любовь и интересъ къ родной старинѣ, интересъ, если не къ изученію, то къ сохраненію ея. Поколѣнія за поколѣніемъ проходятъ черезъ школы, и сознательное и любовное отношеніе къ интереснымъ памятникамъ прошлаго все еще остается удѣломъ спеціалистовъ, да немногихъ любителей, о которыхъ прочіе обыватели отзываются за-глаза съ сострадательной усмѣшкой, и упражняются въ дешевомъ остроуміи, передѣлывая «археологъ» въ «архіолухъ» *).

Организація общеобразовательныхъ экскурсій для ознакомленія молодого поколѣнія съ мѣстными памятниками древности—не представляетъ особыхъ затрудненій и можетъ принести только пользу для преподаванія исторіи, привить его и заинтересовать учащихся. Будемъ ожидать, что хоть вслѣдствіе послѣднихъ циркуляровъ, предписывающихъ организаціи подобныхъ прогулокъ, преподаватели нашихъ среднихъ школъ обратятъ вниманіе на то, какой богатый образовательный матеріалъ находится у нихъ подъ руками въ видѣ церквей, коллекцій, находящихся въ помѣщеніи ученой архивной комиссіи и ростовской «Бѣлой Палаты»... Положимъ, можно бы догадаться осуществить все это на дѣлѣ и раньше, безъ *циркуляровъ*, но уже и то хорошо, что необходимость встряхнуть рутину нашей средней

*) Лично приходилось слышать въ г. Ростовѣ.

школы начинаетъ проникать въ сознаніе представителей педагогическаго міра.

P. S. Замѣтка эта была написана, когда мы узнали, что на 16-ое сентября назначена поѣздка учениковъ VIII-го и отчасти VII-го классовъ мужской гимназіи въ Ростовъ для осмотра мѣстныхъ древностей.

Подобное начинаніе въ нашемъ городѣ можно только съ радостью привѣтствовать и пожелать, чтобы этому примѣру послѣдовали и женскія гимназіи и прочія учебныя заведенія, находящіяся въ Ярославлѣ.

II.

Нужны ли казенныя деньги для того, чтобы замѣчать окружающіе насъ предметы?

Въ своей статьѣ «Поѣздка учениковъ ярославской гимназіи въ г. Ростовъ», появившейся въ № 248 «Сѣвернаго Края», г. В—ій пытается, по его словамъ, «снять тотъ легкій упрекъ», который дѣлаетъ гимназіямъ авторъ статьи «О воспитаніи любви къ родной старинѣ»,—пытается, но едва ли удачно. Г. В—ій, указывая на то, что «на осуществленіе *поѣздокъ* нужны деньги, а денегъ на этотъ предметъ изъ казны не отпускается», упускаетъ изъ виду, что въ статьѣ «О воспитаніи любви къ родной старинѣ» идетъ рѣчь вовсе не о *поѣздкахъ* (ростовская «Бѣлая Палата» только вскользь упоминается), а объ изученіи памятниковъ мѣстныхъ, среди которыхъ мы живемъ, связанныхъ съ исторіей родного города.

Всякому образованному человѣку очень хорошо извѣстно, какимъ скуднымъ бюджетомъ располагаетъ министерство народнаго просвѣщенія. Но неужели же г. В—ій полагаетъ, что *прогулка* съ учащимися по Ярославлю съ цѣлью осмотра его древностей или посѣщенія музея ученой архивной комиссіи потребуетъ такихъ денежныхъ затратъ, сдѣлать которыя невозможно безъ помощи со стороны казны или общества? Кажется—помѣщеніе архивной комиссіи не далеко отъ гимназіи; прекрасный, удивительный по гармоніи линій образецъ московско-ярославской архитектуры — ц. Иліи Пророка — тоже совсѣмъ близко. Мимо нея ежедневно два раза проходятъ большинство учащихъ и учащихся гимназіи. Замѣчательная церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ издавна пользуется вниманіемъ всѣхъ

путешественниковъ, пріѣзжающихъ въ Ярославль; еще недавно ее посѣтилъ баронъ де-Бай. Прогулка туда тоже не требуетъ много расходовъ. Да и мало ли еще у насъ интересныхъ памятниковъ? Кажется... чего бы проще — въ одно изъ воскресеній предложить желающимъ ученикамъ или ученицамъ старшихъ классовъ гимназій (такія прогулки не должны имѣть принудительный характеръ, иначе для учащихся пропадетъ весь интересъ)—сдѣлать прогулку подъ руководствомъ своихъ преподавателей—ну, хотя бы для осмотра Предтеченской церкви.

Я думаю, и г. В—ій согласится, что для этого нужны не «деньги изъ казны», а лишь живое, не-рутинное отношеніе къ дѣлу преподаванія и воспитанія, любовь къ дѣтямъ, т. е. нѣчто такое, чего, можетъ быть, и не хватаетъ нашей средней школѣ, но что является недостаткомъ не матеріальныхъ средствъ, а чего-то другого.

Мы не привыкли обращать вниманіе на то, что насъ окружаетъ, и пользоваться въ дѣлѣ воспитанія близкимъ и жизненнымъ, хотя въ немъ всегда имѣется столь богатый и поучительный матеріалъ. Вотъ сущность моей статьи. И г. В—ій, предполагающій, что для того, чтобы найти что-либо достойное изученія, необходимо непремѣнно поѣхать въ другой городъ, доставилъ отличный образчикъ особой дальнозоркости, которою не можетъ не страдать при теперешней далекой отъ жизни постановкѣ учебнаго дѣла и наша средняя школа.

Въ томъ фактѣ, что наша статья появилась не до, а послѣ министерскихъ циркуляровъ, г. В—ій видитъ какъ бы возможность повернуть нашъ упрекъ въ другую сторону, т. е. по адресу общества; но вѣдь необходимость образовательныхъ экскурсій—это такая элементарная истина, которая вовсе не требовала для своего обнаруженія санкціи министра и дѣйствительно постоянно проводилась въ русской педагогической литературѣ, а кое-гдѣ и въ нашей педагогической практикѣ.

Если теперь на эту мысль будутъ, надо надѣяться, чаще указывать въ печати, то это потому, что мало находится охотниковъ лбомъ прошибать стѣны, а до послѣдняго времени строй нашей средней школы представлялся многимъ именно глухой стѣной, не поддающейся никакимъ усиліямъ разсужденія.

III.

Не странно ли?

Въ недавно вышедшемъ отчетѣ по ярославской народной библіотекѣ-читальнѣ за время отъ 17 октября 1899 г. по 1 января 1900 года одна интересная цифра обращаетъ на себя вниманіе.

Въ рубрикѣ посѣтителей по роду занятій прислуги мужской значится 17 человѣкъ, женской *только пять* человѣкъ.

И это на весь Ярославль съ его почти 80.000 населеніемъ, съ массою семействъ, имѣющихъ женскую прислугу! За тѣ же $2^1/_2$ мѣсяца успѣла побывать безъ малаго сотня ремесленниковъ (91 человѣкъ), фабричныхъ—79, приказчиковъ, конторщиковъ—59 человѣкъ, мелкихъ служащихъ—36 человѣкъ, а изъ всей многочисленной арміи домашнихъ служанокъ удосужились взять книжку изъ библіотеки только *пять* человѣкъ! Тогда какъ женщины, занимающіяся домашнимъ хозяйствомъ и другими занятіями, въ это же время посѣтили библіотеку въ количествѣ *101 человѣка.*

Очевидно, самостоятельныя занятія по хозяйству позволяютъ имѣть свободное время для чтенія, а наемныя—нѣтъ. Въ этомъ нельзя не видѣть одну изъ сторонъ ненормальнаго положенія нашей прислуги, на которую со всѣхъ сторонъ громкимъ хоромъ раздаются жалобы. Но... какъ же мы можемъ имѣть хорошую прислугу, если стараемся взять отъ нея возможно большее количество труда за меньшее вознагражденіе, по возможности избѣгая всякихъ обязательствъ со своей стороны?

Изо дня въ день наша прислуга затрачиваетъ массу мелкаго, невиднаго, неблагодарнаго труда, устраняющаго отъ насъ массу мелкихъ заботъ, создающаго нашъ привычный комфортъ и досугъ—все для хозяевъ,—а что же для себя?

Что же для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей?

Очевидно... мы со своей стороны нашей прислугѣ не даемъ ничего, такъ какъ смѣшно же считать сколько-нибудь значительною цифру въ *пять* человѣкъ, пользовавшихся библіотекой. Тѣмъ не менѣе, мы недовольны, когда прислуга сама, по-своему, рѣшаетъ свои духовные запросы. Мы недовольны, когда у нея есть любовникъ, читаемъ ей мораль по поводу прижитого ребенка, стыдимъ ее за лѣность и пьянство, за охоту «шляться», и наконецъ, когда наши увѣщанія не достигаютъ цѣли, разсчитываемъ и беремъ другую.

Общество открываетъ библіотеку-читальню, заботясь о духовныхъ запросахъ народа. Казалось бы, всего естественнѣе позаботиться привлечь къ этой библіотекѣ *прежде всего* тотъ классъ рабочаго люда, который такъ близко стоитъ ко всевозможнымъ слоямъ общества—домашнюю прислугу.

На дѣлѣ оказывается не то. Не страшной ли покажется и эта цифра *въ пять человѣкъ* для г.г. членовъ просвѣтительнаго общества, досугъ которыхъ, позволяющій имъ предаваться всевозможнымъ благимъ начинаніямъ, въ сущности почти всецѣло созидается дешевымъ трудомъ женской прислуги?

На Черноморскомъ побережьѣ.

(историческій комментарій. ново-аѳонскій монастырь).

Далеко, далеко, за Кавказскими горами, у Чернаго моря, лежитъ страна, называемая Абхазіей. За много вѣковъ своего существованія она перенесла не мало перемѣнъ, и ея исторія очень интересная.

За 250 лѣтъ до Р. Х. ею владѣли греки, которые тамъ вели торговлю и построили много городовъ; эти города существуютъ и до нашего времени. Потомъ Абхазію завоевалъ римскій царь Митридатъ; въ это время воевали персы съ греками, и Абхазія помогала грекамъ; наконецъ, персы одолѣли абхазцевъ, но ненадолго. Греки опять овладѣли Абхазіей, и такъ какъ они уже были христіанами, то и стали распространять христіанство среди абхазцевъ. Но греческіе писатели и преданія народа говорятъ, что Евангеліе въ Абхазіи было проповѣдано гораздо раньше: апостоломъ Андреемъ съ спутникомъ Симономъ Канонитомъ (тѣмъ самымъ, у котораго Христосъ былъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской). Софроній (другъ блаженнаго Іеронима) пишетъ: «Андрей, братъ св. Апостола Петра, какъ передали намъ предки, проповѣдывалъ Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа скиѳамъ, согдіанамъ и сиккамъ; проповѣдывалъ также въ великомъ Севастополѣ (теперь—Сухумъ), по близости коего бросается въ море рѣка Алеара (Исыртсха) и рѣка Фозисъ (Ріонъ), у которой обитаютъ внутренніе эѳіопы; погребенъ въ Патрасѣ Ахейскомъ, будучи распятъ Егеатомъ Эдесскимъ». Объ этомъ же говорятъ и св. Дороѳей, епископъ Сирскій, и Епифаній, епископъ Кипрскій. Въ народѣ сохранились преданія о проповѣди Андрея, а также и объ его смерти,—будто бы онъ былъ убитъ за проповѣдь у нихъ, въ странѣ людоѣдовъ. Разсказываютъ еще, что была башня, въ которую боялись войти, такъ какъ въ ней оби-

тали будто бы нечистые духи; но св. Апостолъ вошелъ въ нее, поставилъ икону Богоматери, и духи исчезли; абхазцы увѣровали во Христа.

Эта проповѣдь не была безуспѣшна: идолопоклонничества стало меньше, уничтожился жестокій обычай приносить богамъ въ жертву младенцевъ и съѣдать трупы мертвыхъ людей. Но христіанство, насажденное апостолами, удержалось въ Абхазіи недолго; оно подверглось преслѣдованію и такимъ образомъ повсемѣстно было истреблено.

Такъ что, когда черезъ 500 лѣтъ по смерти Спасителя императоръ Юстиніанъ сталъ распространять христіанство,—то абхазцы были вполнѣ язычниками. Писатель того времени говоритъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ царствуетъ Юстиніанъ, нравы абхазцевъ замѣтно смягчились, потому что они приняли христіанство. Онъ построилъ у абхазцевъ храмъ Божіей Матери въ Пицундѣ и назначилъ имъ священниковъ; онъ позаботился, чтобы они имѣли возможность распространять христіанское ученіе». Пицунда лежитъ на восточномъ берегу Чернаго моря, по рѣкѣ Бзыби, въ одной верстѣ отъ моря. Храмъ былъ устроенъ очень хорошо, богато и прочно; фундаментъ сложенъ изъ дикаго камня; стѣны, толщиною въ 2 аршина, выложены изъ жженнаго римскаго кирпича въ 3, 4 и 5 рядовъ, а частью изъ плитняка. Немудрено, что онъ существуетъ и до сихъ поръ: построенъ въ 551 году, значитъ теперь ему 1349 лѣтъ. При немъ жили епископы, которые назывались католикосами, и поэтому храмъ пользовался разными привилегіями: въ немъ совершались освященіе мура, рукоположеніе епископовъ и разныя церемоніи. Храму жертвовались многія земли съ крестьянами; сохранились записи, изъ которыхъ можно видѣть, что Пицундская обитель была очень богата: кромѣ крестьянъ и земель, она владѣла и драгоцѣнными камнями и разными приношеніями.

Византійцы дали абхазцамъ правителя (архонта). Но въ исходѣ VIII-го вѣка они приняли титулъ царей, посредствомъ браковъ породнились съ царями грузинскими и покорили себѣ сосѣдніе горные народы. Такъ продолжалось около 200 лѣтъ. Когда угасло потомство царей абхазскихъ,—корона царская перешла къ ихъ родственникамъ—царямъ грузинскимъ. При одномъ изъ нихъ—Давидѣ Возобновителѣ—страна находилась въ цвѣтущемъ состояніи: весь абхазскій берегъ былъ покрытъ торговыми городами и монастырями, а на сосѣднихъ горахъ были построены укрѣпленные замки и церкви. Этотъ же царь отдалъ Абхазію въ удѣлъ князьямъ Шервашидзе, которые черезъ 100

лѣтъ, въ 1239 году, объявили себя независимыми князьями и окончательно отдѣлились отъ грузинскаго царства. Но они недолго княжили самостоятельно; черезъ 200 слишкомъ лѣтъ (1453 г.) турки завоевали Византію и подчинили себѣ абхазскихъ князей. Чтобы удержать ихъ въ повиновеніи—турки построили на морскомъ берегу много крѣпостей: Сухумъ-Кале, Поти, Анапу, и стали распространять магометанскую вѣру.. Вслѣдстіе этого христіанство стало ослабѣвать; многія епархіи пали и храмы разрушились. И Пицунда, окруженная народомъ, забывшимъ вѣру своихъ отцовъ,—тоже потеряла свое значеніе; католикосъ Захарія въ 1600 годахъ (XVII в.) уже уѣхалъ оттуда. Но народъ все-таки уважалъ оставленную святыню, и когда черезъ много-много лѣтъ наши войска заняли ее, на престолѣ нашли древнее Евангеліе, которому было 400 лѣтъ, и нѣкоторыя вещи изъ церковной утвари.

Съ паденіемъ Пицундскаго храма пало и христіанство въ Абхазіи, а сами князья Шервашидзе перешли въ магометанство. По словамъ народа, первыми перешли въ магометанство люди знатные, имѣвшіе торговыя дѣла съ турками; они приняли магометанство изъ своихъ личныхъ выгодъ, и такъ какъ простой народъ находился у нихъ въ подчиненіи, то онъ тоже послѣдовалъ ихъ примѣру. Тогда еще не учили грамотѣ, какъ теперь, и простой народъ совершенно не понималъ разницы между христіанствомъ и магометанской вѣрой. Въ концѣ концовъ у нихъ оказался полный сумбуръ: они не знали хорошо ни той, ни другой религіи, и въ обрядахъ у нихъ все перемѣшалось. Муллы—магометанскіе священники—тоже не учили народъ. Но какъ ни было велико вліяніе турокъ на абхазцевъ,—оно, однако, не вытѣснило нѣкоторыхъ древнихъ христіанскихъ обрядовъ: на Пасху у нихъ рѣжется ягненокъ и мѣняются крашеными яйцами; на всѣхъ моленіяхъ зажигаютъ свѣчи и курятъ ладанъ; развалины церквей считаются священнымъ мѣстомъ, и они приносятъ въ нихъ присягу. Присяга на развалинахъ храма на горѣ Дѣдрюпшъ (близъ Гудаута) считается самой священной, и не найдется абхазца, который рѣшился бы тамъ принести ложную присягу. Церковь почитается мѣстомъ неприкосновеннымъ, и всякій, прибѣгающій подъ ея защиту, спасается отъ преслѣдованія, какое бы ни сдѣлалъ преступленіе.

Въ 1810 г. русскіе взяли у турокъ Сухумъ-Кале, и абхазскій князь Сефиръ-бей добровольно перешелъ въ подданство Россіи, принявъ христіанскую вѣру. Къ этому времени во всей странѣ только въ двухъ церквахъ отправлялись церковныя службы. При

Императорѣ Николаѣ I повелѣно было учредить въ новомъ русскомъ владѣніи архіерейскую каѳедру, но въ это время возникла Крымская война 1854 г., и турки вновь заняли Абхазію, но ненадолго: черезъ два года русскіе опять овладѣли ею. Тогдашній абхазскій князь Михаилъ не умѣлъ спокойно управлять страной, постоянно ссорился съ сосѣдними князьями, заводилъ всякія смуты и, наконецъ, отравилъ сосѣдняго князя Дмитрія. Вслѣдствіе этого въ 1864 г. наше правительство, чтобы положить конецъ всѣмъ безпорядкамъ, удалило князя Михаила въ Россію и ввело въ Абхазіи русское управленіе. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права совершилось тамъ 19 февраля 1871 г.

Въ послѣднюю турецкую войну, въ 1877 г., турки опять попробовали занять гор. Сухумъ, но безуспѣшно: русскія войска ихъ отбили. Съ этихъ поръ на Абхазію турки уже больше не нападали, и мы владѣемъ этой страной.

* * *

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ мѣстъ въ Абхазіи является Ново-Аѳонскій Симоно-Канонитскій монастырь. Онъ расположенъ въ чудной живописной мѣстности, на восточномъ берегу Чернаго моря, въ 25 вер. отъ г. Сухума и въ 60 верстахъ отъ древняго Пицундскаго храма. Когда-то, въ глубокой древности, на этомъ мѣстѣ была греческая колонія Анакопія или Никопсія. Изъ предыдущаго уже извѣстно, что Абхазія переходила изъ рукъ въ руки, что въ ней постоянно были войны; поэтому, когда Абхазія была во власти римлянъ—они основали при императорѣ Траянѣ въ этой колоніи на высокой прибрежной горѣ крѣпость (сто лѣтъ по рожд. І. Х.); когда страна перешла къ византійцамъ—они выстроили тамъ церковь во имя апостола Симона Канонита; генуэзцы, которые пріѣзжали туда позднѣе, выстроили башни,—и всѣ эти постройки, конечно, уже развалившіяся, сохранились и до сихъ поръ. Тутъ жили и правители Абхазскіе, впослѣдствіи—цари.

Когда русскіе овладѣли Абхазіей—на этомъ мѣстѣ они основали Ново-Аѳонскій монастырь, составляющій отдѣлъ Русскаго Пантелеймонова монастыря на Аѳонѣ. Вся братія присылается оттуда и живетъ по общежительному уставу аѳонскому. «Симоно-Канонитскимъ» монастырь названъ потому, что въ древности греками была выстроена церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію былъ погребенъ ап. Симонъ Канонитъ. Эта церковь отъ лѣтъ совсѣмъ развалилась, и на ея мѣстѣ монахи выстроили новую.

Монастырь возникъ около 25 лѣтъ тому назадъ; во время

послѣдней турецкой войны его постройки были разорены, и монахи принуждены были оставить монастырь; по окончаніи войны они опять возвратились. Монастырь получилъ, по Высочайшему повелѣнію, 1800 десятинъ земли на содержаніе обители и при ней школы для дѣтей-абхазцевъ, обязавшись не производить никакихъ сборовъ подаяній по книгамъ и не испрашивать отъ правительства ни пособій, ни жалованья изъ казны.

Съ тѣхъ поръ прошло 20 лѣтъ. Монастырь процвѣтаетъ; свои огромныя земли монахи—братія около 700 чел.—тщательно обрабатываютъ...

Изъ Новороссійска массами пріѣзжаютъ туда богомольцы поклониться святынямъ... Бережно высаженные съ лодокъ на берегъ монахами, они съ пристани входятъ черезъ св. ворота въ четыреугольный дворъ. Этотъ дворъ былъ окруженъ когда-то старинными стѣнами, построенными генуэзцами; часть ихъ съ башней уцѣлѣла и до сихъ поръ, монахи воспользовались этимъ и обратили башню въ гостиницу для почетныхъ гостей, устроивъ при ней балконъ съ видомъ на море.

Отсюда дорога, вся обсаженная кипарисами, ведетъ къ церкви Покрова Богородицы. Неподалеку отъ гостиницы находится монастырская лавка, гдѣ можно купить одежду, обувь, хлѣбъ, всякіе продукты и даже конфекты, только постныя... Ближе къ горамъ, на террасахъ выстроенъ монастырь; по аѳонскому обычаю ограда его состоитъ изъ жилыхъ помѣщеній, а въ серединѣ—возвышается огромное величественное зданіе собора св. Пантелеймона. Зданіе это совсѣмъ новое.

По близости верхняго монастыря находится лимонный и апельсинный садъ. Мнѣ пришлось въ немъ быть въ январѣ—и съ непривычки очень странно было видѣть апельсины и лимоны, которые совсѣмъ усыпали деревья; а роскошныя огромныя пальмы были только прикрыты рогожами на случай внезапнаго мороза... Издали сверкаетъ голубое море... Всюду растутъ кусты цвѣтущихъ розъ... Глазамъ не вѣрится, и кажется, что видишь чудный сонъ—такъ хорошо все кругомъ.

Богомольцы обыкновенно посѣщаютъ и храмъ Симона Кананита, и Иверскую гору. Къ храму ведутъ двѣ дороги: снизу отъ воротъ, и сверху—изъ верхняго монастыря, обѣ обсажены высокими кипарисами. Храмъ стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Исыртсхи; противъ западныхъ дверей его, въ долинѣ—красивый фонтанъ съ крестомъ, изъ котораго льется вода, тутъ же и ковшички на цѣпочкахъ.

Рѣка Исыртсха выходитъ изъ горнаго ущелья; при самомъ

выходѣ изъ него между горами устроена каменная плотина, такъ что за нею образовался родъ озера, и оттуда рѣка съ шумомъ падаетъ внизъ, образуя водопадъ. Когда отъ плотины идешь дальше, въ глубь ущелья—на каждомъ шагу попадаются величественные, прекрасные виды. Рѣка шумитъ и играетъ по каменнымъ уступамъ; высокія горы съ обѣихъ сторонъ покрыты нѣжными цвѣтами; ласкается primula и кивaютъ, колыхаясь отъ вѣтра, бѣлые, красивые цвѣты колокольчиковъ... Этотъ путь—къ пещерѣ, какъ гласитъ надпись на столбѣ у дороги.

Въ отвѣсной каменной скалѣ находится, называемая по преданію абхазцевъ, «Пещера Симона Канонита». Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось войти внутрь ея, потому что въ будній день она оказалась запертой массивной рѣшетчатой желѣзной дверью. Мѣсто храма Симона Канонита и дорога къ пещерѣ—лучшее для прогулки въ монастырь.

Путь на Иверскую гору гораздо длиннѣе, но такъ какъ по всей горѣ до ея вершины проведена прекрасная дорога зигзагами, то итти туда не трудно и постоянно встрѣчаешься съ группами богомольцевъ. Вся гора покрыта лѣсомъ. На вершинѣ ея находятся остатки старинной крѣпости, построенной еще во времена императора Траяна. Стѣна ея опоясываетъ весь гребень горы и состоитъ изъ массивныхъ, гладко обтесанныхъ камней. Цѣлы и двѣ башни, одна пониже, другая на самой вершинѣ; на ней монахи надстроили деревянную часовню Иверской Божіей Матери и теперь хотятъ строить каменный храмъ Преображенія, такъ какъ раньше на этомъ же мѣстѣ была греческая церковь, развалины которой уцѣлѣли тоже. Я въ нее вошла. Можно замѣтить мѣсто алтаря; кругомъ лежатъ куски камней съ высѣченными на нихъ украшеніями. Около церкви, среди развалинъ, видна впадина, въ которой за стекломъ лежатъ старательно сложенные черепа и кости. Рядомъ виситъ рамка съ стихотвореніемъ одного изъ монаховъ:

Любовію просимъ васъ—
Посмотрите вы на насъ:
Мы были какъ вы,
И вы будете какъ мы.

На одномъ изъ череповъ прорубленъ крестъ, на крестѣ—кость. Кто знаетъ, быть можетъ, рядомъ съ нимъ лежитъ черепъ того, кто его убилъ, и бывшіе враги покоятся теперь мирно рядомъ.

Недалеко отъ церкви на открытомъ мѣстѣ устроена терраса со скамейками, чтобы любоваться видомъ. А любоваться есть

чѣмъ: видъ съ горы во всѣ стороны очаровательный. Съ одной стороны—вдали сіяютъ кавказскія снѣжныя горы, изъ нихъ особенно красива одна съ круглымъ верхомъ—монахи называютъ ее Цицероновой шапкой; а ближе—спокойно лежатъ горныя полосы монастырскихъ владѣній: ихъ дороги отсюда, съ высоты, кажутся узкими лентами, люди и лошади внизу ползутъ, подобно маленькимъ насѣкомымъ. Съ востока видно ущелье, рѣка, церковь Симона К., монастырь; съ юга—море, сверкающее на солнцѣ, прибрежныя монастырскія владѣнія, масличные сады, чистые роскошные пруды, обильные виноградники. Все такъ величественно, такъ прекрасно.

Подымаясь на гору, я встрѣтилась съ мужичкомъ-богомольцемъ. Мы пошли рядомъ. Разговорились. Оказалось, что онъ пріѣхалъ изъ Ставропольскаго уѣзда нарочно, на богомолье.—Зачѣмъ же ты поѣхалъ такъ далеко? Вѣдь и дома можно помолиться,—сказала я.—«Эхъ, матушка, дома-то такого расположенія нѣту, дома—заботы, дѣла. А здѣсь—вона какая красота—премудрость Божія... Обо всемъ забудешь, точно въ раю побываешь!» И придя въ часовню, мужичекъ началъ истово креститься, молясь съ наслажденіемъ... Да, посмотрѣвъ съ горы на эту красоту природы, я согласилась съ мужичкомъ. Онъ былъ правъ,—«точно въ раю побываешь и обо всемъ забудешь»...

Монахи и на горѣ устроили для богомольцевъ навѣсъ, подъ которымъ отдыхаютъ; одинъ монахъ живетъ здѣсь постоянно при часовнѣ, безплатно наливаетъ чай и даетъ хлѣбъ всѣмъ приходящимъ.

Прекрасна природа этой страны; она не велика по размѣрамъ—иная русская губернія куда больше ея,—но недаромъ есть поговорка: малъ золотникъ, да дорогъ. Здѣсь могутъ расти и различныя плодовыя деревья: орѣховыя, тутовыя, фиговыя, лавровишневыя, яблоки, сливы, виноградъ, кукуруза, табакъ; растутъ дубы, каштаны, чинары, лавры; въ горахъ и лѣсахъ водятся рѣдкіе звѣри, бьютъ звонкіе источники; есть и всякія птицы, и дикія пчелы, и причудливые, рѣдкіе цвѣты... Снѣгъ выпадаетъ только иногда на недѣлю, на двѣ, а морозы рѣдки, не больше 6-ти градусовъ. Вмѣсто зимы тамъ идутъ дожди, но они не такъ долго продолжаются, да и не всегда бываютъ. Зима только и замѣтна по тому, какъ падаетъ съ деревьевъ листъ; но есть и такія деревья, которыя вѣчно зелены: лавры, магноліи, апельсины, лимоны, маслины—ихъ разводятъ монахи. Огороды же зелены круглый годъ. Монастырское хозяйство доказываетъ, въ какой чудный, вѣчно цвѣтущій уголокъ можно обратить эту землю, гдѣ весна начинается

съ февраля. Но русскіе люди только за послѣдніе годы стали тамъ селиться и заводить хозяйство. Послѣ войны прошло 20 лѣтъ, многія мѣста заброшены, опустѣли и заросли папоротникомъ и колючкой. Отъ этого развивается сырость и лихорадка. Надо много работать въ этомъ краѣ, чтобы привести его въ то состояніе, котораго онъ можетъ достигнуть при такомъ благодатномъ климатѣ. Теперь Абхазія, а съ ней и Ново-Аѳонскій монастырь уже вошли въ составъ Кутаисской губерніи.

Нужно только быть смѣлѣе и не бояться ѣхать въ дальній край, гдѣ можно найти заработокъ. Иностранцы смѣлѣе насъ, и ѣдутъ къ намъ на Кавказъ торговать, работать и наживать деньги. Эта земля завоевана русскими, и поэтому намъ не слѣдуетъ пренебрегать дарами природы, которыми богата Абхазія.

1900 г.

Изъ переписки съ друзьями *).

14 декабря 1899 г.

...Вы навѣрное удивились, узнавъ о моемъ внезапномъ отъѣздѣ? Я даже не успѣла ни съ кѣмъ проститься. Въ пятницу, 26 ноября, пошла я къ нашей курсовой женщинѣ-врачу за совѣтомъ, и та не только дала его, но и устроила тотчасъ же мой отъѣздъ сюда. И вотъ, я теперь нахожусь на Черноморскомъ побережьѣ, въ 6 в. отъ монастыря Новый Аѳонъ, и мало-по-малу теряю всякое представленіе о времени. Да, сегодня уже 11 дней, какъ я здѣсь, и все еще ничего не написала Вамъ! Причинъ этому много, а главное—я какъ-то не замѣчаю времени, и все думается, что еще мало дней прошло; потомъ—писать письма я люблю по вечерамъ, но здѣсь постройки очень плохія, и вечеромъ и ночью—страшно холодно, такъ что торопишься скорѣе лечь спать, руки не шевелятся; иногда же устанешь за день...

Собственно говоря—отъѣздъ куда-нибудь въ глушь входилъ въ мои планы. Только пришлась эта глушь не на сѣверѣ, а на югѣ, и не въ видѣ сельской школы, а просто какъ отдыхъ...

Досадно мнѣ, страшно обидно, что съ этихъ лѣтъ приходится возиться съ собственной особой. Въ сущности, я и занималась

*) Печатаемые съ разрѣшенія собственника писемъ И. С. Н—ко нѣкоторые отрывки изъ переписки Ел. Дьяконовой—могутъ служить краткой характеристикой ея жизни съ момента окончанія В. Ж. Курсовъ включительно до поступленія въ Сорбонну (1899—1900 г.). Кромѣ того, обращаясь здѣсь къ бывшему члену Неплюевскаго братства, Ел. Дьяконова вторично подробно развиваетъ свои мысли по поводу «новой» общины, подвергшейся въ то время жестокой критикѣ и неожиданнымъ разоблаченіямъ. Наконецъ, въ этихъ письмахъ авторъ откровенно говоритъ и о своихъ литературныхъ опытахъ. *Прим. ред.*

не такъ много; но неблагопріятныя условія жизни вообще—не по моей натурѣ. Я отъ природы не обладаю желѣзнымъ сложеніемъ, а судьба не переставала мнѣ посылать выраженія своей неблагосклонности. Ѣхать заграницу тотчасъ же по окончаніи курсовъ мнѣ не хотѣлось; надо было по возможности ближе всмотрѣться въ дѣйствительную жизнь... А теперь я какъ разъ очутилась въ глуши, въ дикой почти мѣстности.

Съ одной стороны—море, съ другой—горы. Въ 19 в. отсюда г. Сухумъ, куда посылаютъ больныхъ на осень и зиму. Утромъ и днемъ до 4-хъ часовъ здѣсь при солнцѣ очень тепло, и я положительно наслаждаюсь блескомъ солнца, моремъ; но затѣмъ быстро холодѣетъ, и въ $6^1/_2$ уже темно и можно надѣвать шубу. Садоводство г. Бекле—ва — имѣніе, гдѣ я нахожусь теперь—занимаетъ пространство десятинъ въ 25, и занято плантаціями розъ, гіацинтовъ, всякихъ растеній, пальмъ—все это разводится для цвѣточнаго магазина въ С.-Петербургѣ... Рабочихъ здѣсь человѣкъ 25. И вотъ, глядя на взаимныя отношенія между ними и управляющимъ, такъ и вспоминаешь правду словъ Н. Н. *) въ его книгѣ «Что есть истина»—до того это рѣзко и ясно выражено. Хозяинъ всячески старается оградить свои интересы; темная масса не въ силахъ отстоять своихъ, и только иногда заявляетъ протестъ, да и то, конечно, безсознательно,—напьется, напр., или же уйдетъ съ мѣста. Среди рабочихъ есть одинъ начитанный любитель Священнаго Писанія. Разъ онъ пустился въ разсужденіе:—«Вотъ сказано въ писаніи: вѣра, надежда, любовь, но любовь изъ нихъ больше...»—Вѣрно сказалъ!—похвалила я его.—«Ну, а у нашего-то хозяина любовь всего бѣднѣе»—насмѣшливо отозвался молодой парень, съ лицомъ умнымъ и симпатичнымъ. Онъ, видимо, былъ озлобленъ, и не старался этого скрыть. Прочіе рабочіе промолчали—быть можетъ, они постѣснились моего присутствія. Я обратила вниманіе на этого юношу, мнѣ понравилась его смѣлость и независимость мысли, и въ глубинѣ души, конечно, была съ нимъ согласна, что ихъ хозяинъ во всякомъ случаѣ любитъ, главнымъ образомъ, свою прибыль, свои интересы. Такъ какъ онъ человѣкъ интеллигентный, былъ въ университетѣ, то у него рабочимъ живется не такъ уже плохо, у нихъ приличный столъ, и библіотека есть, журналы «Всходы», «Міръ Божій» и др.; но все-таки эти отношенія совсѣмъ далеки отъ идеала любви, братскаго отношенія къ низшему. Иногда дѣлается очень

*) Неплюева.

грустно... но вѣдь, въ сущности, такое отношеніе къ рабочему повсемѣстно.

Я бы желала, чтобы члены вашего братства сдѣлали попытку сближенія съ рабочимъ людомъ, вліянія на него, и такъ какъ среди васъ есть писатели, то они могутъ въ бесѣдахъ съ ними почерпнуть богатый матеріалъ для статей о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Наше законодательство, занявшись фабриками и создавъ въ защиту интересовъ рабочихъ фабричную инспекцію,—не сдѣлало ничего для упорядоченія отношеній между сельскимъ хозяиномъ и его рабочимъ. Всюду теперь раздаются жалобы на мужиковъ, на невозможность вести хозяйство, такъ какъ нѣтъ вовсе рабочихъ. Иногда думаешь: и подѣломъ! Хотите наживаться сами, посредствомъ труда пролетарія, не обезпечивая сносно его существованіе, — а вотъ этотъ «негодяй-мужикъ» и не хочетъ работать, скорѣе пойдетъ въ городъ, будетъ тамъ бѣдствовать, только не станетъ создавать вамъ капиталы. Меня вообще глубоко возмущаютъ вѣчныя требованія, предъявляемыя къ рабочимъ, которые, въ сущности, гораздо болѣе необходимы для хозяина, нежели онъ для нихъ. Бѣднякъ—всюду идетъ одинъ, и своими руками можетъ самъ себѣ заработать пропитаніе, онъ болѣе независимъ, чѣмъ хозяинъ, который самъ не умѣетъ за соху взяться и не можетъ безъ рабочихъ убрать ни одного снопа хлѣба. А на дѣлѣ-то выходитъ наоборотъ: бѣднякъ нуждается въ хозяинѣ, и тотъ точно благодѣяніе ему дѣлаетъ, давая ему работу. Взглядъ совершенно ошибочный.

Если бъ у васъ въ братствѣ читалась политическая экономія—какъ бы много вы выиграли! Какъ бы ясно увидѣли вы всю дальновидность взгляда Н. Н., и могли бы лучше оцѣнить и понять братство, какъ общину не только религіозную, но и экономическую. И тогда уходъ изъ братства не былъ бы такимъ частымъ явленіемъ. А не то—этими уходами разрушаютъ сами себя... И пусть между вами будетъ болѣе развита снисходительность—это сдѣлаетъ взаимныя отношенія болѣе сглаженными.

Я бы хотѣла знать, какъ бы повелъ себя кто-нибудь изъ вашего братства на мѣстѣ управляющаго имѣніемъ. Вотъ, напр., управляющій садоводствомъ здѣсь очень славный старикъ, но до такой степени проникнутъ интересами хозяина, что смотритъ на рабочихъ какъ на живой матеріалъ, который готовъ лѣниться при всякомъ удобномъ случаѣ. Это отчасти и вѣрно; но скажите по совѣсти,—кому охота трудиться усердно для чужого человѣка, который постоянно живетъ въ Петербургѣ, бываетъ здѣсь только на мѣсяцъ, чуждъ всѣмъ, равно какъ и всѣ ему? Жалованье хотя

и получается приличное, но всѣ русскіе здѣсь—далеко отъ своей родины, большею частью безъ семействъ. Среди нихъ пьянство очень развито; оторванный отъ привычной обстановки мужикъ еще охотнѣе идетъ въ кабакъ, по-здѣшнему «духанъ». При мнѣ выгнали кучера за пьянство, выгнали грубо, сразу,—и меня до такой степени поразила эта мгновенная сцена, что я рѣшила въ будущемъ избѣгать присутствовать при разговорахъ хозяина съ провинившимися рабочими...

Ваша *Ел. Дьяконова.*

Нерехта, 29 марта 1900 г.

...О моемъ путешествіи ничего особенно интереснаго написать не могу... Въ Москвѣ разыскивала весьма дѣятельно членовъ братства, но напрасно. Очень было жаль; хотѣлось поговорить съ ними, разспросить обо всемъ—какъ они живутъ въ Москвѣ, что дѣлается въ братствѣ... Вамъ навѣрное пишутъ оттуда. Не знаете ли, когда будетъ конгрессъ единаго человѣчества? Это мнѣ очень, очень хотѣлось бы знать.

Въ Тифлисѣ въ одной изъ читаленъ мнѣ удалось прочесть статью Н. Н. въ защиту братства, а также и нападки Меньшикова, статьи Лютецкаго и священника братства. Насколько мнѣ удается припомнить тонъ статьи Меньшикова, — по-моему, вѣдь онъ — толстовецъ, а слѣдовательно, и возстаетъ противъ братства какъ противъ стройной организаціи; мнѣ кажется, онъ хотя и не высказываетъ этого явно, а все же между строкъ прочесть можно. Оставаясь принципіально на сторонѣ воззрѣній Н. Н., я не нашла бы возможнымъ согласиться съ нимъ, что винокуренный заводъ, какъ необходимый для имѣнія, не есть что-либо нарушающее принципы христіанства. Такъ-то оно такъ, въ теоріи, да, къ сожалѣнію, на практикѣ оно выходитъ иначе: у насъ въ Россіи ежедневно пропивается милліонъ (это извѣстно по статистикѣ), и хотя члены братства, разумѣется, пить не будутъ сами, но на практикѣ-то выходитъ, что они изготовляютъ тотъ напитокъ, при помощи котораго тонетъ темный народъ. И хотя, разумѣется, отъ закрытія завода пьянство въ Россіи не уменьшилось бы, но все-таки было бы лучше, если бы братство никоимъ образомъ не содѣйствовало поддержкѣ этой повальной нашей болѣзни—пьянству. Потому что, въ сущности, водка вѣдь вовсе не необходима для жизни человѣческой въ такомъ количествѣ, въ какомъ она изготовляется и потребляется во всей

Россіи, а слѣдовательно существованіе такого количества винокуренныхъ заводовъ, какое есть въ настоящее время, вовсе не есть настоятельная необходимость. И было бы лучше, повторяю, для цѣльности идеи христіанскаго братства, чтобы оно никакъ не было замѣшано въ содѣйствіи слабости русскаго мужика. Но Ник. Ник., исходя изъ чисто теоретическаго, вѣрнаго самого по себѣ соображенія, что водка не есть зло,—содержитъ заводъ, не обращая вниманія, что практика жизни настолько злоупотребляетъ водкой, что въ концѣ концовъ она отождествилась со зломъ вполнѣ и нераздѣльно.

Бывши въ имѣніи Бекле—ва, я насмотрѣлась вдоволь на пьянство. Тамъ каждый праздникъ пьютъ обязательно, и всегда до-пьяна. Было что-то невообразимо гадкое въ этомъ зрѣлищѣ людей, которые еще наканунѣ были всѣ трезвы, всѣ работали, и въ праздникъ тащили свои кровные гроши въ духанъ. Но вотъ кому я тамъ прощала пьянство вполнѣ: наемнымъ подвозчикамъ съ платою сдѣльной, которыхъ нанимали нѣсколько дней для спѣшной работы. Они работали прекрасно, зарабатывали чуть ли не по 2 р. въ день на человѣка, и въ первый же праздникъ пропили чуть ли не весь заработокъ. Иначе—и нельзя имъ было: помѣщикъ далъ имъ (т. к. они временные рабочіе, а у него и для постоянныхъ-то помѣщенія плохи) что-то вродѣ собачьяго угла: въ той же саклѣ, гдѣ жили постоянные работники, имѣвшіе свои нары,—они помѣщались въ углу у дверей, на землѣ; конечно, постелей у нихъ не было никакихъ, они спали на сѣнѣ, на соломѣ, ѣли сами и очень плохо, словомъ—темные люди и жили-то совсѣмъ по-скотски. Постоянные рабочіе сравнительно съ этими скитальцами жили куда лучше, по-человѣчески. И вотъ, этимъ-то жалкимъ созданіямъ дѣйствительно ничего больше не оставалось, какъ пить. А у постоянныхъ рабочихъ не было никакихъ развлеченій духовныхъ, и они пили вслѣдствіе безвыходной нравственной темноты.

Вотъ почему я несогласна съ категорическимъ заявленіемъ Н. Н., что у него рабочіе помѣщаются не хуже и не лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ экономіяхъ. Надо бы наоборотъ: улучшеніемъ ихъ быта показывать, что дѣйствительно есть разница въ отношеніи къ нимъ христіанина и не-христіанина; что христіанинъ на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ закоулкахъ и изгибахъ жизни докажетъ наглядно справедливость своего ученія, не только по отношенію къ своей же братьѣ-единовѣрцамъ, но и по отношенію къ нимъ, къ темному, непросвѣщенному люду. Хотя, конечно, члены братства очень заняты, но все-таки имъ можно было бы хоть

нѣкоторымъ ходить по праздникамъ въ казармы рабочихъ и вести съ ними собесѣдованія, чтенія, примѣнительно къ ихъ низкому умственному уровню. Много значитъ для человѣка интеллигентная, возвышающая душу обстановка. Вѣрно замѣчаніе Н. Н., что настроеніе духа при херувимской иное, чѣмъ при камаринской. Я бы на его мѣстѣ возможно шире распространила понятіе христіанства, и по мѣрѣ возможности старалась бы вліять и на взрослыхъ рабочихъ непосредственно, практически, путемъ улучшенія ихъ быта.

Съ Меньшиковымъ же я несогласна въ его упрекѣ братству, что оно не сдѣлало ничего для народа въ голодные годы. Это было бы справедливо, если бъ они всѣ ничего не дѣлали; но вѣдь они воспитывали дѣтей крестьянъ же, избавляя ихъ отъ нищеты, голода и темной обстановки, среди которой гибнетъ душа. Конечно, было бы лучше, если бъ на свои средства братство могло открыть столовую. Но если пока оно еще не можетъ этого сдѣлать,—развѣ изъ этого слѣдуетъ заключать, что оно само по себѣ не нужно? Зато въ основѣ братство гарантируетъ своихъ членовъ отъ голода въ тысячу разъ лучше всякихъ столовыхъ. Вотъ, если бъ Меньшиковъ поселился бы въ глуши, да сталъ самъ воспитывать дѣтей въ такомъ духѣ—онъ тоже сдѣлалъ бы для народа куда болѣе прочное, нежели столовыя въ голодъ. Вѣдь это—палліативъ, не больше, и всѣ работавшіе на голодѣ скажутъ, что надо улучшать корень быта и тѣмъ пресѣчь зло. Даже и Толстой признаетъ, что надо помогать болѣе, нежели столовыми. А наше общество куда какъ скоро на легкую работу и замѣтную помощь; и устройство столовыхъ—въ сравненіи съ дѣятельностью Н. Н., какъ радикально реформирующей бытъ крестьянъ—дѣло болѣе легкое. Вотъ вамъ мои мысли по поводу статей Ник. Ник. и Меньшикова...

Думала было, что могу заниматься педагогическою дѣятельностью, и въ Тифлисѣ пошла въ гимназію слушать урокъ и поучиться пріемамъ. Но не вынесла: снова начались головныя боли и общая усталость. Я рѣшила продолжить, такъ сказать, гигіеническое лѣченіе до осени и поѣхать къ себѣ на родину въ Нерехту. Но чтобы не быть здѣсь окончательно безъ дѣла, что для меня очень тяжело (въ имѣніи я работала физическую работу)—постараюсь хоть что-нибудь испробовать; если удастся—участвовать въ народныхъ чтеніяхъ, напр. Но они пока прекращены до послѣ Пасхи. Для этого надо ладить съ попомъ.

Тишина и спокойствіе здѣсь замѣчательно хорошо вліяютъ на настроеніе: не такъ устаешь, голова свѣжѣе. Да и люблю я

очень свою родину, и хотѣлось бы быть ей полезной. Я уже посѣтила батюшку, который ведетъ чтенія, и онъ отнесся ко мнѣ очень любезно. Посмотримъ, что выйдетъ изъ взаимнаго обмѣна любезностей. Мнѣ хотѣлось бы ѣздить по деревнямъ, библіотеку бы завести... да мало ли что вообще, только вѣдь не всегда планы можно осуществить.

Здѣсь я живу только съ старухой-бабушкой. Она стара и ворчлива, любитъ ходить въ церковь и хотя не очень-то понимаетъ, что тамъ читаютъ и поютъ, но внѣшность, обрядность—почитаетъ необычайно ревностно. Сердиться при говѣніи—это можно, а вотъ лампадку въ всенощную не зажечь—грѣхъ. Словомъ—такая же «вѣрующая», какъ и $^{9}/_{10}$ россійскихъ обывателей (исключая $^{1}/_{10}$ людей честныхъ, открыто показывающихъ себя невѣрующими; истинно-вѣрующихъ—я и не считаю, ихъ очень мало)...

Какъ хотѣлось мнѣ весною уѣхать заграницу! Но посѣщеніе гимназіи доказало мнѣ, насколько еще я не гожусь для напряженной работы, соединенной съ шумомъ и житьемъ въ городѣ. Здѣсь же—настоящая деревня.

Половина десятаго. Всѣ спятъ; кончаю письмо.

Ваша *Ел. Дьяконова.*

Нерехта, 3 апрѣля 1900 г.

Да, неожиданное извѣстіе *) Вы мнѣ сообщили... Письмо Ваше о курсахъ, которое Вы мнѣ читали, прежде чѣмъ послать его Неплюеву, помню, навело меня на мысли и о томъ, что рано или поздно братству придется рѣшить вопросъ,—какъ примирить братское общежитіе съ свободою каждаго изъ васъ. Говоря языкомъ научнымъ: какъ согласить коллективизмъ (общность) имущества и труда съ свободою личности? Научно рѣшить его—конечно, не берусь, но такъ какъ братство пока еще не велико, то оно могло бы разрѣшить его проще: относясь съ большею снисходительностью къ тѣмъ поступкамъ его членовъ, которые не продиктованы желаніемъ понести какой-либо ущербъ братству, а просто желаніемъ свободной воли, не больше. По-моему—въ братствѣ недостаетъ разумной взаимной снисходительности, оно слишкомъ стремится поработить личность и тѣмъ противорѣчитъ основному принципу любви. Конечно, можно обрабо-

*) Уходъ нѣсколькихъ членовъ изъ Неплюевскаго братства. *Прим. ред.*

тать личность. У іезуитовъ, напр., она и совсѣмъ уничтожается, остается одно безграничное повиновеніе старшимъ; но тогда въ основаніе надо положить уже не любовь, а именно послушаніе. У іезуитовъ оно цѣнится чуть ли не выше вѣры, и ихъ уже никакъ нельзя назвать христіанами...

Въ особенности Ваше желаніе учиться бухгалтеріи на собственный счетъ—не наносило вѣдь никакого ущерба братству,— все равно, Вы живете въ Петербургѣ, — и мнѣ совсѣмъ непонятно, чѣмъ мотивировалъ Н. Н. свое несогласіе на это. Другое дѣло, когда Вы говорили, что одинъ членъ братства захотѣлъ уѣхать изъ него, чтобы учиться рисованію. Совершенно резонно братство могло ему отказать, такъ какъ на это требовались средства, которыя надобны на болѣе неотложныя нужды, да и само занятіе искусствомъ—какъ часто, въ сущности, безполезно! Какъ часто люди голодаютъ и бѣдствуютъ, если изъ нихъ выйдетъ неудавшійся артистъ! Но, повторяю, Ваше положеніе было совсѣмъ другого рода. И по-моему, Вашъ выходъ изъ братства— отношенія къ Вамъ Н. Н., если они обусловлены только вышеизложенными фактами—поступки съ обѣихъ сторонъ очень поспѣшные. Положимъ, Вы молоды, но Н. Н.? Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ не отвѣчалъ Вамъ?—неужели онъ неспособенъ прощать? Вѣдь не въ томъ ли же Евангеліи, кажется, сказано, что надо прощать до 77 разъ? Понимая это не буквально—значитъ—по возможности много разъ. Хотя, конечно, человѣческому терпѣнію есть предѣлъ, но въ данномъ-то случаѣ Вашъ поступокъ вовсе уже не такой безнравственный, чтобы не помириться. И если бы оказалось возможнымъ выяснить это недоразумѣніе, если бы Н. Н. могъ Вамъ отвѣтить и помириться съ Вашимъ самостоятельнымъ поведеніемъ въ дѣлѣ о курсахъ,—Вы могли бы вернуться въ братство. Только, конечно, врядъ ли это возможно. Должно быть, у Н. Н. характеръ довольно сильный въ этомъ отношеніи, и его не такъ-то легко тронуть. И мнѣ тѣмъ болѣе жаль, что онъ такъ поступаетъ: вѣдь его система воспитанія приноситъ хорошіе результаты, т. е. дѣлаетъ людьми, и когда-нибудь, на страницахъ исторіи образованія, его имя какъ педагога будетъ отмѣчено.

Я не могу забыть Надю Ав—тиновичъ, ея духовной чуткости къ настроенію, которое проявилось даже и въ тѣ короткіе часы, когда мы ѣхали по желѣзной дорогѣ; не могу забыть тѣхъ дѣтокъ въ женской школѣ, которыхъ пришлось мнѣ видѣть. И вотъ, эта система, безъ сомнѣнія, принесла пользу, развила васъ и дала вамъ точку опоры въ жизни. Конечно, нѣтъ ничего

совершеннаго на землѣ, и должно быть и у Н. Н. есть недостатки, вслѣдствіе которыхъ его дѣло шатается и не можетъ встать прочно. Отчего-же-нибудь ушли всѣ упомянутые Вами члены? И каково-то имъ теперь? Если бы у меня было какое-либо дѣло вродѣ имѣнія, напримѣръ, то я пригласила бы всѣхъ ушедшихъ къ себѣ и предложила бы имъ мѣсто, такъ какъ я вѣрю, что не можете же всѣ вы стать негодяями только потому, что ушли изъ братства. Честность, цѣломудріе, отвращеніе къ пьянству, куренію, картамъ, искренность,—все можетъ и должно развиться при христіанскомъ воспитаніи, и вотъ именно этого-то и не даетъ ни школа, ни жизнь, а между тѣмъ—при всякомъ дѣлѣ всѣ и всегда жалуются, что не могутъ найти подходящихъ людей. Въ Бекле—всякомъ имѣніи на маленькомъ кускѣ земли въ 25 дес. отсутствіе этихъ качествъ до того сильно било по нервамъ, что временами—просто бѣжать хотѣлось, и только красота природы, поразительная и возвышенная, заставляла забывать совсѣмъ о людяхъ. Я такъ и старалась не замѣчать ихъ, не думать о нихъ, такъ какъ все равно—вѣдь за 2 мѣсяца, да еще въ чужомъ имѣніи, я бы не могла ихъ исправить. Но къ сожалѣнію, я не настолько богата, чтобы имѣть имѣніе. Это моя мечта—увы!—неосуществимая. Теперь, чтобы начать хозяйство, нужно затрачивать по нѣсколько тысячъ ежегодно, а этого я, конечно, не могу.

Я съ большимъ интересомъ отношусь къ братству, такъ какъ очень хочется видѣть — насколько дѣйствительны на практикѣ жизни тѣ мечтанія о соціализмѣ, коллективизмѣ, которыя мы читаемъ и научно изучаемъ? Потому что идеи братства объ общности имущества, равенствѣ всѣхъ и каждаго, равенствѣ половъ—это и есть именно тѣ идеи, о которыхъ мечтали многіе великіе умы. Толстовство, съ его безформенностью, безконечною гибкостью—на первый взглядъ какъ будто стоитъ ближе къ Евангельскимъ принципамъ. Оно проповѣдуетъ любовь всегда и вездѣ, во всякихъ формахъ и видахъ, но только воплощенную въ видѣ личной нравственности, не касаясь реформъ общества. Поэтому оно легче, оно позволяетъ жить самому по себѣ. Братство же—дѣйствительнѣе, такъ какъ радикально реформируетъ устои общества, но зато и гораздо труднѣе для осуществленія. Читали Вы «Воскресеніе»? Въ концѣ концовъ—вѣдь та же неопредѣленность. Что будетъ дѣлать Нехлюдовъ? — жить поевангельски?—ну онъ одинъ и будетъ, а остальные-то что?—вѣдь лучше не сдѣлаются. А члены братства, хотя и уходятъ изъ него, все-таки благодаря воспитанію не развратничаютъ, не дѣлаютъ Катюшъ, не пьянствуютъ и... не эксплуатируютъ никого, живя

своимъ трудомъ, работая лично. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что всегда труднѣе осуществить то, что наиболѣе дѣйствительно. Взять хотя бы, напримѣръ, медицину. Сколько труда употребляется на лѣченіе сифилиса, пьянства и т. п. болѣзней, — кажется бы, радикальнѣе—просто воспитывать людей при такихъ условіяхъ, чтобы имъ въ голову не пришло развратничать, пьянствовать и проч. Но это такъ трудно, что за это никто не берется; только вотъ Н. Н. взялся. А развратъ, а это подлое отношеніе къ женщинѣ, а вопросъ о дѣторожденіи, о супружескомъ воздержаніи!

Видите ли, о какихъ я съ Вами предметахъ говорю,—молодая дѣвушка съ неженатымъ мужчиной! Лицеисты сказали бы: «охъ, неприлично!» Но въ томъ-то и дѣло, что наши взаимныя отношенія выше предразсудковъ.

Здѣсь на моихъ глазахъ совершается, въ сущности, преступная вещь: одна молодая женщина до того истощена ежегодными родами, что ей больше нельзя имѣть дѣтей (за 5 лѣтъ—4 ребенка!), какъ сказалъ акушеръ, но мужъ-врачъ продолжаетъ жить съ нею, какъ съ женой, и она пассивно покоряется своей участи. Теперь у нея въ перспективѣ—5-й ребенокъ! Она худа, слаба, блѣдна, кормить сама не можетъ, а мужъ даже мнѣ, дѣвушкѣ, не стыдится объяснять, что иначе онъ не можетъ!!! А ну, какъ она умретъ послѣ родовъ? Что Вы на это скажете? Вѣдь не сводится ли бракъ въ этомъ случаѣ къ скотскому сожительству, не больше? Можетъ ли онъ считаться достойнымъ уваженія? Да, еще много, много вопросовъ, всѣ стороны жизни нуждаются въ обновленіи...

Жаль, очень жаль, что Н. Н. такъ неосторожен... А Вы не знаете, по какой причинѣ ушли тѣ члены братства, о которыхъ Вы пишете? Будьте покойны,—никто не узнаетъ о Вашемъ уходѣ изъ братства. Я здѣсь живу одна, со старухой-бабушкой, значитъ, никто даже и не видѣлъ Вашего письма... Очень буду рада увидѣться съ Вами, только надо будетъ выбрать такое время, чтобы ко мнѣ не пріѣхалъ кто-нибудь изъ людей, не имѣющихъ понятія и не сочувствующихъ реформамъ жизни. Тогда намъ нельзя будетъ бесѣдовать свободно, гости будутъ стѣснять... Пока ничего не могу сообщить Вамъ о своихъ намѣреніяхъ, сижу здѣсь тихо и смирно... Пишите, отвѣчайте на всѣ вопросы, поставленные въ этомъ и въ предыдущемъ письмѣ.

Ваша *Е. Д.*

Нерехта, (?) мая 1900 г.

«М. Г. Въ № 1 за нынѣшній 1900 г. вашей уважаемой газеты была напечатана статья Г. В. Черешнева «Интеллигентные земледеры», гдѣ говорится о колоніи нѣмцевъ-менонитовъ, поселившихся на «теперешнемъ мѣстѣ», на юго-восточной окраинѣ Ставропольской губерніи, въ 1896 г. Будьте такъ любезны, если это васъ не затруднитъ, исполнить мою просьбу: сообщите болѣе подробный адресъ этой колоніи, которая меня очень заинтересовала.

Адресъ мой: С.-Петербургъ... На отвѣтъ прилагаю марку».

Дорогой другъ—подпишитесь, пожалуйста, своей фамиліей подъ этимъ текстомъ письма въ редакцію «Недѣли»—Литейная, 9—которое, прошу Васъ, перепишите своимъ почеркомъ и пошлите. Прилагаю 2 марки: одну приложите Вы къ письму для отвѣта, а другую употребите, чтобы переслать письмо по городской почтѣ. Я все время колебалась, какъ мнѣ быть: знаю, что въ провинцію, сюда, мнѣ ни за что не отвѣтятъ, имъ некогда переписываться, секретарю редакціи и безъ того много дѣла. Рѣшаюсь обратиться къ Вамъ. Но согласны ли Вы на это? т. е. написать вышеприведенный текстъ отъ своего имени? Во всякомъ случаѣ подожду Вашего отвѣта. Эта колонія, дѣйствительно, судя по статьѣ, настолько любопытна, что и Вы бы ею заинтересовались. И точно на зло нѣтъ ея адреса... Теперь я просто не знаю, куда вѣрнѣе попаду: отвѣтятъ ли Вамъ въ редакціи, или вѣрнѣе будетъ обратиться къ одному изъ сотрудниковъ, какъ къ личности — именно къ Меньшикову, котораго мы съ Вами хоть немножко да знаемъ.

Редакція «Журнала для всѣхъ» тоже не знаетъ моего настоящаго имени, такъ какъ я, когда писала туда, то къ своей фамиліи прибавила: для передачи Н. К. — на всякій случай, чтобы спасти свое самолюбіе въ случаѣ отказа. Вы скажете, что это ничтожно и мелочно, и будете правы; но по-моему—не совсѣмъ: если бы между людьми дѣйствительно существовали братскія отношенія—отчего же бы и не подписываться полностью; но разъ я не увѣрена въ этомъ—то лучше ужъ спрятать свою фамилію.

Кстати: на-дняхъ вдругъ получаю изъ этой редакціи лаконическое извѣщеніе отъ издателя, что «разсказъ пойдетъ въ іюлѣ, извините, что долго пролежалъ; не пришлете ли еще чего-нибудь? Для высылки гонорара (6 коп. строка) пришлите въ контору полный адресъ». И все. Прочтя его, я воскликнула: «вотъ какъ надобно писать!» (отзывъ Пушкина о сочиненіяхъ Иши-

мовой). Коротко и ясно. Вотъ когда я постигла тайну журнальной корреспонденціи,—что извѣщаютъ только въ случаѣ напечатанія, и передъ наборомъ. А если бъ признали негоднымъ—то я такъ бы и не дождалась никакого отвѣта,—вонъ оно что!! Вѣкъ живи, вѣкъ учись.

Какъ практичное дитя своего времени, я сію же минуту схватила майскій № «Журнала для всѣхъ», и давай считать строки въ маленькой статейкѣ, озаглавленной «Привѣтъ родинѣ»—стихотвореніе въ прозѣ А. Георгіевой, которое наканунѣ, при чтеніи, возмутило меня своею манерностью и довольно фальшивымъ тономъ. Можете себѣ представить: оказалось 152 строчки—9 руб. 12 коп.!! за такую слабую вещь?? Я пришла въ ужасъ, и почувствовала, что если я получу больше—это будетъ прямо невозможно... Попробовала вычислить, во сколько же имъ обходится журналъ (онъ вѣдь дешевый, всего 1 руб. съ пересылкой); вычислить оказалось легко, но получилось что-то ужасное: за № гонораръ выходитъ около 400 руб. Далѣе, сообразивъ, что не всѣ статьи оплачиваются одинаково, что беллетристика навѣрно считается самымъ дорогимъ отдѣломъ, и прочитавъ тамъ же очень недурныя научныя статьи по русской исторіи и статистикѣ, несравненно лучшія, чѣмъ беллетристика—я окончательно сбилась съ толку, плюнула, разозлилась на все въ этомъ мірѣ, легла и заснула. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не сбиться съ толку? Научная статья требуетъ знанія, образованія, ума и вообще работы, а эта пустяковая вещица г-жи Георгіевой—по своему значенію не годится даже «въ подметки» этимъ двумъ научнымъ статьямъ. Такъ что лучше мнѣ не знать совсѣмъ этихъ журнальныхъ дѣлъ, а не то—боюсь, что у меня еще прибавится горечи отъ сознанія жизненной несправедливости. По-моему — научныя, публицистическія, критическія статьи должны стоять на первомъ планѣ и оплачиваться всего дороже; изъ беллетристики же—только произведенія настоящихъ художниковъ слова, вродѣ Толстого, Чехова, Горькаго; а за прочую труху, которою переполнены журналы—можно бы не платить вовсе. Теперь я начинаю понимать того издателя, о которомъ гдѣ-то читала, что онъ всегда неохотно выдавалъ сотрудникамъ гонораръ, и вздыхалъ при этомъ. По-моему—онъ былъ правъ. Беллетристы иногда пишутъ такую чушь, что дѣйствительно вздохнешь, платя имъ за нее деньги...

Теперь я довольна тѣмъ, что сижу себѣ здѣсь смирно и страшно боюсь, какъ бы мои родные не узнали, не разгадали мой псевдонимъ. Дѣло въ томъ, что въ эскизѣ описано истинное происшествіе, очень печальное самоубійство, но я ему придала иную

окраску, и вотъ мнѣ кажется, что все не такъ написано, что все никуда не годится, что любой насмѣшливый скептикъ зло посмѣется, словомъ—что лучше бы не писать вовсе. Надѣюсь—Вы вслѣдствіе этого не будете имѣть худшаго обо мнѣ мнѣнія? Вѣдь, въ сущности, хорошо только пока пишешь, а дальнѣйшее—только нервы разстраиваешь. Глупо, глупо и глупо!

Вотъ одна моя товарка по курсамъ писала разсказы, потомъ снесла ихъ (нѣсколько штукъ) на судъ, ей сказали что-то неопредѣленное и сбивчивое, и она какъ благоразумный человѣкъ перестала заниматься тѣмъ, къ чему нѣтъ способностей. Я не хочу быть глупѣе ея.

Простите за такое несуразное письмо и пишите... Я все еще здѣсь. Никакъ не могу разстаться съ родиной...

Ваша *Е. Дьяконова.*

Нерехта, 14 мая 1900 г.

Получила оба Ваши письма... но отвѣтила не сразу, такъ какъ уѣзжала дня на два въ Ярославль, захватить послѣдній день Волковскихъ празднествъ... Торжество вышло очень удачнымъ; я была на «Свадьбѣ Кречинскаго» Сухово-Кобылина, при чемъ самъ старикъ-авторъ выходилъ на сцену, и публика устраивала ему овацiи... Пьеса написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ, типы всѣ очерчены замѣчательно, и игра артистовъ Императорскихъ театровъ была по-истинѣ художественна. Передъ этимъ поставили послѣдніе акты «Грозы»—съ Ермоловой-Катериной. Тоже прекрасно,—люблю я эту «Грозу», такъ много въ ней общаго и теперь еще съ нашимъ сословіемъ. Была также на Волковской выставкѣ, устроенной тщательно и съ любовью. Не велика, но сдѣлано все, что можно.

Теперь—къ Вашимъ извѣстіямъ о братствѣ. Да, жаль. Тамъ творится что-то необыкновенное. Точно эпидемія какая-то уходовъ. Шура злорадствуетъ и удивляется, что Вы тщательно избѣгаете говорить съ нимъ о братствѣ; у него нѣтъ тактичности сердца, и ему непонятно, что Вамъ, воспитаннику школы, просто тяжело слушать его легкомысленные, не основанные ни на чемъ, а просто нахватанные зря изъ печати отзывы о паденiи того дѣла, которое Вамъ было еще недавно такъ близко. Разумѣется, когда Вы пріѣдете къ намъ, никто изъ нашей семьи не узнаетъ,

что Вы ушли изъ братства,—я думаю, что Вы этого захотите, чтобы избѣжать лишнихъ разговоровъ...

Да, интересно бы знать ближе причину всѣхъ этихъ уходовъ. Ник. Ник.—сложная натура, въ сущности. Его увѣренность въ себѣ—много напортитъ ему. Разумѣется, разъ все братство было у него, ему очень трудно удержаться и не переступить границы самовластія. Вотъ теперь начнетъ онъ мудрить надъ школами, и если не будутъ тамъ читать всѣ книги—все равно не удержитъ онъ этимъ своихъ воспитанниковъ.

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнетъ,
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ.

Искусственное огражденіе отъ соблазновъ міра сего—ни къ чему не приведетъ. Надо, чтобы отъ нихъ сами, свободно отказывались—вотъ тогда дѣло другое. Недаромъ у насъ, среди твердо установленныхъ рамокъ православія—плодятся секты: это свободная народная мысль ищетъ исхода, и несмотря ни на что—идетъ своимъ путемъ. И жаль, что Н. Н. своимъ самовластіемъ можетъ сгубить все то хорошее, что безспорно есть въ его дѣлѣ, въ его школахъ.

Поздравляю Васъ съ окончаніемъ курса бухгалтеріи. Вы находите, что 30 р.—плата небольшая за занятія; а я, знакомая съ положеніемъ труда, скажу, что это недурно для перваго раза. Въ Питерѣ такъ трудно найти занятія, и наша братія, благодаря этому, очень бѣдствуетъ. Ваша же цифра можетъ обезпечить свободно мѣсячное проживаніе. Странно только, что изъ Вашего *земледѣльческаго* братства многіе стремятся въ столицу. Это наивно, право. Будь у меня подобныя знанія, воспитаніе,—я бы никогда не разсталась съ природой. Здѣсь я чувствую себя куда лучше, чѣмъ въ Питерѣ,—а видѣть кругомъ себя обновляющуюся природу—это такая радость, такая прелесть, которая, кажется, никогда надоѣсть не можетъ. Такъ что, будь у меня возможность осуществить свои мечты—я никогда не разсталась бы съ природой. Я хотѣла бы такъ: было бы у меня хоть маленькое имѣньице, гдѣ я могла бы хозяйничать, затѣмъ, пріобрѣтя познанія въ юридическихъ наукахъ, сдѣлалась бы земскимъ гласнымъ и всячески содѣйствовала бы народному образованію и расширенію правовыхъ основъ крестьянскаго самоуправленія. Вотъ мнѣ тогда было бы хорошо, и я знала бы, что дѣлаю дѣло по душѣ. Но какъ видите—*ни одна* часть этой программы не можетъ быть

осуществлена. Не говоря о томъ, что у меня нѣтъ имѣнія, и не можетъ его быть, такъ какъ для этого все жъ нужны средства поболѣе моихъ—*главное*—я, какъ женщина, не имѣю права участвовать въ земствѣ и сдать экзаменъ по юридическимъ наукамъ. И вотъ мнѣ остается—насильственная педагогія, къ которой призванія не чувствую, но надо же дѣятельность какую-либо! А каково—работать на томъ пути, куда тебя толкаютъ обстоятельства, когда въ душѣ влечетъ въ другую сторону! И какая насмѣшка! Будь я мужчиной—какъ все устроилось бы просто и легко! Меня бы цѣнили и уважали за мои стремленія—въ деревнѣ люди нужны, нужны земскіе дѣятели—и меня бы выбрали въ члены, безъ сомнѣнія. Моя дѣятельность по школамъ заслужила бы похвалы, и я жила бы себѣ постоянно спокойно, съ сознаніемъ того, что живу не напрасно, а съ пользой—вѣчно въ связи съ природой. А теперь? Сколько борьбы за самое простое дѣло, сколько насмѣшекъ за самое естественное желаніе, сколько упрековъ за то, что мое разстроенное этой борьбой здоровье и сознаніе неспособности преподавать—не позволяютъ мнѣ тотчасъ же итти по узенькой дорожкѣ открытаго женщинамъ пути. Какая несправедливость!...

Уваж. Васъ *Ел. Дьяконова.*

Село Воздвиженское, 18 мая 1900 г.

Дорогой другъ. Я знала, что разсказъ Вамъ понравится... но скажу Вамъ откровенно, что лучшее средство излѣчиться отъ писательства—это увидѣть свое произведеніе въ печати. По крайней мѣрѣ, я, когда прочла въ печати свои строки, пришла въ ужасъ: до того все слабо, блѣдно, такъ далеко отъ того, какимъ оно должно быть на самомъ дѣлѣ. Мнѣ стало такъ стыдно, такъ стыдно! Я схватила № и поскорѣе заперла его въ корзинку, чтобы какъ-нибудь нечаянно не увидалъ кто изъ нашихъ. Черезъ нѣсколько времени я успокоилась, и на другой день снова вынула № и перечла уже болѣе спокойно. Но слѣдъ этого страха остался...

Вы безъ труда, навѣрное, отгадали мою личность въ описаніи курсистки; разумѣется, не все было буквально, но многое, почти все, взято съ натуры, и я теперь проклинаю свою глупость, заставившую меня выбрать псевдониномъ имя моего роднаго города,—всѣ родные знаютъ, какъ я его люблю и... могутъ догадаться, что это я. Тогда насмѣшекъ, негодованія—не оберешься.

И теперь сама себѣ напоминаю провинившагося ребенка, который напроказилъ—и боится маменьки. А не написать—какъ-то нельзя было... нельзя въ силу неудержимаго порыва, который я не умѣю сама объяснить.

Впрочемъ, нѣтъ,—умѣю. Мнѣ некому было передать, что было на душѣ, когда случилось то, что описано... И вотъ, я писала... и исписанные листки хранила бережно, какъ часть своей души, своихъ думъ. Черезъ годъ, во время студенческой забастовки, неожиданное свободное время я употребила на то, чтобы обработать набросокъ. Мнѣ и въ голову не приходило, годится это въ печать, или нѣтъ; я писала, собственно, для себя. Зато—теперь я ясно понимаю процессъ творчества... тотъ процессъ, когда жизненное явленіе проходитъ сквозь призму воображенія—и отражается на бумагѣ. Фотографировать дѣйствительность, конечно, можно; такъ дѣлаютъ иные авторы; но я—не умѣю, да и многіе тоже не такъ дѣлаютъ: они берутъ изъ дѣйствительности фактъ, поводъ, и уже сами переживая—обработываютъ его. А фотографировать—значитъ срисовывать все, всѣ детали, рабски подчиняясь дѣйствительности,—тогда уже не выйдетъ художественнаго произведенія, какъ снимокъ фотографа не есть картина художника.

Знаете ли, почему я была увѣрена, что Вамъ понравится мой очеркъ?—Вы и сами это навѣрно можете объяснить. Потому что тема, затронутая мною, годна лишь для тѣхъ, кто вдумчиво относится къ жизни. Вотъ почему я не пишу ничего объ эскизѣ Че—су, хотя недавно получила отъ него письмо, гдѣ онъ сообщаетъ мнѣ о своемъ новомъ изданіи; онъ же постоянно присылалъ мнѣ свои статьи, или сообщаетъ объ ихъ выходѣ въ свѣтъ. А у меня какъ-то не поворачивается рука написать ему въ свою очередь, какъ не хочется сказать кому-либо и изъ нашихъ. Нѣтъ—не нужно! Мнѣ кажется, что въ этомъ очеркѣ—часть моей души, и показывать его людямъ не понимающимъ—значитъ незаслуженно оскорбить самое себя. Наши скептически отнеслись и къ моей статейкѣ въ «Женскомъ Дѣлѣ», и ужъ воображаю, какъ бы они стали смѣяться, если бъ узнали, что я занимаюсь беллетристикой!

... Что же сказать Вамъ относительно другихъ злосчастныхъ рукописей? Я довольна, что Вамъ понравился разсказъ безъ заглавія *),—значитъ Вы поняли мою идею: изобразить шальныя

*) Впослѣдствіи названный «Подъ душистою вѣтвью сирени». *Прим. ред.*

мечты наивной робкой дѣвочки, серьезное настроеніе которой нарушается болѣе опытной, испытавшей многое, подругой. Это тоже отчасти взято изъ жизни и... угадайте, кто эта робкая дѣвочка?... Только, разумѣется, сонъ—весь выдуманный. А первая часть—все взято изъ дѣйствительной жизни, всѣ разговоры, и эта Соня—существуетъ въ дѣйствительности, элегантная, поэтическая, прекрасная.

А о «Сватовствѣ»—Вы деликатно умолчали. Отчего? не нравится?—такъ бы и написали. Мнѣ хотѣлось изобразить подкладку купеческихъ браковъ, гдѣ торгуются тысячами, не считаясь съ требованіями души человѣческой; если Вы не поняли этого разсказа именно такъ—значитъ плохо написано.

Ну, сдѣлаемъ вотъ что: въ газету—такъ въ газету! Возьмите Вы обѣ эти рукописи и подите въ редакцію «Сѣвернаго Курьера» (я люблю эту газету и выписываю ее) и спросите, когда притти за отвѣтомъ. Авось, когда она запрещена, то въ редакціи меньше дѣла и скорѣе просмотрятъ. Я догадываюсь, почему все это не приняли въ «Журналѣ для всѣхъ»: тамъ направленіе беллетристики—серьезное, съ цѣлью возбуждать мысль, давать ей работу въ хорошемъ, опредѣленномъ направленіи. А разсказъ безъ заглавія—это именно легкая беллетристика, не возбуждающая никакихъ особенныхъ чувствъ и серьезныхъ мыслей; въ «Сватовствѣ»—тоже нѣтъ подчеркиванія, и вообще онъ написанъ черезчуръ сжато, такъ что въ немъ не выражено ярко тенденціи—вотъ почему и онъ не подошелъ.

Сейчасъ позвали обѣдать, и за обѣдомъ, въ разговорѣ, опять напали на меня. Стали смѣяться, спрашивать, что я тамъ пишу наверху. Я говорю, что письмо Вамъ...—не вѣрятъ:—«Нѣтъ, ты что-то пишешь»... «статейки, которыя никто не читаетъ»... и проч. въ этомъ родѣ.

Эти дни стояла дурная погода, что на меня всегда скверно дѣйствуетъ. У крестьянъ сѣнокосъ. Сегодня опять солнышко проглянуло. Я начинаю скучать. Тѣ двѣ недѣли, которыя прошли во второй половинѣ іюня, когда я пріѣхала сюда и стала работать надъ этимъ разсказомъ,—чувствовала себя такъ хорошо! Перваго іюля отправила ихъ,—и вотъ съ тѣхъ поръ ничего не дѣлаю—постоянно толкусь въ своемъ домашнемъ кругу, среди сестеръ и братьевъ, къ которымъ хоть и привязана, но все-таки они совсѣмъ иные люди, чѣмъ я. На меня скверно дѣйствуетъ то, что никто не умѣетъ понимать настроенія, не считается съ требованіями духа. Когда я сидѣла одна и писала—время, которое я проводила среди нихъ, было какъ бы отдыхомъ, и не было такъ за-

мѣтно, какъ мы сильно розникся другъ отъ друга. А теперь— это выступаетъ такъ рѣзко, такъ ясно...

Скучно, скучно! Должно быть, я могу чувствовать себя хорошо безъ работы только въ кругу людей, вполнѣ удовлетворяющихъ меня...

Преданная Вамъ *Е. Д.*

Ярославль, 18 сент. 1900 г.

Милый другъ! Очень рада, что Вы такъ хорошо устроились. Однако, меня весьма удивляетъ, какъ это Вы, выросшій среди природы и получившій образованіе, связывающее съ нею,—такъ легко перешли къ мысли стать чиновникомъ, и теперь остались заниматься бухгалтеріей? Я, выросшая въ уѣздномъ городкѣ, близко къ природѣ и получившая вовсе не такое образованіе, какъ Вы—меньше Васъ знаю природу, но до того ее люблю, что не передать словами! И въ этотъ годъ, когда я уѣхала изъ Петербурга, вдали отъ всего, что было дорого, вдали отъ знакомыхъ—что и утѣшало меня за одиночество—это только природа! Только ея красота, ея разнообразіе, ея величавое спокойствіе!...

19 сентября.

Неожиданно пришлось прервать письмо. Надо писать спѣшное возраженіе въ мѣстную газету на одну статью, нѣкоторыя строки которой относятся къ моей, помѣщенной тамъ на-дняхъ. Досадно терять время, тѣмъ болѣе, что мой противникъ недобросовѣстно исказилъ смыслъ моихъ словъ, но... все же надо защититься и выставить истину. Пишите же!

Ваша *Е. Д.*

Парижъ. 36, rue de l'Arbalète. 4 апрѣля 1902 г.

...Съ чего же начать Вамъ повѣствованіе? 3-го августа прошлаго года я сдала переходный экзаменъ на юридическомъ факультетѣ, и теперь на II-мъ курсѣ. Здѣсь можно кончить въ три года, и тогда получается, что называется здѣсь licence — по-русски это соотвѣтствуетъ кандидату правъ; но можно учиться еще года два—тогда получишь дипломъ доктора правъ. Это уже повыше нашей кандидатской степени, но и пониже ученой степени магистра. Не знаю, дойду ли я до доктора, это будетъ за-

висѣть отъ многихъ постороннихъ—семейныхъ обстоятельствъ. Пока что—просто готовлюсь къ переходному экзамену на III-ій курсъ.

Вакаціи я провела въ Англіи. Научилась немного по-англійски, видѣла Лондонъ, жила недолго и въ провинціи, недалеко отъ моря. Познакомилась съ другомъ Толстого Чертковымъ, прочитала массу всякихъ заграничныхъ изданій. Въ концѣ октября вернулась сюда—и началась снова студенческая жизнь.

Только я здѣсь гораздо меньше занимаюсь наукой. Жизнь—такая пестрая, разнообразная, захватываетъ меня всю,—и едва успѣваешь наблюдать, знакомиться, изучать одну изъ сотой доли ея явленій. Время здѣсь летитъ съ такой ужасающей быстротою, что я только думаю—какъ же это?—вѣдь такъ, пожалуй, и не замѣтишь, какъ и смерть подойдетъ, если жить до старости въ такомъ Вавилонѣ. Напрасно Вы думаете, что я совсѣмъ офранцузилась. О, нѣтъ! Я слишкомъ русская для этого. Только русскіе евреи, попавъ въ Парижъ, разучаются говорить по-русски и не научаются хорошо по-французски. Вотъ уже по-истинѣ жалкія существа!

На торжествѣ по поводу столѣтней годовщины рожденія Гюго я была вездѣ, или почти вездѣ—пропустила только пріемъ иностранныхъ делегатовъ и балъ въ Hôtel de Ville — городской думѣ. Зато была въ Пантеонѣ, куда попасть было страшно трудно. Но мнѣ вдругъ повезло. На весь нашъ факультетъ было прислано всего 32 билета; желающихъ оказалось 400 человѣкъ, и—вообразите—№ по жребію получила я, одна женщина изъ всего этого числа! Я глазамъ своимъ не вѣрила. Мнѣ дали лучшее мѣсто впереди, прямо передъ бюстомъ Гюго, въ самомъ центрѣ храма. Такая моя удача возбудила общее удивленіе среди моихъ товарищей; одинъ изъ нихъ—и поклонникъ въ то же время—будучи въ восторгѣ отъ моей удачи, не нашелъ ничего лучшаго, какъ сказать:—«Да для вашихъ прекрасныхъ глазъ можно все сдѣлать, не только что билетъ дать»... Я такъ на него разсердилась, что бѣдный мальчикъ чуть не плакалъ, и обѣщалъ впередъ свои комплименты не говорить такъ некстати. Вообще, французы очень привыкли смотрѣть на женщинъ только какъ на женщинъ, и несмотря на всѣ мои усилія—держаться съ ними просто на товарищеской ногѣ—все-таки чувствуется, что они видятъ въ тебѣ женщину. Вѣрите ли: нельзя показаться въ новой шляпѣ,—сейчасъ всѣ замѣтятъ: «а-а-а! о-о-о!» Ихъ забавляетъ, какъ дѣтей, что между ними есть одна молодая женщина. Но на I-омъ курсѣ нынче нѣсколько русскихъ; на III-емъ одна, я на II-омъ тоже одна.

Нынче на вакаціи пріѣду въ Россію обязательно. Навѣрное увидимся. Тогда будемъ говорить безъ конца, разсказывать другъ другу, что пережили, что видѣли каждый за этотъ годъ...

Я познакомилась здѣсь съ Боне-Мари, который былъ у васъ въ школахъ и у Н. Н. Неплюева. Это очень симпатичный господинъ; просилъ меня помогать ему переводить съ русскаго книгу Голубинскаго «Исторія Церкви»—его затрудняютъ нѣкоторыя главы, онъ не такъ хорошо знаетъ нашъ языкъ. Уже нѣсколько разъ мы занимались—то у меня, то у него на дому. Онъ разыскалъ меня въ одномъ заведеніи, гдѣ я была записана для изученія французскаго языка, я была тамъ недолго, но адресъ мой былъ записанъ. У него, какъ и вообще у протестантовъ, всегда сношенія съ англичанами, и когда ему понадобилась помощь русской—а я тамъ была одна русская—вотъ ему и дали мой адресъ. Онъ говорилъ, что Н. Н. Неплюевъ собирается заграницу.

Я уже читала здѣсь о книгѣ Абрамова статью, появившуюся въ нашей газетѣ «Сѣверный Край». Да, много зла надѣлаетъ Абрамовъ Н. Н—чу своей книгой. Во всякомъ мнѣніи есть доля истины. Несомнѣнно, Абрамовъ—что-нибудь имѣетъ противъ Н. Н. Но нельзя отрицать, что и Н. Н. дѣлаетъ много добра. Когда подумаешь, что онъ могъ бы прожигать свои милліоны здѣсь, въ Парижѣ, Ниццѣ, Біаррицѣ... Вѣдь дѣйствительно справедливо изреченіе—«легче верблюду сквозь игольныя уши пройти, нежели богатому войти въ Царствіе Божіе». У богатаго больше искушеній, больше соблазновъ, о какихъ бѣднякъ и понятія не имѣетъ. Интересно было бы, чтобы Вы подробно написали мнѣ Ваше мнѣніе объ этой книгѣ. Что въ ней вѣрно? И насколько вѣрно? Если она у васъ есть—пришлите почитать, бандеролью; я возвращу непремѣнно.

Бываю здѣсь въ театрѣ, только рѣдко. Во-первыхъ—дорого, если часто ходить; во-вторыхъ—наблюдать комедіи жизни гораздо интереснѣе. Какъ сказалъ одинъ мой товарищъ: «я романовъ не читаю, я ихъ переживаю». Такъ и я не хожу въ театръ: жизнь куда интереснѣе всякой театральной пьесы. Литература какъ ни гонится—никакъ не можетъ поспѣть за жизнью.

Читаю здѣсь Анатоля Франса, который, къ сожалѣнію, гораздо менѣе извѣстенъ у насъ, чѣмъ Зола и Мопассанъ. А между тѣмъ, онъ и Октавъ Мирбо—два крупнѣйшіе писателя современной Франціи. И Анатоль Франсъ куда тоньше Зола! По-моему—это умнѣйшій и остроумнѣйшій человѣкъ Франціи. Такая тонкая иронія, и такой чудный слогъ, что читать его—невыразимое наслажденіе. Наша цензура не пропуститъ полныхъ его переводовъ,

да и переводчики—не въ силахъ передать его дивный слогъ, прозрачный, ясный, увлекательный!

Здѣсь недавно вышелъ переводъ съ англійскаго: «Письма любви англичанки». Ахъ, какая чудная вещь! Это цѣлая лирическая поэма страстно влюбленной и несчастной женщины. Я нахожу, что со временъ знаменитаго Вертера, несчастной любви мужчины къ женщинѣ,—не появлялось ничего подобнаго. А эта книга—исторія несчастной любви женщины къ мужчинѣ—дополнила пробѣлъ, и теперь оба пола квиты: каждый отдалъ другому дань въ видѣ литературнаго произведенія. Авторъ этихъ пѣсенъ неизвѣстенъ, и вся Англія ломаетъ голову—кто бы это могъ быть;—напрасный трудъ!

О братѣ своемъ я рѣшительно ничего не знаю. Онъ не переписывается со мною. Лишнее говорить, какое впечатлѣніе производитъ подобная жестокость въ его возрастѣ. Но мнѣ столько приходится переносить въ жизни, что въ концѣ концовъ—если на все отзываться всѣмъ сердцемъ, какъ разумно сказалъ одинъ здѣшній врачъ,—придется умереть. Ну, а я думаю, что пока—я еще ничего не сдѣлала путнаго, чтобы умереть.

Насчетъ брата Вы оказали бы мнѣ большую услугу: сходите въ III-ю гимназію и узнайте отъ швейцара, гдѣ, у какого воспитателя онъ теперь живетъ. Потомъ — пойдите по указанному адресу и повидайтесь съ воспитателемъ. Разспросите его подробно о братѣ, какъ и что, довольны ли имъ въ гимназіи—и обо всемъ напишите мнѣ. Можете объяснить воспитателю, что братъ отказался мнѣ писать, и что Вы—мой хорошій знакомый—пришли справиться. Сдѣлайте это, пожалуйста, буду безконечно признательна. Мнѣ все-таки дорогъ этотъ мальчикъ, жестокій и холодный, какъ большинство мужчинъ.

Да, могу сказать, что я за это время изучила вашу братію,—и сколько жестокости, безсердечія, сухости въ мужскомъ сердцѣ! Безъ преувеличенія могу сказать, что правъ Максимъ Горькій въ разсказѣ «Однажды осенью». Прочтите этотъ чудный маленькій разсказъ...

Чѣмъ дольше живешь—тѣмъ больше видишь нравственнаго безобразія рода человѣческаго. И вотъ почему я всѣмъ сердцемъ и душой люблю искусство и литературу: эти области стоятъ внѣ власти человѣческой, ихъ нельзя присвоить, унизить, обезобразить. Красота есть нѣчто вѣчное, стоящее внѣ раздоровъ. Конечно, можно создавать и скверныя произведенія, но они сами собою умрутъ, ихъ забудутъ. А что вѣчно-прекрасно—останется. Мадонны Рафаэля, сочиненія Гёте, Гюго, Толстого,—вѣчны,

доступны для всѣхъ народовъ; для нихъ—нѣтъ границъ, и войнъ, и вражды.

И здѣсь я увлекаюсь искусствомъ. Какіе музеи! какая скульптура! У насъ въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго. Я позирую теперь одному русскому скульптору для бюста. Это мой портретъ, но какъ и фотографія — помните съ длинными волосами? — бюстъ этотъ въ то же время представляетъ мечту художника. Я его вдохновляю и даю ему идеи.

Ну, до свиданья, т. е. до Вашего письма.

Ваша *Е. Д.*

Paris, 13 іюня 1902 г.

Дорогой другъ! За это время разсказъ мой «Подъ душистою вѣтвью сирени» получилъ второй призъ (бронзовую медаль) на литературномъ конкурсѣ, устроенномъ Парижскимъ обществомъ студентокъ. Это была самая маленькая вещичка изъ всѣхъ представленныхъ работъ, и переведена по-французски не совсѣмъ гладко, но ей все-таки дали второй призъ за оригинальность и свѣжесть, какъ выражаются французы. Одновременно съ этимъ письмомъ—пишу и въ редакцію «Нивы», чтобы тамъ на рукописи сдѣлали соотвѣтствующую помѣтку. Я забыла адресъ редакціи и сочинила довольно фантастическій—пожалуй, открытка-то и не дойдетъ вовсе. Прошу Васъ—зайдите туда и справьтесь.

Видите, какъ сужденія различны. Эта рукопись буквально валялась въ редакціи нашей мѣстной ярославской газеты цѣлый годъ, и я требовала ее обратно въ теченіе пяти мѣсяцевъ, пока наконецъ ее выслали. А здѣсь журналистъ Лакуръ и профессоръ Шарль Рише признали въ разсказѣ кое-что, при чемъ профессоръ отозвался еще лучше, чѣмъ журналистъ. Все общество «Парижскихъ студентокъ» было очень довольно, и я была рада не призу, конечно, а удовольствію, которое всѣмъ доставила. Въ общемъ—смѣшно, такъ какъ у меня нѣтъ вовсе женскаго тщеславія.

На Ваше письмо отвѣчу непремѣнно на-дняхъ...

Цѣлую Вашу дѣточку.

Преданная Вамъ *Е. Дьяконова.*

СТАЛИНГРАДСКАЯ
Областная библиотека
им. Горького

МОГИЗ
МАГАЗИН № 1
Ц. 40 р.
40 —
3701/VI
ЛИТФОНД
№ 2
ф. —
п. № 3806